

ИСТОРИЯ СКИФИЙСКАЯ,

содержащая в себе: о названии Скифии, и границах ея, и народех скифийских монгаллах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и коих времен и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотыя орды и о царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их. О Махомете прелестнике агарянском и о прелести вымышленной от него. О начале турков и о салтанах их.

От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от Сотворения Света 7200-го, а от Рождества Христова 1692-го.

Разделяется же в четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жителстве в Константинополе султанов турецких, еже преведена от славенополского языка в славенороссийский язык им же, Андреем Лызловым.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

О названии Скифии, и границе ея, и о народах скифийских названных монгаилах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и коих татар суть сии татарове, иже в Европу приидоша

Диодор Сикулос, историк вельми старовечный, иже писал книги о деяниях разных народов во время кесаря Августа, поведает скифом начало имети от Скифа, перваго князя их, рожденнаго от Еови и девицы. Иже бяше до пупа человек, останок же его наподобие змии обретается, такожде и мать Скифову, самородно из земли своя производшуся. О сем иныя летописцы сумневаются и глаголют, что бы то за дивы были? [Ибо о таковых, кроме Мелюзины морской, не обретается.] И мнят повесть то быти лживую или басни в себе содержащую.

Иныя историки глаголют, яко Скифия названа есть от Скифа, сына Геркулесова, и есть двояка: едина европейская, в ней же мы жителствуем, тоест москва, россияне, литва, волохи и татарове европейския. Вторая ассийская, в ней же вси скифския народы обитают, от полунощи на восток седящая. Сии ассийския скифы премного разплодишася и различными именовании прозвашася. Едини тауресы, иже у горы Таурис жителствуют, инии агатырси, еще эседони [иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядыху] и массагети, арисмани, сакеви или саги.

Сии вси скифийские народы бяху потаени и незнаеми греком и латинником. Границы же скифийския з запада от реки Дону [а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти]. На восток солнца до пределов хийских, иже со Индиєю. С полудня от моря Меотскаго, то есть Азовскаго, и Каспийскаго, то есть Хвалисскаго. На полночь даже до океана скифийскаго Ледоватаго.

Разделяется же на четыре части. Едина имеет в себе Орды все. Вторая загатаи и все народы, иже суть при Уссоне и пустыни Лоп-

ской. Третия обдержит Китай, и еже обретается в помянутой пустыни, и Хинское государство. Четвертая содержит страны мало нам ведомья, яко Белгиан, Аргон, Арсагер, Аниа.

Но от пятисот лет и больши, егда скифове народ, изшедши от страны реченныя их языком Монгаль, ея же и жители назывались монгаилы или монгаили, поседоша некоторыя государства [яко о том будет ниже], измениша и имя свое, назвашася тартаре, от реки Тартар или от множества народов своих, еже и сами любезнее приемлют или слышат.

И меньшая половина Скифии, яже над морем Ассийским, называется Тартариа великая. Разделяется же Тартариа великая от Скифии Имаусом горою великою и знаменитою: еже со одну страну — то Тартариа, а еже от сея страны — то Скифия. Идеже обретается гора каменная Кауказ названная, блиско моря Хвалисскаго. С другую же страну, от полудня и востока, разделяет их гора великая, Быкова реченная, по латине — Монс Таурус, на ней же первое стал ковчег Ноев по потопе.

О сих татарех монгаилех, иже живяху в меньшей части Скифии, которая от них Тартариа назвалась, множество знаменитых дел историкове писали, яко силою и разумом своим, паче же воинскими делы на весь свет прославляхуся. Сии ничто же особое, кроме жен, и детей, и оружия имяху, и ничто же начинали, еже бы во тщету им было. Денег никаких, ниже злата и сребра знали, менами токмо потребы своя исполняли. Ибо, глаголаху, идеже есть в чести злато, тамо желателство, а идеже желателство, тамо сребролюбие, а идеже сребролюбие, тамо прелести, и таковых <людей> удобно серебром одолети.

Не бяше ничтоже у них добрейшаго паче славы, и их грубому прирождению много даде им природа. Первое, за едино удивление Иустин об них пишет, яко они будуще грубыми без наук, не знали злостей, тако грецы от великих наук исполнени суть невоздержания. Аще бы христианский который народ имел в себе такую мерность, яко они, не точию земля, но и небо любило бы их.

Никогда побеждени бывали, но всюду они побеждаху. Дариа царя перскаго из Скифии изгнаша; и славнаго перскаго самодержца Кира убиша; Александра Великаго гетмана именем Зопириона с воинствы победиша; Бактрианское и Парфиское царство основаша. Никогда же чуждему народу попушашу к себе входитьи, а своими довольно [кrome греков и индян] всю Асию населиша.

Турки, парфы, персы, венгры, сыкабры от их народу изыдоша. Асию Малую и Великую, вторую и величайшую часть света, мужеством обладаша, и обладаху ею с полторы тысячи лет: наченши от Вексора царя египскаго — даже до веку и государствования Нина царя ассирийскаго. В соседстве и в прилежности с ним всегда жили славяне, прародители наши — москва, россиане и прочие, их же древняя историки для общих границ одинако и обще скифами и сарматами называли.

Оному египетскому царю Воксе пригодный ответ учинили; егда велел им себе дань давати, сие отвещали: удивляемся глаголюще тако великому и богатому государю, яко от нас убогих хошет приобрести богатства, идеже их несть никогдаже; пристойнее нам убогим для таковых обещается быти; срамно есть государю великому к нам убогим ездить — приличнее мы убогие к государю будем. И тако прежде, даже царь не уготовился на войну к ним, ускориша нань, и до конца его победиша, и из Африки изгнаша.

Марса хвалили за бога, а за богиню Весту. Солнце, месяц, огонь в великом почтении имели. Хана великаго царя своего, иже зовяшеся Гог и Магог, то есть государь над государи и царь над царми, на свете вельми почитали, и вместо святаго имели, и чтили, и величали. В мужестве же и воинских делех тако искусни, яко не точию сами, но и жены их в великую славу превзыдоша, о них же хошу zde нечто написати.

И дивное дело есть, кому бы те дары и деяния воинская знаменито оказалыя приписати имама, мужем ли, или женам их? Ибо они тако знатныя дела по себе оставили, яко никаким забвением веки наступающа заперти их возмогоша.

О них же сие история починается. Во едино время несогласия ради некоего из воинства онаго татарскаго изгнани были два знаменитыя юноши, Плинос и Солопин, иже изведоша с собою немало иных юношей. И обиташа при границе каппадокийсте<й> над рекою Фермодонтою, и обладаша полями темискирийскими в пограничии греков, и оттуду воеваху прочия царства.

Потом собравшись окрестныя народы и пришедши безвестно поразиша их до одинаго. Жены же, видевши двое бедствование на себе: из отеческих мест изгнание и мужей своих избиение — прияша на себе оружие мужей своих, луки, сабли, и копиа, и прочее, начаша сами оброняться и стрещи пределов своих.

И тако добре онаго краю строгоша, яко тамо распространишася и царство основаша. И дабы народ их женский не изгibl, совокупляху-

ся со окрестными народы, и потом с пастырьми своими, в год единою. И аще сын раждашеся им — убиваху его, аще же дщерь — соблюдаху, учаще не писанию, ниже женским художеством, но воинским делам приучаху их. Правыя сосцы им прижигали, дабы стрелянию из лука не чинили помешки; и того ради достоин звані их маммазони, а не амазоны, ибо мамма греческим языком персы называются.

И егда им всюду благополучно повождашеся, яко истинно страхом всему свету быша, избраша ис посреди себе две кралевни, имене Мартесию и Лампеду. Сии поведаху яко от бога Марса уродишася, ему же жертвы, яко и мужие их творяху. Потом обладаша множайшую часть Европы. Бяше сие от Сотворения Света, яко древние историки описуют, около лета 2825-го. Потом основаша Эфес град великий во Греции, такожде иных градов много. Последи, многую корысть от окрестных народов приобретши, возвратишася с пленом в землю свою.

Мартесия убо остаея в Греции обороны ради, но недолго тамо повелителствова, ибо вскоре по отъехании прочих к Термодонтии в поля темирскирийския собрася на них безвестно народ Малыя Азии, Мартесию убиша и воинство ея поразиша. А Лампеда во отечестве умре. На ея место наступила Ортигия, над прирождение женское мужественна. Сия долго в девстве соблюдалася и изрядно обиды сестер своих воздаде, ибо неколико лет мужественно и крепко, иде же обращашеся, супостатов побеждала.

По сем в небытность Ортигии Геркулес греческий, согласяся с клеветы своими, пришед на амазоны безвестно и множество их победи и в плен взя. Ортигия, доведавшися о побеждении сестер своих, с великою жалостию посла к Согеллу царю татарскому, дабы отдал греком возмездие за кровь свою, сице прилагаючи: аще того не учинишь, мы саблями своими греком путь во всю Асию отворим. Подъятся убо Согелл на греки, обаче не сотвори с ними брани некоторый ради предъутверженныя между собою дружбы.

Амазоны обаче составиша брань и мужественно против греков стаха. Всяко же без оных татар помощи принуждени быша уступить. Потом послаша к Согеллу царю, вопрошаючи: «Чего бы ради тако к ним неприятен явился?» Отвеща, яко то ко иному времени оставити умыслил есмь, ибо ныне тому есть потребная причина. И тако Ортигия множество знаменитых воинских дел по себе, паче обычая и крепости женския, оставльши, от сего света отъиде.

Последи сея бысть Пентесилиа, яже во время Троянской брани пришедши в помощь трояном со многим девическим воинством зело

мужественно доказовала и брань со греки чрез целый день имела. И потом на кийждо день тако творящи сильна им бяше. Даже сразившись един на един с преславным богатырем Пирром сыном Ахиллевым, убиена от него бысть, обаче со тщетою ево, ибо Пирр от нея смертно бысть ранен.

О них же Омир во Илиадах и Виргилиус во Ансадах своих сицевыми словесы поминают:

Ведёт амазѡнка полк неизочтѣны,
Мѣсячными же щит цвѣтно облечѣны:
Смѣла Пентеслиа, стáвя от охóты
Протв мужѣй дерзновѣнно девчьи рóты.

И живуще бяху тии в преждереченных местех своих даже до царицы своея Тамирис имянем, яже имеючи брань с преславным перским самодержцем Киром — порази его, и самага емши, главу отсеци и в своей его крови омочати повеле, глаголющи: Желал еси крови человеческих до смерти — пей же свою по смерти!

Во время же властельства Великаго Александра царя македонскаго бяше у них царица имянем Талестра. С ними же Александр Великий войну хотяше начинати. Они же ему отвещаша: Царю Александре! Слава твоя велика есть, но достоин ти блюсти ея, еже бы не изгубити, ибо какую славу приобрящешь, аще нас, жен сущих, победишь? Аще же мы победим тя, тако великаго царя, то множае славнейши будем. Царь же сия слышав, остави их в покою. Потом Талестра сама прииде ко Александру со тремястами девиц вооруженных, просящи, дабы от него зачала сына. Александр же почудився ей и собранию ея, держав у себе дванадесять дней, отпусти ю. И тако от него покой приобретае.

Потом, егда тяжко бысть им от окрестных народов, принуждены быша утещи к татаром помощи ради, мужей оттуду вземлющи. Обаче кто своей воли приобикнет — трудно тому от нея престати. Прилучися убо во едино время, яко от продолженных и далеких войн татарских, десять лет не бяше их в домех. И того ради жены их с пастырьми своими общатися начаша, мняще мужей своих погибших. Егда же приидоша мужие, жены с пастырьми не восхотеша их слушать, даже нуждею и казнию к тому привлечени быша. И от того времени амазонки престаша воевати, егда им мужие роги согроша.

От сих убо татар монгаилов изидоша сии татарове, иже суть к нам, савроматом, пришельцы, их же называем крымския, монкон-

ския, перекопския, белгородские, очаковские и все те народы, иже обитают около озера Палюсмеотис, то есть Азовскаго моря.

Неции же историки сих татар мнят быти еврейска племене, яко о том Ботер в книгах своих знаменито утверждающе пишет сице. По разделении царства Иудина Израилева, их же цари быша в Самарии, яко о том явственно в Библии обретається. Последи первых пленов, еже от царей ассирийских на евреев, наступила война Салманасара царя ассирийскаго. Той в два прихода свои, еже на царя Иосию, егда и Самарию взят, разори и опроверже до конца царство Израилево, и народ заведе во Ассирию.

И отуду в полтора лета, яко пишет Есдра, убозии жидове, преидоша горы перския и медския, приидоша во страну Арсатер. Где бы сия страна Арсатер обреталася, различно о том писатели домышляются. Неции утверждают, яко то была страна колхийская, яже ныне зовется Мингрелиа, ибо Иродот пишет, яко народ той детей своих обрезывали. Обаче множайшая часть писателей глаголют сице: яко Арсатер страна область есть Белгиана, отнюду же жидове под именем татарским изыдоша лета от воплощения Божия 1200, во время великаго Кингиса, иже утвержаше царство Китайское. И яко тии тогда еще обрезование содержали и нечто иных чинов Моисеева закона, того ради нетрудно прияша закон Махометов. И далее тамо же на листу 152 пишет: Егда повелением Салманасара царя ассирийскаго заведени быша израилтене за Индию, в землю Арсатер, и тамо изродишася во обычаи глупыя и грубыя, и забыша множайшую часть или и обще вся чины Моисеева закона, едва соблюдаху токмо обрезание едино.

Глава 2

Коих времен и яковаго ради случая татарове от отеческих своих мест подъяшася, в Европу приидоша; и о брани их с половцы и россианы; и о разорении градов половецких от татар

Вину или причину порушения их от своих мест и в сия страны пришествия различно писатели описуют. Первое Ботер полагает сицевую. Егда быша оные татарове под властью государя страны тоя именем Ункама, ему же давали десятину от всех прибытков своих. Егда же во время наступающия тако расплодишася, яко некогда жидове во Египте, яко Ункам нача от них опасение имети. Того ради хотя их умалити и отъяти крепость от них, разсылаше единою тамо,

и паки инуде на войны далекия и небезстрашныя. В чем тии подстрегишися — совокупишися вкупе, и советоваша оставити природную страну свою, и сотвориша тако.

Ибо воздвигшися поидоша от отеческих мест своих. И тако удалишася от онаго Укнама, яко к тому не бояхуся его. Идеж по неколиких летех избраша ис посреди себе царя Хингиса, ему же благочастныя победы и мужество придаша имя Великий. Ибо той изшедши от страны своея лета от воплощения Слова божия 1162 с жестоким воинством покори под себе, ово силою, ово славою, новыя области.

Последи же, егда восхоте у онаго Укнама едину от дочерей его поять себе в жену и не возможе того мирно учинити, начат войну противу его и, во брани победив, государство его прият.

По смерти онаго Хингиса наследники ево в малом времени толико быша страшни всем странам восточным, не менши же и полунощным, с погублением неисчетных народов, яко трепетала от них вся Европа. Егда и Инокентий IV папа римский ужасшися тоя лютыя бури, яже висела над христианы [ибо яко саранча разбегошася даже до Дуная], от собора Лугдунскаго посла мниха Анеелна доминикана со иными мнихи францышканами к великому хану татарскому в лето 1246-го — имяни же его не описуют — наказующи его, дабы принял имя и веру христианскую или бы точию оставил христиан в покое пребывати.

Он же не соизволи имяны и веры христианския прияти, обаче обещася со христианы пять лет в покое пребыти. Нецыи же пишут, яко обратися в веру христианскую и яко воюючи к потребе христианской повеле уморити гладом Мустяцена калифу богдатскаго между богатствы его, их же собра.

Историк же полский Александр Гвагнин, о разных странах пишущи, поведает, яко Алляус царь татарский лета 1250 взят град Суссу, между Персидою и Вавилоном, и тамо града того держателя калифу уморил гладом, замкнув его во единой башне, которая была у того калифы полна злата, и сребра, и вещей драгих, глаголя: «Аще бы ты то сокровище раздал воином, то бы ты, и град, и народ твой в целости могли соблюстися». И сей имать быти царь татарский, к нему же папа посылал послов своих, и калифа Мустацена уморил.

Еще Ботер пишет, яко царь татарский Алляку разлучал со светом калифа Мустацена Мумбѣли лета 1255-го. Ин же писатель, Жигмунт Герберштейн, описуя землю татарскую пишет и приводит на свидетельство Мефодия Патавскаго, иже поведает, яко бысть некто в них муж Гедеон имянем, иже имущи некую ведомость о скончании

света и о погублении на нем всех живущих, поведаючи же им сие, и некакими писании утверждаше, и советоваше, дабы о том прежде времени вразумилися и сокровища, и богатства мирския, иже вкупе со светом погибнути имут, ни во что вменили.

На сие они соизволивши, подъяшася со безчисленным множеством народу своего от Татарии, от оных каменных гор Каукасийских, и от горы великия Имаус реченная, и от поль Евтейских, и приидоша ко Индии, идеже царя Индийскаго, ему же служаху, убиша и области яко ево, тако и иныя при реке Ефрат и у моря Перскаго обретающиеся поплениша и опустошиша. И Асию Малую и Великую с великими победами в долготу и широту преидоша. Такожде обе Сарматии, асийскую и европскую, идеже множество царств, княжений и областей, яко христианских, тако и поганских повоевали и ни во что истинно обратили.

В наши же европския страны пришествие сих незваных гостей знаменовала и яко бы провозвещала великая и необычная комета, являшаяся лета от Сотворения Света 6719, а от воплощения Слова божия 1211, месяца маиа, яже осмьнадесять дней пребысть, на восток Солнца к половцом и ко странам Российским хвост обращаючи.

И аще в хождении ея некоторые историки и не соглашаются, обаче была явное знамение пришествия тех злых прилежащих нам соседей. Ибо они яко послушни будущи тоя кометы во второе лето по том, то есть 1212, со царем своим Егуханом, его же Гвагнин Батыевым отцом называет, прешедши Волгу реку, идеже она в Каспийское, то есть Хвалинское море под Астараханью впадает, великою силою идяху на запад.

И прежде с половцы, о них же ниже речется, брань составиша, идеже им половцы мужественно отпор давали и воинства их побеждали. На останок же от множества татарскаго в крепости своей ослабеша. И того ради аще и главные супостаты бяху россианом, обаче наглою потребою принуждени будучи, помощи от них против татар просили, разсуждаючи и глаголющи им сице: «Что нам от татаров ныне, то вам будет от них утро».

Того ради россиане, видящи общее бедство, не отрекошася и татарских послов [советующих им, дабы в ту войну не вступали и половцом, вечным своим супостатом, не помогали] чрез законы гражданския, поймав умучили. И вси землю и Чорным морем от Ачакова, также реками Волгою, Доном, Ворсклом, и Днепром, и Богом на помощь половцом поидоша с воинствы.

Князь Мстислав Романович с воинством киевским, князь Мстислав Мстиславич с воинством галицким, князь Владимир Рюрикович с воинством Смоленским и прочие князи российской: черниговские, переяславские, владимирские, новгородские.

И случившись со всеми воинствы половецкими приидоша на урочище Протолцы и оттуду двенадцатью днями приидоша на реку названную Калку, где уже татарове под наметами своими стояли и не попустивше пришедшим опочинуть, но вскоре свежая на ослабелых и путем утружденных удариша, и побиша и разгнаша половцев первое, потом российския воинства дерзновеннее поразиша и двоих князей — Мстислава киевского и князя черниговского поимаша, яко Меховский пишет — а Бельской глаголет убили.

Бысть сия брань россианом и половцом с татары лета Христова 1224. Иных же разгнанных [дело истинно тяжкое изречению] сами же изменники половцы, чрез их же землю бегоша, товарищей военных и помощников своих, у конных коней поотымающе, с пеших же одеяния грабяще побиваху, иных же в реках утопляху.

Храбрый же князь Мстислав Мстиславич галицкий, иже победил Коломана краля венгерскаго и поляков, егда прибежал к реке к лодиям своим и превезшись чрез реку, повелел все лодии потопити, и посети, и попалити, боящися погони татарской, и тако исполнен страха пеш к Галичу прииде. Владимир же Рюрикович князь смоленский такожде здравие свое бегством спасе и к Киеву пришел престол киевский облада.

И ниже множайшая часть полков российских бежаши к лодиям своим доспеша, и узревши их потопленных и пожженных до конца, от печали, и нужды, и глада не могуши чрез реки преити, тамо помроша и погибоша, кроме некоторых князей и воинов, иже на плетеных таволжаных снопах чрез реки преплыша.

На той-то брани между безчисленными российскими воинствы убиени быша славныя богатыри и знаменитыя победоносцы Добрыня Золотой Пояс, и Александр Попович со слугою своим Торопом, и иных славных богатырей российских много.

Татарове же по той победе твердыни, и грады, и селения половецкия до основания разорили. И вся страны около Дону, и моря Метоскаго, и Таврики Херсонския, еже до днесь от прекопания междумория называем Перекопом, и окрест Понта Евксинскаго, то есть Чорнаго моря, татарове обладаша и поседоша. Точию останахся грады, яже суть в самой Таврике Херсонской, в содержании генуенсов италян под державою греческих царей. И доньне в оных полях гра-

дов, и твердынь, и башен каменных давних, иже италиане генуенсы с половцы в соседстве будучи созидали, старыя падшыя стены, паче же у Торговицы и на прочих местех явным свидетельством суть.

Такожде и в полях Мажарских [отнюду же венгры изыдоша] и донныне множество стен, и градов, и твердынь разореных. А гробы свидетельствуют, яко тамо жили некоторые христиане, ибо суть на могилах столпы каменные резные мужей честных во оружиях и кресты малыя на них, обаче некоторые от древности мхом обростоша и инии же падоша. Отнюду же познати мощно, яко живяху тамо некогда греки, италиане и генуенсы с половцы.

И тако от того времени татарове, народ прежде сего мало нам слышанный, половцев выбивши, нам соседми нелюбезными учинишася.

Глава 3

Яковыя народы во оных странах быша, отнюду же татарове их изгнавши, сами теми странами обладаша

Соглашаются на сие мнози древнии и новейшия историки, яко тамо, то есть по обе страны реки Волги, ниже реки Камы, между Великия Волги и Белыя Воложки до большой Нагайской орды [тая мнится быти Заволская орда иностранными названа], живяше народ болгарский, а ниже их по реке Волге, даже до моря Каспийскаго, со ону страну Волги, жили татарове, иже иностранными называлася Заволская орда.

По сей же стране Волги, еже есть вниз идущи по правому берегу, в полях от полунощи к востоку, даже до Дону, и над морем Меотским, еже ныне Азовское называется, и над Понтом Эвксинским, еже ныне Черное море, и в Таврике, идеже ныне Крымская орда, живяху печенези и половцы.

О начале же сих народов повествуется. Страна, именуемая Болгары, обретающаяся по левой стране реки Волги вниз идущи, аще иностранныи и по обе страны Волги полагают ю, обаче есть на единой стране. Та же есть ниже града Казани, про должаяущися до большой Нагайской орды, яже иностранными Заволская называлася, между реками Великия Волги, и Белыя Волошки, и Яиком.

Название свое восприяла от народа, живущаго тамо еще прежде крещения Российския земли, названнаго от реки Волги волгоры или болгары, которыя имели начало свое от преславнаго и многонароднаго народа славенскаго.

Живущи же тамо многа лета и слушавше о некоторых соплемянных своих народех словенских, яко вандалах, цымбрах, готфах, имя свое прославляющих, и в делах воинских цветущих, и победы восприемлющих, елики содеяша они с Римскою монархией, и с цари греческими, и с прочими прилежными соседи, о их же славных воинских делах многия историки пишут, ревнующи тому и болгары воздвигшеся мнози от стран своих и жилищ, ищущи мест прохладнейших и славу обрести хотяще, приидоша первое над Черное море и над Меотское и прежиша тамо немало время в покое.

В лето же от Рождества Христова 420 со князем своим Дербалом подъяшася оттуду и придоша за реку Днестр во область названную Дацью, идеже ныне волохи и мултани, между реками Днестром и Дунаем. Яже тогда бяше под державою Римскою. Отнюду же жителей тамошних даков изгнавши, сами ону страну населиша. И оттуду исходяще Греческое царство пленяху и победы восприимаху, яко о том довольно пишет Стрийковский в выводе народов славенских на листу 98 и далее.

Оставшии же от оных в странах своих соединишася с татарскими народы, живущими близко их. Татарове же, иже назывались Заволская орда, живяху по той же реке Волге ниже болгарских границ даже до моря Каспийскаго. Приидоша ис пустыней, отстоящих к Китайским странам, и начаша жити около великих рек Камы и Яика. И з болгары вышними оставльшимися, яко народом таким же диким, соседства ради единомравнии быша.

Сии вси в российских летописцах назвались нижние болгары, с ними же князь Владимир Святославич, самодержец роский, многи брани имев, покори их и дань наложи. Но обаче множицею от подданства отступоваху, аще и последи от прочих великих князей российских побеждаеми бываху, о чем свидетелствуется в Степенной Российской книге на различных местех.

Иностраннии же историки называют страну ту Заволская орда, яко Гвагнин пишет, глаголя: Орда татар Заволских названа есть от реки Волги, за нею же ю обитали; граничится та страна от востока морем Хвалиским и прочее. Сия орда бяше некогда славнейшая и сильнейшая паче иных орд, кроме Астраханскаго государства.

А о начале своем те ординцы сице повествуют. Яко во странах тех, отнюду же изыдоша, бяше некая вдова, породы между ими знаменитыя. Сия некогда от любодения породила сына, имянем Цынгиса, юже первые ее сынове прелюбодейства ради хотеша убити. Она

же обрете вину ко оправданию си глаголющи: «Аз от лучей солнечных зачала есмь сына».

И тако той ея сын время от время мужественным возрасте юношею и ту Заволскую орду распространил и умножил, яже множеством жителей, и дел мужественных деянием, и самого краю изобилием едва не все тамошняя орды превосходит. И совершенно от сея вси иныя диких полъ жителие народ той производящи мужеством и воинскими делы славу свою размножили.

От сих татар, их же российския летописцы называют болгарами от имяны прежних болгаров живших тамо, приходили к великому князю Владимиру, веру свою махOMETскую похваляючи; от них же последи четыре князя пришедшие в Киев крестишася.

Половцы же и печенези бяхе народ военный и мужественный, изшедший от народа готфов и цымбров, от Цыммериа Босфора названных, от них же гепидов, и литву, и прусов старых изшедших явно произведе Стрийковский в начале книг своих, еже и Ваповский свидетелствует. Такожде и Белский, в Деяниях Казимера Перваго, краля полскаго, на листу 239 сице глаголя: Народ печенегов, и половцев, и ятвижев истинныя суть литва, точию имяху между собою в наречии малую разность, яко поляки и россианы; житие имуще в Подлесьи, где ныне Дрогичин.

Сии половцы и печенези, изшедшии оттуду во времена оныя, селения своя от полунощи к востоку наклоняющися над морем Меотским и Понтом Эвксином, такожде около Волги, и около Танаиса, и в Таврике, юже ныне называем Перекопскою ордою, коши своя поставляюще.

Идеже побратовшися, для прилежащаго соседства, и с италианы генуенсы, иже Таврику содержали, которые в те времена сильными на море быша, такожде с волохи и бессарабы. И содеяша грады Манков, Керкель, Крым, Азов, Кафу [юже греки и латинники Феодосиею называли], Килию или Ахилию, Монкаструм или Белград, и Торговицу соделаша.

Зде может быти читателю усумнение, яко един историк во единых местех изъявляет двоих народов жителей, болгаров и половцов, яко о сем выше в сем писании. Еже может тако разуметися, яко той болгарский народ или прежде сих в тех странах жили, а по них на те места половцы и печенези из-за Днепра, идеже Полесье и Дрогичин, приидоша; или, яко пространны суть поля те, оба народа, един в полях, то есть половцы и печенези, а другии, то есть болгары, ближши подле моря жителствовали.

Яко и сам сей историк, то есть Стрийковский, ниже пишет сице. Ибо сами половцы множае в полях под наметы жили, на возах вся своя имения перевозящи, яко ныне татарове, наместницы их, — яко пишет Меховский.

Иныя историки тех половцов называли готфами, еже и истинно есть, ибо егда были в соседстве российским странам, греческим же, и волосским, и полским странам погранични, великия им пакости наездами своими чинили. Ибо чуждими трудами и граблением непрестанно жили.

Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады бяху не давних времен — то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го — Схутен, и блиско Дону Рукан, Суворов, Азов, его же владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских.

Того же 1103-го лета и прозваша их россиане половцами, зане в полях болши пребываху или зане полеванием, то есть ловитвами зверей кормилися, или половцами — то есть грабительми, яко чужим полоном и граблением жили.

Язык же с российским, и с полским, и с волоским смешан имели. Се же тако творящися от тех народов историки мнят от того быти, яко по писанию Птолемеову и Филидиеву обладает над теми странами планета Сатурнус непостоянный, иже по принуждению творит люд мучительный, страшный и жестокий. Того ради истинно тако творящися от половцов народом российским и иным пограничным — яко отвсюду им обиды творяху.

Егда же приидоша на них татарове, и яко не в равности им быша, не возмогоща им нашествия возразити. Принуждени быша оным уступити, яко о том выше изъявися, и даже и доньне от оных стран происходят народы жестокия, прилежащия к ним страны нахождения своими пустошающы и разоряющы, по оным словесем пророка Иеремии глаголющи: «От полунощи много зла изыдет на всех обитающих на земли».

ЧАСТЬ 2

Глава 1

О Батые царе татарском; и о пленении его на Московское государство и прочих государств; и о исчезновении его; и о начале и умножении Болшия, или Золотыя Орды

Сего убо мучительнаго народа оный царь Егухан, о нем же выше речеся, бяше поганий идолопоклонник — яко о том пишет Гвагин — окаянный свою душу извергши, сниде во ад. По нем воста оной безчисленной саранче вождь Земихен, сын его, его же россияне и литва называют Батыем. Сей первый <из> того народа проклятаго Махомета учение прият и распространи.

Предпочивши мало во оных странах, их же облада, изгнал половцов и печенег, с татары же заволскими и з болгары оставшимися, яко с подобными народу своему, совокупися воедино и всеми оными облада. И тако умножися воинственнаго народу страны оныя.

Окаянный же Батый, видя себе имуща многое воинство, начат дыхати огнедыхателною яростию на народ христианский, хотящи их погубити, и страны оны своими грубыми народы населити, и истребити имя христианское, утвердити же тамо проклятое махометово учение; паче же, Богу попушающу нас смирити за многие грехи наша.

Начат збирати треокаянный крепкое воинство оных кровоядных варваров и собра много зело, его же поведают быти числом до шестисот тысящ. С ним же быша мнози кровопийственныя князи или воеводы полков его, их же имена Кайдан, Магмет, Пета и прочии.

В лето же от Сотворения Света 6745, а от воплощения Слова божия 1237-го воздвигшися и яко молнииина стрела безвестно притече чрез лесы к Резанским пределом. И посла ко князем резанским, прося себе послушания и дани. Они же ниже дани дати хотяху, ниже брани сотворити можаху, затворишася во граде.

Нечестивии же пришедше ко граду многим воинством приступивши взяша его декемвриа в 21 день, идеже князи и вси люди из-

биени быша и град до основания опустошен. По сем погании поидоша к Коломне.

Великий же князь Юрье Всеволодичь московский, слышав такое бедство и видев себе не могуща брани составить с ними неравности ради множества поганных, отъиде во град Владимир со княгинею и с чады. Старейшаго же сына своего Владимира на Москве остави, заповедав крепце бранитися с погаными.

Воинства же, елико возможе собрати, собрав посла противо татаром. С ними же посла сына своего Всеволода, да князя Романа Инсвороговича, да воеводу Еремиа Глебовича. Тии же шедше к Коломне и тамо учиниша велию брань с погаными. Всяко же от множества их побеждени быша христиане и толико избиени, яко едва сам князь Всеволод в мале дружине убежа во Владимир.

Окаянный же Батый со многим воинством прииде под Москву и облеже ею, начат крепко ратовати. Сущии же во граде христиане много противишася им, биющеся исходя из града, обаче не могоша отбитися им до конца. Взяхша град погании и великаго князя Юрья сына Владимира плениша, а воеводу именем Филиппа Нянка и прочий народ посекоша. И пролияся кровь их яко вода по стогнам града; и град пуст оставльше отъидоша ко Владимиру граду.

Великий же князь Юрье Всеволодичь со племянники своими, со князи Васильком, и Всеволодом, и Владимиром, оставя во граде сынов своих Всеволода и Мстислава и воеводу Петра Оследюковича с воинством, изыде сам из града, имущи с собою елико возможе собрати воинства.

Татарове же обступиша град февраля в 3 день и поставиша станы своя у Златых врат, инии же отлучишася в разныя места, пленюущи землю. В субботу же мясопустную приступивше погании, взяша Владимира первый град. Князи же и людие с епископом Митрофаном бежаша во средний град и в церковь. Погании же и той град вземше, всех мечу предаша и град сожгоша.

По сем шедше взяша около Владимира и Суждала четырнадцать градов. И потом поидоша к Юрьеву и к Ростову, к Переславлю и ко Снятину, инии же к Кашину, и на Углич, и к Ярославлю, к Костроме и на Городец. И все те грады и иных много селений христианских поплениша и пожгоша даже и до Галича во един месяц февраль.

Толико убо тогда попущением Божиим бедствование бысть на Российскую землю, толико градов прекрасных, и сел, и жилищ христианских разорение и опустение, монастырей и храмов Божиих пожжение, народа же мужеска пола и женска погубление, и дев чистых

осквернение и умерщвление, младенческих мягких удес растерзание и поправление — яко никоторый язык изрещи или трость исписати может. И таковая тогда злая пострадаша христиане от поганых, яко николи же таковая быша, отнеле же и населишася тамо россиястии народи.

Великий же князь Георгий, или Юрье Всеволодичь, недоумева-
шеся коим градом помощь подати и христиан оборонити. Ибо в раз-
ные места, яко речеса, разъидошася погании воевати, ждаше их ко
сражению на реце седе, идеже дождався самого нечестиваго Батыя
со многим воинством.

Их же видев великий князь нимало ужасеся воинства их, хотя
пострадати за веру христианскую и за Отечество свое голову поло-
жити. Снисдеся с нечестивым и состави брань жесточайшую. Падают
трупы убиенных семо и овамо, льется кровь яко вода, яко христиан-
ская, не менши и поганская, идеже ужас бе видети дерзновения обо-
их воинств.

Погании бишася славы и богатств обрести хотяще. Христиане же
хотяще оборонити любимое Отечество, дерзновенно в густыя полки
поганых впадающе, множество их побиваху. Но убо погании преме-
няющесе бишася, христиане же едины, и того ради вельми утрудил-
шася, ибо повестуется, яко на единого христианина по сту бьаше по-
ганых.

И к тому уже воинство христианское яростных поражений та-
тарских не возмогши воздержати, елицы ошася неизбиени, пле-
щи вдав бегати начаша; погании же поле обретают, усты меча гонят
и в крови христианской рущеси обагриша.

И тако Божиим попусцием возмогоша погании, воинство хри-
стианское, мужественно брань с ними сведшее, до конца победиша.
И сам великий князь Георгий Всеволодичь, мужественно с поганы-
ми брався, законно пострада за веру христианскую и за свое Отече-
ство, ибо кровоядных руками убиен бысть, с ним и инии мнози кня-
зи и мужие храбрии.

Князя же Василка ростовскаго жива яша погании и приведши во
страны своя начаша прежде ласкателными словесы увещавати, при-
водящи к своему зловерию. Бьаше бо зело благолепен и возрастом
исполнен. И яко не внимаше прелести их, начаша муками претити
ему. Егда же обретоша его всеконечно непокаряющася им, но словесы
премудрыми прелесть их обличающа, умучиша до смерти; и тако
прият победы венец прекрасный.

По сем окаянный Батый с воинствы своими иде к Новгородским
странам и пришед ко граду Торжку приступом взят его и люди вся

изсече. И оттуду восхоте пойти к Новуграду Великому, но возбранен, глаголют, от пути того грозным воеводою — архистратигом небесных сил Михаилом.

И егда уже в Великой России всюду пусто бысть, возврати шествие свое пустошенными Российскими странами на Северную страну к Малой России и прииде ко граду Козелцу. [О котором убо Козелцу старыя летописцы московския пишут, не вымы: о том ли, иже обретается от града Калуги в пятидесяти верстах, его же ныне, мало отменивши слово, Козелском называют, или о том, иже в Малой России от Киева в шестидесяти верстах, его же и ныне Козелцом называют?]

Жители же его обещахася вси пострадати за веру христианскую, и бихася с татары семь недель, и убиша их четыре тысячи, и три князя честных, детей темничевых. Обаче погании взяша град и людей всех, внеде в него, оружие предаша. И отыдоша мало нечто погании во страны своя.

Потом паки на другое лето посла Батый воинство свое на Российския прилежащая страны. И взяша тогда погании град Переаславль. Инии же обступиша град Чернигов, идеже князь Мстислав Глебович пришед на них с воинством и бысть им с погаными презелная брань, обаче побежден бысть; и град взяша погании, и разоривше и пожгоша его отыдоша паки.

Потом лета 1242-го посла окаянный Батый воеводу своего Магмета, или Менгата, имянем соглядати града Киева, идеже видево красоту и величество, пришед, похвали нечестивому. Он же посла послов своих в Киев к великому князю Михаилу Всеволодичу и ко гражданином, хотя прелстити их. Великий же князь послов побити повеле и сам со всеми своими убеже в венгры.

Окаянный же Батый паки собрав многое воинство прииде к Киеву, идеже бяше тогда воевода имянем Димитрий оставлен от князя Даниила Мстиславича, иже последи князя Михаила Всеволодича, убегшаго во угры, облада Киевом. Проклятый же Батый с силою мноюю обступи Киев и начат приступы строити и бити в стены градския.

Людие же из града крепко бранихася, а потом окрест церкви десятиинныя пресвятыя Богородицы окопашася, егда град взяша погании. И на палаты церковныя множество народа взыдоша, яко от тягости их падоша полаты оныя и многих побиша.

И тако погании всеа России стольной град Киев взяша, церкви Божии разориша, а град и селение огнем попалиша, людей единых

изсекоша, а иных плениша, и все государство Киевское в ничто обратиша.

Потом нечестивый Батый, не удовольився толикими безчисленными христианскими кровьюми, яко кровопийственный зверь дыша убийством христиан верных, отгуду со многими воинствы иде в Венгерскую землю, идеже бысть ему брань с царем Коломаном. Но и тии такожде побеждени быша от поганых и бежаша, по них же гнаша нечестивии даже до реки Дуная, пленующы страны оныя.

А прежде сего разделишася погании на три части. Сие их разделение было лета 6749, а от Рождества Христова 1241. Сему согласно пишут летописцы полския — Кромер, Длугош, Меховский, яко тии татарове с цари своими Батыем и Кайданом, побивши князей российских, в Полшу приидоша от Российских стран в лето от Христа 1241-го.

В первой сам иде к Венгерским странам, вторую с царем Кайдоном послал в Великую Полшу, третью часть с Петою гетманом в Малую Полшу, яко о том пишет летописец полский Александр Гвагин в Кронице полской. Глаголет бо: во время государствования в Полше Болеслава Пудика, то есть Стыдливаго [его же кралевства начало пишет он лета от Христа 1243-го, и по сему свидетельству прибыло два лета приходу татарскому; обаче не довлеет един он в свидетельство против трех вышеимянованных старых летописцов], бысть страшно жестокое пришествие татарское в Полшу чрез Российския страны, иже многу корысть побравши около Люблина и Завихвостия отослаша ю к своим, а сами обратишася к Сандомиру, и взяша посад и град, и множество людей побиша, иже тамо запрошася.

Отгуду обратишася ко Кракову и много корыстей взяша у Вислицы и Скармира и с тою идяху к Российским странам, идеже у реки Чорныя приспе на них Владимир воевода Краковский с собранною дружиною, обаче не приобрете ничтоже, ибо мало воинства имяше, точию пленников множество убегоша от поганых.

Тии же нечестивии разсвирепивши поидоша к России, иже с прочими шедшеся паки в великом счислении приидоша в Полшу и у Сендомира надвое разделяшася. Большая часть с Кейданом гетманом поидоша в Великую Полшу, другия полки немалыя с гетманом Петою поидоша в Малую Полшу, иже без всякаго противления всюду пленяху.

И аще где и исхождаше противо им полскаго воинства, обаче везде побеждаеми бываху от величества неравнаго себе. Краль же Болеслав слышав сия с матерью и со женою отбеже на горы Пенин-

ские. Татарове же грады Краков и Вроцлав разоривше и попаливше снисдошася с Кайдоном и прочими татары.

На них же князь Гендрик маркграф моравский совокупи окрестных князей с воинствы от немец, и от прус, и от Полши, их же урядив на четыре полки: в первом были крыжаки с немцы, во втором поляки, в третьем полку прусы; четвертое войско было наилучшее слезаков и великополян, их же управлял сам Гендрик. Такожде и татарское воинство начетверо бяше разделено, но едино татарское множае было, нежели все полскии.

И тамо на изрядном месте битву учинили. Первое крыжаки, иже были от немец, удариша на татар, но тако сотрени быша от них, яко сеянния от великаго граду. Потом прусы со слезаки: сии в них упадок немалой учинили. Междо ими же бысть вождь Мечислав Ополский, иже убеже ис полков с немалым воинством, егда услышал созади татарина кричаща: «Бегайте, бегайте!» Гендрик, узревши то, воздохнув, рече: «Горе нам стало».

Четвертое величайшее воинство татарское опровержеся на воинство Гендриково, и вси купно мужественно бишася. Но егда узреша татарина выбежавша со знаменем, на нем же таково знамя было: Х, — и на верху того глава с великою брадою трясущеюся и дым скаредный съмрадный из уст пущающа на поляки, от чего вси изумевшиися ужасошася, и нагло бегать начаша кто как может, и тако побеждени быша.

Убиени на той брани от татар начальный вождь воинства того Гендрик марграф маравский, и прочии мнози честнии воеводы, и воинство. И толикую победу в то время татарове восприяша, яко над поляки и прусы, тако и над немцы, яко девять мехов великих ушей нарезаша от биенных, по единому от коегождо режуше, еже учиниша того ради, дабы могли ведать число побиенных.

Потом погании всюду без отпору пленующи, чрез Шленск поидоша в Мораву и пустошающи земли до венгров проидоша, идеже с царем своим Батыем сшедшеся три лета тамо пребыша. Поделившеся опустошенными государствами и изъядши всякие живности, возвратишася в страны своя.

По таковом убо умиленном земель христианских спустошению, окаянный Батый по всем градом учинил своих властелей, их же называху баскаки, яко бы атаманы или старосты, иже всегда от оставльшихся христиан дань собирали и по изволению своему россияном христианом судили и повелевали.

Князем же российским, елицы убийства гонзнуша, повеле нечестивый к себе приити и поклонятися. И таковым понуждением вси от предел своих поидоша во Орду ко оному мучителю. Он же прежде повелевши волхвом своим учинити два огня велики, и оным князем сквозь огонь той проходити, и от приносимых ему даров часть некую во огонь ввергати, и прошед огонь поклонятися Солнцу и кусту; и потом к себе таковым приходити попушаше.

И тако начася сие тяжкое и неудобоподъятное ярмо великим князем российским и прочим жителем народов христианских от лета по Сотворении Света 6750-го, а от воплощения Слова Божия 1241-го.

Паки последи лета 6756-го безбожный Батый, недоволен бысть толикими множества побиенных христиан и пролитием кровей их, творит шествие к западным странам, в Венгерскую землю, идеже не бысть первое поганец. И шед тамо прият твердыни и грады многия, их же до основания попустоши и люди вся изсече.

Прииде потом под град Варадин, иже есть среди земли Венгерский, отвсюду крепко утвержден стенами каменными и водами многими. Краль же бысть тогда у них Владислав имянем, иже недоволен бе собратися с воинствы против поганых, возшед на столп высокий, зряще со слезами земель своих пустошение, к тому и сестра его бежащи во град впаде в руке нечестиваго. И се бысть кралю явление таково со гласом: «Царю, слез ради твоих дает ти Бог победити сего супостата!»

Он же сошед со столпа виде коня оседлана стояща никем же держама, и секира на нем. На него же краль седе, со обретшимися во граде воины устремися на поганых, на них же нападе страх и побегоша от града. Краль же Владислав догнав самага Батыя начат с ним битися и одолеваше нечестиваго. Сестра же кралева помогаше Батыеву на брата своего, их же краль обоих оную секирою смерти предаде.

Бысть сия лет 6756-го, а от Рождества Христова 1248-го. И тако сниде нечестивый во Ад, и память его погибе с шумом. Воинство же его все до конца погибе, едва мало нечто во Орду возвратися.

По той же победе венгры на память того явления слияша от меди кралев образ седящ на коне, секиру в руке держаша, и поставиша на столпе оном.

Той же летописец Гвагнин на ином месте пишет, яко во время Батыева пленения был в венгрех краль Белля, четвертый тем имянем, иже ничтоже памяти достойное по себе остави и от Батыя со всем домом утече в Далматию, а татарове три лета тамо пребыша, донеле же от глада сами изгнани быша, ибо не бяше кому орания

и сеянна делати. Аще же Белля и собрася с воинством, но ничтоже успе, ибо прежде сами отъидоша.

И тако от того времени обладаша нечестивии татарове странами оными, яже назывались Болгары и Заволская орда, и по обе страны реки Волги, от града Казани, его же еще не бяше тогда, и до реки Яика, и до моря Хвалискаго. И тамо населишася и созда грады многи, яже назывались: Болгары, Былымат, Кумань, Корсунь, Турá, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай великий, Чалдай, Астарахань.

И начат зватися область их Великая орда, или, яко Московския народы называли, Золотая орда, иже мнится того ради, яко тии татарове в пленении вышереченных стран граблением чуждих сокровищ, и обладаючи многими странами дани с них вземлющи, зело обогатишася, и дома великия, и палаты многия, паче же в Сарай цари их соделаша. Грады же тии повествуются соделаны быти художники и работники, вземлемыми от российских стран, егда имяху под властию своею князей российских.

И от тех времен царство тамо основася. И цари их начаша жити в Сарая великом [его же Ботер поведает быти на реке Яике] и в Болгарех, иже блиско реки Волги, идеже обретаются полаты многия обетшавшия и доныне явным того свидетелством.

Таже обладаша и всеми полями дикими от Волги даже до Днепра, и чрез Днепр пришедши даже до Дуная. В Таврике же Херсонской за Перекопом по градом пристанищным, яко: во Азове, в Кафе, Керчи, в Херсоне или Корсуни и по иным градом, которые тогда были, живяху италиане генуенсы под властию царей греческих, с татарами, живущими в полях блиско Перекопу, мир имеючи.

Ибо тии небрегоша о градах крепких и в местех тесных не живяху, но в полях житие свое провождали, с начальными своими под властию царей татарских, наследников Батыевых, иже владели Болшою ордою.

Глава 2

О царех, бывших в Великой орде по Батые, и о Темир-Аксаке

По смерти онаго бича христианскаго, злочестиваго Батя, бысть во Орде царь сын его, Сартак именем — яко свидетелствует в книге Степенной российской и Синописис киевской — к нему же ходил во Орду великий князь Александр Ярославич, рекомый Невский. Той

злочестивый царь, еще великому князю во Орде у него будущу, посла воеводу своего Неврюя со многими татараы. Они же шедше плениша землю Суждалскую.

И толико обладаша нечестивии странами Российскими, яко лет 6769-го повелением царя приидоша во страны Российския численницы его и изочтоша весь народ российский дани ради. И учиниша во градех своя тысящники и сотники, иже баскаки назывались, о них же выше речеся. Которых мучительства российстии князи не возмогоша терпети, но лета 6770-го, совет сотворши, повелеша по всем градом побити баскаков оных татарских, точию тех свобождаху, елицы изволиша прияти христианскую веру. Обаче еще не могоша тем свободитися ига татарскаго, яко о том ниже изъясвится.

Лета 6770-го умре царь Сартак сын Батыев, по нем же облада Ордою царь имянем Беркай. Сей злочестивый присла послов своих к великому князю Александру Ярославичу, понуждаючи его и прочих князей российских с воинствы их ходити на войну с собою.

О чесом сжалився великий князь Александр, паки поиде во Орду к царю Беркаю, яко о том Степенная пишет, и уприси царя, да не будет такая нужда христианом. И оттуду великий князь Александр Ярославич шествуя, умре на Городце лета 6771-го.

Потом умершу стому злочестивому Беркаю, бысть во Орде царь имянем Менгутемир, иже лета 6778-го повеле умучити во Орде великаго князя Романа Олговича резанскаго, яко Степенная являет.

По сем бысть царь во Орде имянем Нагой, и лета 6790-го присылал рать свою с мурзами Туратемиром и Алысном на великаго князя Димитрия Алаксандровича. Сего и Стрийковский во своей Кронике объявляет, бывши войною в Полских странах лета от Христа 1288-го, от Сотворения Света 6796-го.

Сей царь имать быти, его же дщерь бяше за великим князем Феодором Ростиславичем смоленским и ярославским, иже даде ему в приданые города свои: Болгары, Кумань, Корсунь, Туру и еще Ареск, Гормир, Большат, иже является сице. Ибо преставися великий князь Феодор Ростиславич 6807-го лета, еже Степенная являет. И яко прежде девяти лет пришествия на Россию Кавгадыева с великим князем Юрьем Даниловичем на великаго князя Михаила Тверскаго, еже бысть 6823-го лета, бысть во Орде ин царь имянем Азбък. И посему умре царь Нагой 6815-го лета.

По сем того же лета бысть царь во Орде имянем Азбък или Азбек, к нему же ходил во Орду великий князь Юрь Данилович лет 6826-го. Сего Азбека Стрийковский называет сыном Батыевым, та-

кожде и Гвагнин, о татарех пишуши; но несть тако, ибо по смерти Батыеве до 6815-го лет, в ней же начат владети Азбяк, имать сочестися 59 лет. И по сему свидетелству несть той сын Батыев. В Степенной является, яко се злочестивый первый прелестника Махомета учение прият.

По сем бысть во Орде царь имянем Занибек или Жанибек, сын Азбяков, яко пишет в Степенной, степень 11, глава 6, такожде и Стрийковский. К сему царю лет 6808-го ходил во Орду великий князь Симеон Иванович и московской митрополит Феогнаст, иже пострада за наложение дани на святяя церкви.

Сей в начале царства своего, хотением властельства возбужденный, дабы мог без препятя царствовать, братию своих родных побити повеле; и властельство свое крепко в Российских странах разшири; о чем Стрийковский пишет.

При властельстве сего царя лет 6856-го, во отмщение пролитыя крове христианския от нечестивых татар, попущением Божиим, бысть на них мор велик во градах их и жилищах безбожных в Сарае, и Чаадае, и во Арначи, и Астарахани, и во всей Орде оной. И сего ради побегоша отуду мнози татарове в поля дикия, и наипаче умножишася около Дону и Днепра, и в Перекопи жити начинаху.

Сей царь Занибек взят царство Тавризское, яко пишут летописцы российскийския, лета 6865-го. Сие Тавризское царство может быти область лежащая за Астараханью, между морей Хвальнойского и Понта Эвксинскаго, юже Ботер называет область Георгиана, в ней же города: Томань, Тевриз, и Тефлис, и иные. Названа та область того ради тако, зане жители ея велию веру имеют ко святому мученику Георгию, ибо христиане суть, и имеют своего митрополита, под областию константинопольскаго патриарха.

При сем царе бысть во Орде святыи Алексей митрополит по прошению ево, и царицу ево имянем Тандулу от слепоты молитвою исцели, яко о том в житии святаго. Того же лета по взятии Тевризе бысть мятеж велии во Орде, ибо царь Занибек от сына своего Бердебек, советом ординских князей, убиен бысть, а Бердебек облада Ордою.

И тако бысть царь во Орде Бердебек, иже идущи следом отца своего такожде двенадцати, братьев своих родных побити повеле, дабы безстрашно властвовал. Бяше бо люот зело и немилостив, обаче и сам не продолжися властвуя, ибо точию два лета прежив на царстве исчезе, яко Степенная являет.

Ибо убиен бысть от царя Кулпа лета 6867-го, и с советником своим злым Тулубием, еже и Стрийковский подтверждает, пишуши, яко

Бердебек убиен бысть от Аскулпа или Акулпа царя, его же Стрийковский называет сыном Бердебековым. Но и той Акулпа царь точию един месяц царствова, потом убиен бысть со всеми детьми своими от некоего царя Наруса.

И бысть той Нарус царь, и облада ордами. К сему царю Нарусу, яко пишет Гвагнин, съехашася вси князи россиянии и упросиша у него, еже сами во княжениях своих без их начальников татарских княжити начаша. Обаче и той Нарус едва едино лето власти насладися, убиен бысть во Орде от царя заяицкаго именем Хидырай, такожде и сын того Наруса, и царица Тайдула от того ж Хидыря избиени быша лета 6868-го.

И бысть той царь Хидырь во Орде, но и той точию название царское стяжа, власти же едва употреби, ибо от сына своего именем Темироссы лестию убиен бысть.

Но и той царь Темиросса на властелстве зло приобретенном едва седмьдней преживе [ибо власти зле приобретенныя недолго обыкыша пребывати], ибо от князя некоего, имянем Мамай темника названого, изгнан и в бегстве убиен бысть. А князь Мамай с царем Овдулом со мною силою преиде за Волгу на нагорную сторону.

Во Орде же воста ин царь, имянем Килдибек, иже называшеся сыном Занибековым, а внуком Азбековым. И той такожде многих побив сам убиен бысть. В Сарай же тогда царь бысть Амурат имянем, брат преждевеченнаго царя Хидыря.

И тако сих злочестивых держава после царя Занибека в четырех точию летех разорися. В сих летех татарове Крымския и Перекопския все поля дикия, пространно за Киевом обретающияся, и Подолие прилежащие к Литовской области держали. И в тех странах баскаки или атаманы над россияны власть имели, иже дань с них збирали и по своей воли россиян яко подданных судили. И частыми приходы на Литовския страны великия пакости чинили литовскому князю Олгерду.

Того ради лета от Христа 1333, имать быти 1361-го [ибо Стрийковский пишет сего князя Олгерда имуща брань с великим князем московским Димитрием Ивановичем лета 1332, его же государствование началось по известным российским летописцем лет 1362-го], той литовский князь Олгерд во оныя времена, егда цари татарския быша в великом междоусобии и убийствах, советовав и совокупяся с племенники своими князьями литовскими, собрав многое воинство иде на поганых.

И прошед грады Черкасы и Канев прииде на урочище, реченное Синяя Вода, идеже река Бог в море впадает, обрете орды татар, кочующих тамо с тремя цариками, натрое разделенных: первый Кутлубах-солтан, второй Качибирей-солтан, третий Диментер-солтан. И бысть с ними князю Олгерду презелная брань, идеже мнози татарове избиени быша и оныя царики их таможе падоша.

И от того времени все поля, яже от Путивля к Киеву, и до усть Дону, и на другую страну Днепра даже до Ачакова от татар свободишася [ибо тамо, яко ныне в Перекопи, живяху татарове]. И прогнаша их к реке Волге, иных к Кафе, и ко Азову, и в Крым за самую Перекопь.

И от сего времени наипаче татарове умножахуся за Перекопом, обаче царей особных не имяху даже до царя Эдигеа, иже бысть товарищ Темир-Аксаку — о них же мало последи положится повесть.

В Великой же Орде за Волгою по убийствах вышеписанных царей татарских в лето 6869-го, а от Рождества Христова 1361-го, бысть царь Мамай темник печенный. В сих летех, то есть 6870-го, прият скипетродержание Московского государства великий князь Димитрий Иванович, иже слышав о таковых несогласиях царей Ординских и убийствах их между собою, мужеством же, и разумом, и властью многих прежде себе бывших превзыде, и тяжко си вмени под властью оных поганцов быти, и во Орду к ним ходити, и княжению указ или начало взимати — не посла к тому Мамаю даров обыкновенных, ниже присланных от него слушати хотяше.

Сим поганый царь възъярен будучи, посла на великаго князя многия своя воинства, иже лета 6887-го от великаго князя у реки Вожи побеждени быша.

От сего наипаче наполнися проклятый срама и ярости, собрався со безчисленными воинствы, их же до седмисот тысящей поведают быти, на другое лето по том, то есть 6888-е, поиде с великою гордостию, яряся на православие, хотя до конца опустошити Российское государство; ему же помощник бысть князь Олег Рязанский.

Сия услышав великий князь Димитрий Иванович ни мало ужасеся, но положи упование свое в Бозе, собра воинство велие, его же сочтесе сто седмьдесят тысящей; к тому приидоша ему в помощь князь Андрей Олгердович Полоцкой и брат ево князь Димитрей Брянской, такожде великоновгородцы и псковичи. И бысть ему всего воинства до трехсот тысящей.

И тако со всеми силами изыде противу поганыхи сретесе с ними за Доном рекою, и состави жесточайшую брань, идеже погании до

конца побеждени быша, яко трупия их на четьредесятих верстах лежало. Едва сам нечестивый убежа с величайшим срамом не во мнозе, яко о сем свидетельствуется в Синописе печатном Киево-Печерском.

Славна убо сия победа на татар бысть не токмо в Российских странах, но и во окрестных государствах, яко свидетельствует Жигмунт Герберштейн [муж земли Цесарския, бывый не единою послом великим в Москве от цесаря Римскаго Максимилиана], в книге своей пишущи о Московском государстве, и кроникарь польский Матфей Стрийковский глаголет, яко трупов татарских на шестидесяти пяти верстах лежало.

По таковой же победе паки окаянный Мамай, не могий срама того терпети, нача воинство совокупляти, хотящи ити в Московское государство. Обаче не попусти Бог тому нечестивцу озлобити достояние свое. Пришед бо некто из далные Орды царь именем Тактамыш и победи Мамай, ему же и вси князи Мамаевы приложишася.

Окаянный же Мамай с четьрмя князи своими забеже от великаго страха до града стоящаго над морем — Кафы — идеже имя свое утаи. Но вскоре познанный убиен бысть от фряс и яко злый, зле погибе.

И тако бысть во Орде той царь Тактамыш. Сей злочестивый лета 6890-го посла в Болгары татар своих, повеле избити купцов, яже тогда прилучишася тамо от Московскаго государства, того ради, дабы безвестно возмогл приити к Москве с татарами.

И собрався окаянный со многими воинствы, превезеся чрез Волгу в ладиях купецких, их же побил на Волге, поиде к Российским пределом. Князь же резанский Олег обведе их мимо Резанскую землю и броды им на реке Оке указа.

Великий же князь Димитрей Иванович, слыша таковая, зле оскорбе, отъиде на Кострому. Царь же пришел в Москву взял град лестию августа в 26 день идеже окаянный многое кровопролитие учини, церкви и иконы обруга, и град пожже, и презелно разори, и кончаши победу татар распустил в загоны, которых побил под Волоком великий князь Владимир Андреевич.

Царь же, слышав сие, отъиде во Орду, а великий князь Димитрей Иванович возвратися к Москве, иже виде пленение и опустошение отечества своего презелно скорбяше, ибо тогда двадесять пять тысящей избиенных христиан обретеса.

Но обаче вскоре по сих и сам окаянный Тактамыш изгнан бысть от царства от Темир-Аксака царя и прибеже помощи ради в Литву к великому князю литовскому Витофту, яко о сем Стрийковский. А в

Великой Орде и в прочих татарских странах начат прославлятися оный царь Темир-Аксак.

О нем же может неленостный благохотный читатель летописцев обрести довольную повесть, яко он будуще худородный и злодей, воинских ради дел великою славою прослы и страхом всему свету бысть.

Первое бо все татарския орды поплени и подручны себе сотвори, и Великую Орду, идеже Сарай великий и Чагадай, облада. Царь же ординский Тактамыш, не возмогши противо ему стати, убежа в Литву ко князю литовскому Витофту.

Темир-Аксак же поганый помышляше оттуду на Российския страны, пленити их. И прииде к Резанским пределом лета 6903-го, но не пусти Бог сему нечестивому погубити люди своя. Ибо страхом Богоматере устрашен быв возвратися во Орду и простре войну на восточныя страны.

И тамо искони вечною и славною Персидскою монархию облада, и турецкаго султана Баозита, обстояща царствующий Константинополь лет 6905-го порази, идеже до двоусот тысяч турецкаго воинства избиено бысть и сам Баозит пойман, его же в железной клетке на златой цепи Темир-Аксак во знамение победы вождаше с собою и на конь всегда с тоя клетки саждашеса.

Потом прият Египет, и Дамаск, и Вавилон, и Сирию, и Медию, Армению же, и Вифинию, и Каппадокию, Понт, и всю Малую Асию, и некое царство, стоящее у моря и каменных ради гор едину стезю вшествия имущее — но и тамо столп тверд и врата железа быша — прият; где бы сие царство обрестися могло, о том у Ботера, описателя всего света, поискати нужно.

Изъявляет бо той страну некую, названную Серуана или Сервана, недалеко Каспийскаго моря, во время его описания бывшу под областию перскаго царя. Ея же началныя города Шамаха, Исрес и Дербент, который стоит над враты горы Кауказу у единого теснаго пути между двема горами, огражден двема стенами, иже протягаются: до моря единая стена, а другая — на триста сажень; на них же суть врата железа, их же не мочно минути идуши из Серуаны в Тартарию великую или оттуду тамо.

И тамо приходили татарове в Каппадокию с цари своими Галионом и Багом, потом с Темерляном [иже есть сей Темир-Аксак]; сию ныне обще Медию называют. Яковым же ухищрением ту крепость той нечестивый облада, летописцы российские о том изъявляют. Сего всесветнаго страшила летописцы называли Темир-Кутлуем, а татаро-

ве Темир-Кутлу, то есть Счастлиное Железо, латинския же писатели называли его лютым Темерланом, якоже и непрелстишася в том, ибо той в пленении вышписанных государств и взятии недобытных крепостей и градов сице творяше. Егда к которому граду приходяше, хотящи его добывати, первый день поставляше намет белый, дающи знати, аще добровольно поддадутся ему, то живых оных при богатствах их оставити имать. На другой день пославляше намет багряный или красный, дающи знати, егда их бранию одолеет, тогда крови много пролятися имать. На третий день поставляюще намет черный, являющи, яко по взятии града ни единого живити имать.

Воинства с собою всегда имяше тысяща тысящей и двести тысяч. Тогда же и литовской князь Витолд, уповая славе и щастию своему, восхоте изгнанного Тахтамышша, согнав Темир-Аксака, утвердити на царстве Ординском, собрався со многим воинством литовским и российским и с царем Тахтамышем поидоша на Темир-Аксака.

И пришедше на реку Ворскл, обретоша множество татар на полях стоящих с царем Эдегою, его же полския летописцы называют товарищем Темир-Аксаковым. И бысть Витолду с татары тамо презельная сеча, иде-же многое литовское и российское воинство со многими князьми и мужи честнейшими побиено бысть. Едва Витолд с царем Тахтамышем не во мнозе дружине убегоша в Литву.

Бысть сия брань литве с татары лета 6907-го, а от Рождества Христова 1399. Окаянный же Темир-Аксак вскоре после сея брани начат собирати воинство, хотяше ити на пустошение Российских стран, идеже в некоторых странах татарских озиме и тамо многое ево воинство от мразов лютых изомроша.

Тамо же и сам нечестивый зле скверную свою душу изверже лета 6908-го. Тело же его скверное отвезено и погребено бысть в земли татарской, ю же Ботер называет Загадай, во граде Самаркандии, который Гвагнин называет столицею всех градов татарских.

По смерти же его воинство его разыдесе кийждо в страны своя. А помянутый товарищ его Эдега отлучися оттуду с Крымскою ордою, иже под его правлением во время Тимир-Аксаково бяше, и пришед в Таврику за Перекоп укрепися тамо.

И от сего времени начат умножатися и славится Перекопская, то есть Крымская орда, и царей нача своих оттуду имети. О них же последи описания Болшия орды царей объявлено будет. Большая же орда начат умалятися и к падению наклонятися, яко и конечно повоевана и опустошена бысть от московских великих государей.

Глава 3

*О царех бывших по Темир-Аксаце во Орде и о опустошении ея
от московских великих государей*

По смерти онаго всесветнаго страшила, Темир-Аксака глаголю, паки нача владети во Орде царь Тахтамыш, пришед из Литвы. Лет 6914 воста царь во Орде именем Жанибек, от него же паки Тахтамыш побежа из царства. И тако той проклятый пустошитель царствующаго града Москвы и христианский губитель, сам множицею бегая, убиен бысть в бегстве в земли Сибирской, а Жанибек облада Ордою.

Таже и сам недолго царствовал, изгнан бысть от царя некоего, именем Булат-Салтана. И бысть царь во Орде Булат-Салтан, или Зелед-Салтан, сын Тахтамыш, а Стрийковский называет его салтан Зеледин, иже изгнав Жанибека облада Ордою мало после вышеписаннаго лета.

Сей царь велию дружбу имяше с королем польским Ягеллом и с князем литовским Витолдом и многую помощь даваше им против крыжаков немецких, посылаючи татар своих в помощь полякам и литве. Иные поведают яко и сам на брани против крыжаков будучи убиен бысть от них.

После его остахася три сына: Бетсубуль, его же татарове Тактамышем называли, другой Керембердей, третий Яремфердей. И облада по отце своем средний сын его Керембердей, изгнав братьев своих лета 6926-го, от Рождества Христова 1418.

Тахтамыш же побежа в Литву ко князю Витолду, яко к приятелю отца своего, дабы помог ему доступати отцовы власти. Витолд же учинил его царем в Вилне, дав ему одежду злату и шапку и посла с ним много воинства литовскаго и татар литовских. Он же шед, сотвори брань с Керембердеем, обаче побежден и сам убиен бысть от него.

Брат же Тахтамышев Эремфердей, избыв от смерти, прибежал паки к Витолду. Его же Витолд посла на брата его, придав ему гетмана Радвила с воинством в помощь. Иже пришедше на Волгу учиниша бой, идеже Керембердей с воинством поражен бысть, потом и сам пойман и от брата убиен.

И Эремфердей облада Ордою и бысть Витолду великий друг и приятель. В российских же летописцах не обретається о сих царех, но пишут, яко последи Селед-Салтана, или Булат-Салтана, или яко

Стрийковский называет его Зеледин-Салтан, сына Тахтамышева, лет 6929-го бысть во Орде царь именем Улумахмет сын Зелед-Салтанов; а в Степенной имя Махмет.

Сего царя лета 6939-го изгна из Золотыя орды пришед из-за Яика князь некий именем Эдигей. У него же бяше тридесят сынов от девяти жен рожденных, от них же и меньший имяше до десяти тысящей воинства. И изгна царя и с царицами оттуду.

Он же, убежав, прешед Волгу и скиташеся в полях на различных местех. И пришед блиско пределов Российских посла с молением к великому князю Василью Васильевичу московскому, да повелит ему жити в странах своих, дондеже соберется с воинствы и отмстит князю Эдигею.

Великий же князь повеле ему кочевати в Белевских местех. Зане сей царь, еще во Орде будучи, имяше любовь к великому князю, и на княжении утверди его, и выходов во всю свою десять лет, отнюду же царем бысть, не взимаше. Потом великий князь начат размышляти и опасения от того внутреннего врага Улумахмета имети, дабы не учинил каким лукавством тщеты областем Российским.

И посла на него воинство свое с братию своею со князем Дмитрием Шемякою да со князем Дмитрием Красным Юрьевичи. Такжеде рязанские и тферские князи послаша воинство. И бысть всего воинства до четыредесяти тысящей.

Иже пришедше послаша к царю, да изыдет из пределов Российских. Царь же моляше их, дабы оставили его в покое, обещаваяся никогда с ними вражды творити. Тии же не вняша молению цареву поидоша на него бранию.

Он же затворися со своими в ледяном своем граде, его же тоя зимы в прибежище себе учинил бяше. Воинства же и всего с ним едва до трех тысящей было, из них же едва тысяща вооруженных обреталася. И тако российскийя воинства нападоша нань.

Он же немного бився во граде, изыде из него со своими на брань. И тако бысть жестокая битва, идеже Божиим гневом побеждени и одолени быша российскийя воинства от поганных, яко от четыредесяти тысящей токмо братии княжеския и пять воевод не со многими спашася. Бысть же сия брань лета 6946-го декабря в пятый день.

И по брани той возможе злочестивый, и богатства зело исполнися, и поиде чрез Волгу, и прииде ко граду Казани, и основа и обнови его, и царствова в нем, яко о том будет при описании царей казанских.

Летописец же полский Стрийковский пишуши обновляет заволскаго царя Шахмата, бывша войною в Полше на Подолие, лета от Рождества Христова 1438-го, а от Сотворения Света 6946-го, еже той же Улумахмет бысть.

По сем по трех летех, еже имать быти 6949-его, той же злочестивый царь Улумахмет со многими татары прииде ратию к Москве. Великий же князь, мало видев своих, отыде за Волгу, а на Москве остави воевод: князя Юрья Патрекеевича со иными некими. Царь же пришед стояше десять дней и ничтоже успев возвратися во Орду.

По том лета 6953-го той же царь Улумахмет приходил с татары к Мурому. И потом дети его Момотек да Егуп приходили изгоном тайно на великого князя Василиа Васильевича московскаго. И бысть ему с ними бой под Суздадем, идеже воинство Российское побииено бысть, а самого великаго князя плениша погании, иже свободися от рук их 6954-го лета. О сем и Стрийковский пишет.

По сем той царь Улумахмет, и с сыном своим меншим Эгупом, в Казани от сына своего Момотека зарезани быша. Прочии же дети ево — Касим да другой Эгуп — приидоша служити к Москве к великому князю Василью Васильевичу лета 6956-го.

В Великой же орде облада оный царь Эдигей, изгнавый Улумахмета, и обладаше многия лета. Детей же своих в страсе великом содержаше, яко ни един от них дерзну власти искати кроме воли его.

Егда же состаресе, и смерть уже настояше нань, собрав тогда к себе всех сынов своих, начат заповедати им, наказующи под прещением, дабы вси жили купно, не деляся царством, и един бы единого не истребляли, но купно стрегли государства си.

Подая им образ содержания совет под сицевым вымыслом. Повеле принести к себе тридесять стрел и даде коемуждо сыну по единой стреле, повелевая им преломати я: тии же скоро сотвориша повеленное. Потом повеле принести другия тридесять стрел и даде их купно, первее старшему сыну повелевая преломити вся вкупе. Той же много трудився, не возможе учинити того. Потом другому и третьему, даже и до последняго даваше их, преломити веля, но ни един от них возможе учинити того.

Эдигей же восприим слово, начат паче увещевать в совете жити их, глаголя: Аще поделится царством и будет кийждо от вас жити самовластен, тако могут вас окрестныя соседи истребити, яко вы стрелы преломали есте, и изгибнете вси. Аще же вси в совете будете между собою и общими силами против супостатов стояти, то едва кто вас одолети может.

И сице завещав, и приклад совета и любви памятный учинив, умре царь Эдигей. Но обаче дети его мало сему внимлющи, по смерти его воздвигоша между собою брани и вси истребишася.

Последи сего Эдигеа и сынов бысть во Орде царь Седахмет имянем, иже лета 6959-го, Богу попустившу сего окаяннаго, присла тайно Россию воевати царевича Мазовшу имянем со многими татары. Великий же князь, не успев собратися с воинством, уклонися за Волгу.

Татарове же пришедше посады у Москвы пожгоша и ко граду приступающе много зла сотвориша. Граждане же изходяще из града бяхуся с татары. И тако погании прогнани быша.

По сих четырем летом минувшим, еже имать быти 6963, тии же татарове Седахметевы орды приидоша на Россию и Оку реку приидоша. Великий же князь посла противо им князя Ивана Юрьевича. И бысть им бой, и Божиим пособием побеждени быша погании.

По сих в лето 6967-го паки тиижде татарове Седахметевы орды, свирепством похваляющися, приидоша к Оке реке. Великий же князь, Бога помощника имея, посла противо их сына своего, великаго князя Иоанна. И шед бишася с ними об реку, и тако побеждени быша и побегоша.

Сего Стрийковский называет Садахматом, пиша сице: яко Завольской орды царь Садахмат приходил с войски на Подолие ко Львову городу и мног плен взем и корысть; идяше в свою землю, ему же заступи путь перекопский царь Эди-Гирей и до конца победы его. Садахмат же с девятию сынами своими и со многими честными мурзами убежа в Литву, яко к своим приятелем.

Зде сумнительно, как бы ему пустошиша Подолие, прилежащее к Полше, яко на безстрашное себе место в Литву бежати и от смерти тамо спасатися. Еже сице разумеется. В том ево пустошении подозрение имяху поляки на литву, якобы их призыванием Садахмат воевал Подолие. Того ради литва, покрывая лесь свою, онаго Садахмата, прибегша к ним, поимаша, дабы тем могли из подозрения у поляков свободитися. И под стражею стрегом бысть, идеже и уморили его, дабы тем учинили дружбу крымскому царю Эди-Гирею.

А в Степенной же российской является, яко царь Седахмет поиде со всею ордою на Российское царство, и бывшу ему на реке Дону, и ту прииде на него крымской царь Эди-Гирей, и победи его, и орду его взял. Сие же бысть лета прибежати ему в Литву 1450-го.

По сем Стрийковский дале пишуши глаголет, яко татарове заволския лет от Рождества Христова 1468-го, а от Сотворения Света 6976-го, с царем своим Маниаком, переправясь через Дон, на три

части воинство разделили и воевали Литву, Подолие, волохов. И тогда Литву, и Подолие, и Вольнь презельно повоевали, волохи обаче трижды татар победили, яко мало нечто их убегоша, идеже и сын царев пойман бысть и к воеводе Стефану приведен.

Царь посла ко Стефану, претящи ему войною, дабы свободил сына его Ислена. Стефан же при послах оных сына его на части разсеци повеле, а послов на дресеса потыкал, оставльши тамо единого от них, ему же повеле обрезать губы, уши, нос и тако отпустить его, дабы то царю своему поведал.

По сем восприим царство Золотые орды царь Ахмат имянем, посла послов своих к великому князю Иоанну Васильевичу московскому и всея России, по обычаю царей ординских с басмою, просити дани. Великий же князь басму приим поплева на ню и потопта, послов же всех побити повеле, точию единого оставив отпусти к царю.

Нечестивый же царь зело разгневався и огнепальною яростию дыша, собрав силу многу, лета 6980-го короустремительно прииде ко граду Алексину, его же попленив и пожже, аще и сами мнози избие ни быша. И оттоле устремися ко Оке реке и вси напрасно вринушася в реку, хотящи преити ю; и абие в той час приспе тамо многое российское воинство, их же бяше яко море колеблющеся. И тако погани, трепетни будуще, побегоша прочь, Богу пославшу на них страх, еще же и язву смертную, ибо напрасно в полцех падающе умираху.

Чего ради проклятый наипаче ярости исполняшеся многажды посылаше к великому князю, зовущи его к себе во Орду. Великий же князь нимало сему внят, но послов его всячески ругателно отпускаше. Ибо о сем пророчествоваше два святители: Иона митрополит московский и Иона архиепископ новгородский — в малых летех прежде сего — яко российстии самодержцы не имут к тому быти под областию ординских царей.

Беззаконный же царь, не возмогши к тому срамоты своя терпети, лета 6988-го собрав многую силу: царевичи, и уланы, и князи, и мурзы — скороустремительно поиде к Российским странам. Во Орде же своей токмо остави тех, иже не доволни оружием владети. Ибо ни откуду супостата бояшеся. Ему же согласник был и полский краль.

Великий же князь Иоанн Васильевич посла воинство по многим градом, яже стоят на берегу реки Оки. Царь же, слышав о собрании российских воинств, поиде к Литовским странам, ожидаючи краля полскаго, и пришед ста на бротах реки Угры. Российское же воинство, пришедши тамо, многу брань творяху с ним, возбраняючи ему прешествия, идеже бысть и сам великий князь.

Царь же стоя, искаше бродов и преходу и не можаше того учинити. Великий же князь, советовав с боляры, умысли дело благо сотворити. Ведаше бо, яко в Большой орде, отнюду же царь изыде, не бяше воинства, тайно посла многое свое воинство в Большую орду, в жилище поганых. С ними же посла служащего ему царя Уродовлета городецкаго да воеводу князя Гвоздева звенигородскаго. Царю же ничтоже ведущу о сем.

Они же в ладиях шедше Волгою рекою приидоша во Орду и обретоша ю песту воинскими людьми, токмо бяху женеск пол, и старые, и отрочато. И тако зело плениша их и опустошиша, жен и детей поганых смерти без милости предающе, жилища же их огнем пожигающе. И, конечно бы, возмогоша тогда до конца оных поганов истребити.

Но городецкаго мурза имянем Обляз Силный пошепта цареви, глаголя: «О царю! Нелепо есть великое сие царство до конца опустошити и разорити, отнюду же и ты сам изшел еси и мы вси, и се есть отечество наше. И сего ради идем отсюда: уже бо и тако доволно попленихом и повеленная исполнихом, егда како Бог прогневается на нас; но идем отсюда».

И тако православное воинство возвратишася из Орды и приидоша к Москве с великою победою и со пресветлым одолением, имуще корысть многу и плен немалой. Царю же о сем уведавшу, в той час от реки Угры отступиша и ко Орде побежаша. По отшествии же московскаго воинства, еще царю не приспевшу во Орду, приидоша на Орду нагайские татарове, и тии такожде и останки жилищ поганых разплениша и жен царевых поимаша.

И преплывши Волгу поидоша самому царю встречу, и внезапно стретюшася с ним в поле, и много бившися с ним одолеша его, идеже все воинство его погибе. Тамо же и сам убиен бысть от шурина своего имянем Ямтемир мурзы. И тако в конечное опустение и разорение прииде оное возможное прегордое поганское царство. Сие вышеимянованный летописец.

В Степенной же повествуется, яко во второе лето по бытии ево на реке Угре прииде на него нагайский царь Иван имянем, иже убив Ахмата Ордою облада. Но или сие, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение.

Тому же согласно и полскою летописец Стрийковской пишет, яко того царя приход ко Угре бысть за подущением короля полскаго Казимера, лета от Рождества Христова 1477-го, от Сотворения Света 6985-го, трети леты токмо прежде летописцов российских, сие гла-

голя. Краль Казимер приехав в Литву скоро посла дворянина своего к заволскому царю Шахмату [или Ахмату, яко на листу 683 называет его Ахматом, пишуци о сыне ево], просяще его, дабы ему подал помощь противо великому князю московскому.

Царь же нимало медля поиде по прошению ево со всеми ордами своими на Московское государство и пришед стал у реки Угры. И аще властители литовския зело хотяху обид своих от московскаго государя войною доходити, обаче краль Казимер с таким грозным государем покойно поступити умысли. Видящи его тако вознесеннаго и мужественнаго, преумножением великих богатств и стран обладанных. Такожде на множество неисчетнаго воинства, искуснаго непрестанными войнами и памятию прошедших побед в крепости своей уповающаго. Своих же должайшим залежанием непотребных и подобных женам на войнах быти поведал. И того ради с московским государем на неколико лет перемирие утверди.

А царь заволский стоял немало время на Угре, ожидаючи повеления Казимерова. И потом государь московский многие дары даде гетману Шехметеву имянем Темирю, дабы отвел царя во Орду паки. Царь же, не имущи повеления от Казимера, будучи наговорен от гетмана онаго, возвратися в царство свое. Его же тамо той же гетман ево Темирь зарезал за взятых подарки от московскаго государя.

Сия суть инстинныя словеса вышеимянованнаго летописца.

По сем облада Ордою сын Ахматов или Ахметов именем Шахмат. Сей, яко древняго приятеля литовскаго Ахмата царя сын, со князем литовским Александром клятвами утвердишася против великаго князя Иоанна Васильевича московскаго и всея России и против Крымской орды, еже бы их общими силами воевати.

И тако Шахмат, лета от Рождества Христова 1501-го, а от Сотворения Света 7009-го году, на осень, прешедши реки Волгу и Дон, со всею ордою Заволскую приидоша на помощь Литве против московскаго государя, их же до ста тысящей поведаша быти.

И тако царь прииде с ними в Северскую землю, ста под Новымгородком Северским и у иных градов, идеже попустоши землю до Брянска, и взяв Новградок и иные грады, отдаде их послу Александра. И сам царь ста на Днепре между Чернигова и Киева, идеже порази воинство Менди-Гирея царя Перекопскаго [которыя хотели ево с поль оных согнати], яко мало что их убегоша.

Царь же стояше тамо многое время, и яко не бысть ему ничтоже от Александра согласия, посла к нему послы своя, жалобу великую на него приносящи, яко он по прошению их пришел из таковых дальних

стран с великим трудом, а он с ним сил не совокупляет и промыслу не чинит. И того ради многие ево татарове в неплодных полях от мразов, и гладу, и от всякой нужды и с коньми конечно погибают.

Обаче послы те малыми подарками подарены и ни с чем отпущени быша. В то же время жена Шахматова, не возмогши терпети глада, и мразов, и прочих нужд, с болшею частию воинства его убежа к крымскому царю Менди-Гирею, ему же прибытием тех примножися воинства и дерзновения.

И тако собравшись прииде безвестно на Шахмата, и порази его до конца, и всю орду бывшую с ним поплени. Шахмат же с братом своим Азак-Салтаном и с мурзами честнейшими, прибежа к Киеву и став недалеко, посла к воеводе киевскому ко князю Димитрию Путятичу, поведая ему прилучившаяся себе.

Его же воевода много дней чреждаше доволно. Потом Шахмат побеже оттуду безвестно к Белу-граду, помышляючи оттуду утещи к Баозиту турецкому султану, хотя поддатися ему и просити помощи против краля полскаго, хотящи Полше и Литве обиды своя отомстити. Но егда доведася, яко султан турецкий по прошению Менди-Гирея царя крымскаго повеле сенжаку белгородскому поимати его и к себе прислати, скоком паки к Киеву побежа.

Воевода же киевский, поймав, в Вилню град отосла его, идеже под стражею блюдом бяше. И потом, будучи с королем на сейме, приносил жалобу на короля и панов радных, со слезами выговаривая им, яко он их ради великия терпит беды, и разорения, и напасти, наконец же и под стражею свое пребывание.

И потом по многом ево прошении повелением королевским со многою честью отпроважен бе в город Троки и блюден до приезде королевскаго, идеже и сам обещася краля ожидати. И тамо приехаша к нему послы от князей нагайских, с ними же честно ездяше на ловы зверей. Усмотрив же время, побежа тайно из Трок, но обаче от Алехнамонивидовича, наместника троцкаго, и от иных дворян королевских под Киевом постижен, поиман и связан бысть, паки в Троки отвезен и крепко стрегом бяше.

В то же время приидоша к паном литовским посланные от перекопскаго царя Менди-Гирея, просяще у них, дабы Шахмата в крепости держали, яко же и прежде панове литовския по желанию дяди его Шахмату же заволскому учинили. А он того ради обещается покой с ними имети и помощь им всюду посылати, которую им яко блиский сосед скорее может учинити, нежели Шахмат из дальних своих стран.

Шахмат же, под стражею будучи, уведа о сем и глагола паном литовским, яко лестию Менди-Гирей тако им обещается: «Ибо он не может удовольиться моим бедным пленением и того ради престати войною во страны Литовския приходити».

Обаче по том лета от Рождества Христова 1506-го, а от Сотворения Света 7014-го, егда краль Александр прииде в Вилню, тогда и Шахмота повеле привести к себе тамо же. И по желанию царя перекопскаго Менди-Гирей повеле князю Михаилу Глинскому поимати его и во град Ковно в темницу отвести. И тамо той бедный Шахмат нужно житие свое сконча. А иные татарове его по иным градом посаждени быша и такожде изомроша. До зде Стрийковский.

Сей последний царь бысть Болшия или Золотыя Орды. Сему согласно и в Степенной московской пишет, яко царь крымской Менди-Гирей побил Болшия орды царя Ахмета, еже той же имать быти, и Орду его конечно обладал, и людей в Крымскую Орду преведе. К великому же князю Иоанну Васильевичу московскому и всея России приидоша служити из Астрахани два царевича, Исуп и Байтерек, царя Ахмета Болшия Орды племянники.

Уже убо малыми леты прежде сего, яко о том довольно изьявися, начат наипаче малитися Большая Орда от непрестанных своих междоусобных браней и нестроения, паче же от пленения воинства российского, еже утверждается и иностранными писатели.

Яко пишет Ботер, глаголя: Великий князь Иоанн Васильевич московской, ведящи о несогласиях татарских, яко между собою кусались, на крепость же государства своего надежду имущи, не восхоте им дань давати. И в то время, в не же поразили татарове перекопския царя Ахмата, последняго наследника Батыева, иже умре в Вилне. Тогда государь великий князь Иоанн Васильевич московской присовокупи к государству своему Пермь, Вятку, Югру — области, бывшая под властию Ахматовою.

И егда государем московским умножахуся силы, царь Василей Иванович, сын его, взял Казанское царство [знать в то время писал Ботер книгу свою, егда была Казань под Московскою державою, ибо многжды отступоваху и одолеваемы бываху], а сын его царь и великий князь Иоанн Васильевич взял Астраханское царство.

И тако многонародное и сильное оное бусурманское Золотыя Орды царство вконец опусте и искоренися, от него же прежде российстии народи, Богу тако попустившу, не точию в великом разорении и пленении были, но просто рещи, ничтоже свойственнаго без их бусурманскаго изволения нареши смеяху.

Пребысть же сей наказателный бич — или свойственнее рещи меч от Бога посланный на христианы, от лета по Сотворении Света 6745-го, в не же окаянный Батый пленил Российское государство, до изчезновения сего последнего нечестиваго Ахмата, лет 269.

Страны же те, и грады пустыя, и прочия места, идеже нечестивыя татарския жилища быша, приидоша под державу великих государей российских самодержцев по взятии града Казани и всего того царства, яко о том Казанском царствии и взятии его и оных вышереченных стран zde предлежит повесть.

ЧАСТЬ 3

Глава 1

*О начале и населении града Казани, и потом о разорении его
от московских великих государей*

Царство Казанское славно и великоможно от давних времен бяше и знаемо не точию российским народом, но и иностранным многим. О нем же иностранныи историки и всего света описатели не умолчаша описати, их же аз zde на свидетелство и подтверждение летописцам российским привести потщуся.

Иоанн Ботер, италианин, всего света описатель, описуя Тартарию и Скифию, поминает о орде Казанской и повествует град Казань под державою великих государей наших московских быти, идеже, глаголет, великий князь Иоанн Васильевич московский и всея России заведе множество лифлянтов. И под областию Казанскою поведает о людех вятчанех и черемисах, иже вельми суть приклонны к чародейству и волхованию, изводящи чары своими облаки дождевныя, и ветры, и гром.

Историк же полский Александр Гвагинн, описуя орды татарския, о казанских татарех пишет сице. Татарове казанския суть лучше иных татар и нечто учтивости имеют в себе множае иных, домостроительству и земледельству вельми извычны и разумны. Сии в домах, а не в пустых катадрах или сенех пребывают, купечество и мены торговыя с москвою и персами имеют. Царей своих даже до царства великаго князя Ивана Васильевича и сына ево царя и великаго князя Василия Ивановича всея России самодержца имели, никому же послушных.

От российских же летописцов о Казанском царствии и границах его сице изьявляется. Яко древнии границы Казанския земли бяху от Новаграда Нижнаго в долготу на восток солнца по обе страны реки Волги вниз, до Болгарских границ до реки Камы, в широту же про-

стирахуся от Волги на полнощ до Вятския и Пермския земли, а на полудне в поле до Половецких пределов.

О начале же царства Казанскаго сице. Егда минуша двадесять лет по батыеве пленении, еже имать быти 6765, яко о том выше пространно изъясися, быша вси князи российстии под властию царей Золотыя Орды. По Батые же бысть царь во Орде именем Саин — тот имать быти Сартак сын Батыев — иже хотяше паки воевати страны Российския, и поиде с воинством тамо.

Князи же российстии убоявшеся, поидоша молити его, дабы не пленил земли Российския, и встретивше его, давше многи дары злочестивому, и утолиша его. Царь же на том месте, идеже воздержашествие свое, восхоте поставити град во славу свою, и дабы был пристанищем послом его, ходящим в страны Российския дани ради.

И того ради посла многих по различным местам искати удобна места к созиданию града. И обретено бысть место на самой уkraine Российския земли, на реке Волге, на сей стране реки Камы, концем прилежащее к Болгарской земле, другим же к Вятке и Перми, иже быше всякими доволствы преисполнено.

Глаголют же, яко прежде тамо гнездяшеся змий великий о дву главах, едина змиина, другая воловая, и иных различных змий множество. Их же волхв татарский волхованием собра всех во едино место, идеже сожжени быша. И на том месте по желанию своему постави царь град и нарече его Казань, еже российски толкуется котел золотое дно.

Российстии же князи не токмо противословити не смеяху царицеви, но и град принуждены быша делати, от стран своих художников и работников посылающе. Народов же российских, иже живяху близ того места, всех изгна оттуду поганый, и во едину три лета до конца опустоши, и вместо них наведе и насели из-за Камы языков лютых поганых болгар и со князи и старейшинами их, такожде и прочих поганых языков, яже называются горняя и луговая черемиса, зовомыя остяки, народ простый, иже бяху пришелцы из Ростовския земли отбегшия оттуду крещения ради и населишася в болгарских жилищах.

И приложи царь Саин к Казани граду болгарския грады со всеми людми в них и в уездах живущими, да обладаются Казанским царем. И бысть той столный град вместо Бряхимова болгарскаго града, и вскоре тамо новая Орда зачася, и называшеся Юрт Саинов. Любляше же его царь зело и часто приходя из своего столнаго града Сарая пребываше тамо.

И потом на том своем юрте остави царя от колена своего со многими князи. Последи же того царя мнози кровопийственнии царие царствоваша в Казани мало мнее полутора ста лет, их же царствования, паче же и самых имен не обретається в летописцах скудости ради их, браней ради и пленений непрестанных от татар даже до сего времени.

Лета 6904-го тоя Казанския орды царевич Ектяк, со многими татари призван от князя Симеона Суждалскаго, прииде к Мурому и много около града ратова. И того ради великий князь Василий Дмитриевич, не терпя такового его лукавства, ревностию Божиею подвижаем, посла на поганья брата своего князя Юрья Дмитриевича со многою силою воевати орды Казанския.

Они же шедше взяша города Казань, Болгары, Жукотин, Кременчуг, и прочия их села, и Золотую Орду повоеваша, и грады разориша, и царя казанскаго с царицами его мечу предаша. И со многою победою возвратися князь Юрье Димитреевич к Москве. И от того времени смирися Казань и в худость прииде, и стояше пуста чetyрeдeсять лет.

Такожде и после оныя первыя войны великий князь Василий Дмитриевич смирился бяше с крымскими татари и купно воеваша Казань и царя Зелед-Салтана, сына Тахтамышева. Крымския по полям хождяху, а великий князь в судех Волгою; с другую же страну малгиты силныя стужаху им, их же улусы бяху на реке Яике. И тако отвсюду зло бысть Орде той, ибо от тех малгит наипаче в запустение прииде, и царь Зелед-Салтан исчезе, 6929-го лета.

Глава 2

О обновлении Казани от царя Улумахмета, и о прочих царех по нем бывших в Казани, и о многократном покорении и отступлении казанцев от Московскаго государства

По сем того ж лета бысть в Большой орде царь имянем Улумахмет, сын Зелед-Салтанов. В десять же лет после того царя Зелед-Салтана, а по взятии Казанском от князя Юрья Дмитриевича в чetyрeдeсять лет, а в шестое лето княжения великаго князя Василья Васильевича, еже имать быти 6939-го, ибо той княжити начат 6933-го лета, прииде на того царя Улумахмета из-за Яика князь имянем Едигей, у него же бяше тридeсять сынов, от девяти жен рожденных, от них же и менший имяше до десяти тысяч воинства, иже имяновало-

ся от него малгиты сильные. И в подданстве у него быти не восхотеша, и Золотую Орду воевати дерзнули. И от них изгнан бысть царь, и с царства прииде кочевати в Белевския места. Отнюду же хотящи его изгнати, великий князь Василей Васильевич посла на него воинство, иже от него побеждено бысть, яко о том писася выше при описании царей Золотыя Орды.

Последи же тоя брани возможе злочестивый, и зело богатствы исполнися, и пошед от пределов Российских превезеся чрез реку Волгу, прииде ко граду Казани, яже тогда пуста бяше от пленения российского воинства. И начат собирати оставльшихся тамо татар, иже любезно приемше его и поддавшися, молиша его, да будет им заступник и собиратель царства.

И тако царь постави себе деревяный град крепок на ином месте, не далече от старой Казани. И начаша к нему збиратися мнози татарове от Золотыя орды, и от Астарахани, и от Азова, и от Крыма. И от того времени начат изнемогати великая Золотая Орда, укрепляти же ся вместо тоя новая Казанская Орда, запустевший Саинов юрт.

И прииде царская слава, и честь, и величество от престарелыя окаянная матери Золотыя Орды на преокаянную дочь Казанскую Орду, которая паки обновися злогубительным царством и растяше, напаяемо безпрестанным кипением кровей сынов царства Российскаго. Ибо той злочестивый царь Улумахмет велия воздвиже брани на землю Российскую, паче всех царей, бывших последи царя Саина в Казани, понеже злокознен и огнедыхателен яростию и дерзновением бяше, телом же велик и силен.

И отъвсюду собрав воинственную силу, в третье лето по Белевской брани, иже имать быти 6947, устремися на пленение Российскаго царствия. Великий же князь не успе собратися с воинством, уклонися за Волгу, на Москве же остави воеводу князя Юрья Патрекеевича со множеством народа. Царь же пришед под Москву июня в 3 день и стояв десять дней, посады пожегши, возвратися в Казань.

По том лета 6953-го той же злодыхательный царь Улумахмет пришед внезапно седе в Новем Нижнем граде и потом иде к Мурому. Великий же князь слышав о нем, собрався с братиею и с воинством своим, поиде ко Владимиру граду и оттуду хотяше на царя ити к Мурому. Он же слышав о воинстве российском побеже от Мурома. Обаче татар его множества тогда побиша тамо и во иных местех.

Потом того же лета той же нечестивый царь посла детей своих Момотека да Югупа ратию на великаго князя Василя Васильевича, с ними же бысть ему бой у града Суждаля в шестый день июня меся-

ца, идеже побежден бысть великий князь, зане мало имяше воинства, и сам нечестивых руками ят бысть. Но обаче за обещание искупа отпустиша его нечестивии из града Курмыша октября в 1 день 6954-го лета; оттуду прииде к Москве. Сице Степенная являет.

В неких же летописцах обретається, яко великий князь и в Казань сведен бысть, идеже царь велми почиташе его, не яко пленника, ниже нужды какия творяше ему; и оттуду искуплен бысть.

И потом той огнедыхателный змей того же лета и с сыном своим меньшим Эгупом зарезан бысть ножом от сына своего Момотека. Прочии же дети Улумахметевы, Касым да другой Эгуп, приидоша служити великому князю Василью Васильевичу к Москве.

И бысть той нечестивый Момотек царь в Казани, и сице от онаго змия лютая скорпия произыде и от лва лютейший скимен изскочи, зане сей нечестивый многия беды и пленения творяше Российскому царствию, паче же странам Нижнаго Новаграда и Мурома, иже прилежаху к Казани.

Лета же 6957-го той нечестивый посла князей своих со многою силою воевати российских градов. Великий же князь посла противо им сына своего великаго князя Иоанна Васильевича с воинствы. Нечестивии же страхом объяти бывше возвратишася. По сем умре той проклятый царь Момотек в Казани.

По нем же бысть царь в Казани сын Момотеков Ибраим имянем. На него же великий князь Иоанн Васильевич московский лета 6976-го во отмщение проливаемыя от них крове христианския и пленения отца своего посла многая своя воинства, их же вручи царевичу служащему ему, Касиму сыну Улумахметеву. С ним же и воевод посла, князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Стригу, и двор свой со многою силою. Они же пришедше к Казани сотвориша брань с погаными, идеже множество их от оружия христианскаго паде. Христианское же воинство во всяком благополучии с победою возвратишася к Москве.

Лета же 6977-го паки великий князь Иоанн Васильевич посла на Казань конною ратию братий своих князя Юрья, да князя Андрея Васильевичев и иных воевод, инех же Волгою в судовой рати; воинство же со всеми ими многочисленное посла. И тако водное воинство прииде к Казани мая в 21 день и не дождавшися коннаго воинства приидоша ко граду безвестно. И едва не взяша тогда Казани, и совершенно бы взят был, аще не бы воевода Иван Руно понаровил татаром.

Во второй же день паки бысть бой российским воинством с татарами, такожде и в прочия дни. Конное же воинство слышавше, яко

ничто же успеха оно водное воинство, возвратишася, и тии ничто же успеше.

Еще потом великий князь Иоанн Васильевич лета 6978 множайшее собрав воинство посла на Казань братию свою князя Юрья да князя Андрея Васильевичев и воевод многих с конными и водными воинствы. И приидоша обое воинство во едино время под град. Татарове же изшедше учиниша с ними бой велик и потом побегоша во град. Христианское же воинство гнаша по них до стен градных и осадивше град крепко.

Царь же Ибраим, видев себе с сущими во граде в велицей беде суща, послав к братиам великаго князя и к воеводам, поддадесе под государеву высокую руку по всей воли его. И тако все православное воинство с пресветлым одолением здраво возвратишася к Москве. А царь по том умре вскоре.

Историк же польский Александр Гвагнин о сем царе Ибраиме инако пишет. Глаголет бо той во описании земель татарских о казанских царех сице. Царь казанский именем Халеалек, иже бысть в подданстве у великаго князя Василья Ивановича [имать быти Иоанн Васильевича]: сей оставя жену именем Нур-Салтан умре бездетен, юже по повелению великаго князя взя в жену себе некто татарин знаменитый именем Ибраим и бысть царем казанским. У него же бяше сын от первыя жены ево именем Алехам, а от сея Нур-Салтаны имяше детей Махмет-Аминя да Абдельатифа.

По смерти же Ибраимовой Алехам, яко первый сын его, царь бысть по Ибраиме. Лета 6980-го бысть царь казанский Алехам, у него же бяху братия Махмет-Аминь да Абделатиф, иже с братом си царем Алехамом некоторыя ради вины воздвигша вражду, отыдоша к Москве служити великому князю Иоанну Васильевичу. Их же великий князь радостно приим и удоволи:

Махмет-Аминю даде во обдержание град Коширу, другому мужу, брату его, иные грады. И тии, гнев имеюща на брата своего царя Алехам, непрестанно советоваху великому князю, да пошлет воинство на Казань, дабы брат их не царствовал един и не ругался над ними. Великий же князь, послушав совета их, паче же помятуя о пленении и безчестии отца своего, лета 6995-го собрав воинства много зело и посла с ними воевод своих князя Данила Холмскаго, князя Александра Оболенскаго, князя Семена Ряполовскаго, иже идоша в силе тяжце.

И недошедшим им до Казани, встрече их царь Алехам казанский со многими татарами на реке Свяге. И бывшу велию сражению, иде-

же помощью Божию побеждени быша от российского воинства нечестивии и царь их в той брани руками ят бысть. Прочии же бежаша во град и затворитися не успеха, ибо российское воинство вскоре по них прибегоша и, яко царя с собою в руках имуще, кроме многого труда внидоша во град и оным обладаша. Идеже и мать цареву, и жену его, и двух братьев: Малендара именем и другаго Кудайлука взяша. И тако покориша Казань под государеву руку.

И оставиша воевод тамо, сами со пресветлою победою возвратишася к Москве, имуще с собою оных нарочитых пленников. Их же, зане не восхотеша креститися, посла великий князь в заточение: царя Алехамы и с царицею во град Вологду, мать же со двема царевичи на Белоозеро. Идеже в заточении том царь Алехам, и мать его, и царевич Малендар изомроша.

Менший же царевич Кудайлук остався, его же великий князь, взем ис темницы, повеле крестити в христианскую веру, и наречен бысть Петр. Ему же великий князь даде в супружество сестру свою великую княжну Евдокию. По лете же едином умре и той царевич.

В Казань же великий князь Иоанн Васильевич того же лета посла на царство коширского царя Махмет-Аминя, брата Алехамова, иже пребыв в Казани неколико лет начат князем и прочим жителем казанским обиды и насилие чинити и женам их безчестие. Они же вознегодоваша нань, приведоша к себе некоего царя шибанскаго именем Манука. Махмет-Аминь же, изгнан будучи, прибежа к Москве.

Великий же князь паки даде ему во обдержание города: Коширу, Серпухов и Хотунь. Он же и тамо живяше неводержно и многим насилие творяше. Князем же казанским и прочим людем и Манук неугоден бысть. Того ради от всея земли послаша Сеита к Москве молити великаго князя о винах своих и дабы изволил им инога царя послать, кроме Махмет-Аминя.

Великий же князь послушав моления их, посла к ним на царство брата Махмет-Аминева Абдельатифа; и пребысть тамо на царстве пять лет. Сей нечестивый многую свою силу неверность показа к великому князю. О чем великий князь доведовся, повеле его поимати и к себе привести. И тако приведен и послан бысть в заточение на Белоозеро, идеже и умре.

Лета 7010-го паки великий князь посла в Казань на царство Махмет-Аминя, прежде бывшего тамо. Сей царь Махмет-Аминь, испросив у великаго князя ис темницы жену брата своего Алехамы царя, и оженися ею, и живяше с нею в Казани, служащи Московскому государю.

Сия окаянная начат во уши мужу своему шептати развращенныя глаголы, советующе, дабы отступил подданства московскаго и побивше народ российский тамо бывший тогда един самовластно владел царством. И аще, рече, сие сотвориши, то велию славу получиши и царством долго владеть имаши, аще же не сотвориши тако, то вскоре отпасти царство имаши, яко же и брат твой, а мой муж царь Алехам.

Той же нечестивый царь, забыв к себе благодеяние и милость великаго князя, прельщен будучи словесы жены своея, дерзну тако сотворити. Лета 7014-го июня в 24 день, в день рожества крестителя Господня святаго Иоанна Предтечи, в он же бываше по вся годы в Казани ярманка знаменитая и зело людная, идеже приежжаху купцы от разных многих стран, паче же от Московских, со многим имением и преизобилными богатствы, той же нечестивый царь в той день повеле народ и купцов российских, во граде бывших тогда, такожде и во областех казанских живущих, всех побити со женами, и з детьми, и со ссущими младенцы, неведущим им ничто же о сем, ниже спасения имевшим. Ибо во всякой надежде, яко же в домех своих живуще бяху. Богатства же их безчисленная разграбиша нечестивии.

И от того времени царь Махмет-Аминь зело обогатися, и всякии доволствы преисполнися, и содела себе венцы златы, и всякую утварь царскую, такожде и сосудов серебряных; и к тому уже не ядше ис котлов и ис корыт, яко пес некий. Такожде и прочии князи и татарове исполнишася зело богатствы и уже престаша ходити в тулупах и козьих кожах, но зело в драгих преиспращенных и цветных одеждах.

Но обаче и еще сим не удоволися проклятый, но собрав многое воинство, к тому же наят в помощь себе нагайских татар до двадесяти тысящ, и яростию дыша иде с ними на пролитие христианских кровей. И пришед под Новьград Нижний пожеже посады окрест его и многое разорение сотвори христианом.

Во граде же тогда бысть воевода Иван Васильевич Хабар-Симской, иже ни мало убояся множества нечестивых, град мужески защищаше и татар многих побеждаше. Последи же князь нагайских татар, иже бысть шурин царев, пришедый с татары нагайскими в помощь зятю своему, из града ис пушки убиен бысть. По его же смерти взятошася нагайския татарове, и бысть с казанскими татары сеча многа, яко едва царь прибежав утоли сечу им.

Великий же князь Иоанн Васильевич, слышав о таковых злых бывающих государству своему от того пренечестиваго царя, посла на свобождение христианское воевод многих к Мурому, с ними же воинства до ста тысящей бяше. Иже аще и ничто же благо сотвори-

ша, но обаче царь убоявся побежа к Казани и облада тамо. Бысть же Казань от взятия под областию московскую седмьнадесять лет.

По сем лета 7014 октября в 26 день преставися великий князь Иоанн Васильевич московский, и того ради от того нечестиваго казанскаго царя наипаче бываше пленение и пустошение Российскому государству.

Великий же князь Василей Иоаннович, иже бысть преемник скиптра Российскаго царства по отце своем, восхоте отмстити измену ко отцу своему от казанскаго царя и Казань паки воспрятъ. Посла брата своего князя Дмитриа Ивановича углеицкаго, прозванием Жилку, да князя Ивана Федоровича Белскаго со многими воинствы сухим путем, иных же Волгою в судах. Приидоша же к Казани маиа в 22 день лета 7016. Тогда же нечестивый царь со всеми своими князи и мурзы и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из далных мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града во время праздника своего поганскаго, нань же приходяду народы татарския, и черемиския, и чувашския и пребываху ту пиюще и веселящеся многи дни, и куплю между собою деюще.

Воинство же российское в то самое время нападаша на поганых, идеже многих побиша и вся становища их плениша. Царь же со оставшими убеже во град и затворися. И бяше тамо теснота велия, яко мнози людие подавляхуса от тесноты великия. И аще бы российское воинство не ринулися на грабление богатств татарских и обступили бы град, то бы конечно могли тогда Казань взять.

Но воеводы и прочее воинство, вместо еже бы о толикой победе воздати благодарение Господеви и труды и подвиги наипаче приложить, но побравши многое богатство и доволство преисполненное брашен и питий ослабеша в подвизех и начаша ясти, и пити, и спати довольно, мняще поганых вконец побежденных.

Царь же виде от стрельниц градских, яко ничтоже промышляют, страх и боязнь отложив, дерзновение воспрят. В третий день по приходе воинства под Казань во второй час дни, отворивши врата градныя, изыде со двадесятми тысящи конных татар и со тремядесятми тысящи пеших черемис и нападе на московския воинства, или да победит их, или себе свободный путь в бегство обрящет.

И бысть тогда воинством российским, конником и пешцем, с татары презелная сеча, идеже в первом соступлении мнози татарове избиени быша и падоша от оружия христианскаго. Потом абие, Богу попустившу грех ради наших, укрепилася безбожнии. Ох, увы! И бысть победа и падение велие христианскому воинству от пога-

ных: мнози быша от оружия избиени, инии же в водах потоплени, инии же живы яти быша.

Толико же тогда бысть падение православному воинству, яко река Волга, и озеро Кабан, и обе реки — Казань и Булак — исполнишася трупами избиенных и истопших, яко чрез сия две малыя реки вместо мостов по трупам мертвых ездяху погании, реки же на много время с кровию смешаны стояли.

Оставльшии же во своя побегоша никим гоними. Даже потом погнаша за ними татарове, они же, воздержавшися, паки с татары брань составиша и множество татар победивше приидоша к Москве.

Тогда воеводы избиени быша: три князя ярославские, князь Александр Пенков и князь Михаил Карамыш Курбской с братом своим с князем Романом, да Федор Киселев. Дмитрия же Шеина тогда жива яша, его же умучи царь в Казани лютыми муками. Воинства же от ста тысящей едва седмь тысяч остася. И бысть в России плач велик паче онаго, егда в Казани побиени быша московския народы. По неже в сие время падоша княжеския и боярския многие роды и знаменитыя победоносцы, яко же и на Дону от безбожнаго Мамаю.

Царя же казанскаго за толикое его клятвопреступление и пролитие христианския крове не попусти воля Божия во благих пребывати. Поражен бо бысть болезнию велиею, и бысть весь гноен кипя червми, и смрад велий от себе испущаше, яко не точию царица или князи и мурзы приступити к нему можаху, но и ниже оныя, им же повелено бяше дозирати и обмывати или нуждную пищу ему давати, без заятия уст и носа приступити можаху к нему.

Пребысть же в таковой лютой болезни многа лета. И едва окаанный в таковой лютой болезни будучи прииде в чюство, и помянув свое клятвопреступление посла послы своя к великому князю со многими дары и молением, дабы вины его отпустить ему изволил, сам же в той болезни изверже скверную свою душу лета 7027-го.

Глава 3

О покорении Казани к Московскому государству, и двократном послании в Казань на царство царя Шигалея, и о многих бранех за Казань

И тако послы казанския приидоша к Москве и имянем всего царства покоришася великому князю. Великий же князь умилися о сем, дары приим, вины отпусти им, забвению предав великия измены их

и дважды многое от них христианом избиение. И по прошению их того же лета посла им на царство в Казань служащаго ему касимовскаго царя Шигалея Шигалеяровича, с ним же посла и воеводу Федора Карпова.

Царь же, поим с собою многих своих служивых татар, иде в Казань с воеводою купно. И пришед управляше народ казанский по воли и велению великаго князя. Но обаче народ казанский кровопийственный сущий мало обыче во смирении без мятежа быти, начаша прелщати царя, поущающе отступить от великаго князя. Царь же никакко послушающе их, ниже совету их внимаше, но многих таковых зло советующих в темницы предаде, иных же смертию погуби.

Но обаче казанцы, не терпящи таковыя его крепости, совещавшеся тайно, послаша неких в Крым к царю Махмет-Гирею и испросиша у него меншого его брата Сафа-Гирея именем, приведоша с собою в Казань. С ним же приидоша мнози князи и мурзы. И посадиша его на царство вместо Шигалея царя, и с тем новым царем, паки востаха на христиан, бывших тогда тамо, се уже в третье губяще их, и побиша всех в третье лето царства Шигалеева в Казани, еже имать быти 7029-е.

Тогда же и царя Шигалея татар до пяти тысяч побита и всю казну цареву и воевод пограбиша, едва токмо возможе новый царь испросити от смерти царя Шигалея и воеводу великаго князя. И тако тайно отпусти их с двема служащими его татарины, во единых ризах, на самых нуждных клячах.

Слышав же сие великий князь зело опечалися, и в раскаяние прииде сотвореннаго ради миру с казанцы, и много плакаше о погибели христианской, такожде сетоваше и о царе Шигалее, ибо зело любляще его за верную его службу. По сем прииде весть, яко царь жив сый и идет к Москве, ибо царя проводиша оттуду в поле два тарина нагайских.

Тамо же обретоша его человек яко до тысящи российских людей, иже живуще бяху на реке Волге ловления ради рыб и слышавше о измене казанской, оставльши вся, побегоша и снидошася с царем в поле. И тако царь со оными рыболовы по полям скитающеся, приидоша к пределам Российским.

Его же великий князь повеле встретити со всякими потребы на пределах своих. Егда же бысть близко Москвы, повеле встретити его всему сигклиту своему. Егда же прииде к чертогам государским, встрече его сам; великий князь со многою любовию, и привел его с собою в палату, и посади, и утешися о здравии его.

И по сем великий князь претерпе таковому суровству казанскаго народу до лета 7032-го, не посылаше рати на них, токмо в некоторых пограничных градах имяше воинство сохранения ради прилежащих к ним стран, зане велик страх объят все страны оныя от насилия сих поганых. Ратей же не посылаше тогда на Казань не боязни ради некия, но брани имяше с королем полским чрез двадесять лет непрестанно.

Но егда умиришася между собою чрез посредство цесаря христианскаго Максимилиана, тогда ни мало коснев лета 7032-го собрав велие воинство множае перваго, их же бысть сто пятьдесят тысяч. Над ними же постави двенадесять воевод знаменитых и искушенных в ратных делах, посла к Казани сушею и Волгою в судех.

Языцы же, обладаемии казанскими цари, реченныя черемиса, многи пакости творяху в шествии по Волге судовой рати, и побиваху многих ратных людей, и корысть себе немалую от того приобретаху. Конное же воинство внидоша в землю Казанскую не ведущи ни коея тщеты водному воинству. И пленюущи землю Казанскую приидоша к реке Свияге. И се над их чаяние бяше тамо множество поганых татар с воеводами своими, в них же бяше первый князь Отон Сильный, другой Аталык князь. Царь же их в граде Казани затворися.

И бысть российскому воинству с татары об реку брань чрез три дни, но обаче татарове побеждени быша от российского воинства и устремишася на бегство к Казани. Российское же воинство гнавше за ними до Волги, биюще и пленяше их, донеле же в струги своя пометавшеся погании.

И бысть избиенных и истопших татар вьщше четьредесяти тысяч. Князей же и мурз честных тогда убиено бысть тридесять семь человек и болшаго их мурзу имянем Алуча взяша и к Москве жива приведоша. Остатнии же убегши затворишася во граде с царем своим. Российское же воинство пребыша в тех местех, воюючи пределов врагов своих, ждуще воднаго воинства и удивляющеся необычному их замедлению.

Потом же приидоша два воеводы с водным воинством, сказующе своим нужное прошествие сквозь враги их, идеже множество их и от глада изомроша. И тако воеводы советоваше поидоша назад не приступающе к городу, ибо невозможно бяше без стенобитнаго наряду ко граду приступати, ибо наряд весь от оных черемис потоплен бысть в Волге. И тако водное воинство, сожегши суды, вкупе с конным воинством поидоша с печалию к Москве.

Великий же князь зело опечалися о тщете воинва своего, обаче удержа ярость свою, даюши опочинуту утружденному своему воинству чрез шесть лет. В лето же 7038-е великий князь Василей Иванович возложи упование на Господа, третицею собра премноего воинство, яко же и прежде посылал дважды, размышляюши, да или поможет ему Бог победить супостаты, или конечно всего отщетится.

И посла воевод своих: царя Шигалея, да князя Ивана Федоровича Белскаго, князя Иосифа Дорогобужскаго, князя Федора Оболенскаго, князя Ивана Овчину-Оболенскаго, князя Михаила Кубенскаго, князя Михаила Глинскаго, Ивана Хабар-Обрасца-Симскаго и прочих, их же бяше числом тридесять.

Царь же казанской Сафа-Гирей, слышав о таком тяжком воинстве российском, начат совокупляти ратных. И многих черемису, и мордву, и чувашу пригнав, содела острог крепок окрест Казани. Тогда прииде в помощь к казанскому царю нагайских татар 30 тысяч, хотяши обогатиться пленом российским. И седоша тии во остроге с прочиими пришедшими татары, царь же со избранными своими.

Воеводы великаго князя с воинством российским пришедше сташа окрест Казани и стояша чрез целое лето, приступающе ко граду и ко острогу. Во един же от дней, свитающе дневи, приступиша всеми полки к острогу, татаром же тогда от пьянства крепко спящим, зажгоша острог и вострубивше устремишася на приступ, и тако взяша его.

И бысть тамо велие падение нечестивым, их же тогда избиенных до 60 000 поведают быти. Тамо же и храбрых их воинов много избиено бысть, и одинаго от них силнаго татарина Атылака именем избодоша копии, иже зело бяше мужествен и смел, яко со стом человек бияшеся дерзновенно.

Тогда же и воевод российских двое убиено бысть, князь Иосиф Федорович Дорогобужской да князь Федор Лопата-Оболенской. Бысть же сия брань июля в 16 день.

Царь же казанский, видя погибель своих, собрався с надежными своими, их же до 3 000 бысть, и взял царицы своя побежа нощию из града сквозе все российское воинство. И бився крепко, на переменных конех убежа со всеми к брату своему крымскому царю Махмет-Гирею, уязвен будущи многими раны.

Воеводы же великаго князя со оставшими в Казани перемирие учиниша, взявше со всего Казанскаго царства на три лета дани, и тако поидоша с победою к Москве. С ними же идоша и послы от всего царства Казанскаго, лстивно покаяющеся великому князю. И при-

шедше к Москве со многими дары, испросиша у государя к себе в Казань на царство брата меньшаго царя Шигалея, Эналея именем.

Великий же князь клятвами утвердив их отпусти с ними царя онаго, сушу ему тогда пятнадцать лет. С ним же посла для хранения его князя Василья Пенкова ярославскаго. Царь же пришед в Казань и пребысть тамо токмо лето едино, потом убиен бысть неповинный той младый царь от казанцов, с ним же и князь Василей Пенков воевода.

А в Казань на царство паки призваша прежде бывшаго крымскаго царя Сафа-Гирея, убегшаго прежде от российского воинства. И от того времени бысть паки велие зло христианом от тех нечестивых варвар.

Потом лета 7042-го декабря в 5 день великий князь Василей Иванович московский и всея России самодержец, оставль скиптр державы Российския, отъиде в вечное блаженство.

По нем же бысть приемник отечества его наследия сын его царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец. Сему, яко в детских летех оставшуся, умножашеся наипаче велие зло от поганых казанцов. И бысть превелие пленение от них областем Российским прилежащим к ним, и уже сокращеннее рещи вся оныя области в конечном запустении быша.

Егда же царь приспе в совершенном возрасте, первое начат молиться Господеви со слезами, да вразумит и поможет ему христианство озлобляемое избавити от поганых. И начат збирати воинство избранное, и собра много зело. К тому же еще присовокупи пеших воинов со огненною стрелбою, не бывших прежде в России, их же имянова стрельцы.

И тако начат помышляти на исконных врагов христианских. Казанское царство, с ними же еще прадед и дед, паче же отец ево государев великия брани в различных счастиях и несчастиях чрез двесте лет и вящше ведоша; и коликия тогда подвиги и труды в воинских делах показаша, о том и списати трудно, паче же по прешествии лет многих. Колико же и оныя проклятые соделаша пленения и напасты странам Российским — множество сего скудости ради описателей забвения прахом бысть покровено.

Православный же царь еще и видева таковая бывающая от них, обаче ожидаша благополучна времени на дело оное. Непостоянный же казанский народ не токмо со окрестными брани составляху, но и междоусобныя войны строяху.

Ибо в лето 7053 -го воздвигши мятеж во граде на царя своего Сафа-Гирея изгнаша его со всем домом за сие, яко наипаче любляше

своих крымских татар, и чести им даваше, и богатствы исполняше. Он же убежа от них на реку Яик в Нагаи и там поят себе в жену дочь некоего князя нагайского, именем Сеюнбук или Сумвек.

С нею же взят и улусы тамошние некия и живяше тамо. И подвиже с собою тестя своего на Казань, и тамо собравшеся приидоша под Казань, и стояху два месяца приступающе к граду, но ничто же возмогоша сотворити, ибо не имяху стенобитного наряду.

В тех же летех царь Шигалей по повелению цареву зело стужаше казанцом, области их воюючи и пленящи. Казанцы же стужиша си от непрестанных браней, бывающих от российского воинства, совета о избрании владеющего над собою. И овии хотяху турецкому салтану поддаться, овии же послати в Крым по инаго царевича, онии же покоритися московскому государю, инии же хотяху паки из Нагай Сафа-Гирея призвати.

Обаче по многом советовании послаша послов к Москве и прошиша у царя и великаго князя паки царя Шигалея. Царю же советоваша советницы, да не посылает им царя Шигалея, ниже да послушает лстиваго их моления. Обаче царь не внемлющи тому, призвав царя, повеле ему ити в Казань.

Царь же, поем с собою двора своего татар три тысящи, поиде. Посла же царь с ним и воевод своих: князя Дмитрия Белскаго, тому повеле и быти в Казани; да князя Дмитрия Палецкаго, сему токмо повеле царя на царстве утвердити в Казани.

Егда же приидоша в Казань, казанцы же всретоша царя со оружии и взяша во град единаго его токмо и с ним сто человек людей ево, а прочих побиша; и воевод не пустили во град. Князь же Дмитрией Палецкой, видев бывшее, скоро возвратився прибежа к Москве и поведа цареви бывшее. Бысть же сие лет 7054-го.

Пребысть же царь Шигалей в Казани не яко царь, но яко пленник, месяц един. Иже видев зло, хотящее быти над собою, начат помышляти о соблюдении здравия своего и умысли сице. Во един от дней бывшу в Казани празднику их поганскому, царь же зва к себе на обед всех честных людей казанских и упои их до пьяна, такожде и простой народ упоив, убежав из града тайно.

В чем поможе ему казанский князь Чура именем и из Казани до Волги проводи его. Такожде и воевода князь Димитрей Белской со всеми своими на лехких стругах убежа в Василь-город и оттуду на Коломну. Ибо тамо стояше тогда царь и великий князь против крымских татар.

По отшествии же царя Шигалея из Казани паки взяша казанцы к себе на царство онаго же царя Сафа-Гирея, изгнаннаго в Нагаи. Царь

же и великий князь, не терпя такового их лукавства и срамоты царю Шигалею соделанныя, посла на Казань воинство с избранными своими храбрыми двумя воеводы, со князем Семеном Микулинским да со князем Васильем Серебряным.

Они же шедше повоеваша области Казанския и под самую Казань пришедше едва самага царя не взяша, ибо в поле бяше утешения ради; татар же бывших с ним многих побиша. И отъидоша здорово. Царь же посла за ними во след их татар своих двадесять тысящей. Но и тии от российского воинства тако поражени быша, яко едва тысящи две возвратишася в Казань. Воеводы же с воинством здорово и с победою приидоша к Москве.

Великий же государь зело обрадовася сему, воевод же и воинству, верно служивших ему, пожаловал своим жалованьем по достоинству их. И сия бысть первая победа на казанцов при сем великом государе. Но ни тако злонравнии хотяху покоритися государю.

По сей победе во второе лето умре царь казанский Сафа-Гирей, разбився падением в полате своей. По нем же остася царица его именем Сеюнбук, яже от нагай бяше, имущи у себя царевича именем Утемиш-Гирея. И от того времени царь и великий князь непрестанно посылаше многия воинства воевати Казани и областей ея.

И сего ради в них наипаче умножишася несогласия и развраты, яко неции от них, не терпящи таковых, до десяти тысящей с честными мурзами приидоша к Москве служить государю. Царь же и великий князь возвеселися о сем. На прочих же непокаряющихся гневашеся и уязвляшеся сердцем на сицевых кровоядных языков.

Глава 4

О походе под Казань царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России самодержца и о поставлении Свяжска, и о мученицех, и о чудесных делах, бывших прежде взятия в Казани

Лета 7059-го царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец, усмотрив благополучно время делу своему, подвижеся сам особою своею со многочисленными воинствы на Казанское царство в зимнее время. Зима же тогда бе презелно снежна и мразы неудобь терпимыя были. И тоя ради нужды многое воинство от мразов изомроша, такожде и конской падеж бысть. Но обаче не сокрушился сердце того ради благочестивому царю, но пришед ко граду стояше, осадив его крепко, декабря с 25-го числа марта по 25-е чис-

ло, и всячески приступаше ко граду и промысл творяше. По зиме же и весна скоро настала и стояше с непрестанными дождями. Сие же бысть по случаю ли аера, или от действия диаволя чрез поганское чарование, о том несть известно.

И таковых ради неудобствий совеща государь отступить от Казани. Обаче области Казанския до конца повоевав и пусты воистинну учинив, возвратися к Москве. Не благоволи бо господь Бог тогда взяти ему Казани, или сего ради, да явит царь наипаче ревность свою во святей вере христианской; или да множайшую славу приобрящет, зане тогда не бяше царя в Казани, и аще бы тогда предал ему град, то бы не толико славна была победа его.

Идущи же государь к Москве и отшед двадесять верст от Казани, прииде к реке глаголемей Свияге, иде же она в Волгу впадает, возлюби зело место оное к поставлению града на вящшее утеснение оным поганым казанским народом; обаче тогда никому не яви помысла своего. Пришед же к Москве упокоися мало.

По том посла к царю Шигалею, сущу ему тогда во граде своем Касимове, повелевая ему прийти к себе. И яко верну ему сущу и служащу со всякою истинною, посылает его паки на Казань со многими воеводы и воинством. Воеводы же тогда посланы быша: князь Петр Иванович Шуйской, князь Михайло Львович Глинской, князь Семен Микульской, князь Василей да князь Петр Семеновичи Оболенские, Иоанн Челядник, Даниило Романович Юрьев, Иоанн Шереметев.

И повеле им государь Казанския области воевати, на избранном же месте на Свияге поставити город укрепления ради воинства своего, к Казани же неослабно приступати. Царь же и воеводы радостно повеления царева слушают, и путь скорошественно восприемлют, и делом слово исполняют, везуще с собою соделанный готовый деревяный град на стругах великих.

И пришедше на повеленное место на Свиягу реку поставиша тамо град той, его же привезли с собою, лета 7059-го иуния в 30 день. И в нем устроиша церкви и монастырь возградиша. Окрест же мест тех живущия народы, горная черемиса, покоришася совершенно царю и великому князю.

Казанцы же ничтоже о сем ведуще живяху в Казани, идеже правительствово царица умершаго царя Сафа-гирея с сыном своим малым; ей же имя по иным летописцам Сумвек, царевичу же имя Маткирей. Юже соблюдаху вси казанские князи и мурзы, в них же бысть первый крымский царевич улан именем Кошак. Сей и в государево пришествие седяше в Казани и защищаше град. Егда же прииде

весть в Казань, яко прииде царь Шигалей и с ним множество воинства и град на Свяге поставиша, не верова тому от гордости, мняху бо, яко оный малый градец, зовомый Гуляй, постави, иже прежде провожен бяше с воеводами к Казани, учиненный на колесах и цепми крепко обвязан.

Егда же подлинно уведаша о поставлении великаго Свяжскаго града — велми ужасошася, и вниде трепет в кости их, и советоваша поддаться царю и великому князю. Токмо едина царица крепляшася и с нею оный предьреченный царевич улан Кошак, иже любодейно живяше с царицею, о чем вси казанцы ведаша.

И хотяше Кошак сына царева и вельмож многих обличающих его побити и царицу за себя пояти. Потом видев весь народ волнуем на себя, и яко хотяху его убити, испросися у казанцов, яко бы собрания ради воинства хотяще изыти. Собрася со своими татары, взяв с собою брата своего, и жену, и два сына, побежа в Крым. Казанцы же даша весть царю Шигалею, яко да избегнет Кошак оттуду.

Царь же посла на него Ивана Шереметева, иже догнав его в поле бежаща меж Волгою и Доном на Переволоке, и поби всех людей его до пяти тысяч человек; самаго же с братом, и с женою, и с детми, и с ним избранных татар триста человек взяв, приводе ко своим, их же оковав послаша к Москве. На Москве же, егда не восхотеша креститься по повелению государеву, вси на площади смерти предани быша. Жена же и дети ево крестисася и быша в милости государской.

По избежании же онаго из Казани приидоша казанцы с прошением к царице, моляще ю, дабы предалася со всеми ими благочестивому царю, а сама пошла бы замуж за царя Шигалея. И тако бы их соблюла здравых, ибо не можем, глаголюще, противитися воинству российскому бранию. Царица же, лстивно внемлющи прошению их, обещася тако учинити. Казанцы же идоша в Свяжск к царю Шигалею и просиша его о сем. Царь же, советовав з бояры и воеводы, обещася желание их исполнити. И тако казанцы учиниша мир и вдашася на волю цареву, и бояр, и воевод.

Послы же пришедше в Казань возвестиша царице. Она же, яко радуующися тому, посла к царю Шигалею ядь некую с лютою отравою учиненную, такожде и срачицу чарованием смертным ухищренную. Царь же приим дары те, повеле ядь псом дати; пси же ядшии того часа помроша. Срачицу же повеле на отрока татарска осужденна на смерть возложить, иже такожде скоро пад на землю издше. И бысть страх велик на всех зрящих сия.

И тако царь обличив царицу пред всеми, посла в Казань князь Василья Серебряного с воинством, и взяша царицу и с сыном ея Утемиш-Гиреем, иже во крещении имянован бысть Александр, и со многими честными жены и девицами, и отведоша к Москве. А сам царь Шигалей, взяв с собою воеводу Иоанна Васильевича Хабару и служивых людей двадесять тысяч да пять тысяч стрельцов, иде к Казани.

Казанцы же прияша его с великою радостию и бысть по их закону поставлен царем, се уже в третье. И живяше царь зело осторожно, и бережно, и аще в ком прознаваше измену, тех вскоре явно и тайно смерти предаваше. И тако много казанцов честных мурз погуби.

Казанцом же о сем зело болезнующим, обаче не домысляхуся, что сотворити. В то же время бысть на Москве князь казанский Чапкун именем, иже испросився у государя паки в Казань к сродникам своим. И пришед тамо возмущаше народы. Потом усоветоваша сицевую лесьть сотворити.

Приидоша ис Казани много мурз и татар к воеводам, будущим в Свяжску, и оболгаша царя, якобы изменити хотяше. Воеводы же емше веры тому, отписаша к Москве к государю. Государь же вскоре повеле царю быти в Москве, и с воеводою купно, Казань же отдати князю Петру Шуйскому и протчим воеводам.

Царь же по сем пять дней премедли в Казани, ждущи воевод, и не дождався их поиде в Свяжск. Его же воеводы стретоша с честью. Он же веляше им, да немедленно пошлют в Казань воевод и воинство. Воеводы же той день пировашу с царем в Свяжску, послати же укоснеша многих, токмо послаша три тысящи избранных воинов с казною и нарядом, надеющиеся на клятву поганых. Царь же приведе с собою в Свяжск татар, клеветавших на него, мурз честных до осмисот человек, и всех посети их повеле. Той же князь Чапкун остана тайно в Казани. Сущии же тамо татарове, слышавше о побиении своих, плакашася много, и в иных местах избраша от родов своих иных мурз. Той же князь Чапкун старейшина бысть им.

И тако оных посланных три тысящи воинов приемше в Казань, всех до одинаго помучиша. Воеводам же не ведущим сего, но во утрие воставше поидоша к Казани и ожидаху себе встречу с подобною честью. Они же затворишася во граде и на брань уготовишася. Воеводы же в недоумении бывше, видевше их прелесть, отыдоша в Свяжск, не смеюще приступати без повеления царева.

Царь же Шигалей пришед к Москве оправдася во оклеветании и сказа государю вся по ряду бывшая в Казани. Царь же и великий

князь одарив царя отпусти с честью во град его Касимов и заповеда, да готов паки с ним на Казань будет.

Прежде даже не начнем о совершенном и последнем казанском взятии поведати, предложим zde повесть о мученицах христианских, иже пострадала в Казани веры ради христовы.

Потом о чудесных делех, бывших прежде взятия в Казани.

Сице о мученицех повествуется

Во дни великаго князя Василиа Ивановича пленену бывшу от казанских татар от страны Нижняго Новаграда мужу благоговейну и совершенну христианину именем Иоанну, иже житие чисто и непорочно име, пост же и молитву непрестанну. И тако приведенну ему бывшу в Казань, и егда начаша пленников поделяти, сей Иоанн вдан бысть на делу дядке царя казанскаго князю Алишукуру именем. И той окаянный много нуждаше его отступати православныя веры.

Той же блаженный бяше яко твердый адамант, ни мало внемля ласканию и прещению поганых, но дерзновенно прелесть их обличаше и проклиналше и в лице плевалше им. Нечестивии же не возмогши к тому поношения и обличения его терпети, изведоша его вне града на гору, и связавше руце его суровым ремнем крепко, зело, и много нуждаху его отступити веры святыя. И видяще непреклонное его изволение повеле князь он главу отсеци ему.

И тако посечен бысть мечем, иже пад на месте том. К тому же еще аки мертву существу поругашася ему, многи раны придавше и мечем сквозе утробу прободше, отъидоша. Бог же хотя явити страдание раба своего соблюде его жива, ибо глава малыми некими жилами придержашеся телеси его. И лежалше наг на месте том от первого часа дни до последняго.

И аще зима бе тогда, и мраз к тому, обаче под телом страдалцевым даже до земли и окрест по локтю единому отая снег. В последний же час дня руце его крепко связанныи сами о себе, паче же силою Божию развязашася. И встав, отсеченную главу свою прият единою рукою и постави прямо на составех, яко же бяше, и поддерживаше ю. Другою же рукою закрыв тайныя уды, иде к воем российским, сущим им тогда окрест Казани.

И тоя нощи исповедався, причастися святых тайн и о себе явственно поведав, седяше чрез всю ночь. На утрие же восходящу солнцу, предаде душу свою в руце Господни, за него же и пострадал. И тогда весь дом исполнился неизреченнаго благоухания. И положено

бысть тело его в Казани, в месте сокровенне, на лесу в старом российском кладбище.

В царство царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России самодержца лет 7059-го, егда царь Шигалей, в третие будучи царем в Казани, оставя град по указу государеву иде к Москве, прочии же воинстии людие и купцы не успеха тогда с царем изыти. Их же всех начаша погании побивати. Между ими же познаша человека от племени своего, новопримша христианскую веру, Петром именованна.

Тогда наипаче ярости исполнишася зверообразнии. Похитивше его, начаша вопрошати и уведавше, приведоша к нему отца его, и мать, и братию, и сестер, и много сродников, и не убиша его тогда. Но поемше его в дом тии сродницы начаша ласкати его, сродниками называющесе ему и именем татарским зовуще его.

Той же страдалец отрицашеся от них, глаголя: «Отец мой, и мати, и братия, и сестры — един Бог в Троице исповедуемый, в ню же и крещен есмь, и аще и вы примете христианскую веру, то имам вас яко отца, и мать, и сродников». И проклинаше прелесть их злочестивую, и пророка их Махомета, и писания его. Себе же имя христианское Петр утверждаше, поганого же имени отрицашеся.

Нечестивии же много ласкающе понуждаху его отступить православныя веры. И егда не могоша того сотворити, собравшесе нечестивым сонмищем, убиша его; ему же исповедание христианския веры во устех имущу и вопиюще: Христианин есмь! И такое скончася терпеливый и подвижный страдалец за Христову веру, и положен бысть на месте, идеже ныне стоит храм Воскресения Христова, на Житном торгу.

О чудесных делех, бывших в Казани, и о знамениях

По умертвии поганого казанскаго царя Сафа-Гиреа многажды видяху татарове на дворе цареви и в храмах человека черноризца ходяща, овогда же сидяща, и всячески тщася яти или убити его; он же посреде их проходил к реке Волге и невидим бываше. Также же видяще и по стенам града дву монахов скоро бегающих, и никто же ни осязати, ниже постигнути их можаше. Погании же не внимаху ему, но глумляхуся, ослепльше на погибель свою.

Также и на Свяге реке, блиско Волги, на месте, идеже ныне стоит град Свяжск, многажды видяху татарове, близ места того живущии, человека в монашеских ризах ходяща, иногда же стреляюща,

и бяху страхом великим одержими, не смеяху и к месту тому приблизитися. Иногда же слышаху на месте том звон великий и пение многих гласов неизреченно.

Овогда же видяху священников на месте том поющих и кадящих. Сия же вся зряще погании недоумевашуся и стужаху себе, глаголюще: «По всему разумети есть, яко быти на месте том православия и церквам христианским и жительствовати ту российским людем», еже и бысть.

Не точию же сия, и ина многа знамения от божественнаго промысла быша тамо. Но и от самых многих поганных быше о том прорицание.

Яко же царица их именем Ковгоршад, яже быше сестра Махмет-Аминю царю, зело сущи изучена писанию срацынскому и многому волхованию бесовскому извыкши, многажды сказоваше наместником великих государей: «Ведаю будите, яко отныне по шестинадесяти летех татарове казанстии не могут противитися царю и великому князю Иоанну Васильевичу, иже не токмо Казанским царством обладает, но и многими татарскими странами».

Потом некто татарин юродствуя в Казани, еще живу сущу царю Сафа-Гирею, по граду ходящи нача напрасно вопити и непрестанно глаголати: «Не жити zde татаром, но российским людем». Татарове же хотяху убити его, но запрещаше им царь, и повеле его в праздную храмину затворити; он же выломався из храмины единаче вопияше, проклиная татар и погибель им прорица.

Иногда же во граде Казани явно видесе татаром, яко от коровы родися детищ человеческим видом, его же видети мнози снисдошася; и внезапно детищ пременися в совершенна мужа возрастом, и яко вооружен видесе, и глаголаше зрящим на него: «Повинуйтесе без лукавства Московскому государю, аще ли не повинуетесе, вси имате погинути». Татарове же совещашася убити его, он же невидим бысть.

Некогда рыбным ловцем, ловящим рыбу на реке Волге и извлекшим мрежу, видеша в ней человека состаревшася жива лежаща и глаголюща к ним: «Поспешите умолити Московскаго государя о неправдах своих, милостив бо есть и помилует вас. Аще ли тако не сотворите, то вси потреблени будете от него». Они же мняше, яко от российских людей сие мечтание видесе им, хотяху убити его; он же абие исторжесе из мрежи и вверзесе в реку.

Прежде пришествия государева к Казани послани быша повелением его многия воеводы с воинствы пленения ради земли Казанския. И бывшим им на устии реки Казани у Волги в день святых Пас-

хи и поющим со священником утреннее пение, слышаша мнози людие поющи и священник звон велий в колоколы в Казани, якоже у христианских церквей обычай. Такожде потом и прочии людие слышаша, и много дивляхуся размышляюще, откуда сие бысть? Ибо тогда в Казани не бяше православия. Но сиеце разумеваху, яко последи хошет Бог тамо православие утвердити, яже и бысть по сих вскоре.

О прочих же еще многих видениях и чудесах объявитися имать при самом взятии Казанском, о нем же последи вышеписаннаго сиеце начинается.

Того же вышеимянованнаго 7059-го лета оныя нечестивыя татарове казанския, с ними же князь Чапкун и прочии мурзы, видевше несогласие между собою, без владения суще, советующе много, умыслиша сиеце сотворити. Послаша многих татар со многими дары в Астрахань к царю именем Касим-Салтану, просяще сына его Эдигиреа в Казань на царство.

Он же, послушав прошения их, даде им сына своего. Иже пришед в Казань утвердися на царстве. Сему же нечестивии зело возрадовашася, начаша умышляти с новым царем, како бы могли воевати Российское царство, паче же хотяху разоряти оный новопоставленный град на Свяиге, понеже отуду велию боязнь имяху, видевши его стояща посреди жилищ своих. И непрестанно ратоваху нань.

Также и российское воинство из того новопоставленнаго града исходяще воеваху прилежащия области и к самому граду подъежающе немал страх и боязнь нечестивым творяху.

Глава 5

О походе царя и великаго князя Иоанна Васильевича под Казань, и о совершенном взятии ея, и о покорении всего того царства

По сих всех лета 7060-го великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец во осьмоенадесять лето благочестивыя державы своя, в них же всех непрестанную тщету в людех и казне восприимаше от неукротимаго и свирепаго Казанского царства. И того ради велие попечение имяше и всячески многоразсудительно помышляше, како бы возмог оным поганым таково их свирепство возразити. И много о том мысля, призывает к себе во свои царские чертоги братию свою князя Георгия Васильевича и князя Владимира Андреевича и всех благородны велмож.

И изволи со всеми ими сести в Золотой палате. Идеже призван бысть преосвященный Макарий митрополит московский и всея России со архиереи, прилучившимися тогда в царствующем граде, и со всем освященным собором. И седше начаша советовати, воспоминающе многое пленение и пустошение земель христианских от поганных татар казанских, и многих благочестивых пленение и побиение, и в плене сущих, и терпящих неизреченныя нужды.

В совете же том пресветлый самодержец пред всем сигклитом начат глаголати продолжительную речь, воспоминаючи в ней веру христианскую, за ню же предки его великие государи и обладатели стран Российских мног подвиг над погаными показали, охраняюще благочестие крепко, инии же в таковых подвизах сподобишася страдании своими преукрашенных славою венцов мученических и прославляются того ради в вечныя роды.

В чем, рече, и аз, хотя наследовати преславных своих прародителей, хощу неотложно, возложу упование на Бога, и у пресвятыя Матери его приснодевы прося помощи, и у всех святых заступления, подвигнуться сам и со всеми своими воинствы государств Российских на исконных своих врагов поганных казанских татар.

Уже бо, рече, не могу слышати всегдашняго плача людей божиих, врученных мне, расхищаемых от оных поганных. Зело бо стужают и досаждают мне погании. И того ради дерзаю и хощу сам второе ити со всеми вами на Казанское царство и страдати хощу за православную христианскую веру не токмо до крове, но и до последнего моего издыхания. Сладко бо есть коемуждо умерети за оную, за ню же обеща Господь вместо тленных воздати вечная.

И тако скончав речь умолча ожидая, зрящи коегождо намерения. Но не обрете притивно и во пресветлом своем сигклите о таком преславном деле намерение, ибо вси с радостию и со многим дерзновением обещахася страдати за непорочную христианскую веру и отмстити нечестивым многолетняя христианския обиды. И тако многоразумным советом утвердиша таковое дело, еже неотложно быти его государеву шествию на Казанское царство.

Но обаче благочестивый царь, аще и на зело винных сущих поган не от ярости дело начинает, ниже неразумным гневом, но зело премудро и от страха Божия, еже есть начало премудрости. Не желаше бо пролития крове не токмо христианския, но ниже поган самых. Ибо яко и прежде множицею посылаше на них воинство, устрашая их, или грамоты премногою обещателною милостию исполненныя, тако и тогда посла к ним милостивыя грамоты, вины отпущая и в милость паки приемля.

Древняя же злоба, казанские людие, ново добро быти не восхотеша, но гордостью вознесшеся обьюродеша и злобою помрачишася, не восхотеша под легким игом господним быти и православному царю покоритися.

Благочестивый же царь, видев их непреклонное надмение, начат совокупляти премногое воинство.

Сам же со мноюю верою и благоговением обхождаще святыя церкви, моляшеся и многи милостыни творяще по святым местом, по монастырем и церквам многим, и убогим многа имения раздав. И потом онаго вышеимянованнаго лета месяца июня в 16 день взем благословение у преосвященнаго Макария митрополита московскаго и всеа России и от всего освященнаго собора, изыде в предприятый путь свой.

На Москве же с царицею и великою княгинею Анастасиею Романовною по своему царскому чину остави многих бояр и воинства немало на отвращение яковаго нечаяннаго неприятеля; и всех вручи брату своему великому князю Георгию Васильевичу. И поиде в село свое Коломенское. Бояр же и воевод, коим итти с ним великим государем, отпусти прежде в село Остров и тамо повеле им себя государя ожидати.

Воеводы же в полковождении от благочестиваго царя ученени быша. В Болшом полку: князь Иван Федорович Мстиславской, князь Иван Михайлович Микулинской, князь Юрье Андреевич Пенинской-Оболенской. Правая рука: князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбской. Передовой полк: князь Иван Михайлович Турунтай-Пронской, князь Дмитрий Иванович Хилков. Левая рука: князь Дмитрий Иванович Микулинской, Дмитрий Михайлович Плещеев. Сторожевой полк: князь Василей Семенович Серебренной, князь Давыд Федорович Палецкой, Семен Васильевич Шереметев. В Ертоуле: князь Юрье Иванович Шемякин-Пронской, князь Федор Иванович Троекуров.

Такожде и водным путем в судех прежде себя посла многих воевод со многим воинством, с пушками, и пищали, и с прочими стенобитными хитрости, и пушечными припасы, и всякими воинскими потребы. Такожде бояре, и воеводы, и воинство многие своя запасы и потребы послаша в судех.

Сам же государь изволил ити помолитися в монастырь пресвятая Троицы и преподобнаго Сергия чудотворца и пребысть во обители день един, моляся прилежно о помощи преподобному. И оттуду прииде государь во град Коломну. Тамо приидоша к нему вестницы с

поля, поведаяюще, яко хан крымской Девлет-Гирей со многими воинствы идет на украинные города, с ним же и наряд пушечной, и янычане, посланные ему в помощь от турецкаго султана.

Сие же сотвори крымский царь помогая казанцом, дабы возмог удержати благочестиваго царя от намереннаго пути на Казань. Но обаче о том не сокрушися сердце православному, ниже убояся того, не ослабе в подвизе, аще бо и великия воинства прежде послал в Свяжск в стругах водою, но обаче не усумнеся в том.

И на мало время воздержа шестивие свое на Казань, и аки бы с величайшею частию воинства уготовися сопровтив предреченнаго онаго врага христианскаго, и яко сам речеся, стояше на Оке реке у града Коломны, ожидаючи его ко сражению брани. А инья воинства поставил по иным градом, иже стоят при той же реке.

И доведыватися повелел о хане, ибо неведомо еще, на которые места итти хотяше. Он же егда услышал, яко царь христианский стоит с воинством готов, над надежду его — ибо надеялся, яко конечно на Казань пошел — тогда возвратился и обляже град Тулу.

Государь же посла противо его воевод своих, аки с пятнадцать тысячей воинства. Тии же преплавися чрез реку Оку, со многим потщанием зело скоро устремишася, и преехаша того дня шестьдесят пять верст, и сташа в нощи на едином потоке близко стражи царя крымскаго, от града же Тулы, под ним же сам царь стояше, аки пятнадцать верст.

Стража же татарская утече к царю и поведа ему о множестве воинства христианскаго, мняше яко сам царь прииде с воинством. И тоя нощи утече царь татарский от града в поле аки сорок пять верст, за три реки переправясь, и пушки некоторыя и припасы потопи в переправах, и велблюдов отбеже. Войско же в войне оставил, ибо три дни хотяше воевати, а два точию пребысть на месте том, а против третияго дня побежал.

Наутрие же воинство христианское приидоша к Туле и сташа на станах татарских. Войска же татарскаго аки третина или вяшше осталось было в загонех и шли ко граду, надеющеся царя своего стояща. Егда же размотриша и уведаша о воинстве христианском, ополчишася противо их. И тако сразишася со христианским воинством погании, и удержашеся битва часа яко два.

По том поможе Бог христианом над бусурманы, и толико избиха их, яко зело мало осталось их и едва весть во Орду возвратилась. И тако христианское воинство победу над бусурманы восприимши и многих знаменитых языков плененных имущи со пресветлым одоле-

нием возвратишася ко православному царю, сущу ему тогда во граде Коломне.

Православный же царь, слышав сия, премногия радости исполнися, воздаде благодарение Богу, яко первое торжество прият над погаными. К Москве же, ко благочестивой царице, и к брату своему, и ко преосвященному митрополиту посла вестника о сем, поведаючи им о толикой преславной победе благодарение Господеви воздати, о себе же являя, яко неотложно иматъ итти на Казаньское царство.

Митрополит же соверши належащее дело со многим тщанием. Но обаче слышав митрополит о зело многотрудном предлежащем пути государеве, советоваше со благочестивою царицею, писаша ко благочестивому царю, советующе ему, дабы многих ради неудобствый отменил свое намерение и удержал путь свой.

Благочестивый же царь не внят о сем, ниже краем уха послуша, но в подвизе своем яко тверд адамант пребываше и дерзновенно путь свой прият. И поиде с Коломны к Мурому в 4 день июня. В Муром же прииде того же месяца в 13 день. И пребысть в Муроме управления ради воинства неделю. В двадесятый же день поиде из Мурома и превезеся чрез Оку реку, а иных воевод аки с треманадесять тысящми воинства посла чрез Резаньскую землю.

Тии же прешедше Мордовские леса в три дни, изыдоша в Велико поле и идоша от царева полку по правой руке, аки в пятих днях езды. И заслониша царя тем воинством от нагайских татар. А сам православный царь поиде от Мурома трудным путем чрез частыя леса, и прешед леса изыде в чистыя поля.

В пути же том Бог провождаше благочестиваго царя со христианским воинством не инако, яко Моисеа со израилтяны чрез пустыню. Ибо всюду всякия неудобства безбедно прохождаху и пищу Богом посланную довольно приимаху. Ибо множество бяше в полях тех зверей ко ядению удобных, яко лосей, еленей, коз, кабанов и прочих, такожде от воздуха птиц премножество и в водах рыбы преизобильно бяше.

И воистинну рещи: Богом посланная пища бяше воинству. Ибо сами зверие прибегаху, и птицы прилетяху, и обретахуся в полцех между воинствы, яко сами вдающеся на пищу христианскому воинству, ими же все воинство довольно изобиловашеся. Егда же приспе пост пресвятыя Богородицы, тогда никако обретахуся к ядению дивия звери, ниже птицы — точию рыбы в водах преизобильно наипаче умножахуся.

Оное же воинство, иже идяше по правую руку Царева полка, аки по пяти неделях доидоша Суры реки, на устье реки Борыша, идеже

того же дня и царь православный с воинством прииде. И того дня оные хлеба сухаго наядошася в сытость со сладостию и благодарением, оно купующе, оно у друзей заимствующе. Ибо им не достало быше пищи аки на девять дней. Обаче господь Бог препитал их такожде разными зверми, и птицами, и рыбами, их же множество в реках тех, и зверей во оных пустых полях.

Егда же превезошася чрез Суру реку, иде оттуду воинство в землю супостатов своих чрез великие леса, и глубокия реки, и топкие блага, иногда же и полями пространными. А сел жилых мало тамо, понеже у них села стоят в великих крепостях и незримы суть, аще и блиско бывшим.

Тогда языки тамошня: черемиса горныя, и по их языку чуваша зовомые, и мордва, и прочее, прежде враждебнии суще, умиряхуса, начаша покарятися благочестивому царю и встречати человек по пятисот и по тысящи, и довольствоваху воинству благочестивому, мосты и перевозки на реках, и на брезех и блатах гати устраяху, и станы уготовляху, аки радующеся цареву пришествию. Ибо в их землях стояше град Свяжск.

В полки же ово они провождаху, ово и по странам отъезжающе куповано хлеба и скотов, аще и зело дорого плачено, воинству яко в толико далнем пути сущему и того требующему зело благодарно. Ядей же услаждающих гортань и любимых напоев тамо и не воспоминаи. Ибо черемиский хлеб паче драгоценных калачей обреташеся тогда.

Се же того ради, яко благочестивое воинство подвизашеся за Отечество правовернаго христианства, сопровтив врагов Христовых, еще же вкупе со благочестивым царем своим: сие быше всего благодарнее. И не слышашеся ни единыя нужди, но друг под другом добрым подвигом ретящеся подвизахуся. Ибо сам господь Бог помогаше христианом.

Егда же благочестивый царь с воинством христианским приближашеся к новопоставленному Свяжскому городу, и не дошед посла прежде себя в Свяжск к бояром и воеводам, будущим тогда тамо, ко князю Александру Борисовичу Горбатову-Шуйскому с товарищи, Федора Семенова сына Черемисинова объявити о своем государеве пришествии и спросити их о здравии. К ним же посла и свое государево жалованье, коемуждо по достоинству, и повеле им себя государя встретити на Итяковых лугах.

И тако по повелению цареву августа во 12 день в субботу выехаша в сретение его воеводы мнози, яко градския, тако и иже в су-

довой рати приидоша, со многими воинствы, полки имеющие благочинно по чину устроены. Их же бяше конных тысящ аки пятьнадесять, такожде и пеших множество исшедших в стретение. К тому же и оных новопокорившихся варвар купы немалыя, до четырех тысящей, их же жилища и села блиско онаго града быша, иже хотяще и нехотяще покоришася.

И бысть тогда немала радость о здоровом пришествии царевице со многими воинствы, такожде и о победе преждереченной, над крымским ханом бывшей. Ибо зело бояхуся в воинстве о прохождении его к Казани на помощь и о поставлении града онаго превеликаго.

Потом воинство по повелению государеву поидоша в Свяжск, прежде которя встретитиша первее государя, потом и прочия полки преидоша тихо и немятежно чрез гати учиненныя и приближишася ко граду. Потом и сам благочестивый царь приближися. Полки же стаха около града по достоянию их. Самого же царя обоз поставлен бысть от Вязовых гор в лугах прохладных. И тако едва в пятнадесяти верстах всюду около града могоша станы уместитися.

И тако ко оному Свяжскому граду прииде воинство яко во свои дома от того долгаго и нужнаго пути, понеже привезено им из домов их Волгою в судех множество всяких запасов к ядению и питию потребных. Такожде и купцов безчисленное множество с различными живностями и многими иными тавары приплыша. Идеже бяше всего достаток, чего бы душа хотела, точию нечистоті невозможно бяше обрести купити тамо.

Августа в 13 день в неделю благочестивый царь поиде во град Свяжск, и первое вниде в соборную церковь Рождества пресвятыя Богородицы, и совершив молебная пения, осмотрив строение града, отъиде во станы своя, и ту опочинуть повеле три дни. И потом повеле превозитися чрез Волгу на луговую сторону.

И тако воинство вскоре начаша возитися за Волгу. Августа же в 18 день и сам благочестивый царь преиде Волгу и прешед стояше в лугах два дня, ожидая последних воинств прешествия. Ибо многочисленное воинство собрано бысть, аще и прежде царевице прешествия превозждахуся седмь дней на многих местех.

Егда же вси преидоша, тогда благочестивый царь, пев молебная пения, поиде отгуду ко граду Казани августа в 19 день в субботу. И двадесять верст точию иде три дни, зане много малых речек текущих в Волгу прилучися переходити, их же прохождаше воинство чрез мосты и гати, яже пред воинством попортиша казанцы.

И пришед государь ста на Волге, на устье Казани реки на заводи, и стояше тамо два дни. В понедельник же августа в 21 день приеха из Казани к государю служити мурза нарочитой Кемей имянем и с ним семь человек татар, иже совершенно ведаше все намерение и дела казанцов, и извести государю подробену вся мысли их и ухищрения.

Опочинувши же с воинством на том месте аки день един, пушки некоторыя, их же пред полки вождаху, сложены быша с судов на берег и устроены. Августа в 23 день благочестивый царь з братом своим со князем Владимиром Андреевичем, и с цари служащими ему, и с бояры и воеводы, и со всем православным воинством, по Божиим литургиях, движесе от станов своих и развивши хоругви христианские во многом благочинии и устроении полков поидоша ко граду супостатов.

И пришедше аки за версту или мало болши от Казани сташа тамо. Идеже благочестивый царь повеле распрострети великую свою царскую хоругвь, на ней же бяше шитием воображен нерукотворенный образ господа Бога нашего. И сшед с коня возде руце свои на высоту, разверзе же и сокровище сердца своего, и душевныя распростре крыле, ум же возведе на небесная ко господу Богу, и моляшесе прилежно, просящи помощи оттуду.

Пришедшу же воинству близ града и видеша его аки пуст стоящ, яко ни единого человека бе видети и ниже един глас человек слышашесе в нем. Яко многим неискусным радоватися о сем и глаголати, яко избеже царь и все воинство в леса от страха великаго воинства.

Град же той в великой крепости стоит. С востоку от него идет Казань река, а к западу Булак речка зело тиновата и непреходна, которая течет под самый град и впадает в Казань реку под угольною башнею, а течет из озера немалаго, Кабан реченнаго, которое кончается аки полверсты от града. И яко преити ту нужную речку, тогда между озером и градом с Арскаго поля лежит гора зело крутая и к восхождению трудная.

А от тоя реки около града ров копан зело глубок, даже до озера, реченнаго Поганова, иже есть подле самую Казань реку. А от Казани реки гора так высока, яко и оком возрети трудно, на ней же град стоит, и палаты царския, и мечети зело высокие каменные, идеже цари их погребались.

В 25 день августа повеле благочестивый царь воинству христианскому град Казань обступити со всех стран и обложить стенобитными хитростями. Егда же начаша обстопати град оной бусурманский воинство христианское, повелено ити трем полком чрез прежде реченную речку Булак.

И егда первое перепроводился, сделав мостки, предние полки, иже Ертаулом называется — в нем же бе изряднаго воинства семь тысяч, а над ним стратилати два, князь Юрь Пронской и князь Федор Троекуров, юноша зело храбрые — и случися им ити с нуждею многию прямо на оную гору на Арское поле между града и предреченнаго езера Кабана, а от врат градских аки два стреляния лучных.

Другий же великий полк едва точию начал препровождатися чрез оную речку по мостам. Тогда царь казанский выпустил из града воинство коннаго аки пять тысящей, а пеших з десять тысящей на первый преждереченный полк; конные татарове с копыи, а пешие со стрелами.

И абие удариша посреди полка онаго, аки в полгоры оныя, и превреша его, дондеже поправишася оные воеводы. Уже бо аки со двема тысящи или вящие взыдоша на оную гору, и сразишася с ними крепко, и бысть сеча немала между ими. Потом поспешишася иные воеводы с пешими ручнычными стрельцы, и спроша бусурманов яко конных, тако и пеших, и гониша их секуще до самых врат градных, и неколико десять живых взяша.

В той же час вкупе во сражение оное и стрелбу огненную из града изъявиша, яко з башен высоких, тако и со стен градских стреляюще на воинство христианское, но ничто же за Божию помощь тщеты сотвориша. Тогда же и прочие воеводы идоша обступающе град.

Передовой полк преиде на Арское поле; и еще другой полк, в нем же бе царь Шигалей и другия великия воеводы, залегоша оныя пути, яже от Нагайской стороны ко граду лежат. Правая же рука, в нем же бяху воеводы: князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбской — в их же полку бяше воинства конных вящще дванадесяти тысящей и пеших стрелцов и казаков тысяч шесть — им же повелено ити за Казань реку; и простреша воинство полка того до Казани реки, яже выше града, а другой конец до мосту, иже по Галицкой дороге, и до тое же реки, яже ниже града.

И залегоша пути, яже лежат ко граду от всея луговяя черемисы. И случилось полку тому стати на месте в равнине, на лугу между великими блаты. Граду же с тоя страны на превеликой горе стоящу. И сего ради им паче всех от огненныя стрелбы нужнее было, а ззади от частаго приходу черемискаго.

Прочия же полки сташа между Булаком и Казанью об сию страну от Волги. Сам же благочестивый царь с величайшим полком стояше от Казани аки за версту или мало болши, с приходу своего от Волги, на месте пригористом. И сицевым чином тмочисленныя пол-

ки обступиша селение и град бусурманский и отъяша отовсюду пути и проезды ко граду, яко не возмогаша погании ни из града, ни во град проходити.

Царь же казанский затворися во граде со тремадесять тысящей избранных своих воинов, и со всеми карачи духовными их и мирскими, и з двором своим. А другую половину воинства оставил вне града в лесах, такожде и те люди, их же прислал ему в помощь нагайской Улубий, а было их аки две тысячи и несколько сот.

И по трех днех начаша близко града шанцы ставити, туры прикативше. Нечестивии же ни мало усумнешася, но в замерзении своем упорно сташа, на свою последнюю погибель, на покорение же не изволяху, но паче кровопролития желлаху. И зело браняхуся, ово биющися со града, ово выбегающе вручь секошася, не хотяще дати христианскому воинству облещи града, и туров и шанец ставити, и утвердити стенобитных хитростей.

И падаху со обою страну множество люду, но вящши бусурманов, нежели христиан. И сего ради знак Божия милосердия являшися христианом и дух храбрости благочестивому воинству прискоряшеся. И Божиим пособием нечестивии побеждени быша, и плещи своя обратив, друг друга топчуще, во град бежаша.

И тако христианское воинство совершенно обсташа град, и крепко заточиша шанцы, и стрелцы с полковниками их вкопашася в землю, и аки уже безстрашни от стрелбы градския и от вытечек их мнящися быти.

Тогда привлекоша близко града в шанцы великия пушки и средняя, такожде и огненные, ими же вверх стреляют. И бяше всех их во всех шанцах от всех стран поставленных до полутораста, и мнейшая бяше полутора сажени. Еще же и кроме того бяху полевья многия пушки около шатров и стана царева в полку его.

И по том вскоре повеле государь раскат высокой соделати. И соделан бысть тайно версты за две от града, и единою нощию блиско стены градныя поставлен, много вышше стен градных. И на него подъяша десять пушек великих и пятьдесят затинных, и при них воинов с ручницами.

И повелено стрелцом и пушкарем пременяся безпрестанно по граду стреляти, иже зело велику тщету во граде творяху с того раскату. И таково тех стрелцов стреляние искусно бысть, яко не даваху поганым не токмо по улицам и по домом ходити, но ниже из храмин изникнути. Бяху бо стрелцы и пушкари тако зело стрелянию изучены, яко из пищалей птиц на лету побиваху.

Такожде и инья стенобитныя хитрости на многих потребных местах утверждены быша. И тако утвердившися, начаша со всех стран бити по стенам града, и уже очистиша стрелбу великую во граде, сиречь не даваху поганым стреляти из великих пушек на воинство христианское, точию затинных и ручных пищалей стрелянию отъяти не могоша — ими же многу тщету творяху в воинстве христианском в людех и конех.

И еще к тому тогда иную хитрость изобреде царь казанский против христианскаго воинства. Ибо уложил он таковой совет со оным своим воинством, их же оставил вне града на лесах, и положил с ними таковое знамение, а по их языку ясак. Егда изнесут на высокую башню, иногда же на град на высочайшее место хоругвь их бусурманскую зело великую и начнут ею махать, тогда [тогда глаголю, понеже далося воинству в память] ударят со всех стран из лесов зело грозно и прудко во устроении полков бусурманы на полки христианские, а от града в той же час во все врата выехали сущие во граде бусурманы на шанцы воинства христианскаго.

И так зело жестоко и прутко наступали, яко верити неудобно. И единою изыдоша сами карачи со двором царевым, и с ними аки десять тысящей воинства на оныя шанцы, идеже поставлены быша великия пушки. И толико жестокою сечу со христианы учиниша, яко уже всех их далеко от пушек отогнали было.

И за Божию помощью приспеша тамо дворяне муромцы, ибо негде близко того места станы своя имели. И между российскими воинствы те дворяне зело храбрые и мужественные мужи стародавние в родех российских. Иже абие взпроша карачей со всеми силами их, яко принудишася от них тыл подати и в бегство обратитися. Тии же до врат градных гнаша по них, секуще и колюще поганых, и не тако много побиено бысть их, яко сами во вратех градных подавишася тесноты ради. Многих же и живых яша.

В тот же час и в прочие врата вытекали, но не тако крепко бишася. И воистину на всяк день аки три недели тоя беды было, яко и сухаго брашна и нужныя пищи не даваху воинству в сытость ясти. Но обаче господь Бог помогал христианскому воинству, ово храбро, при помощи его святой, сражахуся с ними, пешие с пешими от града выбегающими, конные же с конными, из лесов выезжающими.

А к тому и пушки великия, иже з железными ядрами, обращающе от града стреляху на те полки бусурманские, иже отовне града с лесов наезжали. А горше всех от их наездов было тому христианскому воинству, которые стояли на Арском поле. Такожде и полку Правья руки, иже стояше от Галицкой дороги, от луговой черемисы.

А которыя полки стояли за Булаком от Волги, на которой стране бяше царский полк, те от внешнего нахождения бусурманскаго в покою пребывали. Точию из града частые вытечки имели, яко ближе стояли под стенами градными у пушек.

Благочестивый же царь и в последнем том случаи будучи не желаше кровопролития и погибели поганых, но яко царь христианский желаше того, дабы покорилися ему нечестивии без кровопролития. И того ради многих языков плененных отпускаше во град, такожде и увещевати поганых посылаше ко граду многих своих сиклитов, дабы обратилися на истинну и покорение, обещаваая им всякую свою милость и вин их оставление.

Егда же не восхотеша тако сотворити, тогда царь благочестивый повеле им сказати: аще сами не хотят покоритися Российскому скиптродержавию, то да изыдут из града со всем именем своим, и с женами своими, и з детми, и с хищником царем своим амо же хотят, град же отдадут в руке благочестивому царю, яко природное их обладание. Ибо на земле Болгарстей поставлен есть, яже исконно бяше область великих государей.

Они же злочестивии ниже краем уха сего послушаху. Ибо зело на погибель свою ожесточишася, и скверными языки своими хулныя словеса испущаху: прежде же на господя Бога нашего, веру православную укаряюще; благочестиваго же царя скиптру такожде многия досадительныя злобы исполненныя словеса испущаху; смиритися же отнюдь не хотяху.

Но кровопролития желающе, исходяще из града непрестанныя брани составляху. Что же еще поведати, яковую тщету они бусурманы делаша христианскому воинству в людех и конех? Ибо которые люди дворов боярских отъезжали, травы конем добывающе, тех не могли обранити ниже многие ротмистры, стрегущи и опасяущи того с вои своими, злохитрства ради бусурманскаго и внезапнаго наглаго прудкаго их наезжания. Воистинну и пишущи не исписал бы по ряду, сколко оных слуг побито и поранено.

Видев же царь казанский, яко уже изнемогло было зело воинство христианское, наипаче же оное, кое блиско града в шанцах у пушек было, ово от частых вытечек и наездов их из лесов, ово от глада — зане, яко рех, с покоем и сухаго хлеба не давали ясти — ово от скудости пищи, ибо уже зело дорого покупали всякия брашна в воинстве, к тому ж мало не все нощи без сна пребывали, стрегуще пушек, паче же живота и чести своей.

Егда же, яко рех, уразумели утруждение воинства христианскаго яко царь их, тако и вне града будущие полки бусурманские, тогда сильнее и чаще отовне наезжали и из града исходили, непрестанныя брани составляюще. С Арскаго же поля и из прочих мест многое замешение творяху, ни малаго покоя дающе христианскому воинству.

Благочестивый же царь, видев бывшая злая от поганых воинству, вниде в совет со всеми боляры, и воеводы, и протчими чиновачники, и искусными ратоборцы. И совет той в конец благ благоволением Божиим произведен бысть. Разделити бо повелел воинство на две части, его же едину остави в шанцах под градом у пушек; части же немалой в полку своем повеле быти при шатрах своих, здравия своего хранити; а тридесять тысяч конников устроив раздели на полки по воинскому обыкновению.

И постави над киимждо полком по два, негде и по три воевод храбрых и в богатырских вещех свидетельствованных. Такожде и пеших стрелцов и казаков аки пятнадцать тысяч произведе и раздели на полки под устройением полковников. Воеводы же над тем воинством поставлены быша: князь Александр Борисович Шуйской-Горбатой, муж зело разумный, и постоянный, и в воинских делах свидетельствованный; и Данило Романов, соплемянен сущи самому царю, муж многоразумный и богатырь свидетельствованный; и иные мнози воеводы, ведомыя всякаго бусурманскаго коварства и ухищрения.

И заповедав им воинство оное закрыти за горами в тайном месте. И егда изыдут погании по обычаю своему из лесов, тогда повелено им сразитися с ними; и бысть тако. Во утрие же в третий час дни по обычаю своему изыдоша погании из лесов на великое Арское поле и первее удариша на ротмистров, иже пред полки на страже были, им же повелено бяше уступить до шанцов иже под градом.

Погании же уповающе, аки бы убоявся христиане побегоша, гнаша за ними. Егда же тии внидоша в обозы своя, начаша погании пред шанцами круги водити и герцовати, стреляюще из луков по подобию частости дождя. Иныя же их полки конныя и пешия во устройении многом помалу идяху, аки уже пожрети христиан чающе.

Тогда убо, тогда глаголю изыдоша абие оные воеводы из тайнаго места со многими зело стройно убранными воинствы и со многим потщанием приближишася ко сражению. Бусурманы же, видевше себе прелщенных сущих, и ради бы назад к лесом, но не возмогаша ибо уже далеко изыдоша. И тако хотяще и не хотяще составиша брань и крепко сразишася с первыми полки.

Егда же надспел великий полк, в нем же бяше сам воевода оный князь Александр Борисович, такожде и пешие полки приближишася обступаяще их, тогда абие вси полки поганския в бегство обратишася. Христианское же воинство гнаша за ними, биюще и. секуще их бежащих.

И тако побеждени быша погании, яко над семи верстах и болши легло трупия их, к тому до тысящи живых взяша. И тако тогда за Божию помощь восприяша христианское воинство зело великую и пресветлую победу над погаными.

Егда же пленники оные пред царя приведени быша, повеле их пред шанцы изведши к колю привязати, да своих сущих во граде молят и просят, дабы подали град Казань царице христианскому. Такожде и синклитове царские ездяще глаголаху им, обещавающе живот и свободу яко тем пленником, тако и сущим во граде.

Они же словес сих тихо выслушав, абие начаша стреляти со стен града, не тако по христианех, яко по своих, глаголюще: «Лучше увидим вас мертвых от рук наших бусурманских, нежели бы посекали вас гауры необрезанные». И оные хульные словеса отрыгаху с яростию многию, яко дивитися всем зрящим сия.

По сем аки по трех днех повеле благочестивый царь оному отделенному воинству со преждереченными воеводы ити на засеку, юже соделаша погании между двема блаты на горе единой аки в десяти верстах от града, идеже тии по победе оной мнози собращася и умыслиша оттуду, яко из града некоего выезжаючи, паки на воинство христианское ударяти.

И к тому еще ко оному преждереченному великому воеводе приде другаго воеводу, князя Семена Ивановича Микулинскаго, суща от роду тферских великих князей, мужа особнаго храбраго, мужества зело исполненнаго, и в богатырских вещах искуснаго, и пред сим многи брани с поганы имевшаго.

И даде им царь повеление таково: аще бы им Бог помог стену оную пройти, дабы шли со всем воинством даже до Арскаго города, иже стоит от Казани верст яко сто и вяшще.

Егда же приидоша ко оной стене, опрошася бусурманы и начаша крепко притивитися, аки чрез два часа биющеся. Потом Божиею помощью одолеша христиане поганых огненною стрельбою, яко великою, тако и ручною. И побегоша погании, христиане же гнаша по них, и тако преидоша стену оную.

К царю же о сем ведомость послаша, и бысть радость велика сущему под градом воинству. И пребысть оное воинство на стене той

нощь едину, идеже обретоша в стенах и шатрах татарских немало корыстей. И пошедше отгуду два дни, приидоша ко оному Арскому городу и обретоша его пуст оставлен, от страха бо вси избегоша из него в далечайшыя лесы.

И плениша тамо в земли оной воинство христианское аки десять дней. Бяху бо в земли той поля великия и зело преизобилные, и гобзующие на всякия плоды. Такожде и дворы мурз их зело прекрасные и удивлению достойные, и села частыя, хлебов же всяких такое тамо множество, яко неудобно веры яти и исповедати трудно, ибо наподобие звезд небесных клади всяких семян стояху.

Такожде и скотов различных множество стад безчисленное, и корыстей многоценных, наипаче же от различных зверей, обретающихся в земли оной. Ибо тамо родятся куницы добрые, лисицы, белки, лоси, елени и прочия звери ко одеждам и ядению потребныя, а мало дале того есть соболей множество и медов, не вем бо где бы под солнцем больши было.

И по десяти днех воинство то со безчисленными корыстями и со множеством плена жен и детей бусурманских возвратися здраво. Такожде и своих многих древле заведенных тамо свободили от бусурманския многолетней работы. И бысть тогда в воинстве христианском велия радость и Богу благодарение воспевашеся.

Живности же всякия толикая дешевизна бяше в воинстве, яко краву по десяти денег покупали, а вола великаго по десяти копеек вскоре после возвращения онаго воинства. И от того времени воинству, будущему в шанцах под градом, от внешних находений поганских свободнее начася быти. Ибо уже по том не пекошася о внешних татарских воинствах, точию з будущими во граде бяхуся.

По том аки по четырех днех собралося луговья черемисы немало и ударили на задния станы российского воинства, иже от Галицкой дороги стояли, и немало стад конских отогнали. Воеводы же полков оных послаша в погоню за ними трех ротмистров, и за ними другие посыланы полки во устроении, засады ради. И угнаша черемису в верстах пятнадцати или и дале, и отбиша стада оныя, самих же многих избиша, а иных живых взяша.

И что много глаголю пишущи? Аще бы пишущи порядку, еже тамо под градом на кийждо день деялось, того бы целая книга была. Но сие токмо вкратце воспомянути достоит, яко они на воинство христианское чары творили и великое дождевство и ненастие наводили, яко скоро по obleжании града бяше сице. Егда солнце начнет восходить, въздут на град [всему воинству зряшу] ово престарелыя мужи,

ово бабы, и начнут вопити, сатанинские словеса глаголюще, машуще одеждами на воинство христианское и вертящееся безобразно. Тогда абие востанет ветер и сочинятся облаки, аще бы день и зело ясен начался, и будет такой дождь, яко и сухия места обратятся в блато и мокроты исполнятся. И сие точию бяше над воинством, а по странам несть, точию по естеству аера случившися.

Видев же сие боляре и воеводы, советоваша цареви послати к Москве по животворящий крест, в нем же часть спасительнаго древа вделана, иже всегда при царском венце бывает. И збегано за Божию помощию зело скоро водою до Новаграда Нижнаго в вятских скоростественных кораблех, в три или в четыре дни, а оттуду даже до Москвы на прытко скоростественных подводах.

Егда привезен бысть той животворящий крест, тогда абие пресвитеры соборне со благочинием христианским молебствоваша и воду освятивше обхождения около града творяху. И абие от того часа исчезоша и без вести быша чары оные поганские.

Не точию сим единым чудным делом, еже творяшеся силою животворящаго креста Господня, но и иными множайшими чудесы и видении дивными, о них же мало последи речется, утверждашеся царь благочестивый со христианским воинством, наипаче труды к трудам и подвиги к подвигом прилагаше, при помощи Божией в конец начато дело произвести.

Повеле некоему инженеру именем Размыслу учинити подкопы подстенныя градныя на разрушение их. Той же Размысл с прилежанием многим делу ятся, нача подкопы строити в дву местех. Един от Поганова озера, на углу, под стрелницу от правой стороны Арских ворот, иже ныне Спаския ворота, и внутрь града, близ их церковь святых мученик Киприана и Устины. Другой подкоп науголной, под стрелницу, от Булака по правую сторону со стрелбище из лука: то были Нагайския ворота.

Тому же подобящися, стрелцы сотвориша под градом малое некое ухищрение, подкопаша бо ся от Арских ворот под тарасы, и поставиша в подкопе бочку пороху, и того же дня, то есть сентября в 13 день 7061-го лета, запалиша. И тако вырвало тарасы у стены градныя и меташе дрeвеса и землю многу во град.

Сие же видевше стрелцы прибегоша тамо и хврастием и землею градный ров засыпаша, к тому же и многия полки приспеша, взыдоша на стену градную и поставише щиты древянныя бишася с погаными на стене той день и ночь даже до взятия града.

В то же время, недели за две до взятия, иным подкопом воду отняли у них. Ибо подкопалися быша под Большую башню и под тайники, ими же на весь град воду взимали. И поставлено тамо пороху двадесять бочек великих, и тако взорвало тайники те.

Обаче нечестивии и последнюю свою погибель видевшие нимало в чувство прихождаху и увещательным многим милостию исполненным словесем нимало внимаху, но в замерзении своем упорно стаща, ослеплени суще злобою.

Благочестивый же царь со христианским воинством от того времени наипаче зело ратоваху на град, разбиваючи стены града из великих пушек и прочим стенобитным ухищрением. А из верховых пушек нарядными огненными ядрами внутрь града стреляюще, велию тщету нечестивым творяху, деревянныя здания и стены града оными ядрами зажигающе и от основания храмины и с людьми на высоту подъемлюще.

Но защищаше поганных и крепко стояти помогаше пространство и крепость града того, яко положением места, тако стенами и башнями крепкими. Ибо срублен бяше весь из дубоваго древа, стены зело широко. В городни же меж стен набивано илом и камением многим.

Но кто изречет или исписати может бывшие тамо подвиги, и мног труд, и непрестанное с поганы сражение, и мужество христианскаго воинства? Ибо пред лицом царя благочестиваго за веру христианскую на врагов Божиих мужествовати прелюбезно коемуждо бяше.

И того ради не токмо труды и раны непрестанныя на телесех своих приемлюще радовахуся, но ниже самыя смерти ужасахуся, ничтоже о земных помышляюще, но паче на подлежащий подвиг подвижахуся, взирающе на воздаяние от господа Бога вечное, а от благочестиваго царя милость и похвалу, противу кожеждо достояния.

И тако вси скороустремительно тщахуся низложити град и приход к стенам града и восшествия нань телесы своими оставшим соделати. Обаче благочестивый царь возбраняше им сицевая творити, ожидаша бо подобна времяне и обращения от нечестивых граждан казанских.

И тако продолжися время во obleжении том до взятия града чрез шесть седмиц дней. Бысть же сие подвизание благочестиваго царя с христианским воинством не кроме воли Божия и преславных видений. Яко о том свидетельство неложное положено есть во многих верных российских историях. От них же некия и самому благочестивому царю видевшу, ово же от верных мужей со свидетелствы верными уведавшу. О них же сие.

Во время obleжания града Казани от российских воинств, от многого и непрестанного их огненного пушечного стреляния имяху татарове многи храмины вкопаны в землю. И по случаю вшедшим татаром во едину от оных храмин, обретоша ю теплу и благоухания исполнену, яко же христианскую, и печь полну хлебов пшеничных, и во единой стране храмины тоя бяше одр и постеля велможска, на нем же лежаше муж сед власы, иже рече им: «Не будите противны Московскому царю, но паче умолите его. Велими бо милостив есть и не вредит вас, аще ли же не покоритесь ему, то мало вас от пагубы гонзнет». Татарове же рекоша к себе: «Сие есть российское мечта-ние, приидите убием и, и ничтоже будет нам». И абие невидим бысть человек той. Такожде ни одр, ни постеля, ниже в печи хлебов обретеся, ниже благоухание, но смрад ощутился.

Егда же стоящу благочестивому царю у града, прииде к нему из Нижняго Новаграда протопоп со освященною водою по празднице Преображения Христова и поведи цареви, яко прежде сих дней в Нижнем Новеграде к церкви Зачатия пресвятыя Богородицы прииде понамарь благовестити ко утрени, и егда вниде в церковь виде мужа святолепна и сединами блистающа, звонити повелевающа ему. Оному же отрицающуся без благословения иерейскаго того творити. И глагола явлейся: «Не бойся, но звони, ибо не имам медлити zde, но спешно иду к Казани в помощь благочестивому царю и воинству его». Понамарь же з боязнию шед нача звонити, и пришед в церковь никого же обрете. Пришед же иерей оскорбляше понамаря, яко без его повеления звонил. Он же поведи иереови бывшее, и тако вкупе прославиша Бога творящаго дивная.

Бысть со благочестивым царем некто пресвитер, имевый духовный совет с преподобным Данилом Переславским, его же той пресвитер моляше многажды о помощи благочестивому царю в таковых подвизах. И по молитве усну мало, виде преподобнаго Даниила глаголюща с ним. И возбнув радостен бысть, яко не погреси в надежде си, но сподобися видения преподобнаго. И открыв оконце храмины своя, ноши глубоцей сущей, виде явно, а не во сне, над градом Казанью свет необычен, разливающуся над всем градом, по свете же мнози столпы блещахуся. Иерей же виде таковая недоумевашеся и возбудив спящаго ту некоего от советников царских, уязвена стрелою от поганных, и привел его ко окну со инеми тамо же бывшими, иже видевшие неизреченное оно светоявление, удивляющуся глаголаху, яко сие является христианское знамение.

По сем пред самым взятием града некто страха Божия исполненный человек именем Тихон, раб сый Ивана Петрова сына Головина, сей уязвен будучи на брани лежаше болезнуя, и в болезни той, аки во сне виде видение сицевое, яко верховнии апостоли Петр и Павел и прочии мнози святии, с ними же и великий чудотворец Николае, по воздуху ходяху неизреченным светом сияюще. На земли же, виде, яко россиястии людие полками скачущи, вопияху ко святому Николаю: «О святыи Николае! Помози нам на бранех на Казанское царство!» Святыи же Николай обратися ко святым апостолом и прочим святым и глагола сице: «Бог преблагий, иже хочет всем спастися и в познание истинны приити, благоволил есть и в сем граде православию быти; не медлите убо, но вскоре благословите и освятите место сие, яко же повеле вам Господь». Они же скоро благословиша град Казань и в свете на высоту вземшесе невидими быша. Тихон же очутися от видения, оттоле же и болезни свободися, и сие поведает господину своему и всем прочим.

Ин паки некто воин нижеградец, упразднися от стражи чреды своея и от многога труда и неспания возлеже в кущи своей, хотя мало почити. И слыша некоего, повелевающа ему востати. Он же отвеща: «Не деи мне, да опочину мало, понеже зело утрудихся на стражи моей». И возрев, видит ясно святаго Николая глаголюща ему: «Иди и рцы благочестивому царю, да повелит воинство свое осенити честным крестом Господним и священою водою окропити, ибо предает Господь град сей в руце его». Он же востав скоро тече и поведает благочестивому царю. И бысть якоже повеле святыи Николай.

Таковая же и ина многая знаменья достойным и чистыя совести мужем в ноцных и явных видениях от Бога изъявляхуся о взятии града бусурманскаго и воинство в крепости и дерзновение подвижущи, яко мню в отмщение безчисленныя многолетныя разливаемая крове христианския, а оставшихся еще и живых тамо сущих избавляющая от многолетныя работы.

И вся таковая поведаету благочестивому царю. Той же и прочия с ним надеждою веселяхуся, от всех оных чудесных знамений уверяеми, и разумеваху вси, яко Божиим благоволением бысть таковый подвиг благочестиваго царя со христианским воинством.

Не по мнозе же и сам благочестивый царь в коемждо оконце храмины своей слыша звон от града Казани, яко глас болшаго колокола Симоновскаго монастыря. И таковым знамением утвержден будучи, наипаче возмогаше в подвизе, ездяще непрестанно по полком

окрест града, словесы умиленными утверждаючи и к мужеству приводящи воинство.

В то же время ко благочестивому царю из преимянитаго града Москвы от благоверных царицы и великия княгини Анастасии Романовны и от брата его великаго князя Георгия Васильевича прииде посланный, возвещающе ему здоровое их пребывание и всякую тишину и благоденствие в государстве. Благочестивый же царь зело возрадовался.

Тогда же прииде к государю и от преосвященнаго Макария митрополита московскаго и всея России боярин его Иван Семенов сын Фомин-Плещеев со святыми иконы и со благословением, такожде и грамоту подаде ему. В ней же преосвященный митрополит благочестиваго царя и все воинство утверждает пребывати в подвизе и надежды не отпадати. Такожде его просящи прощения в том, еже в начале шествия его в Казань дерзнул ему глаголати, възбраняючи начать путь той на Казань. И по том архиерейским благословением скончивает послание.

Егда же подкопы оныя начаша приходити к готовности, извещено бысть о сем благочестивому царю. Он же по утреннем пении, в день неделный, повеле быти к себе брату своему князю Владимиру Андреевичу, и царю Шигалею Яровичу, и всем князем, и бояром, и воеводам, и полкочначалником. И советоваше с ними, како бы, прося у Бога помощи, учинити промысл и приступ великий ко граду и полки около града урядити.

И советовав, повелено бысть величайшей половине пешаго воинства быти на приступ готовым, а третии или мало болши быти с конными полки в поле, стрегущи здравия царева. Такожде и конных разделиша на розные полки. И повелено бысть царю Шигалею и с ним многим воеводам и воинству, такожде и стрельцам, быти на Арском поле, дабы татарове в приступное время из лесов не прошли во град.

Прочим же воеводам повелено быти с полками по Галицкой дороге за рекою Казанью под лесами, инии же послани быша по Нагайской дороге на Кабан озеро, иным же повелено быти на Бежболде от Волги. И тако разряжены быша полки и устроени к шествию и како быти им во время приступа, и повелено итти им.

Быша же в коемждо полку при конном воинстве по тысящи стрелцов избранных с пищальми. И казачьих атаманов с казаки у коеждо полку по седми и по осми сот избранных молодцов с луками, и копы, и иным оружием. Такожде боярских и воеводских дворов

люди кроме оных полков совокупляхуся тысящ по пяти и болши в полк, и полководцов из между себе избравше, тамо же идоша.

В защищение же пешаго воинства, им же приступати заповедано, повеле государь искусным мастером соделати на катках и колесах из толстых досок щиты многия и ина многа защищающая ухищрения, и тако повеле ко граду приступати.

Сим же тако устроенным, православный царь вниде в ложницу свою сокровенно и став пред иконою Богоматере, яже во главе ложа его стояше, пад на колена презелно с великим сокрушением моляшеся и слезы источником подобны от очию изливаше, да поможет ему на противных и христианское воинство да утвердит и сохранит в целости.

И отре очи своя от слез тайных, и изшед из ложницы своя повеле по воинскому обыкновению в стану своем в трубы трубити и тихо и согласно по набатом и нагром бити, дабы полки к шествию немятежно устроилися.

И тако трубам и прочим согласиям воинским вопиющим бе слышати, яко некия песнивыя цветницы возглашаемы и ударяемы всех бывших тамо воев увеселяюще. Яко забывше вся земная на подвиг подвизахуся, пострадали хотяще за христианскую веру, и за обиду благочестиваго самодержца, и за братию свою — христиан плененных от поганых. И тако убравшися идоша ко граду.

Бе же видети в полцех христианских велие урядство и благочиние, знамена бо и прапоры яко многообразныя садове и цветы цветяху, оружия же и брони яко ясныя зари светяху и яко солнце во очесех блистахуся. День же той, аще и в есеннее время, обаче зело светел начинашеся, яко мнети и воздуху помогати христианскому воинству.

Вопля же и клича безчинна не бяше в полцех слышатию, но точию теплыя молитвы со слезами возсылаху Создателю, просяще помощи съвыше, и друг друга укрепляюще тихо глаголаху: «Не пощадим братие днесь живота своего, ниже поганых убоимся». И пояху идуще стихи, ово спасителных страстей Господних, инии же песни богородичны и мученичны. И единодушно устремилася мужески в подвизе быти и мученичския венцы или победу с похвалами воспряти.

Царь же казанский со избранными своими уведали о сем и такожде начаху уготавлитися. И творяху во граде по своему обычаю худа некая игранья. И бяше слышати играние их, яко некая плачев-

ная вещь совершается. И тако благочестивое воинство ото всех стран обыдоша град и стаща кийждо на уреченных местех.

Благочестивый же царь по отпущении полков поиде в церковь Благовещения пресвятыя Богородицы и пад пред образом ея, плачевныя и умиленныя молитвы возсылаше. И повеле протопопу Андрею, духовнику своему, начати молебная пения. И знаменався святым крестом поиде ко иным святым церквам.

Потом повеле уготовав бранной свой конь привести к себе. И изшед пред все собранное воинство нача явно светлым лицом глаголати, приводящи к мужеству воинство, увещавая при помощи Божией в крепости мужествовати на поганых, воспоминаючи мужество предков их, мужествовавших на врагов своих и того ради от Господа венцов сподобившихся и славою безсмертия цветущих. Яко во время брани великаго князя Димитрия Ивановича с поганым Мамаем и во время брани великаго князя Александра Ярославича Невского с нечестивыми немцы.

Таковыя же слова, яко гром изо уст благочестиваго царя изшедшия, слышаще христоролюбивое воинство, князи, и боляре, и прочие военачалницы яко едиными усты отвещаша: «Дерзай, православный царю, и призывай Божию помощь, и подщися елико скорее поити на помощь полком уже у града будущим, мы же вси готовы есмы за имя Божие, и за веру христианскую, и за твое царское достояние крови своя пролити и главы положить!»

Благочестивый же царь, слышав от них таковыя словеса и видев благонадежное мужество их, зело обрадовася. И вскоре тогда приведен бысть бранной конь царев, вседе нань, убрався в солнцезвущия крепкия брони. И оградився знамением святаго креста, двигшися поиде со всем своим избранным воинством ко граду Казани.

В самое же то время прииде ко благочестивому царю из обители пресвятыя Троицы и чудотворца Сергия соборный старец именем Адриан Ангелов со иными священники и принесоша благочестивому царю в помощь непобедимое оружие: Господень животворящий крест с мощьми святых многими, такожде образ пресвятыя Богородицы, и просфору, и воду священную. И подав цареви сия свята дары, вкупе же и благословения и молитвы от игумена и от всея братии тоя святаго обители. Такожде и Димитриевской игумен принесе к государю крестъ киликsevской.

Сия же честныя дары приим благочестивый самодержец зело возрадovася и знаменався ими глагола: «Благодарю тя господи Боже мой,

яко с сими святыми вещми в час сей помощь мне приити благоволил еси!» И поиде в путь свой. И прешед реку Булак, взыде на гору.

Егда же уведаша в полках государево пришествие, радости зело бывше, вострубиша во многия ратныя трубы, такожде в набаты и литавры удариша. И бяху гласования та яко гром страшен возгремевш, или буря велия возвеявшая, или яко дрeвеса дубравная возшумевшая, яко мнети и земли той потрястися, не точию градским упадати хотящим стенам, гласа же отнюдь ниже наухо кричащаго мощно бе слышати.

И пришед благочестивый царь ста противу Арских ворот. И повеле от подкопных мест пушки прочь отвезти. И тако мнози полки пришедше, отвезоша наряд и прочая стенобитная устроения оттуду. К мастеру же, иже подкопы устрояше, посла князя Михаила Ивановича Воротынского. Повеле ему порохи зажигати в подкопех, их же бяше в подкопех четыредесять осмь бочек великих.

Воинству же всему пешему ото всех стран повеле приступити ко граду, кроме подкопных мест; тамо воинство в готовности стояше, ожидающе подъятию от подкопов. И тако приступивше тмочисленныя полки пеших воинов начаша по граду бити изо многих пушек от всех стран.

Сам же благочестивый царь, яко же обычай имяше по вся дни слушати божественныя литургии, притече ко церкви Сергия чудотворца и повеле литургию начати и не медленно пети. Егда же чтяше диакон на литургии святое Евангелие и возгласи: «И будет едино стадо и един пастырь»,— и вкупе со гласом взорвало подкоп.

Бысть же сия лета 7061-го месяца октоврия в 2 день в неделю, на память святых мученик Киприана и устины, в первый час дни. И бяше тогда зело многоаго страха и ужаса исполненное дело, ибо от запаления порохов оных многих потрясеся земля на местех подкопных яко от великаго и необычнаго трясения; близу стоящие от страха падоша на землю. Егда же земля на высоту подыся, бяше тма и мрак на мног час, яко и свет помрачися во дни оном. Града же многия части от основания опровергошася и стрелницы и городки разметани быша. И несошася дрeвеса градныя на высоту со многою землею зело высоко, и с людми многими, и с прочим поганским ухищрением, противящимся христианом. И меташе поганых, овых во град, овых в ров, иных же за стены градныя.

Зде всякий мужества и храбрости дар имущий и желай ведати о многом подвизе и мужестве предков своих, сынов Российскаго царствия, яко они при помощи Божии онаго пресилнаго царства бусур-

манскаго царственный град Казань восприяша, да прочитает, молю, прилежно немятежным умом, или да приклонит ушеса своя со вниманием слышати таковыя истории.

Егда же, яко рех, взорвало подкоп, тогда воинство христианское под правлением стратилатским потекоша ко стенам градным; и егда еще быша подале от стен, ни из единыя пищали или стрелою стрелено на них. Егда же уже близко быша, тогда первое многой огненной бой на них пущен бысть со стен и з башен. Тогда стрел густость яко частость дождя, тогда каменотания множество безчисленное, яко и воздуха не видеть.

Егда же с великою нуждою подбишася близко стен и башен, тогда вары кипящими начаша на воинство лити и целыми бревнами метати. Всяко же Божия помощь помогаше христианом сим, еже храбрость, и крепость, и забытие смерти даровашеся. И воистинну с поощрением сердца и радостию бишася с бусурманы, вопиюще велегласно: «О Владыко! Не остави нас и подаждь нам в сий час помощь свою!»

И аки бы за полгода отбиша поганых от окон стрелами и ручницами; из пушек же много помогаше им, стреляюще из шанец на поганых, ибо они уже явственно стояху на стенах и башнях, не хранящеся, яко же прежде, но крепко с христианы и обличие вручь секошася. И могло бы воинство христианское вскоре их победити, аще бы единодушно к тому устремилось. Но много их к приступу поидоша, а мало под стены градныя прииде, мнози бо возвратившеся лежаху, творящися побиты и поранены.

Затем Бог поможе благочестивому воинству: укрепльшися бо дерзновенно поидоша на стены градныя, овии по лествицам, друзии же по древесем лезуще и друг друга подносяще, инии же в подкопное место идеже вырвало, побегоша, овии же храбрии секущеся и колющеся во окна градные с бусурманы.

И тако крестоносныя хоругви христианскаго воинства, на облацех носими, на стены вознесошася от христианскаго воинства. И быше видети ужаса многа исполнено дело оное. Ибо от пушечнаго стрелания, и от трескоты всякаго оружия, и вопля человеческого обоих стран мнетися самому граду и земле оной колебаться, от праху же и дыму стрелбишнаго потемне тогда свет.

Погании же аще и видеша конечную свою погибель, обаче зело дерзновенно бияхуса, возбраняюще благочестивому воинству на град восхождения; паки пустиша стрелы яко частыя дождевыя капли или яко град мног. Обаче христианское воинство з Божию помощию яко

вода отовсюду во град пролияшася, и на стены возшедше во град мѣтахуся, и шедшеся близ из рук сецися и копии колотися необязненно начаша.

Бусурманы биются себе, и жен, и детей, и имение соблюсти хотяще, христиане же ревнующе по Бозе, хотящи оных поганых, врагов Божиих и православныя веры, до конца истребити. И тамо бе зрение прѣстрашное, яко необязненно между себе дерзаху, ибо тогда мужественный, иный и боязливый, равно подвизашася.

Лиется кровь христианская, вкупѣ и поганская, и течет по удолиям. Валяются головы отсеченныя яко шары по улицам града, раненыя вопиюще великую грозу подаваху, стѣнаще и умирающе от тесноты необычныя. Падаше от обою страну множество убиенных, паче же стократно поганых, инии же от тесноты и дыму стрелбищнаго напрасно падаху и задыхахуся умирающе.

По сем видевше погании мужество христианскаго воинства, себе же изнемогающих, абие тыл подаша и оставльши стѣны и башни градныя побегоша на великую гору ко двору цареву, зане бе той зело крепок, между палат и мечетей оплотом крепко огражден. Христиане же за ними, аще утруждени суще в збруях, а мнози храбрии воины и раны на телесех имущѣ; и того ради мало обреташеся биущихся.

Прочее же воинство, бывшее вне града, яко увидѣша, иже уже мнози во граде биются, а татарове со стѣн побегоша, вси во град ринушася. И лежащие глаголемыя раненыя вставаху, и творящися мертвыя воскресоша, и со всех стран не токмо те, но и из станов кошевары, и иже у коней оставлены были, и друзии, иже с куплею приидоша, вси збегошася во град, не браннаго ради дела, но на корысть многую. Ибо град той воистинну исполнен был дражайших корыстей, златом, и серебром, и каменми честными и собольми кипящѣ, и прочими великими богатствы преполн.

Благочестивый же царь во время таковыя Богом дарованныя ему победы на противныя дело велико и удивлению достойно сотвори, подобно великому во пророцех Моисею, иже во время брани на Амалика воздев на высоту держаше руце свои, дондеже враги до конца победѣнии быша. Тако и сей благочестивый самодержец во время толикыя брани, будущия у христианскаго воинства с погаными, никакже уклонися от церкви, ниже от слезныя прѣста молитвы, дондеже совершися божественная литургия.

Но по совершении ея святыи антидор приим, и святыя воды причастився, и у святых икон знаменовся, и от служащаго иереа святым

крестом огражден бысть, и тогда вседе на конь свой и поиде паки ко граду, с ним же князь Володимир Андреевич и прочии советницы его. И пришед ста на прежнем месте противу Арских ворот.

Татарове же с ту страну, идеже подкоп взорвало, с царем своим, и весь двор с ним, видевши близкое пришествие благочестиваго царя, уступя аки в половину града, воздержашася на Тезицком рве, биющесе крепко с христианы. С другую же страну, иже ис под горы, запрошася татарове на царском дворе, елико могло их ускорити и вместитися, а нижнюю часть града остави. Ибо града того две части аки на равнине на горе стоит, а третья зело ниска, аки в пропасти стоит, а поперег аки в половину града от стены Булака даже до нижня части града ров зело глубок.

Обаче христиане мужественно и зело храбро наступающе, биуще, и секуще, и колюще бусурманов без всякаго милосердия. Уже бо тогда в палающих мужественных сердцах ни мало обреташесе милости и пощадения. Ниже бо жен непротивящихся щадаху, ниже младенцов невинность и мягкая телеса обретаху покоя. Ибо из мечетей, и из палат, и из храмин, и из погребов и ям извличаше, яко скот немилостивьно убиваху их.

И бяше сея предреченная битвы, от всех стран на град восхождения и во граде сечи, часа аки четыре. В то же бранное время такова заповедь от благочестиваго царя предана бяше воинству, да ни един дерзнет назад обозреться или подъяти что, аще бы злато и ризы драгия под ногами были.

На устрашение же сего бяху учинены во всяком полку особня чиноначальники, идуще создади воинства мечи обнаженны в руках имуще, кийждо за своим полком. Но яко в таковых случаях бывает, мало страху того бояться, зане идеже корыстей желателство, оттуду боязнь и срамота отстует.

И того ради уже мало воинства христианскаго оставашесе, едва, яко рех, мало не вси на корысти падоша, и самыя стрещи того поставленныя чиноначальники. Мнози бо, яко глаголют, по дважды и по трижды с корыстями в станы отхождаху.

Храбрии же воины зело изнемогаху утрудьшесе, биющесе непрестанно, корысти всякия ногами топчуще и ничим же прельщахуся, токмо Бога в помощь призываху. Бусурмани же видевши сие, яко мало ошает христианскаго воинства, начаша крепко налегати, ополчающесе на них.

Корыстовники же оные предреченные егда увидели, что воинство мало по нужде уступают бранищися бусурманом, абие в такое

бегство вдашася, яко мнози от них и во врата градныя не уллучиша, но множайшия и с корыстьми чрез стены метались, инии же и корысти повергши бежаша, токмо вопяху: «Секут! Секут!»

Но за благодатию Божиею храбрых сердец не сокрушили. Тогда же и оному воинству, иже бяше от нижния страны града, зело тяжко было от належания бусурманскаго, яко в то время, отнеле же во град внидоша, немало от них избиено бысть. Но обаче на оной стране при помощи Божии крепко и неподвижно противо поганых стояху. Со оныя же преждедеченныя вышния страны мало что уступиша, яко же речеся, великаго ради множества и належания поганых.

Вскоре даша ведати о себе цареви и всем советникам окрест его стоящим, к тому и самому ему зрящу бегство из града оных преждедеченных бегунов с корыстьми. И зело ему не токмо лице изменяшеся, но и сердце сокрушашеся, мнящи яко уже все христианское воинство из града изгнаша погании.

Видев же царь благочестивый сие со искусными советники своими, повеле свою царскую великую хоругвь близ врат градных Арских поставити и сам ту близ ее ста со всеми мужественными советники своими, в них же бяху нецьи мужие в совершенных летех и состаревшия во всяких добродетелех и искусствах воинских.

И полку тому великому царьскому, в нем же бяше вящше двадцати тысящей избранных воинов, абие повелено сойти с коней аки половине, не токмо детем и сродником синклитским, но и самих их множество шедши с коней потекоша со оными во град, на помощь оному утружденному воинству.

И егда внезапно внидоша во град толикое многое свежее воинство в пресветлыя брани облеченное, иже возопивше: «Боже, помози нам!» — жестоко на нечестивых татар нападше без милости их побиваху.

И абие царь казанский со всем воинством, видево оное пришедшее на помощь свежее воинство, зело убояшася и не возмогши яростных поражений от онаго христианскаго воинства стерпети, начаша уступати назад, обаче крепко браняхуся. И тако согнаша татар от всех стран на среду града и погнаша их ко двору цареви, неотступно и крепко наступающе, биющеся с ними.

Егда же прогнаша их до мечетей, иже блиско царева двора стоят, абие изыдоша в стретение их, но не с любезными дары, абызы их, сеиты, молвы, пред великим их мнимым духовным — а по их анарыи или амиром — ему же имя Кулшериф-молла. И сразишася с христианы тако мужественно и жестоко, яко до единого избиени

быша. Царь же со всеми оставльшимися затворися на дворе своем и нача противитися крепко, еще аки на полторы години биующися.

Егда же видеша, яко не возмогаша помощи себе, тогда отобрав на едину страну жен, и детей, и девиц прекрасных, украшенных в прекрасные и драгия златом испещренные одежды, их же бе несколько тысяч, и поставиша на единой стране во оном преждереченном дворе царевице, мняще, яко ими и именем сущим на них прельстятся христианское воинство и живити их будут. Сами же с царем своим отобращая во един угол, умыслиша не дати живым в руки христианом и составити жесточайшую конечную сечу, точию бы царя соблюсти жива.

И поидоша от двора царицы на нижнюю страну града к нижним воротам. Идеже бяху противу их у царицы двора с полком воеводы Правья руки, и не остае с ними воинства уже и полутора человека; а поганых еще с десять тысяч бяху. Обаче тесноты ради улицы браняхуся им, отходяще и воздержажущися крепко.

Прочее же великое воинство с горы оныя потиснуша их зело, паче же задний конец татарскаго полка секуше и биюще. Тогда христианское воинство едва с великою нуждею изыдоша из врат градных; з горы же крепче належаше тиснуша их; а тии об ону страну стояще во вратех биующися не пушаху их из града — уже бо сим пришло два полка на помощь.

Татаром же тако тиснувшимися неволею, великаго ради належания с горы, яко с высокою башнею, яже над враты, равно трупия их лежало, средним людем по ним идущим на град и башню. Егда же татарове возведоша царя своего на башню, идеже имянутся Збоиливые ворота, тогда начаша вопияти, просяще мала времени на разговор.

Христианскаго же воинства началнии с прочими утишишася мало, послушающе прошения их. Они же абие начаша глаголати, донеле же рекуще: «Юрт стояше и град главный, идеже престол царский был, тогда даже же до смерти браняхомся за царя и отечество; а ныне царя вам отдаем здрава, ведите его к царю своему, а остаток нас исходим на широкое поле испити с вами последнюю чашу».

Бяху же тамо полк князя Дмитрея Палицкаго ближае прочим, идеже отдаша погани царя своего со единым карачом что наиболше, ему же имя Заниеш, со двема мамичи, иже бывають воспитани единым сосцем с царским отрочатем, со двема имилдеши. И отдавши царя своего, по христианом абие стреляли, а христиане по них.

И не поидоша погани прямо во врата, но абие скакаху со стены просто, поидоша чрез Казань реку, хотящи пробитися против полку

Правыя руки в шанцы, идеже бяше шесть пушек великих. И абие по них ударено изо всех их. Они же воздвигшия оттуду, идоша налево вниз берегом возле Казань реку аки три перестрела лучных и по конец шанец того полку сташа. И начаша легчитися и метати с себе збрую и разуватися, к бредению реки готовящися. Еще бо их остася полк аки шесть тысящей или мало менши.

Неции же мужественнейшии от воинства бывшего тамо, их же немного бяше, добыша себе коней из-за реки от станов своих и сядши на них устремишася скоро противу поганым и заступиша им путь, которым хотяху итти, и обретоша их еще не прешедших реку. И собрася христиан противу их едва болши двоюсот мужей, ибо зело вскоре прилучишася. Понеже что осталось воинства, то было блиско царя об ону страну града, паче же мало что не все во граде.

Татарове же пребредше реку [яже мелка бяше в том месте по их счастью] зжидатися начаша на брегу, ополчающесе, готови суще ко сражению. Бяху же с различным оружием, паче же мало не вси со стрелами, и уже на тетивах луков имуще их. И абие учиня чело немалое, начаша от брегу поступати, а за ними и всем прочим идущим вкупе зело густо и долго, аки два стреляния лучных по примете.

Христианскаго же воинства множество безчисленное со стены града, такожде с палат царских зряху сия, а помощи им, стремнины для великия и зело крутыя горы, никако возмогоша подати. Оныя же воины, бывшия на конех, отпустя татар мало что от брегу, а останному концу из реки не явившуся еще, удариша по них, хотяще их прервати и устройство полка того расторгнута.

В них же первый бе князь Андрей Михайлович Курбской, иже первое всех вразися во весь он полк бусурманский, такожде и прочии благороднии, их же собрася уже до трехсот мужей, иже обещалися бяху на поганых ударити и подле полка их поглядити, обаче не сразишася с ними подобно того ради, яко первых их некоторых зело порашиша, блиско себе дождався, или негли убояшася толци полка того. Но и возвратишася паки ззади онаго бусурманскаго полка сеши их начаша, наезжаючи и топчуци их. Чело же поганых иде невозбранно чрез широкий луг к великому благу, идеже конем невозможно. А тамо за благом уже великий лес, идеже многи погании спасошася.

Сущее же во граде христианское воинство до конца победиша нечестивых, и оставльшия погании бегати и крытися начаша в твердых полатах, и храминах, и подземных местех, но нигде спастися можаху. И тако падоша вси князи и мурзы казанския, и вси могутай воинския, и дворовыя царевы, и все воинство поганых.

И пролияся кровь их аки вода по удолиам и стогнам града, и телеса их лежаху яко сенныя громады великия. Яко отнюдь не возможно бяше проити по улицам градным, но по верхом храмин хождаху. Многих же нарочитых и живых взяша, яко мужей, тако и жен княжеских и мурзинских, и девиц многих, и сокращеннее рещи — все оставльшиися от посечения быша пленники христианскому воинству, от великих и до малых, и богатство безчисленно от многих лет собранное ими.

О, дело удивления многога достойное! О превеликаго Божия действия! О судьб его неиспытанных! Яко дела едва не целаго веку во един час изволил привести в конечное падение. Яко в мало время безчисленное множество людей языка казанскаго погиге. Яко мнози от благочестивых воинов сподобишася веры ради законно до смерти пострадати и венцы восприяти, прочии же крововяще, паче же освящающе руки своя в крови бусурманской. Аще и сами кровь свою неции источиша за источившаго предражайшую свою кровь за откупление погигшаго человека — радовахуся, обаче светлую победу и торжество над погаными восприимши.

Возвещено же бысть сие благочестивому царю, яко град Казань взят есть и врази его от оружия православнаго подоша. Царь же казанский, и с ним князи ево, и мурзы честнейшия, и прочии оставльшиися вси со всеми имении и богатствы их взяти быша в плен от христианскаго воинства.

Благочестивый же самодержец слышав, паче же сам виде такова, зело возрадовася. Богу победная возсылаше. И посла во град уведати истинну болярина Даниила Романовича Юрьева, сам же благочестивый удивляшеся зело таковой помощи божиин, благодаряше Бога за толикую преславную победу. И посла воеводу князя Димитрия Палецкаго, повелевая ему казанскаго царя привести к себе. И тако приведен бысть.

Благочестивый же царь без всякаго гнева, веселым образом являся, тихо рече ему: «О, человеце, что всуе шатался еси толика пострадати, или не ведал еси прелести и лукавства проклятых казанцов и совета их послушал еси?!» Царь же казанский, видев веселый образ благочестиваго царя, обрадовася и пад пред ногами его, вину свою объявля, прощения и милости прося, прелыщенна себе сказывая погаными казанцы и прося прияти святое крещение. Щедрый же православный государь не токмо от опалы его пощаде, но и прощение совершенное дарова ему.

Потом и из града храбрый стратилат князь Михаил Иванович Воротынской [Ему же вручено бяше под правление все воинство, отделенное на приступ ко граду. И подвизавыйся на брани той с начала приступа даже до взятия совершеннаго.] присла к государю с ведомостию извещаючи, глаголя сице: «Радуйся благочестивый самодержце, яко милостию Божию, твоим государским храбрством и счастием, совершиися победа над погаными! Ибо конечно избieni быша, оставшии же яти суть. В палатах же и погребях безчисленное богатство взято, такожде княжеския жены и мурзинския, и дети их, и прочий весь народ множество многое держимо есть до твоего государева указу».

Благочестивый же царь, яко не того ради толик подвиг подъят, дабы богатство приобрел некое, но дабы мог тамо православие утвердити и пленяемым христианом свободу дати, повеле точию от сокровищ казанских избрати оружия и царския утвари: венец, жезл, и знамя царское, и прочия царския орудия в казну свою взяти. Прочая же вся богатства царская и градская повеле воинству по достоянию разделитьи.

Сам же благочестивый, видев совершенную благодарованную себе победу на противныя, зело паче возвеселися, радостно победная Богу возсылаше. Объем же брата своего князя Владимира Андреевича, с радостными слезы глаголя: «Радуйся, брате мой, яко отечество наше, прародительское царство, яко овца блудящая в горах зыскася ныне и от волков губящих е свободися».

Тakoжде и все воинство бывшее при нем похваляше, благодарствуя им. Takoжде и во вся полки, в кийждо особно посла ближних своих боляр с похвалами и с милостивым словом. И повелевая всему христианскому воинству, да соберутся вси в стан ево государев и видят в радости пресветлое лице его.

Во град же посла, повелевая улицы и храмины от мертвых трупов очистити и огонь погашати. И потом поиде во град, и видев множество поганых избienных возплакася погибели их и рече: «Аще нечестивии, обаче Богом сотвореннии человецы, почто всеу погибосте высокоумия своего ради!»

Takoжде видев и от своего христианскаго воинства немало избienных, со многим рыданием сердечным слезы многи испущающа глаголя: «О блаженнии страдалцы, мужественнии врагов Божиих победителие, за толико преславныя ваши подвиги, и страдания, и мученическая смерти да сподобит вас Господь пресветлыя радости своя

наследниками быти, отнеле же и от всех будущих родов со многими похвалами да сияет память ваша вечно!»

И потом изыде из града во станы своя, веселяся душою и радувався сердцем, благодарствуя Бога. И пришед во стан, повеле духовнику своему протопопу Андрею и прочим священником молебная пения совершати.

В то же время собращая к царскому стану вси военачалницы и все воинство, обагрени суще кровми нечестивых. Ови же паче пресветлаго камня цветущия раны на себе имуще. Великий же государь видево воинство свое в толице подвизе бывших, изшед к ним веселым образом, любовь и милость воинству проявляя, и светлым глазом рече во услышание всем могущим слышати:

— О мужественнии мои храбрии воины, бояре, и воеводы, и вси прочии преславнии воинственницы, страдательие знаменитии имене ради Божия, и веры христианския, и за свое Отечество, и за нас благочестиваго самодержца! Никтоже толикую показа в нынешних временах храбрость и победу, яко же вы, любимии мною. Ибо вашу храбростию аз прославлюся во окрестных многих государствах. Ныне же при помощи Божией свободихомся пленения сего сильного царства, бывающаго государству нашему в мимошедших летех.

Вторые есте македоняне, показавшия с царем своим преславныя победы. И наследовали есте храбрости и мужества прародителей ваших, показавших пресветлую победу с прародителем нашим великим князем Димитрием Ивановичем за Доном над нечестивым Мамаем и воинством его. За которое ваше преславное мужество достойни есте не точию от мене великия милости и благодарения, но и от вседержителныя Божия десницы воздаяния и венцов страдалческих.

— Подвизавшии же ся мужественно и смертную чашу испившии за имя Божие, без всякаго усумнения причестися имут первым святым мучеником, страдавшим за имя Божие, их же и мы должны есмы поминати вечно и предав написати имена их в соборной апостолской церкви в вечное поминовение. Крови же своя источивших и раны приимших, живых же сущих, такожде и всех храбрствовавших обещаемя пожаловать и воздати возмездия по достоинству вашему стократно, его же вы со мною надеждою от нас великаго государя ожидайте вскоре.

И тако отпущени бывше, поидоша радующесея и ликовствующе во станы своя. В царствующий же град Москву, к брату своему князю Георгию Васильевичу, и ко благочестивой царице Анастасии Романовне, и к преосвященному Макарию митрополиту посла тако-

вую победу объявити ближнего своего боярина Даниила Романовича Юрьева.

И того же дня повеле град совершенно от всякия нечистоты и от трупов очистить и христианская телеса повеле взяти коемуждо сродным и похранити яко лепо христианом. А в стану своем в то же время повеле священническому и иноческому чину отсюду собратися со святыми кресты и иконами. Егда же собрашася, поидоша ко граду, за ними же поиде и сам благочестивый царь со всем сигклитом своим.

Пред ним же государем несен бысть честный крест Господень, в нем же часть бяше животворящаго древа, на нем же распятыя плотию господь Бог наш. И пришедше блиско града к Арским вратам до самыя царския хоругви, на нем же шитием воображено сице: Господа нашего Иисуса Христа нерукотвореннаго образа. И тамо молиτωавши доволно, повеле государь не двигши с места хоругви тоя окрест ея на месте том основати церковь во имя нерукотвореннаго Спасаова образа; и тако единым днем поставлена и освящена бысть.

И потом со всем сигклитом своим поиде во град, пред ним же несен бысть той же животворящий крест. И вшед во град обрете место вельма красно, и ту молебная паки учинивши основати повеле соборную церковь во имя пресвятыя Богородицы честнаго ея Благовещения. На месте же, идеже престолу быти, сам благочестивый царь своима рукама со освященным собором крест водружает, и вскоре тамо церковь поставлена и освящена бысть.

По том во ины дни повеле и ины многи церкви на славу Божию поставляти. Стены же градныя разбитая и горелыя наздати повеле. И тако обновлен бысть град и освящен узаконенным освящением. Со святыми же иконами и с животворящим крестом по стенам и улицам градным со учиненными литиами обхождаше сам благочестивый царь со всем сигклитом своим неленостно.

И действовашеся таковое со благовонным каждением, и святыя воды краплением, и осенением. И сице Богом наставляемый благочестивый царь Богом дарованный ему талант благоплодити начинает в земли оной мерзостью запустенней, и в злочестивом царстве Казанском благочестивыя веры семена насевает, и в нем прославляет святое имя Отца, и Сына, и Святаго духа, и пресвятыя Богородицы, и всех святых. И бысть тогда велия радость в людех, яко и самому воздуху срадоватися видяшеся, иже суть прежде дождевен, мрачен и уныл — тогда же бысть ведрянь, светел и весел.

Доблественный же победоносец благочестивый царь всех усердно подвизавшихся и мужественно храбрствовавших сугубо многи-

ми похвалами любомудренно хваляше и достойным дарованием дарствоваше. И со всеми купно благодарственныя гласы ко Богу воспущая глаголаше: «Что ти воздами Христе Боже наш за вся благая, их же даруеши нам недостойным! И не посрамил еси нас от упования нашего, и твоею мышцею стерл, погубил еси врагов наших, христианский же род возвысил еси. Но о! Троице пресвятая превечный Боже наш, яко ныне, тако и всегда не остави нас, и не отступи помогая нам, и милуя, и спасая нас в настоящей сей жизни и в безконечныя веки!»

Чин же священнический и иноческий усердно моление, и благохваление, и духовное ликование составляху. Князи, и боляре, и воеводы, и все воинство радостнотворное благодарение приношаху, народи же благонадежное радование и удивление. И вси людие по том единогласно возопиша: «Многа лета благочестивому царю и пресветлому самодержцу, победившему супостаты!» И здравствоваша ему государю на его богодарованном отечестве, Казанском царствии.

Пленении же от многих лет обретшиися тамо православнии, довольно учреждени и пожаловани, отпущени быша восвояси кийждо. И идоша в велице радости, благодаряще Бога, победителю же, а своему свободителю, благодарно победительная воспеваху.

Сиче убо светлый победоносец боговенчаный царь и великий князь Иоанн Васильевич всея России самодержец, Богу поспешествующу ему, великий подвиг за врученную ему от Бога паству показа, и достохвалную победу над погаными сотвори, и христиан пленных от поганых татарских жилищ во своя возврати. И новопокоренное царство Казанское благочинно яко бо лепо устрои, и начат путь свой уготовляти к царствующему граду.

Во граде же Казани остави воевод князя Александра Борисовича Шуйского, Василья Семеновича Серебренного и с ними князей и бояр меньших тысящу пятьсот мужей, им же повеле внутрь града быти. За градом же повеле быти трем тысячам стрелцов с начальными их, и всем атаманом козачьим с козаками, и прочему немалому воинству.

И пребысть благочестивый царь во граде Казани по взятии его десять дней, устроая все по достоянию. Потом поиде к Отечеству своему к царствующему граду того же месяца октоврия в 11 день во вторник, на память святого апостола Филиппа, со многими боляры, и воеводы, и с воинством, светлу и преславу нося победу, от всех везде с великою радостью сретаем.

И пошед ис Казани, почевати изволил на песку на Волге, против Гостина острова. Наутрие же поиде к новому Свяжскому городу, и тамо премедлив день един из Свяжска поиде октября в 14 день в четверг. И под Вязовыми горами седе в струги, поиде Волгою рекою к Нижнему Новуграду; мнози же полки и сухим путем поидоша ис Казани. В Нижней же Новьград пришед государь, пребысть два дни, поиде к Балахне. От Балахны же изволи паки итти сухим путем.

Егда же прииде в ям зовомый Сувода, тамо встрече государя от царицы и великия княгини вестник — болярин Василей Юрьевич Малой-Траханиот. И возвещает государю о здравии благочестивыя царицы, такожде объявляет радость, глаголя: «Пресветлый царю и самодержче, благочестивая твоя царица, государыня наша, породила тебе государю сына, царевича и великаго князя Димитрия Иоанновича».

И бысть тогда государю велия радость. И прославив Бога, посла вскоре к Москве ко благочестивой царице здравие свое возвестити ближнаго боярина Никиту Романовича Юрьева. Сам же государь поиде во град Владимир, и быв в соборной церкви и в монастыре Рожественном у гроба сродника своего великаго князя Александра Невского пев молебная, поиде из Владимира в преимянитую обитель живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергия. И пришед вниде в церковь, припаде к раце великаго чудотворца Сергия со многим благодарением и слезами. И по молебном пении прият от игумена и от всея братии поклонение и благословение и умален быв от них вкусити хлеба во святей обители.

Благочестивый же царь послушав моления их сотвори тако. И востав от трапезы знаменався паки у мощей преподобнаго, от игумена же и братии взим благословение, отыде к царствующему граду. И того же месяца октовриа в 29 день в четверг, на память святых мученицы Анастасии Рымляныни, приближися ко преимянитому граду Москве.

Московстии же чиновначалники с братом его государевым с великим князем Георгием Васильевичем и вси московстии народи стретоша государя с великою радостью за посадом, на Переславской дороге. Преосвященный же Макарий митрополит московский и всяя России, со освященным собором, облекшися во светлейшия священныя одежды, со святыми иконами, со благоуханными кадилы вретоша государя во вратех града Китая.

Благочестивый же государь и весь сигклит шедши за ним снисходя с коней, и знаменався государь у святых икон, и от преосвященного митрополита благословение приим, пеш изволи итти за святыми иконами в соборную и апостольскую церковь. И тамо молебствовать, припаде со многими умиленными слезами ко образу пречистыя Богоматере, потом целова и прочия святыя иконы.

Таже шед припадаше к чудотворным мощем святых чудотворцев Петра и Ионы митрополитов, многое благодарение возсылая им и радостными слезами раки их омочая. И из соборныя церкви поиде в церковь Архистратига небесных сил Михаила и поклонися гробом благочестивых прародителей своих великих князей российских.

И отуду поиде во обитель святого Алексия митрополита, и поклонися святым мощем его, и целова любезно, многое благодарение возсылаючи. Потом и ко прочим святым церквам шед, неумолчными усты славя и благодаря Бога, и пречистую его Богоматерь, и святых угодников Божиих, яко сподобися прияти таковую победу над погаными.

И потом поиде в свои царския чертоги, и видев благочестивую свою супругу благоверную царицу и новорожденного сына своего благороднаго царевича, зело возрадовался. И тако седе на престоле отечества своего во всяком благополучии.

И бысть на Москве и во всем Российском государстве неизглаголанная радость, и царю яко победителю дары и благодарения воздаяху и желаху вси насытитися зрения пресветлаго лица его. Не точию же на Москве и в Российском государстве, но и во окрестных христианских государствах о таковой победе бысть многа радость.

В поганых же варварских странах бысть печаль, и уныние, и страх мног, яко мнози от них мира требоваху. И живушии во окрестных странах града Казани различнии языцы, видевше велию Божию силу, действующую рукою богомудраго царя, вместо враждотворных браней с покорением и молением прихождаху и к земле приметающе себе предаяхуся во всем на волю православному самодержцу. Благочестивый же государь всех покаяющихся милости сподобляше, и служити себе повелеваше, и со многим доволством во своя им жилища отпускаше.

Мнози же от оных жителей неверием омрачени, возлюбивши свет евангельския веры, со женами и детми прихождаху и крещаяхуся во имя Отца, и Сына, и Святаго духа, христианскую веру приемлюще. И такожде с доволным щедродаянием отпускаеми, радостными душами в дома своя отхождаху.

Глава 6

О взятии царства Астараханскаго и о приходе под Астарахань турецкаго воинства

По сем бодроосмотрительный государь и собратель царства Российскаго благочестивый царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России самодержец, хотяще государство свое в совершенном покое и тишине имети, грубых же варваров до конца укротити и безвести сотворити, видящи же, яко остася еще под властию их Астараханское царство, иже прежде бяше под державою великих князей российских, яко о том в летописцах обретається. И тогда еще Тмутаракань называлась. Идеже бяше обладая великий князь Мстислав, сын самодержца Владимирера, иже и церковь тамо пастави во имя пресвятыя Богородицы. И тако тамо державствоваху российстии князи от великаго князя Владимирера, иже преставися лет 6524-го, даже до великаго князя Всеволода Юрьевича Долгорукова, множае двусот лет.

По смерти же великаго князя Всеволода бяху многия брани и нестроения во князех российских, и вскоре по том Батый нечестивый царь с татары попленил Российския государства и обладал всеми странами, иже по Волге и до моря Хвалисскаго, и населишася тамо, яко о том являет история сия. Тогда купно и Астарахань отторжеса от российскаго самодержавства. И оттоле не покаряхуся им, аще и многажды великия князи российския с воинствы тамо хождяху и варваров сих под власть свою покаряху; но тии паки потом отступоваху и не покаряхуся.

И тако достиже время даже до обладательства сего благочестиваго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, при его же государствании бяше в Астарахани царь именем Абдыль-Рахман, иже с прочими царевичи тамошными мирно пребываху с ним великим государем и послы любочестныя к нему посылаху, совета и любви желаючи. Потом и царевич един от тех, именем Илдигер, прииде к Москве служити ему государю, иже прият его и повеле служити себе.

Последи царя Абдель-Рахмана бысть во Астарахани царь Эмургей именем, который такожде желая совета с государем, присла от себя мурзу Ишима именем со иными многими, моля и кланяясь царю и великому князю, дабы ево пожаловал, велел себе государю служити, и с юртом, и жаловал бы ево, якоже царя Шигалея и прочих царей, служащих себе.

Государь же моление его приим и посла к нему в Астарахань с послами ево своего посла именем Севастиана уведати и искусити истинны и веры ево и уверити его с юртом в службу государеву. Потом прииде к Москве из Астарахани служить государю царевич Кайбул, сын царя Ахкубека. Государь же ево пожаловал, и даде ему град Юрьев-Польской во обдержание, и жениться ему позволил на дщери царя Эналея, брата Шигалеева.

Царь же астараханский Эмургей не содержася во истинне, но преступив обеты своя и посла государева ограбил. Тогда же прислаша к царю и великому князю из Нагайския орды мурзы, жалобу приносяще на Астараханского царя Эмургея, молящи государя, дабы обранил их от царя. Сами же всюду помогати на него обещавахуся, идеже и как государь повелит им.

Благочестивый же самодержец видев неисpravление и клятвопреступление царя Эмургея. И яко истинный поборник христианской веры и желателный собиратель отеческаго своего достояния воспоману о отпадшем царстве от области своея. Им же тогда нечестивии цари владуще бяху. Их же видев победы ради еже на Казань страхом и боязнию премного исполненных, советовав с советники своими, како бы ему при помощи Божией оное отторгнувшееся царство от обладательства Российскаго приобрести. А власть нечестивых и прелесть их искоренити и насадити тамо православныя христианския веры семена.

И советовав, умысли отмстити варваром оным обиды своя, и нагайских мурз обранити, и древнее свое достояние и отечество Астараханское царство паки к своему царству приобрести. И тако возложив надежду на милость всесилнаго Бога и помощию его вооружився, послал на царя Эмургея астараханскаго служащаго си царя Дербыша именем и с ним воевод. Князя Юрья Ивановича Шемякина-Пронского, о нем же пишущу о Казанском взятии помянул есмь. К нему же придаде и другаго воеводу, постелничего своего Игнатия Вешнякова, мужа храбраго и искуснаго, и прочих немало. С ними же посла воинства до тридесяти тысящей, со многими пушками и прочим воинским оружием.

Иже идоша в судех Волгою даже до самага града Астарахани. И приидоша во устроении изрядном во всяком благополучии под град. И тако православное воинство, кроме великих браней и кровопролития. Богу поспешествующу им, многих астараханских побили и живых взяли. Потом и град Астарахань взяша иуля во 2 день лета 7062. А царь астараханский Эмургей, слышав о многочислен-

ном российском воинстве, предвари убежати из града, не приспевшу еще воинству, и в Тюмень сибирский град утече.

Воеводы же, видевши милость Божию помогшу им, благодарствующе Бога внидоша во град и обладаша им. И советовав, послаша вслед царя астраханскаго немало воинства. Они же с великим тщанием посуху и поморю пустишася вслед бежащих и постигоша людие ево в станах, и многих их поплениша, яко мужеска полу, тако и женска. Тамо же взяша пушки и пищали многи [бяху тамо пушки завезены от Российских стран], и прочая многая бранная устроения. Взяша же тогда с прочими пленники жен царевых и детей, такожде и российских пленников, от древних лет заведенных тамо, всех свободиша.

Прочии же астраханские жители и в полях живущия татарове со всеми людми покоришася под державную руку благочестваго царя. И предашася покорно царю Дербышу и прочим государевым воеводам. И тако царь Дербыш и воеводы укрепилша град. Потом поидоша к царствующему граду со пресветлою победою, имуще с собою оных пленников множество. Во граде же Астарахани по повелению государеву оставлен бысть царь Дербыш с воеводами и частию воинства.

Прочии же приидоша к Москве во всяком благополучии украшени пресветлым одолением; с ними же тогда идоша многи мурзы и татарове, иже поддашася самоволно благочестивому царю, желающе милости и жалования от него, государя.

Воеводы же, оставльшиися в Астарахани, з духовным чином на многих местех монастыри поставиша и храмы благолепны воздвигоша во славу Божию, утвержающе благочестивыя веры благоплодие. И от времени онаго паки возвратися древнее Российское достояние град Астарахань под державы благочестивых московских самодержцев.

Сия же слышав наивящий всех бусурманских народов и нечестивыя их махOMETанския прелести защитник Селим султан турецкий, хотящи сих нечестивых царство обранити, паче же рещи, яко ненасытный змий хотящи всех челюстями своими пожрети и сих себе покорити, присылал многия своя воинства под Астарахань, хотящи градом и всею Ордою обладати.

Иже приходиша под Астарахань лета 7077-го, обаче и тии побеждени быша от московскаго воинства. О чем аще в российских историях и не обретається, обаче иностраннии не умолчаша описати.

Ибо историк полский Александр Гвагнин описуючи земли татарския глаголет, яко турецкий Селим султан, завистию и размножени-

ем царства возбужденный, послал под Астарахань великия своя воинства. То есть конных турков двадесять пять тысящ, над ними же началствова беклербек кафийский и шесть сенжаков. Янычаров три тысящи, над ними же бе начальный паша Валеса именем.

Морем же ко Азову посла сто пятьдесят галер великих, на них же бе янычаров тысящ яко пять и работников три тысящи, над ними же началствова паша Мирсерлет именем, муж нарочитый. На них же бяше всяких запасов оному воинству зело довольно, к тому и орудия всякаго. К тому ж крымских и нагайских татар многих посла.

Всего же воинства до семидесяти тысящей поведаша быти, иже по многом зело нужном путешествии приидоша ко Азову, идеже снидесе с ними и татарское воинство. С ними же бяше хан крымской Анди-Гирей со трема сынами своими. Пребывши же во Азове десять дней, поидоша к Астарахани чрез орды нагайских татар и черкас пятьгорских.

И приидоша под Астарахань августа в 5 день. Потом и водное воинство прииде ко Азову и оттуда идоша вверх рекою Доном [и приидоша к Переволоке, идеже Дон течение свое имеет от реки Волги в верстах аки тридесяти], везуще с собою множество орудия, к компанию земли належащаго, ими же хотяху брег между Волги и Дона прекопати, и проток учина проити стругами из Дону в Волгу, и дойти ко оному воинству к Астарахани.

Но тамо приспе на них московскаго воинства тысящ аки пятнадцать, над ними же бе воевода князь Петр Семенович Серебряной. Иже нападше безвестно на поганых, до конца победиша, яко янычаров, тако и работников, их же мало что осталось; но и тии отъидоша назад ко Азову, ничто же сотворивши. Конное же воинство пришедши под Астарахань сташа блиско града нимало неприятеля боящися, не ведущи о поражении воднаго своего воинства.

Сентября же во 12 день изыде из града на турков московскаго воинства немало. И изыдоша на них безвестно, и многих побивше отъидоша во град. Потом егда услышаша турки о поражении своего воднаго воинства, к тому потребными оскудевши, стояв неделю целую, хотеша отъйти абие. Обаче советом татарским задержавшися облегоша град и начаша градок или шанец делати на месте, идеже стояша старая Астарахань. Татарове же обещашася им промышляти всякими потребы и поидоша того ради мнози к Российским пределом.

Обаче ничто же сотворивши вси сами исчезоша, едва яко весть в воинство возвратилась. Турки же, в последней нужде суци, ждаша татар дней яко десять и болши. И яко видеша конечную свою пагу-

бу, принуждены быша сожещи оный свой градок. И потом с великим срамом и печалию, ничтоже множае сотворши, точию слободы у града пожегши, отъидоша сентября в 27 день.

И поидоша, советом татарским, зело жестокими и непроходными Можарскими пустынями. Ибо татарове умышленно поведоша их тамо, боящися, аще бы тамо прошли, то бы султан имел их в конечной неволе и под совершенною властью своею. И тако в пустых оных полях многое оное турецкое воинство и с конми от глада, и безводия, и от стужи до конца погибе, и мало нечто их во Азов прииде октовриа в 24 (день).

Идеже и остатнии конечно исчезоша. Седше бо во Азове в галеры, пустишася морем ко граду Кафе, но и в мори воста ветр велик зело, им же разбишася галеры и люди истопоша. И тако от многочисленнаго турецкаго воинства едва семь тысяч турков в Константинополь возвратися. И от онаго времени отречеся султан Турецкий в пустыя те Астараханския поля воинства посылати.

И тако сей приснопамятный государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России самодержец не точию сия Казанское и Астараханское царства прият, но Великия Орды, яже называлась Золотая Орда, разоренныя грады и селения по Волге от Казани и даже до Хвалисскаго моря в державу ему приидоша. Такожде и прочия орды татарския по рекам Яику и по Каме даже до Сибири, и самое Сибирское царство прият и подручныи данники себе сотвори.

И вся их варварская злохитрства низложи, и поганская их советы и лукавства разруши. И вся поганския грады и жилища разори, и безчисленное множество христиан, в тяжкой неволе от древних лет у них будущих, свободи. И во всех тех варварских жилищах грады тверды воздвиже, монастыри и храмы Божия во славу имяни его возгради и православие утверди. Поганых же варваров и диких языков многих в веру приведе.

И от того уже времени благодатию всесилнаго Бога все оныя грубых варваров орды непоколебимы быша под державою московскаго скиптродержавия. От них же некогда не токмо Московское царство, но и вся Европа и Асия трепетала. Ибо многая воинства исхождаху оттуду, иногда шестьсот тысящей, яко при Батые, или седьмсот тысяч, яко при Мамае, и тысяща тысящ и двести тысящ, яко во время Темирь-Аксаково, яко о том выше изъявися.

Но аще помощию Божию и сокрушишася оныя прегордыя и сильныя варварския царства, обаче той по воли своей святей остави еще мало их варваров в наказание наше, иже еще пребывают в

Таврике Херсонской юже ныне называем Крымская или Перекопская орда. Мало глаголю, ибо оныя Великия или Золотыя Орды и Казанскаго царства татарове глаголаху: «Егда бяше Золотая орда Ордою и Казань царством, тогда Крым древнею их бяше».

Сие же все бысть строением всепремудраго Бога, яко той по воли своей толикия гордыя и сильныя нечестивых татар орды в пленение и опустошение попусти. Остави же в наше наказание мало сих нечестивых и якобы ничтоже при оных великих ордах, да уразумеем, яко той и малым может много наказати. Ибо и от сих нечестивых много зла, пленения и кровопролития православным христианом, и опустошение жилищ их непрестанно древле бываше и ныне бывает со многою тщетою христианскою.

О их же жилищах, и о царех их, и о множестве, и о положении страны тоя zde повесть положится. Дабы такожде преславнейшия и державнейшия государи наши обладатели преславныя Московския монархии наследовали преславных дел прародителей своих, прежних великих государей самодержцев Московскаго царствия, и Богу поспешествующу им, яко наискорее бы могли до конца оных нечестивых варваров победити и безвестны сотворити.

Им же всем нечестивым агаряном, не точию же сим, но и началнейшему их змию бусурманскому — проклятому турецкому султану — со всеми народы турецкими искоренение и разрушение повествуется святыми писании от народов славенороссийских быти, еже во дни, наша буди, буди!

ЧАСТЬ 4

Глава 1

О Таврике Херсонской, идеже ныне Крымская Орда за Перекопом обретается, и о градах обретающихся тамо, и пришествии тамо татар

Понеже в начале истории сея на многих местех поминается о Таврике Херсонской [аще она и вне Скифии обретается], того ради zde пространней о ней повесть положится. Таврика Херсонес есть то един прилепок земли, отовсюду морем окружен, точию от единыя страны, яко бы от полунощи, отделен есть единым истмом, то есть междуморием или сухим брегем. Его же от моря до моря семь верст наших поведают быти. От сея ускости расширяется на мори великом дале той остров, и есть в долготу сто верст российских, а в широту пятьдесят.

Еще же и той разделяется яко бы на два острова, иже между себя чинят залив морской, при его же конце град Кафа стоит, знаменитый склад таваров купецких. Такожде тамо истмус, то есть междуморие, долготою двадесять пять верст, а в ширину пятьнадесять. Древние называли его Дромо или Курсус Ахиллис, то есть место, окруженное губою морскою.

Есть тамо едино Фретум, то есть пролива или ускость из моря Понтийскаго, то есть Чернаго, в море Забахское [его же называют Палюс Меотис и озеро Меотское, то есть во Азовское море], названная Босфор Цыммерский, иже разделяет Европу со Азиєю. Той ускости в ширину яко бы полверсты нашей, ею же проезжают ис Чернаго моря во Азовское. Имати то Азовское море около себя тысящу верст. Обаче того ради, яко неглубоко невозможно по нем ездить великими кораблями.

Вода в нем непрестаннаго ради течения в него реки Дона, иже тамо впадает, и иных рек вельми сладка есть. И того ради зимою крепко померзает, летом же неисповедимаго ради множества рыб, иже ищущи сладких вод сходятся тамо, и жителем тамошным немалое творит утешение и прибыток.

Недалеко устия Донскаго, идеже той в море впадает, стоит град названный Тана [еже Азов имать быти; а Таною, мнится, того ради называет его Ботер, яко латинники реку Дон называют Танаисом], в нем же пристанища многия и купли, паче же на осетров и икру, чего много оттуда отвозят, и на иныя товары тамошних стран.

Городы же в той Таврике славныя древния: Силдания, Кафа, Керкель, то есть Херсон, Крым; а новыя: Перекоп [стоящий нареди валу земляного, учиненнаго от моря до моря, а при конце стены тоя, из града идущи на левой стране, у самага моря стоит башня, учиненная ради хранения проходу того], Бакшисарай, то есть царский двор, стоящий яко бы среди острова того в горах каменных ниско.

А на морских пристанищах городы: Керчь, Томань, Козлев, Карасев, Горваток, иже от приходу со Азовской стороны стоит. Весь тот остров разделяется надвое лесом великим, иже стоит среди него, такожде и горами высокими, в них же оный Бакшисарай. Хлебом, и скотом, и иными добрыми пожитками и доволством вся та страна немерно жизнена. Приемлют же тамошние жители многую корысть от езера Меотскаго от множества рыб, их же тамо ловят.

В Константинополь же отуду отвозят много живностей, то есть хлебов, масла, осетров сухих, икры и всяких рыб соленых и сухих. Такожде и кож всяких делают тамо, и соли вельми много. В древних градах, яко в Салдании, Кафе, Херсоне, жили немцы-генуенсы и греков немало. И доньне яко тамо, так и во иных местех много родов знатных, иже идут от немец и от французов живших тамо.

Есть еще тамо в оных каменных горах близко Бакшисарая чудесный образ пресвятыя девы Богородицы. О его же явлении сице поведают. Бысть некогда во оных каменных горах змий великий, людей и скоты пожирающий, и того ради людие от места того отбежавши пусто оставиша. Но яко тамо во оно время жили еще греки и генуенсы — молишася пресвятей Богородице, дабы их от змия свободила. И тако единого времени в нощи узреша в горе той свещу горящу, идеже не могуще крутыя ради и острыя горы взыти; вытесавше степени ис камени и приидоша тамо, идеже свеща горяше. И обретоша образ пресвятыя Богородицы и свещу пред ним горящу. Тамо же блиско того образа и змия онаго обретоша разседшася.

И тако радосни будучи воздаша велие благодарение Богоматери, избавшей их от такового зла змия онаго, его же изсекши в части сожгоша огнем. И от того времени жители тамошнии часто начаша ходити тамо и молитися пресвятей Богородице, паче же генуенсы, иже в Кафе жили. Не точию же сии, но и татарове велию почесть тому святому образу воздают со многим приношением.

Некогда же и хан крымской имянем Ачи-Гирей, воюючи притиво супостат своих, просил помощи от пресвятыя Богородицы, обещающися знаменитое приношение и честь образу ея воздати. И творяше тако, егда бо откуду с корыстию и победою возвращашеся. Тогда избрав коня или двух, елико наилучших, продаваше, и накупивши воску и свечь соделавши поставляше тамо чрез целый год. Еже и наследники его крымские ханы многажды творяху. Но се оставя, ко предлежащему возвращаюся.

Между селы татарскими обретаются отчасти и христианския селения, иже живут начало имущи от генуенсов по римску, инии же и греческаго православия. По градом же знаменитым множество обретается греков, армян, жидов, иже куплями прेमного суть богати.

Татарове приидоша и населишася тамо не велми древних лет, но от онаго времени, егда изгнани быша от литовских князей из стран российских от Подолия, яко о том выше писася. А Ботер в вышпи-санном описании о приходе тамо татар поведает сице глаголя: Татарове, иже жили недалеко Волги пред леты отцев наших, поседоша страну оную с Мингаресием вождем их во семидесяти тысящах воинства; и хотящи тамо укрепитися и безстрашни быти, прекопаша ров и поведоша его и с валом во уском месте между озером и морем.

Ин летописец, Гвагнин, о пришествии их пишет сице. Крымския, рече, и Прекопския татарове род свой имут от Заволских татар [еже согласно Ботеру], иже во едино время междоусобнаго ради нестроения изгнани быша оттуду и не имущи где близко своих обитания имети, приидоша и населишася тамо.

Но аще сей тако, а ин инако писаша, обаче от времени Батыева все дикия поля от Волги до Днепра татарове обладаша, их же считают на тысящу и двести верст. И бяху под властию Заволских царей. Паче же рещи, яко народ дикий и волный своевольно живуще, помалу приучающеся от пленников российских домостройству и земледельству, постоповаху в крепчайшия места за Перекоп, дабы тамо могли безстрашно от супостатов своих быти.

Инии же преидоша за Днепр даже до реки Днестра и населишася около Белаграда и Очакова, городов волосских. Сей Белград называется Манкоп и Монкострум. Стоит на устии Днестра реки, идеже той в Чорное море, а Очаков стоит на устии Днепра реки, идеже той в то же море впадает за Очаковым в трех верстах. Сей Очаков от Белаграда двести верст, а от Перекопу Крымскаго и от Черкас, города Малороссийскаго, такожде. Сих обаче татар не называют крымскими, но белгородскими и очаковскими. Сии домостройство имеют лучши крымских и богатее их суть.

Прочии же начаша жити в полях даже до Азова и до реки Дону, яко границы всех сих татарских жилищ полагаются с полуношныя страны области московских великих государей, Малороссийское и прочие, от востоку татарове черкасские и пятигорские, от запада мало от полунощи наклоняся земля русская, иже под областью кралевства Полскаго, от полудня Волосскую и Мултанскую землю в соседстве имеют.

Поля во оных местех презелно суть жизнены. Яко пишет Гвагинн, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и Мал Кал, и Муз,— суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело.

В те места татарове крымская велблюдов своих, и лошадей, и всякой скот пасти выгоняют, а иные тамо и зимуют, ибо татарове сен косить не обыкли, зане лошади и скот в полях будущи, снег сверху разгребши, довольно могут сыти быти.

Такожде и зверей в тех полях бывает велие множество, яко сáрн, то есть коз диких, еленей, лосей, лошадей диких, сайгаков, кабанов, ланей, их же всех великия стада збираются. Еще недалеко тех мест есть дубровка невелика, но велми густа, юже вода окружает и яко бы островом учиняет; в ней же такожде неизреченное множество всяких зверей.

Знать мощно, яко там бывал град некогда, еже познавается от стен оставшихся, стоящих у пути онаго. От той дубровки два дни езды до Азова, иже стоит на реке Дону, десять верст от устья, где той в море впадает. На другой стране реки Дона стоит городок Азак, от него же в десяти верстах есть кладязь воды смердящая, тамо же и капище поганское древнее, идеже первородные скоты богом своим жряху татарове, половину его сожегши, другую же птицам и зверем в снеть оставляющи.

Глава 2

*О вере и о обычаях татарских во время войны
и во время покоя*

Вси татарове, кроме пятигорцов и черкас, закон Махометов от срацын приятый обычаем турецким отдавна содержат. Обаче ненавидят названия турецкаго и не хотят того слышать, дабы их турками звано, точию бусурманы, яко бы народ избранный.

Три праздники великих, яко же и срацъни празднуют. Первый зовут кмибайран, то есть праздник велика дни, в воспоминание того, егда Авраам принесе Богу на жертву сына своего Исаака; на той день приносят в жертву бараны и птицы. Второй праздник творят за души умерших, в он же приходят на гробы родителей своих, творящи дела милосердия и убогим милостыню даючи. Третий праздник празднуют сохранения ради здравия своего. К первому празднику постятся тридесять дней, ко второму целый месяц, к третиему дванадесять дней.

Породою суть: возраста средняго, обличия широкаго, черноватаго, очей черных, страшно выпуклых, брад долгих, а редких, наподобие козлов, их же мало стригут. А чело все бреют, кроме молодых и особ знатных, яко суть царики их и мурзы, иже себе хохлы наверху глав оставляют. Шеи имеют твердыя, в теле крепки, мужественны и смелы. К телесному рачению над прирождение суть вельми приклонны.

Пища их от всяких скотов, каким ни есть случаем убитых или умерших. Конское мясо зело есть любят, свинаго же яко лютейшия отравы отвращаются и по закону своему скверностию называют. Поля свои пахатны просом засевают бѣлши [аще и иных семен употребляют], из него же делают плячки, их же называют баибрѣи. Из скотов всяких, великих и малых, паче же из жребцов и кобылок, кровь пушаючи жрут, яко пси.

Вместо наилучшаго брашна млеко кобылье сырое пьют, еже у них лучшее лекарство после всяких трудностей, и от того толстеют, яко вебри. Иногда же с вином смешав упиваются тем. Ко гладу, и неспанию, и всякой нужде вельми терпеливы, ибо временем дни три и четыре ни ядуши ни спящи в полях бывают, ждуши кого.

Потом же, егда что достанется в руки, ядят много. И объядшися мертвою кобылятиною и упившися кобыльим молоком с вином спят такожде дни три и четыре, награждаючи нужду ону.

И того ради спящих их россиане и литва доезжают, такожде донския и запорожския казаки неосторожно спящих их яко мух давят, ходящи часто ловитвы ради зверей в оных местех уже у древняго потока; которых аще с пищалми человек ста два соберется, татар же аще несколько тысяч собрався приидут на них, то ничто же могут им учинити, паче же егда приберутся до оной дубровки, о ней же выше писася.

Но сие оставя ко прежнему приступим. Егда куды загоны своя распускают, не имущи же что есть и пить, тогда конем, на них же ездят, жилы посекаши кровь пушают. И той напившися жажду утоля-

ют, а конем тем пушением крове к терпению нужд вельми простойно дело поведают.

Зелей различных, паче же тех, иже растут у рек Дона и Волги, зело с охотою употребляют. Солоно мало любят есть, поведающе, яко без соли ядушим им зрение очей светлее бывает.

Егда же царики их татарам своим добытки за службы делят и егда что останется, тогда и четыредесятим человеком дают коня единого, его же убивши мясом по четвертям или частем делятся. Честныя же люди токмо кишки емлют, яко пищу изрядную и вкусную. Их же мало у огня припекши, яко бы едва сырость отскочила, тотчас из огня со углием и пеплом ухвативши, в себе пхают. И не точию пальцы, но и рожен той, на нем же или им же кишки обращали, жиру ради обсысают. Головы же пред начальных и старейшин своих поставляют, ибо то у них честная ества.

Егда же имут ясти, место, на нем же стоят ествы, кругом обсядут, ноги под себе на крыж подогнувши. Такожде чинят и у столов сеядши. Паче же егда на посолствах у христиан бывают, старейший их тако сеядши о стол опершися чрез все время ядения пребудет тако. Но во своих странах никогда же за столы садятся, но всегда на земли сеядши едят, яко же рех, ноги подогнувши. Богатыя же коврами землю устлавши садятся.

Сами не крадут, такожде и крадушим возбраняют — граблением богатеют. Епанчи белыя любят, ими же катагари своя накрывают. Конскому сидению и стрелянию из лука изъмлада учатся. Оружия, их же на войне употребляют, суть лук и саадак исполнен стрелами, кистень, сабля [есть ныне копия, отчасти и стрелбы огненной].

Стрелы своя лютым ядом напущают, яко о том и о народех их пишет Овидий Насо, поэта знаменитый, пишуци к римляном, изгнан бывши отуду в Таврику сию. Пишет же виршами в книгах 2 к началным римским сиче:

Среди супостат пребываю небезстрашно,
Яко отечества лишихся невозвратно.
Нрав их змииным ядом стрелы помазати,
Дабы возмогли к смерти две причины дати,
Зде воин обстоит, и каменные стены,
И яко волк страшит овцы в хлеве замкнены.
Кровы их отвсюду стрелами отягчены,
Егда крепость их стерпит врата заключены.

Еще той же Овидий к тем же римляном в виршах третиих пишет:

И что творит сарматы страшныя и злыя,
Такожде таврицкия народы иныя.
Егда в зиме помёрзнут Дунайския воды,
Скачут тамо чрез реку на конех в заводы.
Тех людей большая часть ни тебе боятся,
Красный Риме, ниже сил Авсонских страшатся.
Сердца им умножают луки скорострелны,
И клячи в нужном часе терпеливо зелны.
Труд всякий, жажду и глад подъяти умеют,
Всяко дело воинско добре разумеют.

Еще паки той же поэта в книгах третиих в вирших десятых пишет:

Савроматы, и бетты, и гетты злыя,
И прочие оные народы иныя,
Вбегши на жарких конех в Дунайския воды,
Плавают ту и инде без всякия шкоты,
Носят смертныя разы со железом острым,
Пустошащи со всех своих смыслом непробтым.
Народ весь от их злаго страха отбегает,
А псом ненасыщенным корысть оставляет.
Где емлет поганец все, что в дому остася,
Стада скот многих, ничтоже о них трудися.
Часть пленников связанных пред собою гонит
В плен, яко позрев на се око слезы ронит.
Посеченных старых и младенец невинных
Свежая кровь течет по потоках долинных.
Дома от поган пожжены дымом курятся,
А тии зло множащи никого боятся.
Там бедный житель в своих отеческих местех
Слышащи о тех страшливых поганских вестех
И во время смирения войны боится,
И в час оранья оружия держится.
Во странах тех аще и не видят поганых
Блиско себе, во оружия убранных,
Обаче страхи от лютости прибывают
Бедным орачем, яко вне себе бывають.

Кони татарския невелики суть и нужны, хребтами худы и тонки, токмо долговаты, но суть силныи и терпеливы тако, яко со всадники своими трудность и глад елико наивеличайший терпеть могут, токмо листвием лесным, и хвратиєм, и корением, их же копытами выбивают, питающесе. Сих татарове употребляют, егда кошом идут.

Есть у них инья кони кладеня, великия и рослыя, иже в бежании голову высоко держат. Сих во время потребное, то есть на войне в час брани с супостаты употребляют, иже велми к тому извычны и много додают им смельства в битвах.

И егда куды идут на войну, кийждо от них коней дву, а ин и трех в поводу водит, да егда один утрудится, тогда на другаго сядет, онаго же утруденнаго в повод пустит. И тако со единаго на другаго пресадящися в малом времени велми далеко могут убежати. Инья же от них тако суть извычны, яко простой пущен будучи, ни мало господина своего отстанет, аще и во время битвы или в самом тесном месте. Аще ли же охрамеет, или инако како заскорбеет, или ино что иное ему прилучится, то его зарежут и кожу снемши съедают.

Реки же вплавь сиче преходят. Навязав два снопа великие тростей, и свяжут дву коней уздами, от единаго на другаго узду положивши, також и хвосты их свяжут крепко. И тако на един сноп полагают оружие свое и седло, на другой же сам сядет. И держащися единою рукою за хвосты конския, а другою коней погоняючи, переезжают на другую страну реки. Сиче же творят не малыя реки преезжаючи, но великия, то есть Волгу, Дон, Днепр, Бог, Днестр, паче же и Дунай великий.

Во время битвы на кони садятся без острог, с плетию токмо, на легком, но крепком седле. Узды простыя имеют. В войне недолго бывають, но скоро от неприятеля бежати будут; но в то время наибольша стрещися их потребно, егда бежати начнут, ибо назад обращающися извычно из лука стреляют и стрелы за собою оставляющи бегают. А потом вси купно оставящися, обратяся паки на разнo гонящаго супостата ударяют и стрелы пушающе битву обновляют.

В поле ровном смелее битву составляют. Полки своя строят около, поставивши строем закривленным [еже обще людие воинстии марсовым танцом называют], дабы стрелба их лучная кроме всякой помешки до неприятеля приходила. И в первом стражении яко частый град стрелы пушают, яко бы и свет затмити им, и потом преставают.

Во устроении бранном дивный некий порядок содержат. Воевод или начальников всего воинства знаменито искусных и в делех воинских разумных имеют, и на помование руки его вси купно поступа-

ют; их же аще в битве потеряют или сами где от воинства отлучатся, тогда великое бывает во всем воинстве замешение, яко ни поправится, ниже битву обновити, ниже стройно битися с неприятелем могут.

Егда же брань в месте тесном прилучится, то сего вышеписаннаго строю не употребляют, но скорее в бегство обращаются, ибо мало у них брони обретается, ею же бы могли воздержати неприятеля. В сидении на конех сей извычай содержат: сидят в седлах, ноги в стремях зело кратко имеючи, того ради, дабы скорее и лутче на обе страны обращаяся из лука могли стреляти.

Аще же им что с прилучая упадет на землю, то в тот час кроме всякой помешки опершись ногою в стремяни и наклонящися к земли подъемлют упавшее, в чесом толико суть извычны, яко и в зело скором бежании конском творят тако. Такожде от копия или рогатины могут зело скоро на страну ухилитися, токмо единою рукою или ногою коня держащися, и тако часто от злых случаев спасаются.

Пеши никогда на войнах бывают, ниже пехоты между собою имеют. Мужественны обаче и смелы, един за другаго умираючи, бияются с неприятелем даже до последня кончины. Ибо его аще неприятель с коня свержет, скаредно обсечет, и каликою учинит, и оружие отъимет, и от всего обнажа едва жива оставит — он обаче и руками, и ногами, и зубами, и всеми составы, каким ни есть способом, даже до последняго издыхания обыче боронитися. И в то время наипаче достоин его опасатися, егда затаится яко бы умирая, ибо видящи смерть пред собою, яко уже не избыти ему от нея, всеми образы о том мыслит, яко бы мог за собою неприятеля взяти.

К приступом градов не суть способни. Ибо пушек и пищалей не имеют, боящися оныя своя приповести: «Алтур пок, душа йок», яко бы души нет. Аще случится им город взяти, то его сожгут и во ничтоже обратят. Плен и стада возьмлющи, во орды своя отгоняют.

В диких полях путь свой по звездам правят, паче же знаменем, его же словенским языком называют железным колом. Одежды долговатыя носят. В шапках яко мужи, так и жены одинако ходят и не снемлющи их кланяются. И сие у них творят честь воздаючи, ибо яко мы честь воздаем снемши шапки кланяющися, тако у них в шапке; и противно аще бы нам в шапке кланятися, то безчестие тому, ему же кланяемся, тако у них без шапки кланятися безчестно.

Во одеждах верхних мужи и жены мало между собою разны, токмо жены платом белым главы себе увивают. Ризу исподнюю льняную носят, сие же сии, иже во градех и селех житие свое име-

ют. Иныя же, иже в полях под катасарми кочуют, шубу на себе возложя тако долго не слагаючи носят, донеле же абетшавши сама развалится.

Девицы честныя или царевны, егда имут между людми быти, выхоят лице свое платом белым закрываючи, яко немки италийския.

Во время зимнее с диких поль над море и в теплыя места отходят. И во время весны трудныя старых своих, и жен, и детей в города своя отсылают, а сами в чюжия страны войною отходят, идеже грады пожегши, села попустошивши, пленников навязавши, остаток мечем и огнем потребивши, сами елико наискорее убегают.

Елико множае стран опустошат, толико величайшим пространством государств своих хвалитися обыкоша. Народ суть грабительный, к чуждим богатствам зело лакомый; стада христианския и с пастухами их часто по орды своя отгоняют, разбоем и граблением кормятся, от трудов и земледельския работы зело отвращаются, и того ради прежде мало хлеба знали.

Ныне, обаче, паче же крымские от пленников российских зело изучишася земледельству. Сами обаче не пашут, но пленники их. Идеже хлеба всякаго зело много родится.

Сих же пленников употребляют они ко всякому домостроительству, иных же продают турком, ис Кафы и иных пристанищных городов в Константинополь отсылаючи и во иныя страны, иных же отдают на окуп.

Старых же и болных, иже к подъятию трудов не суть способны и не могут в чуждия страны за многу цену продати, таковых молодым отрочатам своим к научению пролития крове яко псом зайцов отдают, дабы от младости своей к пролитою крове небоязнены были и убийству на бранех приучалися. Тогда отрочата оных выданных ко пню привязавши из луков устреляют, или отсекают, или кистенами убивают; или утопят, или удавят, или каменми заметавши погубляют.

Правосудия у них несть ни единаго. Ибо егда кто чего ни есть от кого требует, то может у того силою взяти. И аще пред судиею он обиженный суда будет просити, виновный же не отрицается такового дела но отвещает, яко того нужная ему была потреба, тогда судия таковой творит извет, глаголя: «Егда тебе что такожде нужно от него будет взяти, отъими у него или у инаго кого такожде».

Аще же в сваре единому другаго убити случится и убийца поиман будет, тогда таковой токмо коня, оружие и платье избывши, волно пущен бывает. И в той свободе дает оному судия клячу нужную и лучишко, глаголя: «Иди и промышляй собою».

Всяко же аще и сварливы, обаче не побиваются тако между собою, яко некоторые христианския народы. И то у них наибольшее, егда во время несогласия царей их бывает некое смятение, но и то того времени еще в самом начале утоляют между собою.

Еще нечто сему согласно и древний описатель народов Ботер глаголет. Царь, рече, татарский живет во граде Перекопи [ныне болши в Бакшисарае и в полях под наметы], отнюду же и татар сих перекопскими называют. Иже живут в полях под кожами скотскими, ничтоже ведущи о окрестных людских обычаех и учении, или каких художествах.

Ныне уже немало сих грубых обычаев оставляющи, человечнейши обретаются, к трудам и нуждам неизреченно терпеливы суть.

Перекопский государь, его же ханом называют, может поставити тридесят тысящ и множае коннаго воинства в поле, аще скаредных и сухих, обаче крепких и терпеливых. Или яко той же списатель на ином месте описует, яко перекопский хан может извести в поле пятьдесят тысящей воинства, а с помощью иных татар, с ними же соединение имеет, еще может и болши того, яко учинил за повелением турецкаго султана лет от Рождества Христова 1573, изведе противу московскому государю осмьдесят тысящей.

Но обаче он не может докончати замыслов, с трудностию зачатых. И множае нрав их яко разбойником и злодеем безвестно лестию наезжати, нежели явно воевати и битися, и болши чинят убытков, нежели опасения и страха. Но обаче той с толиким воинством наступает на пределы прилежащих себе соседей, вземлющи и пленящи, идеже что обрести может, и изводят много тысящ плену оттуду, их же продают турком.

Сие же довольно поведаном о житии и нравех татарских; по том ко описанию царей крымских приступаем.

Глава 3

О начале ханов крымских, и како под область султана турецкаго приидоша, и о крепостях, учиненных на реках, текущих в Понтийское море

Народ сей татарский аще и от давних времен, яко поведашеся, в полях оных и в Таврике Херсонской за Перекопом житие свое имели, всяко же царей своих не имяху даже до того времени, егда исчезе Темир-Аксак царь ординский, с ним же в воинстве бысть того же

татарского народа царь именем Едигай, имеяй под правлением своим сих татар крымских и перекопских.

Сей Едигай обретається во многих летописцах первой царь Крымской орды, иже будуще при Темир-Аксаке имяше жестокою битву со князем литовским Витолдом, яко о том выше писася.

По смерти же Темир-Аксаковой, иже умре лет 6950-го, той Едигай с татары поручными себе прииде в Таврику за Перекоп укрепяся тамо, идеже и престол царский утверди, его же едва достоин звати царский, но мучительский, и жителство свое той и прочие по нем будуще утвердиша в Бакшисарае.

И начаша зватися ханами, наследуючи онаго прежняго ханскаго названия, им же называшесе еще во Скифии великий обладатель скифийских народов Ункám или Унхám, по нем же и наследников его — скифийских обладателей — все историки и летописцы называют хам или хан великий, такожде и татарове, пришедшия тамо с оным Едегою.

И ту живушия населиша многолюдныя селения, наипаче приучася домовному строению и земледельству. Паче же прилежаху к делам воинским, прилежащая страны соседей своих воюючи и пустошася. Яко той Едига лета 6924-го собрався со многими татары прииде ко граду Киеву, и опступив его по неколиких днех взят, и тако до конца разори, яко и доньне к первой своей славе и величеству прити не может. Точию верхний меньший город от пленения татарскаго свободися, аще и великими силами приступали к нему нечестивии.

По сем той Едига имяше дружбу с великим князем литовским Витолдом и послов с дары к нему присылал. Лета 6936-го бысть хан крымский именем Девлет-Гирей, ему же подаде помощи ханом быти литовский князь Витолд.

Лета 6951 по смерти Девлет-Гирееве, иже умре без наследия, приидоша послы татар перекопских в Полшу ко кралю Казимеру, просящи у него к себе на ханство Ачи-Гирея, иже избежав из Крыма в Литве живяше, имеючи во одержании градок Луду, его же даша ему властели литовския. Краль же Казимер, по прошению татарскому учинивши Ачи-Гирея ханом, послал ево во Орду с маршалком своим Радивилом. И тако бысть той Ачи-Гирей хан в Крыме.

Потом бысть хан в Крыме именем Эди-Гирей, иже лета 6960-го порази Болшия Орды царя Садахмата именем и воинства его много победы, идущаго со многим пленом из Подолия державы Полския, яко о том выше, сей истории в книге 2, главе 3 положися. К сему хану Эди-Гирею краль полский Казимер посылал послов своих лета

6968-го, просящи от него помощи противу крыжаков немец, иже обещаеся тако учинити.

К тому же хану лет 6973-го присылал послов своих цесарь и папа с дары немалыми, дабы он советовал султану турецкому и отводил ево от войны, юже готовил противу христианом.

Потом умре хан Эди-Гирей лета 6974-го, а по нем бысть хан сын ево именем Нурдоулат, еже являет Кромер в Кронице своей, яко лет 6974-го были послы в Полше от Нурдоулата, новаго царя таврицких татар — иже по отце своем, прежде седми месяцев послания того умершем, наступил на ханство — мир с королем Казимером утверждаючи. А Гвагнин кроникарь пишет, яко и сам Нурдоулат был в Полше.

По сем лета 6977-го сей хан Нурдоулат от своих согнан бысть с ханства, а на ево место избран бысть меньшей его брат Менди-Гирей, иже того же лета присылал послов своих к тому же кралю, остерегаючи ево от заволских татар, иже приходили воевать Подолия.

При сем хане лета 6983-го Махомет султан турецкий прииде в сию Таврику со многим воинством. И пришед обступи тамо пристанищный град Кафу, яже отдревле назывался Феодосиа, стоящий на проливе морском, паче же рещи на проливе ис Чернаго моря во Азовское. А той град в то время, яко и прочия приморский города, держали генуенсы.

И тако султан аще и не возможе града того бранию одолети, обаче одолел златом, ибо даде много злата некоторым немцом, будущим тамо, иже предаша град в руке его. Браняшесе сей град турком двадцат и четыре лета по взятии Константинополском.

По взятии же его мужы честных шляхетских родов, такожде и изменники немцы, иже Кафу здали, вси в Константинополь заведени быша, идеже изменники в темницах помроша. Народ же общий на своих местех оставлены быша, токмо у всех их половину имения себе султан взял.

Тамо же и сей хан крымской Менди-Гирей со двема братома своима взят бысть от турка. А той хан Менди-Гирей яко прилежащий сосед из диких поль лучшаго ради спасения за стены градныя прииде. И тако от того времени турецкий султан оным славным генуенским градом Кафою облада.

Потом и прочия грады, обретающиеся в той Таврике, такожде и Бельград волосский, и Ачаков, потом и Азов в державу турецкую приидоша. Отнюду же многу корысть приобретше поганый яко в сокровищах, тако и в пленниках многого народа.

И от времени того во всех оных пристанищных градех нача султан турецкий соблюдения ради их имети многия воинства. И тако укрепил их, яко без всякаго опасения пребывает в Константинополе, ибо на всех пристанищах, яже суть во устиях рек изо всех стран текущих в Понтийское море, имеет города крепкия и яко бы врата в море оное, их же в великом осмотрении и крепости содержит, утвердив их многими воинскими людми, и стрелбою огненною, и всякими припасы яко воинскими, тако и людскими, доволными не на един год.

На реке же Днепре, недовольно мнящи единым городом Ачаковым устие его утвердити [ибо и той, яко Волга, не единым устьем впадает в море, но многими], опасение имеющи от Московскаго государства, содела крепости на Днепре выше Ачакова яко бы в ставерстах, то есть городок Кизы-Кирмень, стоящий на правой стороне Днепра, вниз идущи.

Противо его же есть на Днепре остров Таванский назван, на нем же суть городки, паче же рещи башни, яже называются Таванския, и противо тех на другой стороне Днепра город Шах-Кирмень. Которыя аще и не велики, но суть каменны и велми крепки, и прошествие мимо их по Днепру велми трудно, паче же рещи и непроходно, а наипаче великими стругами.

Но и кроме сих соделанных крепостей на реке Днепре сама природа места, путь по Днепру яко бы защищающи, нечестивых заградила. Яко выше по Днепру тех соделанных крепостей суть на нем пороги каменные, положением таковы. Через всю реку от края до края лежит камень великое, в долготу по реке сажень на пятьдесят, иной и на сто и болши, являющися из воды так часто, яко вода между того камня с великою быстротою и шумом приходит. И того ради не токмо струги, но и малыя лодки проходят тамо с великим трудом и немалою тщетою людей и запасов,

Порогов же тех от тамошних жителей названия суть сия: 1) Када́к порог ниже устия реки Самары версты три, над ним же вниз идущи Днепром на правом берегу стоит город назван Кадак; 2) порог Сурский название имеет от реки Суры, которая с тоя же страны Днепра впадает в него; 3) порог называют Лохáный, отдревле так назван; 4) порог Звонец название имеет от сего, яко вода сквозь частыя камня порога того бегущая с великим шумом или звоном проходит; 5) порог Стрелчий назван того ради, яко идущее судно чрез его мещет, аки стрелу от лука; 6) порог Княинин — отдавна поведают, якобы некая княиня утопе тамо; 7) порог Ненасытец вышереченный болши и труднее всех порогов, название таково того ради имеет, яко

бы не может насытиться, ломаючи стругов над собою, его же вдоль по реке есть пятьсот сажен; 8) порог называют Вóронова забóра; 9) порог Волнег, мало менши Ненасытна; 10) порог Будило назван по тому, яко некто козак спящий, спущающийся в лотке с порога Волнега, на сем месте взбудился; 11) порог Таволжанный того ради назван, яко над ним по берегам Днепровым таволга растет; 12) порог Лычный, отдавна назван тако; 13) порог Волный сего ради назвася тако, яко то последний порог и всяк преходяй оныя трудности назовется волный, яко ниже сего нет порогов и по Днепру уже путь волный или свободный, против его же впадает в Днепр и речка Волная с левыя стороны Днепра вниз идущим им, которая дале Самары города идущи степью сорок верст. А все сии пороги минуючи сухим путем прямо есть верст на сорок, а Днепром рекою идущи верст на сто, закривленнаго ради течения Днепроваго.

Такожде и из Дону реки мимо Азова прошествие в море Меотское и инде по протокам претвердо загради, соделав выше Азова яко бы в седми верстах на Дону реке по обе стороны его две башни, которых языком из называют каланчї, из них же чрез весь Дон от башни до башни протягнены чеши железныя и утверждены презелною крепостию.

А вся сия крепости содела поганый, имеючи великое опасение от Московския православныя монархии. Сими же крепостями и городами, в них же султан турецкий воинство свое имеет, от онаго времени и хана крымскаго со всеми татараы, иже живяху блиско градов оных по селом, и всех прочих живущих в полях подручны себе сотвори. Яко и ханов по своему изволению посылает тамо. И тако хан султану послушен есть, яко на всякия войны, аще и велми трудныя, на них же и нехотящу хану, повинен есть со всеми или с частию воинства своего по повелению султанскому в помощь турком ходити или посылати.

И суть тии турком к великой помощи, ибо на войнах турки, яко народ покойный и чистоту любящий, обозами с тяжестьми ходят, татарове же, яко народ легкий, непрестанно около обозов их бывають, от неприятелей опаасаючи, многажды же и отгоняющи, ибо, яко речеса, татарове в битвах зело суть сердечны и смелы, смерть свою ни за что ставящи.

Яко той же Ботер пишет: егда султан турецкий Селим Первый имел битву с Томмубием блиско Маттарии, сии татарове, их же султан имяше с собою, преплывши вплавь великую реку Нил много помогаша турком ко одолению. Всяко же и кроме того, еже на войнах

с турки бывают купно, повинен хан крымской дати султану вместо всякия дани на кийджо год триста пленников.

И сице zde написася о взятии Таврики Херсонския и крымских татар порабощении от турка. По том мало нечто о прочих ханах крымских опишем.

Егда уже, яко рекох, облада страную тою султан турецкий, тогда по смерти того хана Менди-Гирея бысть хан в Крыме имянем Мин-Гирей, его же летописцы тако, яко и пред ним бывшего хана Менди-Гиреем называют.

С сим ханом примирился великий князь Иван Васильевич московский, и лета 6991-го сей хан Менди-Гирей советом и повелением ево государевым воевал Киевскую страну, и мечем и огнем пустошил, и град Киев взял и пожег.

И потом же государь дружбу с сим ханом имеючи уведа, яко Болшия Орды царь с воинством идет войною нань, зжалился о сем и посла ему в поле ко Орде в помощь воинства своя, князя Петра Никитича Оболенскаго да князя Иоанна Михайловича Оболенскаго же Репню со двором своим, с ними же и царевичей служащих себе с мурзами и татараы.

И тако вси идоша полем к Перекопу. Царь же ординский, слышав о сем, убояся российскаго воинства возвратися восвоися. Воинство же российское кроме брани возвратишася восвоися во всяком благополучии, едва не до самыя Перекопи ходивши. Бысть сие лета 6999-го.

Хан же крымской Мен-Гирей или Менди-Гирей, воздаючи государю великому князю таковую его любовь и оборону, по воли ево и повелением лета 7007-го в есени посла сына своего Махмет-Гирея на враждотворнаго литовскаго князя Александра, зятя великаго государя. И воеваша тии Литовския и Полския области: Вольнь, Подлесие, Владимир и Брест — опустошили, и проидоша воюючи и пустошаши до Люблина и до реки Вислицы, и плену множество от областей тех изведши, пусты учинили.

По сем той же хан еще послушание к великому князю Иоанну Васильевичу исполняючи, Заволския, то есть Болшия Орды царя Шахмата имянем, пришедша на помощь Литве противо государя нашего и стояща в полях на реке Днепре между Чернигова и Киева, на главу порази, и татар будущих с ним победы, и самого в Полшу прогна. Бысть сие лета 7009-го, яко писася о том во описании царей Заволских, в части 2 во главе 3.

По сем лета 7017-го той же хан ходил войною на нагайских татар. Еже уведавше нагайцы, вскоре собравшиися жестокою брань со-

твориша с ним и до конца воинство его победиша, идеже и цареви-чи два — Стрийковский пишет внуки, а Гвагнин дети его — убиени быша; едва сам не со многими бегством спасеся.

На другое по том лето той же хан хотящи отомстити обиду свою нагайцом собрався с величайшим воинством паки изыде на них. И прешед Дон реку улучи на них неготовых сущих, и двакраты порази их, и Орду их поплени.

Такожде и Большую Орду за Волгою, до Камы реки протягающуюся, попленил, и повоевал, и до конца опустошил, и народу их толико в плен вывел, яко оставльшиися заволские и нагайские жители, не имеющие с ким в разореных оных ордах обитати, едины за отцами, другие за братиею и сынами, иныя за женами доброволно идоша за воинством супостатов в Перекопскую Орду.

И егда все тии в Перекопи населишася, тогда наипаче тако умножися, и разширися, и силна нача быти Крымская Орда, яко всем прилежащим народам и странам страшными быти начаша крымския татарове. По сем умре хан Минди-Гирей или Мин-Гирей.

По нем же бысть хан в Крыме сын его Махмет-Гирей. При сем полский король Жигимунт Первый, имущи ненависть на государя царя Василиа Иоанновича всеа России, яко предаде ему господь Бог во область праотеческое древнее наследие град Смоленск, всяко подвизашеся месть воздати, но не возмогши своими силами, сице умысли: посла послов своих с великою казною в Крым к сему хану Махмет-Гирею, такожде и к братием его, накупующи их, дабы воевали российское воинство.

И тако по совету кравлеву той хан лет 7023-го посла воинства своего до двадесяти тысящей. Иже пришедше на украинные города воеваша около Тулы града и инде. Воеводы же государевы — князь Василей Васильевич Одоевской, князь Иоанн Михайлович Воротынской — послаша на них воинство прежде себе, таже и сами поидоша.

Преднее же воинство сведше брань с татары победиша их. Еже слышавше воеводы, спешно тамо же за погаными идяху. Воины же сущие по украинным городом заидоша наперед, и заседоша путь татаром, и дождавшиися многих их побиша. Потом и сами воеводы со многим воинством постигоша татар и конными воинствы нападше на них многих побиша; на бродах же в реках и на путех много зело паде их, такожде и в реках истопше; многих же знаменитых и живых взяша.

Такову же тогда победу восприяша христиане над погаными, яко о том известно ведущии возвестиша. Такожде и сами взятыя татаро-

ве и последи ис Крыма пришедшия возвещаху, яко от двадесяти тысящей едва мало что, пеши и обнажении, приидоша во своя. Христианское же воинство со одолением во своя возвратишася здраво.

Хан же крымский Махмет-Гирей, мстящися победы своих, мало последи того посла татар на Российския области, иже пришедши воеваша места около града Путивля. Великаго же государя слуга и воевода князь Василей Иоаннович Шемятич, северский владетель, поиде с воинством за ними. И дошед их в поле за рекою Сулою, сведши с ними жестокою брань победил их, многих же и живых взял и прислал к государю к Москве.

Безбожный хан Махмет-Гирей печали многи исполнися о сем, паче же страхом объят быв, умысли коварство в сердце своем. Посылает убо к великому государю царю Василию Иоанновичу посла своего именем Абак-мурзу, пронырливо мир составляя и примиряся, хотящи нечто даров прияти, обещающися всюду послушен быти, идеже ему от государя повелено будет. И о сем клятвами спасением утвердися по своему закону.

Великий же государь, испытующи верности его, повеле ему изыти с воинством на полскаго краля Жигимонта за великия его неисправления. Он же, послушаючи государя, посла в Полское королевство войною сына своего калгу-богатыря, и иных царевичей, и братию свою, их же бяше тогда в воинстве до четыредесяти тысящ. И тако повоевавши всюду державу Полскаго королевства, и воевод с воинством у града Сокаля поразивши, отъидоша во Орду. Бысть сие лет 7027-го.

По сем той же хан Махмет-Гирей, лета 7028-го собрав многое воинство татарское, изыде войною на Орду нагайских татар, их же и остаток повоевал и под власть свою покорил. И за Перекоп в Крым до четыредесяти тысящ пленников привеле.

Сей же хан собрався с немалым воинством, имущи с собою в помощь нагайских татар, со многою силою перешед реку Волгу казанских татар победы и градом Казанью облада. Сие же бысть изменою казанских князей Сеита, Булата и Кучелея, иже отступивши от подданства великаго князя призваша в Казань на царство брата Махмет-Гиреева именем Сафа-Гирея.

О сем взятии Казани от крымскаго хана не описася при описании царей казанских того ради, яко болшая часть летописцев о том умолчаша. Но точию являют, яко казанцы отступивше от Московскаго государства взяша в Казань на царство из Крыма царевича Сафа-Гирея, яко о том при описании царей казанских положися. Но сие хану Мах-

мет-Гирею воздадеся от татар заволских, егда паки быша под властию Московскаго государства, яко о том ниже описано будет.

Потом любовраждебный хан Махмет-Гирей, аще и в миру сущи с великим государем царем Васильем Ивановичем, но обаче тайно смирился с полским кралем Жигимонтом и дарами от него обдарен будущи. Но и великий государь, гнев нань имеючи о сем, яко помогал казанцом и брата своего в Казань на царство отпустил, готовашеся на него войною.

Еже слышав той хан Махмет-Гирей улучи удобно время своему злохитрому начинанию, вместо дружбы и мирнаго завещания на кровопролитие готовашеся, советом онаго нечестиваго Абак-мурзы собрав многочисленное воинство своих и нагайских татар и прочих бусурманов, их же до осмидесяти тысящей бысть, к тому и от полскаго краля имущи помощь, устремися на пленение Московскаго государства.

И безвестно вскоре достиже в пределы Российския, и прешед реку Оку много пленение содела над христианы, безмилостивно убивающи, и пленяющи, и оскверняющи, и многия святыя церкви пожигающи. Даже и близ самага царствующаго града Москвы прииде, и разори и позже монастырь святаго Николая чудотворца, иже на Угреши.

И внезапно мысляху нечестивии со многим безстудием достигнути и самый царствующий град и посады поपालити и попленити. Но не попусти тако быти божественная воля. Во град же Москву от всех стран собрася множество народа и тамо затворишася.

Благочестивый же самодержец изыде из града на Волок-Ламской и начат воинство отовсюду совокупляти. На Москве же преосвященный Макарий митрополит всея России со освященным собором и со всенародным множеством прилежный молитвы ко господу Богу о избавлении от поганых возсылаху и на покаяние обращающесе милость Божию к себе приклоняху.

И тако всемилостивый господь Бог, иже обращения согрешающих всячески желателен, не презре вопля слезнаго православных христиан, показа преславное чудо во избавлении стада своего от онаго сверпеаго волка сицевым образом.

Бяше тогда во обители святолепнаго Вознесения Господня в девиче монастыре, иже внутрь царствующаго града близ Спасских врат, некая инокиня слепа телесныма очима, обаче внутреннее сияние очес разумных светло имущи, иже такожде общия молитвы общему Владыце о избавлении града возсылающи, и постышася пребываше, и в подвизех духовных будущи, слышит шум велик, и ветр страшен, и звон великих колоколов, таже божественным мановением восхищена бывши к видению и обретесе вне монастыря.

И тогда отверзошася очи ея мисленныя, вкупе же и телесныя. И узре страшное видение не во сне, но наяву. Яко идяху из града во Спасские врата безчисленный световидный собор святолепных мужей во священных одеждах митрополитов, и архиепископов, и епископов, такожде иереев, и диаконов, и протчаго причта, посреди же предгрядущих позна оная инокиня святых святителей московских Петра, и Алексиа, и Иону, и Леонтия епископа ростовскаго, чудотворцев.

С ними же несом бяше чудотворный образ Богоматере, иже Владимирский нарицается, и прочия святые иконы, и кресты, и евангелия, и прочия святыни несошася с кандилы, и свещами, и рипидами, и хоругми. И вся по чину, яко действоватися обыче в ходех соборных. Им же последова безчисленный сонм народа: мужей, и жен, и детей.

И абие еще зрит: и се от великаго торга, яже во граде Китае, во стретение оному святолепному собору скоро течаху великий во преподобных и преславный в чудесех Сергий игумен Радонежский, от иныя же страны преподобный Варлаам Хутынский, новгородский чудотворец.

И тако согласистася сия двоица преподобных и притекши со слезами многими и рыданиями припадоша к ногам оных великих святителей, умиленно глаголюще: «О святии бодрии пастырие словеснаго сего стада, и камо уклоняетесь, и кому оставляете паству вашу в настоящее сие варварское нашествие?!»

Световиднии же святителие такожде со слезами отвещеваху, глаголюще: «Мы убо, о преподобнии, много молихом всемилостиваго Бога и пречистую его Матерь, еже бы избавитися народу сему от подлежащаго пленения. Господь же не токмо нам повеле изыти из града сего, но и пречистыя своя Матере икону изнести повеле, понеже людие страх Божий презреша и о заповедех его вознерадиша, и сего ради попусти Бог варварскому языку приити дозде, яко да накажутся и покаянием к Богу обратятся!»

Двоица же преподобных, Сергий и Варлаам, прилежнейше моляху оных святых и с плачем глаголаху: «Вы убо, о святии святителие, в жизни сей будуще души своя полагали есте о сей вашей пастве, ныне же в настоящей сей скорби оставити их хотите; их же ныне призрите, како сетующе ходят и на покаяние обратишася! Не презрите, молим мы, ни оставляйте Богом порученныя вам паствы, се бо настоит время, еже помощи им! И аще усугубите прилежныя ваша молитвы ко пресвятей Богородице, то она возможет умолити сына своего Христа Бога нашего и праведный его гнев на милость прело-

жити. Людие же сии потщатся богоугодныя дел творити и пути своя по заповедем Божиим исправляти».

Тогда абие священнолепный собор святителей со оными преподобными согласно и единомысленно на молитву подвигошася, и литию сотворши молитвоваху доволно по чину, и «Господи помилуй» со слезами вопияху, и молитву пред образом пресвятыя Богородицы глаголаху, и потом отпуст литии сотворши и на вся страны крестом животворящим народ ограждаху, и потом возвратишася во град со образом Богоматере и с прочею святынею, и тако совершишася дивное то видение.

Преподобная же она инокиня обретесе в келлии своей, и сия поведа исповеднику своему, и оттуду простресе повесть сия неложная. Тоже видение видеша и прочии три подвижныя вдовицы, близко Спасских ворот в то осадное время пребывающии.

Бысть же тогда и ино известно явление, последующе оному. У церкви Благовещения пресвятыя Богородицы, яже над Москвою рекою против Дорогомиловской слободы, идеже бяше дом ростовских архиереев, причетнику церкви тоя грядущу ко церкви той и узре святителя Леонтия епископа ростовскаго чудотворца, спешно грядуща в церковь и глаголюща к нему: «Скоро отверзи мне церковь, да вшед в ню облечуся во освященныя одежды, да немедленно могу постигнутьи святейших митрополитов, грядущих из града Москвы».

И тако вниде в церковь и облечися во одежды, быстро отыде ко граду. Повествует же ся, яко в той церкви бяху ризы того святого епископа от древних лет лежащая, последи же явления того нигде не обреташася, во уверение такового преславнаго чудотворения.

Хан же крымской Махмет-Гирей стоящи тогда близ монастыря святого Николая чудотворца на Угреши и мысляше с великим дерзновением напасти на царствующий град. Обаче прежде своего шествия посла многих татар посады жеци у града. И егда тии надбегоша блиско града, тогда узреша около града по всем полям безчисленное вооруженное воинство стоящо. Их же видевши нечестивии во страхе мнозе возвратившеся возвестиша хану о великом воинстве, стоящем около града.

Хан же не верующи тому и гневашеся на них. И вскоре иных множайших посла уведати истинну. Но и тии в величайшем трепете то ж видеша и трепетни суще возвестиша хану. Той же недоумевашеся о сем, известно бо ведяше от пленников, яко невозможно толико скоро и толикому собратися воинству, посла третицею многих, с ними же и ближнаго своего некоего.

И тому прибегшу, узре сугубейшее и избраннейшее воинство, аки уже грядущее на них з дерзновением многим, иже вельми ужа-сеся и трепеща скоро прибежа к хану, сице вопия: «Что косниши, о царю! Побегнем убо елико наискорее, не вем бо, аще возможем убе-жати от скорогрядущаго свирепаго российского воинства!»

И тако страх велик нападе на хана и на всех бывших с ним по-ганных, и побегоша невозвратно, друг друга топчуще и глаголюще: «Бежите, бежите, се бо российское воинство с яростию гонят нас!» И тако бегоша невозвратно. И тогда множество пленников свободи-ся от поганных.

И тако всесильный Господь призре на молитвы и покаяние хри-стиан верных и избави достояние свое от пленения молитвами пре-святыя и пречистыя Матере своя приснодевы Марии и предстатель-ством святых святителей, российских твердых молитвенников. Бысть сей приход хана сего к Москве и чудесное избавление от него царь-ствующаго града лета 7029-го, яко о сем Гвагнин историк во описа-нии Литвы на листу 92-м пишет.

Последи сего вскоре той же хан собрався с немалым воинством, палим обладательства огнем, изыде на Орду астраханских татар. И пришед улусы их повоевал, и град Астарахань взял, и тамо поса-дих на царство сына своего калгу. Сам же крымских татар нелюби-ти начат, возлюби же нагайских татар, иже всегда близ его бяху; от них же тогда вскоре и убиен бысть, и дети ево, и многие крымския татарове.

Историк же Гвагнин пишет о сем мало нечто отменно. Яко лета 7031-го крымской хан Махмет-Гирей собрався с воинством изыде воевати заволских татар, хотящи их себе покорити. Тии же согласив-шиеся з далными татарами, живущими блиско Хвалисскаго моря, заве-доша его в тесныя места идеже река Волга в море оное впадает, и сведши с ним брань воинство его победили и самаго убили.

На сего место по изволению султана турецкаго прислан бысть в Крым хан Седет-Гирей имянем. Его же не возлюбивши татарове со-гнаша, иже убежа к султану турецкому, а на его место лета 7033-го избраша татарове брата его именем Сет-Гирея, того ради, зане в тур-ках возрасте и менши злости в себе имеяше.

Тогда же крымский царевич Аслам и с ним инии мнози с похва-лами многими изыдоша воевати Российских стран и безвестно при-бегше к реке Оке, хотящи прейти ю. Но тамо приспеша на них вое-воды великаго государя с воинством московским и Богу поспеше-ствующую им многих татар побиша, прочих же прогнаша, в поле за

ними ходяще. Тогда же взяша татарина, иже зело любим бяше самому Асламу.

Таже по сем татарове крымския и Сет-Гирея хана не возлюбиса и согнаша с ханства, и избраша брата его предреченнаго Аслама на ханство. Обаче султан турецкий, ведущи мужество и делность Аслам-салтанову, паки Седет-Гирея у себе бывшего, брата Сет-Гиреева, на ханство назначил, завещаючи ему, дабы убил Аслам-салтана.

Но егда доведася сего Аслам-салтан от писания, присланнаго к нему от приятелей из турков, убежа ис Крыма и присла посла своего к великому государю царю Василию Иоанновичу, дающийся ему в послушание и службу. Государь же посла к нему уверити его князя Михаила Кубенскаго, иже шед обрете его в поле и увери в службу государю.

По сем той нечестивый Аслам-салтан, преступив клятву, согласяся с казанским царем Сафа-Гиреем, изгнанным ис Казани, и с прочими царевичи, и со многими татары приидоша в Российския страны и у града Рязани посады пожгоша.

На них же приспеша тамо государевы воеводы не со многим воинством, но обаче поможе им Бог, во многих бо местех многих татар побили и живых поймали.

Потом той нечестивый Аслам-салтан, скитающийся в пустых полях, не ведущи где обрести покоя, прислал от себя татар ко кралю полскому Жигимонту Первому, дабы поволит ему с седмидесять тысящей воинства в полях у Днепра пребывати, обещающийся ему на супостатов помощным быти. Ему же по прошению его повелено тамо быти.

Он же присовокупив к себе несколько татар заволских поиде противо брата своего Сет-Гирея [иже паки бысть ханом по отбежании его], обаче побежден бысть от брата, паки убежа в Польшу лета 7040-го; и повелено ему жити на Днепре блиско города Черкас.

Сет-Гирей же уведав его бывша тамо, начат преправлятися с воинством чрез Днепр к Черкасом. Аслам-салтан же, уведав о том, уклонися в Польшу, а Сет-Гирей пришед приступаше ко граду Черкасом, обаче смирился с тамошним властелем, отъиде в Крым.

Той же хан Сет-Гирей, угождаючи полскому кралю, того же лета 7040-го посла татар своих воевати стран Российских, иже воеваша в Рязанских областех. С ними же воеводы государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России, самодержца, князь Семен Пёнков да князь Иван Тать имеша битву на реке Проне; и изгнаша татар отгуду, многих побивше, и пятидесяти триех живых взявше прислаша к государю к Москве.

На другое по сем лето, то есть 7041-е, той же нечестивый хан по прошению краля полскаго Жигимонта и советом бегунов московских, князя Семена Бельского да Ивана Ляцкаго, поят с собою многое воинство крымских и нагайских татар, и преступив клятвенный завет, еже с великим государем, и тайно устремися на Рязанския украины.

Слышав же таковая государь царь Иоанн Васильевич посла на Коломну воевод с воинством. Татарове же дерзко пришедше на брег Оки реки, хотяще прейти ю. Воеводы же с воинством возбраниша им таковую дерзость, не даша преходити реки, но многих их самих побиша и отгнаша.

Меншии же воеводы и чрез реку прешедши по загоном многих татар побиваху и в плен имаху, их же послаша к государю; прочии же все невозвратно побегоша в поле. Гвагнин пишет, яко тогда приходил на Оку хан Аслам-салтан, учинившиися паки на ханстве на место Сет-Гиреево.

По сем хане Сет-Гирее или Аслам-салтане бысть хан в Крыме Девлет-Гирей имянем, иже лет 7060-го, во время походу под Казань город царя и великаго князя Иоанна Васильевича, со многими воинствы приходил к Российским пределом, идеже от московскаго воинства под градом Тулою побежден бысть и отогнан, яко о том писася в сей истории в части 3, во главе 5.

По сем лета 7063-го прииде весть к государю к Москве, яко хан Девлет-Гирей с воинством многим прешед заливы морския блиско Астарахани, пошел воевати земли пятигорских черкас.

Государь же, видев благополучно время отомстити поганым обиды своя, посла на Крым воинство свое, над ними же постави воевод: Ивана Болшаго Васильевича Шереметева, Лва Андреевича Салтыкова, Алексия Даниловича Басманова и прочих.

И тии идоша с воинством путем на Изюм-Курган. Хан же лукав сый, не поиде на черкас, но обратив воинство свое поиде на пленение Российских стран путем на великий перевоз, от того Изюмскаго пути день ездю.

Воеводы же, имеючи стражу крепкую и подъезды, уведав о сем, писаша к государю. Государь же, вскоре собрався с великим воинством, иде к реке Оке. И прешед реку поиде ко граду Туле, и стати тамо хотяше, ожидающе ко сражению поганых, и битву с ними составити.

Воеводы же в тыл хана зашедше, неведомо идяху за ним, хотящи тогда ударити нань, егда воинство в загоны распустил. Бывши же воеводы в верх рек Можá и Коломка, уведаша о кошу ханском и по-

слаша нань шесть тысящ воинства, иже дошедше бывших тамо татар побиша и кош взяша, идеже до шестидесяти тысящей коней взяша, такожде двесте аргамаков, осмьдесят верблюдов.

Возвещено же бысть о сем писанием в украинные города, яко уже конечно исчезнуть имат хан крымской с татары, ибо государь идет с воинством противо его, а Иван Шереметев с воинством над главою его. Хан же до самых Российских пределов идущи ничто же ведаше о сем, ибо не случися нигде взяти ему языка.

Потом обрете дву человек ловцов, от них же уведав бывшее и о воинстве за собою, от чего вначале зело убоися. И возвратися тем же путем ко Орде, и по дву днях стретеса с воинством, и то не со всем, ибо не приидоша еще тии, иже на кош ходили. И тако сшедшеся битву крепкую учинили и зело много татар побили.

И по излишному дерзновению наших вразишася неции в полки татарския. Из них же взяты быша два воина, честных отцов дети, иже вопрошаеми, един поведа множество воинства, яко достоит мужественному воину, другий же устрашися мук, сказал хану о всем по ряду, яко: «Малое есть воинство, да и того половина послана на кош твой».

Хан же, аще тоя нощи бежати уже хотяше во Орду, но обаче удержася словесы безумнаго онаго. И тако во утрие паки брань начася и пребывала до полудня. И тако крепко малым оным воинством бишася с татары, яко всех татар уже было разогнали, токмо хан сам при янчарех воздержался, их же при себе несколько имяше.

Но несчастием христиан в том часе воевода Иван Васильевич Шереметев зело бысть ранен, к тому конь застрелен под ним, иже сбил его с себе, идеже едва не взяша его, но обранен бысть от храбрых некоторых воинов и едва жив отвезен с побоища.

Татарове же видевше хана, воздержавшася при янчарех, паки собращася к нему. Христианом же без мужественнаго вожда порядок изменися — аще бо и быша инии воеводы, но не токмо справны. Всяко же еще аки чрез два часа стояла брань; таже нечестивии зело нападоша на христиан, и половину воинства разогнаша, и многих побиша, храбрых же некоторых и живых побраша.

Прочие же с воеводами в баераке едином обсекошася сегоша. К ним же хан того же дня со всеми татары трижды зело жестоко приступал, хотящи взяти их. Но отбишася от него, и поиде от них, и гряде скоро ко Орде, бояше бо ся создади воинства.

Егда же государь яко половину пути от реки Оки к Туле преиде, прииде к нему весть о брани той неблагополучной, по мале же вре-

мяни и раненые прибегающе являтися начаша. Государь же, советовав с сигклиты, поиде ко граду Туле, хотящи битву с татары имети, не ведяще бо о возвращении хана во Орду.

Егда же прииде государь на Тулу, и тамо собрася к нему немало разбитаго онаго воинства, и оные предреченные воеводы, иже отбишася от хана, и воинства с ними до дву тысяч, иже совершенно поведаша, яко уже третий день, егда хан возвратися во Орду.

Государь же всех подвизавшихся мужественно воевод и воинство пожаловал за службы их коемуждо по достоянию, и тако достойную мзду восприяша.

На другое по том лето, то есть 7064-е, сей лукавый хан Девлет-Гирей прислал к великому государю посланников о размене послов и злохитро мир утвержая. Государь же посланника его отпусти к нему, с ним же и своего посланника посла, и отписати повеле, обличаючи льстивное его лукавствование.

Не по мнозе же приидоша с поля вестницы, поведающе государю, яко хан собрався со всеми людми вышел на Конские воды и хочет быти войною на Тулские и Козелские места. Государь же по тем вестям поиде в Серпухов с воинствы, с ним же князь Владимир Андреевич и царь Симеон казанской. Оттуда же хотяше ити на Тулу и на поле противу хана, хотящи конечно битву имети с ним.

Нечестивый же хан Девлет-Гирей, услыша благочестиваго царя готова суца в стретение ему на брань, возвратися и поиде на черкас войною.

Государь же посла тогда аки пять тысяч воинства воевать Крымских юртов. И егда хан прииде на реку Миос, и прииде к нему ведомость, яко российское многое воинство идут Днепром рекою ко граду Аслам-Кирменю; сие же слышав хан возвратися в Крым.

Бысть же тогда и мор велик на татар в Перекопской орде. В тех бо летех прежде пущен бысть от Бога мор на Орду на нагайских татар [иже бяше за Волгою, последи же сего преидоша ю, начаша кочевати между Волги и Дона блиско от Астарахани, идеже ныне называются Нагайские улусы]; первее наведе на них тако зело студеную зиму, яко весь скот их помер, яко стада конские, тако и прочих скотов, а на лето и сами исчезоша от глада, ибо тии не имущи хлеба скотом питахуся.

Видевше же остатнии, яко явственный гнев Божий изыде на них, поидоша препитания ради в Перекопскую орду. Государь же и тамо поражаше их. И наведе Бог на них зной солнечный, и сухоту, и безводие. Идеже бо реки текли, тамо не токмо вода не обреташеся, но и копавши много ни мало обретаху ея.

[Тако того исмаителскаго народу в той Орде за Волгою и пяти тысящ мужей не осталось, их же число подобно морскому песку было]. И того ради и ис Перекопи тех нагайских татар изгоняху, зане, яко речеса, и тамо бяше глад велик и мор престашен на люди и скот, яко и в той Орде десяти тысящ коней от тоя язвы не осталось.

И тогда зело было удобно время мститися христианом над бусурманы за многолетнюю кровь христианскую, безпрестанно от них проливаемую, и мир содеяти себе и Отечеству своему вечно.

И о сем мнози советники государю советоваша, да подвигнется сам с великими воинствы на Перекопскую Орду, времени на то зовущу, и Богу на се подвижущу, и помощь на сие истую подати хотящу.

И аки самым перстом показующи погубити врагов своих и избавити множайших плененных, отдревле заведенных, от тяжкия неволи, аки от самых адских пропостей. За что премногая бы похвала на сем свете была, наипаче же тмами крат множайши в оном веце у сама-то создателя Христа Бога, иже предражайшия крове своя не пощадил за человеческий погибший народ излияти.

Аще бо и души христианом случилось положить за плененных многими леты православных христиан, воистинну бы всех добродетелей сия добродетель любви вышши пред ним обрелася, яко сам рече: «Болши сея добродетели ничтоже есть, аще кто положит душу свою за други своя». Добро бы, и паки реку, зело добро избавити во Орде плененных от многолетня работы и разрешити окованных от претяжчайшие неволи.

Государь же таковым случаем подвигаем, советовав с советники своими, посла оное преждереченное воинство в помощь ко князю Дмитрею Вишневецкому, иже живяше на низу Днепра реки между запорожскими казаками на острове Хортицком, служащи кралю полскому, такожде и государю нашему верно. И тако оное воинство, с ними же Вишневецкой с литовскими и черкасскими казаки, приидоша Днепром к городу Аслам-Кирменю, идеже отогнаша стада лошадей и всякаго скота.

Потом поидоша вниз Днепром и приидоша ко граду Ачакову. И острог взяша, и турок и татар побиша и живых взяша, и поидоша назад. И приидоша на них ачаковский и тягинской сенжаки с воинствы. Российское же воинство заседоша у реки в тростях и из пищалей многих татар побиша, а сами со всеми здраво отъидоша. И паки приидоша к Аслам-Кирменю и сташа на острове.

И тамо прииде на них калга-салтан со всеми татары, и князи, и мурзами, и бысть им бой велик чрез шесть дней. И отогнаша у татар

стада конския к себе на остров, и потом поидоша по Надднеприю вверх по полской стороне, и разыдошася с татары, Богом храними, здраво; а татар многих из пицалей побили и поранили.

В то же время от инья страны государевы воинския люди поидоша Миусом рекою в море за улус ширинских князей к городу Керчи, и тамо много пленивше и языков взявше отъидоша. Такжеде и во иных местех российския воинския люди всюду татар побивали и языков к Москве присылали.

Безбожный же хан крымский яко и прежде присылаше к государю, лукавый мир составляя. Благодетивый же государь не внимаше лестем его, но всюду на украине крепкое воинство на стражи имяше.

По сем лета 7065 князь Дмитрий Вишневецкой, служащи государю, вкупе с московским воиством поиде ко граду Аслам-Кирмению. И взял его, и разорил, и людей побил, и пушки на свой остров отвезе.

Хан же крымской с сыном и со всеми крымскими татары прииде на Вишневецкаго к городу его на Хортицкой остров. И пребыв тамо двадесять дней, жестокою брань творящи. Но изгубил многое воинство, отъиде со срамом многим. З другую же страну черкасы пятигорския, служащи государю, взяша два города крымския, Темрюк да Томань.

Последи хана Девлет-Гирея бысть хан в Крыме Анди-Гирей имянем, иже лета 7067-го посла сына своего Махмет-Гирея и с ним крымских и нагайских татар до ста тысяч. О сем возвестиша государю два татарина и два черкашенина, иже того году приидоша служити государю.

И тако погании лукаво таящися идоша. И умыслища разделитися в разныя места войною, овии на Рязань, овии на Тулу, иные же на Каширу. Чаяху бо государя отшедша с воинством на ливонския немцы. И недошедшим им до украины, взяша рыбных ловцев на реке Мече и от них уведаша, яко государь на Москве, а в немцы послал воинство.

На Рязани же, и на Туле, и на Коломне, и в прочих местех бяху многая воинства. Нечестивии же татарове, слышавше сия, убояшася зело и вскоре на бегство устремшася. А воеводы великаго государя с воинством во многих местех будучи остаточных татар всюду побиваху, и живых емлюще к государю прислаша, и лошадей болши пятидесяти тысяч взяша.

Тогда же князь Димитрей Вишневецкой паки побил крымских татар на реке Андаре, иже хотяху ити на Казанские места, и живых

двадцать человек взял, и к государю прислал. Такжеже тогда у града Пронска Василей Бутурлин крымских татар побил, и 16 человек живых взял, и к государю прислал.

Потом лета 7068-го паки посла государь воевать Крымских юртов околничего Даниила Федоровича Адашева и с ним до осми тысящ воинства. Иже пришедше Днепром под Ачаков и взяша тамо карабль, на нем же быша турки и татарове, их же многих побиша и живых взяша. И чрез чаяние татар изыдоша Днепром аж на самое море в малых лодийцах, и на острове Чулу быша.

И Богу помогающу им, двадцать дней по морю ходили. И тамо на протоках морских карабль взяли. И паки приидоша Днепром в улусы Крымские на остров Ярлагаш. И тамо татар побиша, и стада конския и скотския и многия верблюды взяша. И оттуду поидоша на улусы на Кременчюг, да на Кашкалыр, да на Кагалник.

И даже за пятнадцать верст от Перекопу быша, и Божиим пособием многия улусы повоеваша и побиша, многих такжеже и живых взявше, поидоша. Татарове же мнози собравшеся приидоша на них, но обаче сами побеждени быша от российскаго воинства. И оттуду приидоша на Озибек остров здраво.

Хан же крымской, с ним же и дети ево, и князи, и мурзы собрався поидоша за воинством, иже приидоша с моря под Ачаков на устье Днепра реки. И Божиим промыслом свободно проидоша в верх Днепра здраво с воинством и пленом многим, свободивше и многих пленников, отдревле заведенных во адския оныя темности.

Турков же всех, поимаша на перевозах и на кораблях, отпустиша в Ачаков, понеже государь царь в мире бяше с турским султаном и улусов ево воевать не велел. Турскаго же султана державцы, ачаковские аги и сенжаки, изыдоша к российскому воинству, приносяще хлеб, и вино, и прочая потребы и свободно дающе им прошествие, честь воздаваху. И тако российское воинство идоша в верх по Днепру.

Хан же крымской во многих тесных местах и на перевозех по обе стороны реки приходяше на них и шесть недель препроводи тако, но ничтоже успе, но паче мнози татарове ис пищалей избие ни быша. Воеводы же со всем воинством Богом храними приидоша здраво на остров, зовомый Монастырской. Хан же, ничтоже успев, возвратися в Крым.

Того же лета приидоша крымских татар три тысящи на Тульские места и воеваша тамо. За ними же ходили государевы воеводы и языков взявше возвратишася. Тогда приидоша к государю два тарина служити.

В тая же реченная времена атаманы государевы ходили на Крымские улусы и многажды их пленили. Приидоша же на Кипчажской улус и взяша множество жен и детей татарских. К ним же приидоша сами многия мурзы нагайския, и поддашася на государево имя, и уверившись, идоша купно с ними на Крымския улусы.

Бяху же тогда с ними и черкасские козаки, иже служащи государю многия улусы повоевали. Бысть же всем тогда бой велик с крымскими татары, идеже много татар побиено бысть и плену безчисленно взято. И приидоша к Москве. Государь же нагайских мурз и своих атаманов и казаков за службы их пожаловал по достоянию.

Нечестивый же хан, мстящийся побед своих на христианы, лета 7077-го советова султану турецкому послати воинство под Астаранхань. И изыде той хан при турках на ту войну со многими татары; с ним же быша дети ево: Махмет-Гирей, Казы-Гирей, Алди-Гирей, яко о том писася в сей истории во главе 6 в части 3.

Потом той же хан Анди-Гирей лета 7079-го приходил с воинством воевать Российских стран. И даже до Москвы тогда всюду попленил и христиан множество погубил. И в день Вознесения Христова прииде под самый царствующий град Москву, и посады около града пожже, и кровопролитие велие содела. Государь же собрания ради воинства уклонися тогда к слободе Александровой, но погании немного медления сотворши отъидоша во Орду.

Последи сего хана учинися на ханстве в Крыме хан Девлет-Гирей именем, иже лета 7080-го прислал послов своих к Москве к государю и с ними татар до трехсот мужей, просящи обыкновенныя казны и мир утверждающыи.

Государь же, не стерпев лукавству нечестиваго хана, зане всегда обещавашеся в мире и послушании быти и никогда же во истинне пребываше, но вместо мира и послушания многа пленения странам Российским творяше, повеле послов оных татар всех посети, а начальным их повеле обрезать губы, носы, уши, и тако отпусти их к хану. Вместо же даров посла к нему секиру, глаголющи, яко тою секирою глава его отсечена будет.

От сего времени завязятя обычай, яко во время бытия послов иноземских пред лицом царским начаша поставляти знаменитых четырех мужей, которых рындами называют, со обнаженным оружием: прежде с топорами, а потом недавных премен начаша поставляти таковых мужей с мечами обнаженными, соблюдения ради царскаго здравия и на страх послов, приступающих к целованию руки самодержца.

Нечестивый же хан Девлет-Гирей возъярися на великаго государя о пагубе послов своих, собрався с царевичи со многими крымскими татараы. С ними же и нагайских татар с мурзою их Керембердеем двадесять тысяч, к тому имяше семь тысяч турецких янчаров, присланных в помощь себе от Махомета везира турецкаго.

И с теми бусурманскими силами изыде, яко лев рыкая, на Московское государство, и разверзши лютыя челюсти своя безстыдно тещаше, хотящи до конца потребити его. Великий же государь, слышав о сем, зело скорбяше, яко скорога ради наступления поганых не возможе собрати воинства противо таковаго зверскаго нашествия, отыде с Москвы к странам Новоградским, да тамо соберет воинство.

Еликих же вскоре совокупи, посла с теми воевод своих: боярина князя Михаила Ивановича Воротынскаго [и о нем же помянул есмь, о Казанском взятии пишуци], князя Никиту Романовича Одоевского, князя Андрея Петровича Хованскаго, князя Ивана Петровича Шуйскаго, князя Андрея Ивановича Репнина и прочих немало, заповедав им елико крепость их снесет бранити Отечества, и земли, уже и тако зело опустошенныя.

Оныя же воеводы шедше с воинством стаща по берегу Оки реки во обыкновенных местех, ждущи нечестивых ко сражению. На берегу же реки на Сенкине перевозе поставиша двесте мужей нарочитых, заповедавши им преход татаром бранити.

И тамо из полков татарских первый притече на Оку Керембердей мурза с нагайскими татараы и согнав христиан з брега преиде на сию страну Оки. Боярин же князь Михайла Иванович и прочие стояху тогда от града Серпохова в трех верстах, соделавши тамо градок мал, Гуляем его нарекли.

И проиде той мурза к царствующему граду, обаче ничтоже учини зла. Сам же хан прииде на Оку реку иулия в 21 день. И из-за реки ис полков своих стреляти повелел ис пушек на воинство христианское.

Христианские же военачальники не повелеша по татаром стреляти ис пушек, да утаится таковая стрелба во граде Гуляе. И тоя же ноци и сам хан со всем воинствы преиде на сию страну реки на том же Сенкине перевозе. И на том месте оставил татар до дву тысяч человек, да содержат битву, донеле же все воинство за реку преидет.

И хан преиде на сию страну Оки реки и устроився поиде к Москве. Оный же славный ратоборец князь Михаил Иванович Воротынской, яко муж крепкий, и мужественный, и от младости своя в делех воинских знаменитый, с прочими воеводы и с воинством ни мало усумнешася таковаго нечестивых наступления, и не даша им

ни мало распростретися и воевати убогих христиан, и прежде нападоша на предний татарский полк, в нем же быша два царевича, и прогнаша их до болшаго ханскаго полку.

Хан же видев христианское воинство мужественно ополчившося и брань с ним творящъ, убояся зело. Ибо и царевичи оныя убежавши из бою глаголаша ему, да не творит шествия к Москве, ибо и zde, рекоша, едва можем противо христиан битися, а тамо имут христиане и множайшее воинство. Хан же посла на помощь преднему полку крымских и нагайских татар до двунадесяти тысящ.

Христианское же передовое воинство, узреша помощь татаром прибывшую, начаша уступати до болших полков своих, биющеса мужественно с погаными. И умысленно побегоша мимо градка Гуляя, приводящи татар на стрелбу огненную.

И егда приспеша нечестивии блиско градка и стрелбы огненныя, тогда ударено по них из многих пушек и пищалей и тако множество их побито. Чего наипаче сам хан убоявся, воздержа шествие свое к Москве и стал с воинством, не дошед реки Пахры за седмь верст, во блатех, в крепких местех.

Боляре же и воеводы с воинством поидоша за татары. И на другой день дошедши их тамо начаша битву чинити, но не бысть тогда великия битвы. Во вторый же день по том сведоша с татары презелную битву, яже неколико часов пребывала. И поможе Бог христианскому воинству благоумнаго мужа полкоустроением, и падоша полки бусурманския от мечев христианских, идеже нагайскаго мурзу Керембердея и трех братьев ширинских князей убиша. Тогда же воинсуздалец имянем Тимир Алалікин взял славнаго богатыря, великаго кровопийцу христианскаго Дивея мурзу, и многих прочих взяша в плен тогда.

Хан же възъярися зело о погибели воинства своего, паче же Дивея ради, ибо зело любим бяше ему мужества ради своего; посла ко градку Гуляю царевичей и с ними всех татар и енчаров добывати во градке воев христианских и свободити ис плена мурзу Дивея. Татарове же, чрез обыкновенный свой строй шедши с коней, поидоша пеши ко граду, тако зело жестоко приступающе, яко за стены града руками хватахуся и вручь секошася со христианы; и тако зело мнози нечестивии избиени быша.

В то же самое время бодроосмотрителный военачалник князь Михаил Иванович Воротынской со своим полком обьиде татар долиною тайно создади, а из града повеле из всея стрелбы ударити жестоко на татар, а сам с воинством своим нападе на них зело мужествен-

но, а из града тогда же изыде в лице им воевода князь Федор Иванович Хворостинин с прочим воинством. И бысть тамо жесточайшая брань, и падоша множайшии погании, видевше же себе прелщенных, отыдоша от града.

На том тогда бою убиени быша ханский сын да калгин сын, и прочих знаменитых мурз и татар многое множество; и живии яти быша сын ханский и мурзы знаменитыя мнози.

И того ради нечестивый хан убоявся зело, и в нощи того же дня побежа со срамом многим, оставив шатры, и знамена великия, и вся воинская тяжкая оружия, и за собою три тысящи избранных воинов, да воздержат христиан, гонящих по нем, воеже бы ему путь свободный к бегству имети. И тако тоя нощи и Оку реку преиде и с великим срамом невозвратно побежа во Орду, ни ко единому граду приближающийся.

Воинство же христианское нападше на оставльшихся татар такожде прогнаша их до Оки реки и до тысящи убиша их, мнози же в реке истопоша, яко едва что их до хана прииде. Христианское же воинство возвратися к воеводам с победою здраво.

И таковым тогда мужественным подвигом онаго знаменитаго военачалника князя Михаила, глаголю, Ивановича, и прочих воевод, и всего воинства свободи господь Бог величайшаго пленения и тщеты Российскаго царства.

По том бояре и воеводы с воинством возвратишася к Москве. И пришедше со знаменитою победою представиша государю всех пленников, яко ханскаго сына и Дивея мурзу, тако и прочих мурз многих; такожде знамена великия и шатры ханския привезше объявиша государю во знамение совершенныя победы.

Нечестивый же хан Девлет-Гирей множае ярящийся на Московское государство и ни мало даючи свободы христианом безпрестанно воеваше Московское государство, овогда сам приходящи, овогда многих татар посылаючи на страны украинныя.

Лета же 7083-го сам собрався со многими татары изыде на пленение Российских стран. И пришед к граду Болхову многия пакости содела. Противо ему же изшедши воеводы, князь Иван Дмитриевич Белской с прочими, со многим воинством. И брань сведши с ним победиша его и в поле прогнаша, град же Болхов и области его свободиша от пленения.

По том того же лета той же нечестивый хан посла многих татар на пленение Российских стран, иже приидоша на Рязанские места. За ними же поиде тогда воевода князь Борис Васильевич Серебряной

и инии мнози, и нашедше на татар в Печерниках, от града Михайлова в пятнадцать верстах, и многих их тамо побиша и плен весь возвратиша. Бысть сие месяца октоврия в первый день.

Потом лета 7092-го той же нечестивый хан Девлет-Гирей, ярящи на Российское царство, посла на пленение стран его многих татар. И воевали тогда погани уезды градов Белева, Козелска, Мещовска, Мосолска, Перемышля и Воротынска. И уездов тех села и прочая жилища зело поплениша и пожгоша и плену множество взяша.

И послан бяше противу их с воинством воевода — думной дворянин Михаил Андреевич Безнин — иже с подщанием изыде на поганых и приспе на них с воинством у реки Оки под слободою Монастырскою. Погани же, послышавше о приспеянии на себе христианских войск, начаша чрез реку возитися.

И в то самое время приспеша на них христианское воинство, и на татар поразиша, и плен весь возвратиша, и самих поганых емше многих, возвратишася с победою многою. Бысть сие в первое лето державы государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича всеа России самодержца.

По сем лета 7094-го бывшу многу несогласию в Крыме, егда ханы едины единого изгоняху с ханства. И того ради крымской царевич Мурат-Гирей, сын Махмет-Гиреев, иже бе брат хану Девлет-Гирею, прииде к Москве служить государю царю и великому князю Феодору Иоанновичу с племянником своим, иже бе и пасынок, ему же имя Кумы-Гирей, и з женою, яже бе и невестка ему, и с ними многия татарове, аталыки и мурзы.

Государь же пожаловал его, велел себе государю служить. И был у государя на приезде и у стола июня в 23 день, а иуля в 18 день послал его государь в Астарахань, и повеле ему промысл чинити над Крымским юртом, и естли бы Господь поручил ему владети Крымом, а служить московскому великому государю. С ним же посла государь и воевод своих с ратными людьми, думнаго дворянина Романа Михайловича Пивова да Михаила Иванова сына Бурцова.

Той же царевич Мурат-Гирей будучи в Астарахани многую службу показал и многих юртовых татар на службу государеву привел. Потом умре тамо от чаровников татарских со многими своими. Остатнии же его татарове взяти быша к Москве и устроены повелением государевым селы и кормами довольными.

Хан же Девлет-Гирей непрестанно воюючи христиан и паче о том яряся посла многих татар на украинныя грады Российскаго государства, иже быша уезде у Пятницы Столпиной. Противу им же из-

шедши воеводы с воинством не даша пленения чинити, но прогнаша их в поле.

Потом лета 7095-го паки приходиша крымские татарове со двема царевичи на украинные города. И пришедше ко граду Крапивне, и острог у града взявше много пленения тамо и в ближних тамошних местех сотвориша, зане тогда тамо до четыредесяти тысяч поганных бяше. Бысть сие иуля в тридесятый день.

И таковыми своими непрестанными на украинные грады Российскаго царствия приходы оные нечестивыя крымския татарове с прежде бывшими ханы, паче же с сим своим ханом Девлет-Гиреем, многая пленения творяху странам тем, селения и грады огнем пожигаючи, и христиан верных убийством оружия погубляючи, и безчисленный народ в плен невозвратно отводящи.

Тщету многу соделоваху России и благочестивому царю, ибо аще когда и не прихождаху в страны те погании, обаче благочестивый царь охранения ради стран тех имяше беспрестанно многое воинство со многими воеводы в разных градах тамошних стран и не почиваху никогда ратнии от военных трудов и ополчений, от чего в великую свою тщету прихождаху.

Такожде и по умертвии сего нечестиваго хана творяшесе, егда бысть в Крыме на ханстве сын его Казы-Гирей, иже такожде зияючи люто на христиан и идущи следом отца своего и прежних ханов лета 7099-го собра многое воинство поганных крымских и нагайских татар, к тому и турков многих, изыде с ними на погубление и искоренение Российскаго царствия.

О нем принесена бысть весть к государю с поля от многих бояр, и воевод, и станишников иуля в 26 день. Потом из града Ливен воеводы Иван Михайлов сын Бутурлин да князь Андрей Звенигородской писали к государю, что выехал к ним на Ливны ис полков крымскаго хана к государю в службу татарин и сказал, что хан Казы-Гирей, а с ним четыре царевича и воинства с ними до ста тысяч, идут на пленение стран Российских прямо к Москве.

Великий же государь, слышав таковаго зверя на отечество свое наступление, возлож на Бога упование, начат уготовляти противо его воинство свое. И послав в прежде бывшия во странах украинских полки к воеводам, дабы изо всех градов бояре и воеводы с воинством шли ко граду Серпухову к боярину и воеводе ко князю Федору Ивановичу Мстиславскому.

Воеводы же были тогда в полкоустроениях: предписанный князь Федор Иванович Мстиславской, князь Никита Романович Трубецкой,

болярин князь Тимофей Романович Трубещкой, князь Борис Конбулатович Черкасской, князь Андрей Иванович Голицын и прочие мнози с ними.

Иже вскоре снидашася на повеленное место со всеми воинскими полки. Из Серпухова же повеле государь воеводам со всем воинством быти к Москве, а на брегу реки Оки повеле оставити неколико нарочитых воинов, дабы ведомо было, в коем месте и когда хан реку преидет. И тако приидоша полки и стаща в лугах противо села Коломенского.

Оттуду же неции воеводы быша на Москве у государя, им же повеле государь от Коломенского пришед стати обозами противо Даниловскаго монастыря. Егда же приидоша, тогда изыде к ним с Москвы сам благочестивый самодержец Феодор Иоаннович и приветствова воевод и все воинство от уст своих, радостными словесы вооружаючи их небызненно стати противо нечестивым, обещава воеинству всякую свою милость, и отъиде паки к Москве.

Иуля же в 3 день прибегоша к Москве оные воины, иже оставлени быша на Оке, поведающе государю, яко преиде реку ниже Серпухова иуля во 2 день. Государь же видев жестокое зверское нашествие на себе, посла с Москвы в помощь воеводам боярина и конюшого Бориса Федоровича Годунова со всеми избранными своими царедворцы: с чашники, и столники, и жилцы, и из городов с выборными дворяны, и голов с стрелцами и с даточными, и повеле им быти в полку с болярином со князем Федором Ивановичем Мстиславским.

К реке же Пахре повеле послати из полков воеводу, князя Владимира Иоанновича Бахтеяров-Ростовскаго и с ним дворян смолян, алексинцов, тулян двести пятьдесят человек, заповедавши им, да елико могут удерживают татар на преходе реки оныя.

Онии же по повелению государеву скоро шедше тамо, но ничтоже возбраниша татаром, неравнаго ради себе воинства поганых, ибо татарове пришедше отбиша их от реки и прешедше реку приидоша прямо к полкам Российским иуля в 4 день рано. И повеле хан многим татаром ити к российским полкам от села Воробьева и от речки Котла от Курганов и битву начинати.

Противу их же бояре и воеводы повелеша изыти многим храбрым воином полков своих. Иже изшедше начаша с погаными травитися, а битву начинати. И бывшу сражению, падоша нечестивии мнози, такожде и в плен взяти, и по нужде уступиша российским воином, и отъидоша в полки своя.

Сами же боляре и воеводы со всеми полки готовы быша противо хана нечестиваго, но той не дерзну изыти на брань противу христианскаго воинства, но стояше на Котле в оврагах в крепких местех.

Многих же поганых распусти на все страны на пленение, иже зело много повоеваша и поплениша народа и пожгоша сел и жилищ около града Москвы. И таковую тщету содеяша, яко и списати трудно.

Благочестивый же государь видева таковая в день и в ночь непрестанно моляшеся Богу о избавлении христоимянитых людей от хищнаго онаго волка. И того же дни в полуденное время мало преста от молитвы, взыде в высочайшия своя царския чертоги и зряше полков христианских, такожде и поганых. За ним же государем стояше тогда боярин Григорей Васильевич Годунов и плакаше горко, зря полки поганых. Государь же обзревся глагола ему: «Что плачеша толико?»

Той же сердечным плачем отвеща: «Видим благочестивый самодержче сего нечестиваго, пленяща правоверных и твое достояние». Великий же государь пророческим гласом рече ему [ибо глаголют неции, яко непрестанных своих ради слезных молитв той благочестивый самодержец имяше о том извещение от Господа свыше]: «Не бойся, ибо сея нощи побегнут нечестивии татарове и утре не имат их zde обрестися». Той же боярин, слышав таковая, радостен бысть и поведав многим нарочитым сие.

Тоя же нощи противо 5 числа иуля действием Божиим, молитвами же и помощию всероссийскаго теплаго предстателя преславнаго в чудесех Сергия великоимяниатаго, его же святых мощей обретение в той день торжествовашеся, бысть в полках российских шум и мятеж велик; хан же слышав таковая повеле привести к себе пленников неких и вопрошаша их: «Чесо ради толик шум и мятеж в полках сотворися?» Они же дерзновенно поведаша, яко прииде к Москве и в полки из Российских государств, из Новгородскаго и прочих, многочисленное воинство, и имут ныне на полки твоя приити.

Хан же слышав таковая в великую боязнь впаде и объят бысть страхом многим бегству впадеша, гоним изволением Божиим, помощию святаго Сергия чудотворца, молитв ради благочестиваго самодержца, повергши кош свой и тяжкия вещи. Такожде и татарове нечестивии по нем бежаша, оставльши многих пленников христианских, точию вопияху: «Бежим, бежим, да не изгибнем вси от воинства московскаго!»

Государь же благочестивый уведав о сем воздаде хвалу господу Богу и повеле полки некоторыя послати вслед поганых на вящ-

шее их прогнание; иже шедше со многим потщанием и скоростию не можаху самага нечестиваго достигнути, токмо оставльших нечестивых много зело побиша и в плен взяша, христиан же всех от них свободиша.

Бежаше же нечестивый хан зело скоро, ни ко единому граду приближающихся. Боляре же и воеводы со всем воинством приидоша к Москве со мноюю радостию, яко соблюдоша свое, множае паче нежели чуждее приобретоша. Их же благочестивый государь удоволи своим государским жалованием.

В честь же Богу, спасшему достояние христианское до конца не изгублено, повеле на месте том, идеже полки христианские во обозех стояли, возставити храм во имя пресвятыя Богородицы святыя ея иконы Донския имянуемая и составити общежителную обитель монахом, вдав им села и доволство всякое; идеже потом в память толикаго благодеяния Божия уставися от града Москвы из соборныя величайшия церкви со святыми иконы и со животворящими кресты соборное хождение, присутствующу тамо самому самодержцу и святейшему патриарху.

На другое по том лето, то есть 7100-е, хан Казы-Гирей, аки бы мстящийся таковаго своего от царствующаго града бегства, злейши гневашеся на христиан, посла царевичей си нечестивых со многими татары на пленение стран Российских. И приидоша тии безвестно на страны Резанские, и Коширские, и Тулские, и всюду тамо много повоеваша, и многих христиан побиша, села и жилища разоряющи и погубляющи.

Тогда и чина дворянска многих з женами и з детми плениша, такожде и от общаго народа мног плен вземше сведоша во адския темности — христоненавистная, глаголю, жилища своя — яко и много лет жившия не памятствова таковаго пленения от поганых. Ибо безвестно нападше таковыя пакости содеяша, яко и воеводы с полками не возмогаша толико скоро собратися и приспети на них. И тако безтщеты своя отъидоша нечестивии.

Великий же государь царь Феодор Иванович, видев таковая содеявшаяся христианом от поганых, зело болезноваше душою о тщете толикой, всяко советоваше с сигклитом своим, дабы како мощно было таковая наступления возразити поганым; умысли же, Богу поспешествуящу, дело благо.

Послав убо в далныя украинския страны [идеже едва тогда не быаше кочевья поганых татар] многих воевод с воинством, повеле на путех и на преходех рек, идеже хождяху погании, поставити грады и утвердити их многим оружием и жителми воинскаго чина.

Они же шедше, по повелению самодержца поставиша грады в пустых полях татарских: Белград, Оскол, Валуйку и прочие. А прежде того в тех странах поставлены быша грады: Ливны, Куреск, Кромы. Укрепиша оныя по достоянию воинственному всякими доволсты.

И быша тии ко многому защищению христианом от незапнаго нашествия поганых. Ибо во вся страны из градов тех ездяху на то учиненныя проезжие станицы, вземлюще о поганых отовсюду всякую ведомость. Яко и около градов тех начаша населятися многолюдные слободы и села.

Бысть сие лета 7101-е. И от того времени благодостию Божию, бодроосмотрителством сего благочестиваго самодержца, паче же молитвами его многими, немалу свободу восприяша украинския страны. И от онаго времени и доселе не бысть уже от поганых таковых безстудных наступлений до самага царствующаго града, яко прежде бяше; аще же когда и прихождаху, но не впадаху дале Тулских пределов, и то чрез сто лет единою или дважды.

О прочих же ханах крымских, бывших по сем в Крыме, и о войнах их с Московским самодержством даже до нынешних времен ин люботрудник да потщится написати и в память будущим родом подати.

Глава 4

О Махомете, прелестнике агарянском, и о прелести, вымышленной от него

Вся сия история писася и писатися имеет о народех скифских, от них же мнози прияша закон, паче же рещи беззаконие или прелесть махOMETскую. Того ради на сем месте, яко бы посреди истории, возмнеся мне потребно быти воспомянути нечто о прелестнике том Махомете [его же вси приемше прелесть его законодавцем своим называют], яко той прелестник научением древняго прелестника диавола прелесть умысли, и закон списа, и подаде народом грубым и неученым и желателным телеснаго прохладнаго утешения.

О нем же сице. Сей проклятый прелестник, стаинник диавольский МахOMET родися лета от Сотворения Света 6070-го, а от Воплощения Слова Божия 562-го, во стране Аравии, счастливая названной. Отца имяше от племени исмаилова именем Авдал, а мать от племени жидовскаго именем Еннину; обои худаго и убогаго рода.

Сии родиша диавольскаго сего сына. По рождении же его имяху прю между собою, кийждо от них во своей вере хотящи имети его;

ибо отец желаше, дабы был в агарянской вере, а мати хотяше обрезану быти ему и имети жидовский закон.

Егда же она не возможе воли своей улучити, шедше к жидовину некоему, иже тогда во стране той чародейством славен бяше, молящи его, дабы привел мужа ея к тому, еже бы попустил сыну их быти в жидовском законе. Той же обещася учинити тако. Знаем же будущи мужу ее, приведе к нему жену жидовку сущи, иже бы воспитала сына их Махомета.

Сия некоего времени, яко научена бяше от жидовина онаго, со страхом и воплем прибежа от детища, глаголя отцу и матери его: «Видех, — рече, — аз над детищем сицевая, яко прииде ангел светел к нему и изъят от него сердце, из него же изреза черныя части, и в вине омывал оное, и потом весил на весах с иными сердцами, и бяше сердце его тяжастию противу ста иных сердец». Егда же тако поведаше жена оная родителем о детищи их, недоумевашеся о том послаша по онаго жида и молиша его, дабы разсудил им, еже виде-ла мамка о сыне их.

Жид же, яко хитр сый, выслушав словес их начат глаголати: «Ведайте совершенно, яко истинно есть, еже поведала вам жена о детищи вашем, ибо бог усмотрел, и избрал особно младенца того, и назнаменал его себе на сердце его, дабы не было ни единого порока, хочет же о нем того от вас, дабы обрезан был по жидовскому закону к славе его между всеми народами».

И тако советом онаго жида обрезан бысть по жидовскому закону. Растущи же имяше возрение дивное и остроту многую, обаче не учашеся никакому чтению и писанию, но велблуды из найму пасяше и навывкаше обоим нравом, от отца агарянскому, а от матери жидовскому.

Потом арави иныя страны, их же обычаи поездающе красти всюду, украдоша его и продаша купцу некоему персянину именем Авдемонаплу, иже видев его способна суща и прилежание имуща ко всякому делу возлюби его и куплей множество вручи ему, ими же зело разумно управляше. Потом умре купец той, по нем же остася жена его Тагида именем.

МахOMET же, яко речеша, имущи остроту и хитрость разума, вкрадеся в любовь оныя госпожи своя, иже толико возлюбила его, яко не возгнушася и в мужа себе взяти его. И тако обогатившися и честь получивши, вознесе ум свой к высоким делам.

Во время же то, егда той живяше, бяху многия, способныя случаи хотящему бунты строити и дела новыя начинати, яже суть сия.

Аравы некоторых ради злых поступков к себе греческого царя Ираклия ненавидяху его. Еретичества Ариева и Несториево раздраху и превращаху церковь Божию со мною печалию христианскою. Жидове аще и не имяху силы, обаче множество их бяше, величайших врагов христианских. Агаряне и срацыни велми возмогаху и мужеством, и множеством. Царство же Греческое всюду исполнено бяше неволников.

Еже все усмотрив, той прелесник Махомет иде в Палестину, веку своего осминадесяти лет. И тамо между христиан и жидов живущи изучися от них, его же хотяше. И изучився от чародеев накоему волхованию, пророком называтися начат. И надеющийся на учение свое, начат учти аравов, агарян и персов, глаголющи, яко Христос пришел докончати закона Авраамова — аз же приидох окончати закона Христова.

Но егда диавол обладаше им, и на землю повергше его, яко вне ума бываше. Жена же его, видевше сие, нача гордиться им и печаловатися, яко такова убогаго и таковоу болезнь имущаго поят себе в мужа. Той же прелестник крыючи то и утешаючи жену свою поведаше ей: «Являет ми ся, — рече, — аггел Гавриил в великой светлости и глаголет со мною, его же света аз терпети не могущи падою тако».

Потом присовокупи к себе дву иноков, еретиков и отступников, единаго ереси Ариевы именем Сергия [о сем повествуется, яко бяше той ереси ради арианския изгнан из Царяграда из монастыря Каллистрата реченнаго во дни царя Ираклия], втораго ереси Несториевы, Иоанна именем, и двух жидов отступников, иже учашу его.

Оных иноков жена Махометова вопрошаше о таком его болезненном падении, хотящи истинну познати. Они еже, яко научени суще от Махомета, поведаша ей, истинну про то быта глаголющи, яко есть то истинный аггел, иже Махомету является, и Махомет есть пророк правдивый, ибо аггели ко пророком посылаются.

Жена же уверивши тому и иным женам возвещаше, советующи, дабы яко пророка имели мужа ее. И от жен мужие такуюю ложь слышаша, и тако размножашеся между невеждами и простыми людьми оно мнение.

Егда же царь Ираклий с победою возвращашеся от Персиды, у града некоего стрете его Махомет, восхваляючи победу его тако, яко от оных иноков научен бысть, и уприси у него места, идеже пасти скоты своя.

Егда же позна Махомет, яко уже мнози людие послушают его и за пророка имеют, умысли и написа книгу или закон, в него же ото всех вер по части написа, дабы тем могл всех привлеци в закон свой.

Жидов ради прият обрезание, но повеле не во осмый день, но во осмое лето обрезать, дабы возмог сам ответ давати и обещание учинити. Суботу повеле чтити, свинины не ясти. В лете целый месяц постится и не ясти, токмо в вечер. Судити по Моисеову закону, око за око и зуб за зуб. Еже видевше жидове, текоша к нему, мнящи его суща мессию, и бяше оных десять мужей, иже присташа к нему; но егда узреша, яко ел мясо велблужье и иныя нечистоты, отлучишася от него, обаче подушаху на христиан.

Христиан ради написа в законе своем Христа почитати, и яко от чистыя девы безсеменно родися, и послан есть от Бога к жидом по обещанию чрез пророки. Обливание умысли после греха, яко бы в крещения место, ибо и сам простою водою облян бяше от онаго инока Сергия. Гору Масличную в великой части имети, яко от нея вознесся Христос на небо; яко основание веры его бяше от жидов и ариан, иже вельми противятся божеству Христову — тако написа о Христе, яко инок той научил его.

Еретиков ради манихеев, иже тогда умножахуся, написал, яко Христос не истинно распят есть, но тень его [о сем пишет святой Иоанн Дамаскин, глаголя: «Поведал,— рече,— той прелестник, яко Христос есть Слово Божие и Сын Божий, яко безсеменно в чистоте родися, но тварь есть и раб; егда бо [глаголет] Слово Божие и Дух Божий сниде на Марию — и породила сына, иже есть пророк и слуга Божий. Егда же жидове чрез законы распяша его, тень его распяша, а он не умре, но на небо взят яко возлюбленный Богу, идеже вопроши его Бог: «Аще назывался еси Сыном Божиим?» А он отвеща: «Буди мне милостив, Господи! Аз службы твоя не отрицаюся, но оныя люди лож то на мене возложили и неправду учинили»,— и иныя смеху подобныя басни поведал. Сие Дамаскин пишет].

Поганов ради и агарян повелел солнцу кланяться и падати в землю на восходе его; почитати месец Кубарь, еже отдревле содержащеся во обычаех агарян. От своего же умыслу безчисленныя баснословия написал, и поведал, и составлял закон, и преподавал мало-разсудным людям, попушаючи всего того, к нему же налог и тело человеческое приклонно. Жен коемуждо по четыре вкупе имети, а наложниц елико кто хошет; то же и по смерти обеща им, яко с ними в раю в наслаждении телесном ядущи и пиющи обращаться будут.

Молитву заповеда творити на полдень зрящи. В конец поста сотворити праздник, иже их языком называется байран, на память Авраамова овна. Пяток повеле чтити, ибо в той день родился. В мосхеи женам не повеле купно с мужами ходити. Мертвых не повеле в мос-

хеях и у мосхей погребати, но в поле, и погребши ставити на могилах многие яствы, их же изъядают странники или звери. По умерших же повеле покупати птиц и пушати на волю.

С христианы непрестанно войну повеле имети и кровь их разливати; и аще, рече, престанут войну со христианы имети, то царство их исчезнет. А кто на бою христианина убьет, тот наипаче в раю наслаждение имети будет. А кто сам от христиан убиен будет, тот наивящши того наслаждения сподобится. И сим наследников веры своя зело наострил на христиан и на бранех мужественных устроил.

Вина не повеле пити того ради, яко егда имяше с собою учителей своих, онаго инока Сергия, а другаго жидовина, иже враждующе бяху между собою, и по прилучаю случися им быти в поли, и упившися вином спати начаша; жидовин же пронырлив суци, извлекши мечь Махометов отсече иноку арианину главу и паки вложи мечь во влагалище Махометово; и егда восташа от сна начат Махомет поносити жидовину, он же невинна себе творя показа мечь свой, яко чист от крове; показа же и Махомет свой мечь, и обретесе кровав; и тако жид возложи на него вину убивства; той же видев мечь свой кровав уверив тому и рече: «Беда мне, сие учинившему! Боже, остави мне, ибо от вина сие учинилось; проклято да будет вино, и кто пити его будет!» И того ради не пият вина махометане.

Еще сицевую прелесть умысли. В некоторыя кладязи напушал меду и усладил их, во иныя же много млека вложи. И егда сие от кладязей истекало, тогда Махомет приводящи людей ко оным источникам глагола: «Се аз приведох вас в землю обетованную от пророков, точашую мед и млеко».

Не повеле же называтися агаряном агаряны, ибо Агарь была наложница Авраамова, от нея же они и от Исмаила сына ее размножени суть. Но повелел называтися саррацынами, якобы от Сарры изыдоша, иже была истинная жена Авраамова. Ибо читаше о том в Старозаконии, яко Бог обещал дати благословение наследником Авраамовым; и того ради они онаго благословения хотят участниками быти.

Еще поведал прелестник, якобы Дух Божий научал его, что ему на земли творити, прилетаючи ему во ухо во образе голубя [имяше бо голубя прикормлена пшеницею, юже збираше из уха его]; и якобы вознесен был на небо, и видел тамо множество аггелов, и яко два аггела, Арот и Марот, посланы были с небеси учити людей правде.

Еще же поведал, яко на добро и зло Бог назначает человека, и яко по дню судном ключи райския ему даны будут. А в раю том обеща махометаном всякия утехы, кто чего восхоцет и помыслит. Еще

же глаголали, потекут три реки, едина медом, вторая млеком, третья маслом, и яко тамо аггели будут им служити и всякое брашно и оное питие во златых чашах носити.

Еще поведал прелестник, якобы по прошению его велел Бог горам десятую часть камня сносити во едино место, и якобы едина гора, названная Арифат, несущи камень утрудилась и плакать стала; Махомет же, узрев ю плачущу, рече ей: «Не плачися, но положи камень той на месте, и аще которой путешественник у того камени не помолится, того труды неприятны суть».

И якобы Махомет тот камень ударил ногою, и изыде из него вода к питию непотребная, и назвал ее водою очищения, ею же во очищение грехов и донныне кропят турки ризы своя, в них же во гробы ложатся. И иныя смеху достойныя басни простым оным и грубым народом расплодил, яко за святаго и пророка имели его.

Еще поведа Евлогий мученик [живший мало последи времен оных] кроме того, еже писася, о прелестнике том. Яко являшеся ему диавол во образе птицы ястреба со златым носом и Гавриилом назывался. Со женою соседа своего, названнаго Зенд, творил прелюбодейство, юже муж оставя, ему яко пророку отдаде ю. И яко умираючи поведал, яко третиаго дне востанет, чего прилежно стрегоша ученики его. Но егда в третий день смрад ощутиша, отбегоша его глаголюще, яко того ради не приидет ангел воскресити его, яко мы седим ту. По отшествии же их вместо ангела пришедши пси бока ему изьядоша, а останок тела во гроб вложено бысть.

Но оставя сие, паки ко описанию прелести его возвращаюся. Тако убо предлагаючи закон любезный телу, множество ара́вов, агáрян, пёрсян и еретиков от христиан ко своей прелести привлече, не менши же и сицевым, яко подаваше волность пленником, приходящим к себе. Егда же господие вознегодоваша нань неволников ради своих, возмущенных от него и бегающих от них, того ради отбежа оттуду в Медию Талнаби́, и пребысть тамо неколико время, и поят за себе вторую жену имянем Аиссу, дочь некоего арава Бувáка имянем, человека богатаго и знаменитаго.

И за помощию его, Иомáра и Афомира, сродников его, собра немало арапов и под названием распространения закона облада многия страны и грады. Потом дочь свою от первыя жены Фатému имянем отдаде замуж за сроднаго си имянем Гáлла. И тако распространяше проклятое свое учение.

Ни ничто же тако помогаше ему ко разширению учения его, яко счастливыя по ведения в делех военных и различные победы. Егда

бо увидев, яко множество народа пристало к нему, наезжаше войною окрестныя государства, паче же тыя, еже учения его не хотели слушать. Воинству же потребная возил на велблудах готовое, яко воинство его не имяху попечения о том, токмо попечение имяху всюду разоряти и пустошити.

Некогда Ираклий, царь греческий, прошаше помощи у него противо персом. Той же прииде по прошению его. Но егда Ираклий и кроме их победил перскаго царя Хосроя, отказал Махometу и не даде ему мзды обещанныя. Он же, воздвижен гневом, совокупляше воинство воевати государство и державу Греческую и Римскую. Не повелел же аравом римляном дани давати, они же послушаше его в том. И егда того ради Ираклий посла на аравов воеводу своего с воинством, арави же и срацыни, избравши онаго Махometа воеводою, поразиша трижды римская воинства и изгнаша их из Сирии.

Потом поразил персов воинства и всюду многия победы восприемля, от чего великую славу приобрете, яко и царем от аравов и срацын избран бысть, и наезжаше Греческия области.

По сем той и наследники его укрепившеся со срацыни повоеваша всю Аравию, Сирию, Египет, Испанию и распространиша государство свое от реки Ефрата до моря Атлантицкаго и от реки Черныя до гор Пиринейских, яже Испанию делят от Галлии.

К тому обладали было Сикилию и пустошили Италию. И чрез триста лет непрестанно приумножаху себе государства, овогда обладали восточныя и западныя государства, и быша много лет под державою срацынскою.

Пребысть же прелестник Махomet на царстве у аравов и срацын девять лет. Умре окаянный и проклятый прелестник лет 6138-го, преживши веку своего лет шестьдесят осмь, а инии повествуют тридцать четыре.

Гроб его по нем Омар ученик его различными камени украсил и во Аравии во граде Мехе полхрама поставил. А инии поведают — тамо же во Аравии, в Медине Талнабї. Утвержден же бысть на столпах некаких, но яко темнота и теснота великая есть тамо, того ради неискусным подаде мнение, яко силою ка мной магнетов лежащу ему в железном гробе содержался тако.

И советовав той Омар народом, дабы кланялися гробу его, исповедаше глаголя яко уже оправдани суть те, которыя ходити будут ко гробу того прелестника. И того ради тамо турки и прочия наследники веры Махometовы мнози ходят, а иныя серебро дают тем, иже путешествие то творят за них.

Путь ко оному месту зело песчаный и преходят его компасы с собою имеючи [суть то кóмпасы учиненныя с магнетом, по них же и по морю карабли управляют путь свой], пишу же на велблудах с собою возят.

Но ведущи сей прелестник, яко оныя буюсловия и непотребства, обретающияся в законе его, трудно баше мужем совершен разум и рассуждение имущим явити или оныя чим утвердити, заповедал наследником своим, дабы о законе его никто имел прения и не чинил истязания и вопросов. И тако ослепив учеников своих, въверже в ров погибели, иже никогда могут изыти оттуду.

И тако лож, яко лож света боящися, скрыва тия принуждена баше. Сице Бороний, и к тому еще пишет и удивляется закону тому, глаголющи: Зело дивное дело, яко ни единыя ереси баше, иже бы толикое множество скверностей в себе имела, и на таком некрепком основании основалася, и толико долго, яко чрез тысящу лет и вящше стояти могла, и толико множество грубаго народу к себе привлекла. Но кто разумети может судьбы Божия и попущения его за грехи людския?

Но кто призрит, яко до сладостей телесных и благих мира сего склонно есть человеческое сердце, и яко войнами и единым оружием сия скверная ересь простресе — то упокоится мыслию си. Ни един же знаменитый учитель церковный чрез оную тысящу лет и вящши противу ереси тоя писаше. Ибо вси за непотребство себе возмнеша и женскими баснями, и блядословием неистоваго мужа время истощевати. И оное потребными свидетелствы сокрушати, иже и само распадеся. Аще бо кто на блато острил секиру или оружие, таковой не мог бы избыти посмеяния.

По смерти Махометове Галл, Абуевкар, Омар и Одман, сродницы его, кийждо от них мнящися быти истинным наследником его, писаше кийждо от них закон яко хотяще, отнюду же начетверо разделишася.

Галл бысть началник соборища Имéмии, за ним же идоша персове, индиане, и мнози арави и елвини. Во Африке Абуевкар размножил соборище Мёлхию, юже прияша вси арави, срацynи и африкани. Омар бысть учитель соборища Анéфии, еже содержится между турков, и в Сирии, и во оной части Африки, яже называется Захарá. Одман ислочи соборище Воанефíю или Ксефаí [все то едино], ему же последуют неции от тех же помянутых народов.

От сих четырех соборищ по времени приплодилось иных славнейших шестьдесят осмь, кроме прочих, еже не толико суть славни.

Между теми махOMETскими соборищи суть Моровити, иже провозждают житие свое множае в пустынях и прилежат учению философии и этики, имеющи некия главизны разные от Алкорана.

От сих бысть един моравита, иже не велми давных лет показоваше имя МахOMETово, изображенно на своих персех [мню, яко некою водкою жестокою учинено], и сицевым продвиже велие число аравов во Африке и ратова на град Триполь. Идеже выдан суци от некоего своего капитана, бысть пленником у турков, иже снемши с него кожу, послаша к султану.

Егда же бысть в пленении, поведал единому пленнику италианину, глаголя: «Ни о чем аз тако печаль имею, яко о сем, еже вы христиане остависте мене». Сие Маровите поведают [припомню zde бусловие их], егда Галл бываше на брани противо христиан, побивал их саблею единым ударением по десяти тысящей, а сабля та была в долготу сто лактей.

Есть еще между ими соборище Ковтинов, толико неистовое и скотское, яко един от них недавных времен показывался ездяци на трости яко бы на коне по улицах и селениях Алгерских, узду и удила кожаную имуци, и поведал народом, яко он на том коне единою нощию преехал пятьсот верст. И того ради велми чтили и величали его.

Потом от времени до времени ради гнусности закона МахOMETова и великих разностей и несогласных толкований много расплодися смущения между ими, ибо закон их не точию неверный и неистинный, но безумный и неистовый, яко о том уже изъясился.

Всяко же обретошася неции, имуци повинность хранить и помогати закону, иже тшахуся излагати нань безчисленныя толкования, далеко от разума и от словес МахOMETовых. И попечение с прилежанием имели о том старейшины их, дабы в том подстреглися, и вымыслили два наилучшия к тому способия.

Прежде бо соборище их, Моавия реченное, избра мужей разумных и разсудительных утверждения ради того, еже бы належало к вере в соборищах их; и того ради собраша вся писания МахOMETова и наследников его. Но егда не могоша ти согласити между собою, тогда Моавия избраша от оных шесть мужей разумнейших и замкнувши их во едином доме повелеша коемуждо от них избрати из оных писаний, еже бы разумели наилучшее.

Тии же написаше учение МахOMETово в шесть книг, в прочия все книги в реку въвергоша, положши казнь смертную оным, иже бы тако разумели или поведали о их законе. И назваша книги оныя Алкоран.

Но обаче арави, учащися философии во академиях Багдатской, и Махроской, и Курдубской [и суть люди разуму острозрителнаго и проникающаго], явно могли бы познати неистовство в законе своем, того ради старейшины махометския, стрегущися развратов, приложиша к тому второй способ.

Заповедаша бо оным учиться философии во училищах тех, и тако оныя училища их, пред тем дивно цветущия, от пятисот лет и множае, всегда преклоняхуся к падению.

Ныне соборища махометскаго нечестия лучши и множае размножени суть возможностью народов, который которую содержит, нежели сами собою. Те же народы преданейшие суть четыре сия: арави, персяне, татарове и турки.

Арави множае имеют вымыслов и ревности. Персове множае разумом и естественно управляются. Татарове велми поидоша за поганством и простотою. Турки, паче же европския, множае наследуют волности и дел воинских.

Арави яко суть тии, иже почитают себе за великую честь, яко Махомет бяше от их рода и яко гроб его в их стране, в Мехе, или яко инии мнят в Медине Талнаби, и всякими вымыслы тщалися непрестанно тщатся, дабы веру свою во всех странах разпространили.

Во Индии прежде поученми, потом оружием крепко настояху. И есть тому осьмьсот лет, яко во время властительства в Малябаре Перимáла некоего начаша разсевати своя плевелы. И дабы множае могли поган загнати во своя сети, взимали и доньне емлют в жены себе дочерей их.

И сие арави богатств ради поган индейцов не за малое дело почитают, и таким вымыслом, и купечеством вещей аптекарских [иже великия богатства подают] скоро тамо во Индию ногу переставили и укрепилася, населяющи села и созидающи грады.

Народ персидский, иже от страны закона прославися между сими варвары, мало пред веком отцев наших, мужеством и силою некоего Исмаила, Соффи реченнаго. Сей поведающи, яко бы был от крове Галловы, зятя Махометова, вознесе к почитанию и приятию закон свой прещением войны, иже бы не хотели прияти его, носил на главе чалму червчатую с двунадесять рогами на воспоминание двунадесяти сынов Ацёновых, сына Галлова, и желаше, дабы носили тако вси его наследницы.

Пристало к нему много народов, паче же и вси живущии между реками Ефратом и Авианою, и между морем Хвалиским и отнóгою, или затоком Персидским. По том Таммас сын ево послал такую чал-

му махOMETаном владетелем в Малябаре и Декане [суть то страны индейские], повелеваючи им, дабы прияли ево и закон, изволяючи им за то названия королевскаго; но никто же прият его.

Есть общее мнение, яко болшая часть махOMETян сирийских и анатолских последуют тайно прелести Галловой и персидской. В чем подстрегшия турки, во время некоего смятения великое тамо учинили мучение и сродников оных побоенных, такожде и тех, на них же подозрение имели, из Азии в Европу преведоша.

Отсюда прострем повесть о татарех. Тии, яко речеся в первой книге истории сея, начало свое прияли от народа еврейскаго, а прелесть Ма хометову прияша во оных временех, егда приидоша из Скифии и населишася в странах вышереченных. А прочии татарове прияша мнози един по единому прелесть МахOMETову.

В них же суть загатái, иже зависти ради с персяны, с ними же граничат и желают государства их, наследуют разумения турецкаго. Такожде и магóры от них изшедшия, иже недавных лет разширили свое властелство между горою Каукасом и океаном, и между рек Гандеса и оИ;нды. Татарове же китайския вси осташася во идолослужении, но обаче обретається в них много христиан ереси несторинския, отчасти же и махOMETанов.

Еще ныне приступим описати турков. Сии пространства ради государства своего воистинну преходят все оныя законы, их же множайшая часть во Азии, а часть в Европе. Асийския велми суть приклонны ко разумению персян, паче же оныя, иже живут во Анатолии и на пределех ея.

Европския, иже не толико вымыслов имеют [обще о них глаголющи], яко асийския, и ради непрестанно общества со христианы болши нечто разумеют о Христе, нежели прочия. Паче же много есть таковых, иже Богом и окупителем почитают его. И не в давних летех немало таковых того ради в Константинополе замучено, еже тии с надеждою претерпеша.

Турки паче же европския, двояки суть, едины природныя, вторыя прибылыя. Природных нарицают, иже родителей турков имеют, а прибылыя, иже повергши святую нашу веру или закон Моисеев бывают махOMETяны. Сие творят христиане обрезающеся, тии же токмо палец возносят.

Бывают же христиане турками не великаго ради насилия или не претерпевши тесноты некия, но ничесо ради. Тако некто Херсеогли прият махOMETанский закон и бысть великим властелем при султане Баозите, дабы отмщение учинил отцу своему, иже отнял у него ново-

обрученную ему невесту в день брачный. Лухиарлі такожде отвержеся веры, дабы отмстил некоему славянину, товарищу своему на галере, иже назвал его краста́вым.

Иногда же отступают веры, дабы могли избыти тягостей и мучения. Инии того ради, яко надеются получитьи честей и властелств временных. И таковых, и овых велми много в Константинополе обретається, и называют их тайными христианы.

Единако обаче и тии, или лености ради, или дабы приложили себе начальства, или назираючи случая, дабы возмогли извести с собою жены и дети, или боящися, дабы внегода уходитьи им не уведани были, или люблением ко кровным своим привязани суще, и не хотящи отступити прохладства и своевольнаго жития, в нем же пребывают, не тщатся на то, еже повинни творити, но отлагающе от дня до дня, от лета до лета изшествие свое из темнаго Вавилона и содержащися во гресех смертью пожаты бывают.

Множайшая же часть христиан бывают махометяны и неволею. Ибо султан турецкий посылает в куюждо четыре лета во области европския, избирая имати у коегождо христианина от трех сынов единаго, по рассмотрению зборщиков. Емлют же их от десяти лет до седмагонадесять лета.

Их же приведши в Константинополь без всяких чинов обрезавают и потом часть их посылают за море во Анатолию, дабы там училися языка, и веры, и обычаев турецких, а часть их отдают на послужение во дворы градския, заключенныя в Константинополе и во иных местех. Идеже живут между турков, далече от родителей и общения верных, отлучени суще и не имеющи ни малыя духовныя помощи, тако неволею бывают турками.

Началник был сего диаволскаго вымыслу, яковаго никогда бяше, един турчанин сайтон имянем Авувирас во время Амурата Втораго. Сих называют сынами султанскими. Сия и иныя помяновенныя сети на оных велми суть трудны и тяжки. Яко они не могут, ниже хотят, дабы возвратитися к персем матере свояя святыя церкве.

Сие же наивящши, ибо кийждо новый султан дает им великия дары и прибавливают жалованья во тщету христианскую. Грабят же и отъемлют еже хотят всюду у христиан, егда на войну идут. А христиане убозии не могут ни единаго слова противу рещи им; и от сего в оных таковое вкореняется уничижение и толикое во ничтоже положение имяни христианскаго, яко ни во что полагаючи его великими суть супостатами христианом.

Сие поведается о оных отрочатех, их же емлют от родителей, и бывают махометаны. Еще бывают такожде и оным, их же ездящи

или разбойники морския, или воинство султанское емлют в плен и отдают султану. Но и кроме помянутых вымыслов расширяют турки закон свой различными подобии.

Ибо во странах тех, ими же обладают, отягощают и к последней нужде приводят христиан и мавров, подданных своих, и не попускают им на конех ездити, ниже оружия какова имети, ниже творити каких судов или управлений.

Велят имати христианских жен незамужных турком. И аще жена христианина некоего приимет веру турецкую и поидет за турка, то повелевает закон их, яко христианин муж ея, сам приимши тую же прелесть, может паки взять ю.

Еще не велят христианом поновляти церквей упадающих, повелевают же разве за великия дары; и тако христиане попускают им разпадатися убожества ради. И тако явно прекращается тамо слава Божия, а затем и вера. Во Азии невольно греку употребляти своего языка, токмо во время молитвы, дабы тако с наречием изгубляли и нравы христианские.

Саги их [яко бы дворяне у нас], будучи владетelmi по смерть свою над многими селами, емлют их же хотят на службу свою детей христианских, которыя потом обращающиеся, и живуци с ними, и ожидающи воздаяния, еже надеются прияти, и злых ради дел и обычаев, им же привыкают, и грехов ради и непотребных дел, им же изучаются, бывают мнози отступниками.

Такожде и дети христиан греков, видящи товарищев своих толико почтенных и возвеличенных, велми ко оному злу склоняются, яко и малыя ради причины грозят родителем прияти махометанскую веру.

Над все же сие заповеда Махомет своим возвращати градов, взятых войною, идеже бы была мосхеа поставлена. Напоследок рещи, во всяком деле употребляют многих вымыслов, ими же бы могли разпространити государство свое и закон Махометов.

Чин приятия в свою веру и обрезания сичевым поведением совершают. Приводят онаго, иже хочет быти наследник прелести Махометовой, к началному, его же называют кадый, иже повелит принести чалму, то есть завой, еже на главах носят турки, и полагает на главу того хотящаго быти бусурманом.

Потом вздевают на него ризу шелковую червленого цвету и посадив на конь дают ему стрелу в правую руку. И тако садится держащи стрелу перием к верху, а железцем к низу. Коня же поведут под ним два янчара.

И тако с гордостью многою провождают его по улицам градным, носящи пред ним две хоругви Махометовы зеленого цвету, у них же

наверху вместо грота повешены два хвоста конских. А по обе стороны его идут сто человек янчаров со оружием и с трубами. И тако со оным ездящи по улицам торжествуют.

Потом во храме на то учиненном обрезавают. Ибо турки не с таковыми чинми, яко жидове, чинят обрезание, и не в толиких днех. Жидове бо по закону данному им чрез Моисея обрезавают во осьмой день от рождения отрочате. Турки же не точию тех, но и детей своих в неколико лет по рождении обрезают.

Потом на новообрезаннаго полагают другия ризы и дают многие дары, мещуще злато. Потом доходец некий дают ему на препитание, им же бы нужду си довольствовал.

Глава 5

О начале и селениях турецкаго народа, и о разпространении их, и о султанах некоторых, бывших до Отомана Перваго султана, прародителя султанов турецких

Произшествие и начало народа турецкаго хотящу ми описати, прилучися со многим трудом и прилежанием немало историй прочитати. Обаче не обретесе того турецкаго народа инаго начала и произшествия, точию по разумению и описанию древних искуснейших зографов и историков.

Той турецкий народ не откуда инуду изшед повествуется, токмо от оных же народов скифских, о них же в истории сей писася. Всяко же не во оная времена, в них народ скифский татарове от стран Скифийских изыдоша, но зело давными леты пред теми о названии их и селении обретается в писаниих.

Древний зограф Плиниус описует турков селения своя имущих между народов, пребывающих во Асии Меншой, яже ныне Анатолия именуется, со ону страну моря Меотскаго [от нашея страны глаголюща].

Сие же писание подтверждается повестми во историях обретающимися. Яко пишет Бороний во истории церковной: лета от Рождества Христова 567-го [от Сотворения Света 6075-го] при греческом царе Иустиниане воевода его именем Иустиниан охраняше стран Дунайских от аваров, народа таможе обитавшаго, иже изгнани суще от соседей своих турков искаху новых селений.

Сих же турков и газарами называли, яко той же Бороний пишет, яко царь греческий Ираклий воюючи противу персом примирил себе восточных турков, их же газарами называли.

Еще знаменитый историк Кромер пишет яко турки, народ татарский, жителие горы Кавказу, от худых и незнатных начатков в великое пространство за наступающими времена государство свое разпространили лета от Рождества Христова 1012-го [от Сотворения Света 6420-го].

И паки еще Бороний пишет, яко турки народ полунощный, около горы Кавы или Кавказу житие свое имели, а гора та Кавказ обретается блиско Скифии, яко о том выше изъясился.

Сему, яко мною, согласно и новейший эограф Иоанн Ботер описует страну, названную Туркомания, обретающуюся во Асии блиско Персиды, и глаголет, яко народ туркоманов пребывают во Армении Великой; имеет та страна от запада реку Ефрат, от востоку Медию, от полудня Месопотамию. Название же стране той поведает имети от народа туркоманов, пришедших тамо от татар.

Но аще то совершенное наследие турков или ни, искуснейшими да будет разсуждено. Изшествие обаче и начало народа турецкаго вышписанными и иными многими свидетельствами утверждается быти от скифийскаго, то есть татарскаго народа. Еже показывает одинако наречие, одинакий обычай, одинакий порядок военный. Аще в наречии и разнство имеют, то невеликое, яко московское от полскаго.

И тако о народе и селении турков описав, начнем простирати историю о умножении в воинских делах того турецкаго народа. Во оных убо странах, яко речеса, то есть блиско Персиды турки селения своя имущи, семо и овамо преходящи и крьющися мало знаеми быша даже до царства греческаго царя Анастасиа, иже царствовати начат по царе Зиноне лет от Рождества Христова 401-го, а от Сотворения Света 5999-го, егда турки начаша воевати прилежащия народы.

О чем первое в Хронографе российском, кроме всяких свидетельств, во описании царства Анастасиева сиче начинается: Турком пленующим Восточную страну, и сотвори с ними Анастасий царь мир.

О сем в Боронии, идеже пишется о всяких делах бывших в царства царей греческих, не обретается. Токмо пишется, яко царь Анастасий велие свое воинство погубил в Персиде и от прочих диких народов златом откупался.

Еще в Хронографе тамо же пишет, яко началник турецкий имянем Аламундарь верова во Христа и крестися. О сем в Баронии не является, якобы той Аламундарь был турецкаго народа, но сиче пишется, яко срацнии Аравию и Палестину воевали и многое зло монахом и христианом учинили. Тогда же и Сирию воевали, и блиско Дамаска во храме святаго мученика Феодора пребывание имели, и

храм осквернили, и един от них образ святого мученика Феодора устрелил стрелою, отнюду же кровь истекши даже до ног потече. Но сим чудом не приидоша погани в чувство и того ради изомроша вси бывшия в храме том.

А вождь или царь их Аламундарь, видев оное чудо действием Божиим, прият христианскую веру и крестися, и оттоле начат прославлятися турецкое имя, зело бо прилежаху к делам военным и служажу за наем окрестным монархом.

Яко лета 592-го [от Сотворения Света 6100-го] бяху в воинстве перскаго царя Хосроя противу греческаго царя Маврикия. Иже Маврикий победи чрез храбраго своего воеводу Нарсета. И тамо от греческаго воинства яти быша турков неколико мужей, у них же на челах их обретахуся кресты воображены. О чем вопрошаеми поведаша, яко во странах их бяше между ими тлетворная язва; они же от христиан научени будущи ко избавлению от тоя язвы тако творили.

Потом царь греческий Ираклий, воюючи Перскую страну при царе их Хосрое, пришедше во страну Ласикию примири себе и к воинству своему присовокупи турков, иже быша ему противу персов к великой помощи.

По сем турки или газары, разрушивши врата при мори Каспийском [суть то врата — прошествие тесное между гор моря того], с вождем своим Зевилом в Персиду впадоша и наездами своими различно ю пустошили.

Сей Зевил бяше по хагане вторый обладатель у турков, к ним же от страны Ласикии прииде царь Ираклий, его же видевше тии поклоннишася ему и с вождем своим Зевилом. И на уверение помощи своей той Зевил даде царю Ираклию в помощь сына своего старейшаго с четыредесятию тысящей крепких воинов, сам же во страну свою возвратися.

Во второе лето по том царь Ираклий оных же турков купно с воинством своим имеючи, в Персиду вшедши, Хосроя боящагося и бегажуща искаше, но ту<р>ки обаче не могуци подъяти воинственныя нужды отъидоша во страну свою.

Потом паки от времени до времени в воинское мужество умножающися, паче же егда прияша закон прелестника Махомета, яко Бороний описует лета от Рождества Христова 632-го или мало последи, егда по Махомете бысть царь у аравов Эувувезёр имянем. И тогда [глаголет] прелесть закона Махометскаго наипаче распространяшеся, егда приложишася к нему многия агарянские народы, паче же турки.

Потом, яко речеса, возмогаючи турки в воинственной крепости начаша соединятися с народом агарянским, иже живяху во Африке,

и много наипаче, паче же агаряны оныя умножаху пленение и пустошение странам Греческаго царствия, сущим в Сирии, идеже и святыи град Иеросалим взяша лет от Рождества Христова 636-го [от Сотворения Света 6144-го].

А турки тому ревнующе, хотящи прославитися и крепость свою показати, лет от Сотворения Света 6271-го, в царство греческаго царя Константина Копронима, паки прошедши сквозе Каспийские врата восточныя страны воеваша, и на Армению нападоша, и зело повоеваша ю. Потом и во второе лето то же сотвориша.

И тако сей нечестивый народ турецкий от онаго времени, егда приша прелесть МахOMETову, даже донныне, уже чрез тысящу лет и вящши, непрестанное пленение и пустошение творят государствам христианским. Богу на сие в казнь нашу попустившу им грехов ради и скверных дел народов христианских. И яко от оных лет мечь той извлечен есть на христиан верных, еще и донныне несть сохранен в место свое.

Паки лета 6556-го оный же народ турецкий, яко речеся, за найм монархом окрестным служащи, призвани быша от перскаго царя срацынина противу супостатом его. И егда мало нача давати им мзды уреченныя и нелюбезно с ними пребываше, вместо помощи, еже бы могли ему подати, оружие, еже противу супостатом царя того уготовиша, на него обратиша и все государство Персидское повоеваша.

Егда же тако благополучно в Персиде им поведеша, дерзновеннее нападаху потом и на Римское греческое царство [яко и по сие время на сие зрим, егда Восточное греческое царство тии нечестивии повоеваша и обладаша несогласия ради и междоусобных нестроений царей греческих, паче же всего того государства жителей].

По смерти же греческаго царя Константина Дуки тии турки много земель христианских повоевали. И даже до Каппадокии приидоша пленящи, идеже во граде Кесарии гроб святаго Василиа Великаго усиливаша обругати, но не могоша, ибо крепко утвержден бе, паче Бог прославляющи угодника своего не попусти тому быти; точию двери златом, и серебром, и бисером драгим украшенныя ободрали, и церковь осквернили, и людей множество погубили.

Потом в царство греческаго царя Романа Диогена паки воеваша на Греческое царство, им же мужественно противляшеша царь Роман. Лета же 6579-го бяше у турков царь Асан именем. Сей требоваше мир содержати с царем Романом. Роман же возгорде им и с воинством на него изыде.

И сошедшеша воинства сташа ополчающеся, средство между себе недалече имеючи. Даже во един вечер царь Роман отлучися от

своего воинства и возвращающихся во обоз свой даде по себе остатним ротом некоторое знамение, яко бы от страха бегству владесея.

Воинство же его мневши истинну быти, вскоре обратившись богати начаша. Царь же турецкий, видев время благополучно себе, приспе со своими на греческое воинство, и победил их до конца, и самого царя Романа жива ят.

Но обаче и в плене имущи велми почиташе и и во время ядения купно питаше его, за един стол саждающе с собою. И единою вопроси турецкий царь греческаго царя, что бы над ним имел учинити, егда бы ему в руце его власти приключилося?

Царь же греческий просто, не похлебствуя рече: «Раны многия возложивши на тело твое уморил бых тебя». Царь турецкий рече ему: «Аз злобы твоя и мучительства не имам наследовати и не сотворю тако, яко ты мне сотворити умыслил си, слышаши, яко Христос ваш повеле вам мир хранити и зла за зло не воздавати, и яко той гордым противится, а смиренных возносит».

И сотвори тако дикий той царь, ибо с ним и наследниками его мир утверди и обещание учини, глаголя, яко никогда турки Греческаго царства воевати имут. И отпусти во своя его с честью мноюю, любезно объемлющи его, и пленников греков всех дарова ему.

Но обаче сей мир и покой между турков и греков не содержашеся много, яко есть тому обычай, пременения ради разных монархов и времени инако нежели тогда подающе случай. Ибо, яко писася, совокупльше турки силы своя со агаряны или срацыми [все то едино], бяху с ними во общении даже до лета 6808-го, егда некто Отоман, человек простого татарского народа, от турков царем бысть избран [яко о том ниже описано будет]; и толико силны быша, яко все Сирийския страны и святыи град Иеросалим от онаго времени, егда обладаша им, во власти своей содержали.

Греческим царем между собою брани составляющим, и кровь своего народа изливающим, и пожар оный более поджигающим, оным же поганым, злобы исполнены суще, но могоша нашествия возвратити.

Еже видевше западнии монархове и папа римский, яко тии нечестивии зело умножахуся и в силу поступоваху, совокупльши многая воинства, подвигошася на свобождение Святыя земли и града Иерусалима. И пришедше в кораблех морем, обладаша сущия в Сирии на мори многие пристанищныя грады.

Потом лета 6608-го июля в 15 день Иерусалим град от содержания турков и агарян свободили, и во многих местех над турками

пресветлыя победы одержали. Но обаче и сами будуще тамо, желанием приобретения богатств возбуждающися, ничтоже благо творяху, точию свары и междоусобства возгнешаху, подающе паки турком и срацыном причины немалыя ко противлению себе.

Яко лет 6621 приидоша турки с немалым воинством и обступиша град Иерусалим, паки восприяти его хотящи. Но отогнани быша от воинства христианскаго. И отшедши монастырь, недавно основанный на горе Фаворе, плениша и мнихов побиша.

Потом лет 6628-го паки собравшися турки христианское воинство побили и князь некий именем Рогерий на той брани от них убиен бысть.

О том воинстве христианском будущим во Святой земле, пишет Бороний, глаголя: Познати мощно, аще бы они властители христианские, им же господь Бог подавал велия победы на турков, во истинне и страсе Божии житие свое провождали, то бы силы турецкия никогда могли одолети им.

Но яко анафема бяше между ими, того ради множицею побеждаеми бываху от турков. Но обаче сокрушенную молитву ко Господу воспустивши, носящи пред собою животворящий крест, великую победу над турками восприяли того же написаннаго лета.

Такожде и во второе лето по том, егда исправляхуся нечто, паки даде им Бог победу над турки восприяти, егда царь турецкий [его же имя не является] со многим воинством ко Антиохии прииде, идеже скорою смертию от Бога убиен бысть.

Потом собращася турков до четыредесяти тысящей с вождем своим Газимом и идоша с великим дерзновением, хотящи град Иерусалим взяти и христианская воинства до конца из Святыя земли изгнати.

Христиане же не ожидаху ниоткуда человеческия помощи, на Бога токмо надежду возложши, учиниша яко ниневитяне. Уставиша бо пост не точию мужем и женам, но и младенцом, и скотом своим, и изыдоша на брань противу множеству оному. Не бяше же в воинстве христианском конных и пеших множае триех тысящ мужей, в них же честнейшие мужие идоша пред воинством, носяще святыя вещи.

Патриарх несе хоругвь креста Господня, епископ вифлеемский млеко пресвятыя Богородицы, игумен монастыря Клунонецкаго именем Понтий несе копие, им же прободен бысть Господь наш Иисус Христос. Турки же и срацыни обыдоша малое оное христианское воинство, дабы ни един возмогл убежати. И тако стояху уготовльшеся ко брани.

Потом христиане узреша, яко паде на поганых светлость некая тяжкая [ея же не видеша погании], и се нечаянно бегати начаша, гоними силою Божиєю. Христианское же воинство побиваху их, не токмо мужие, но и жены, и дети. И паде нечестивых убиенных до седми тысящ, а в реках утопленных до триех тысящ. Мнози же и живи яти быша, идеже и вождь их, Меншия Асии начальник Газим ят бысть.

Потом вождь турков имянем Сарацін, служащи князю града Дамаска имянем Нарадіну, с воинством турков прииде ко Египту, хотящи обладати им. Салтан же египетский изыде с воинством противо турков. Обаче воинство его побеждено бысть и сам таможде паде.

Кромер историк пишет, яко лета 6679-го царь греческий Мануил имяше брань с турками на востоце во Асии, от них же воинство его побеждено бысть и сам пленником явися; потом смирився отпущен бысть.

Во иных историях о сем не обретається, точию Белской наменил о сем, яко той царь Мануил даде воинству христианскому, во Святой земле сущему, помощь противо Салядіна султана египетскаго лет вышеименованнаго. На той поведает, яко обступили было град Дамиату, то есть Алкаир во Египте. Но обаче без тщеты отыдоша.

Но что глаголю пишуци, зело бо тогда умножашеся нечестивый той народ турецкий и многи победы одержали над христианы. Аще негде мужественно и христианское воинство отпор им давали и воинство их побеждали. Но яко от разных стран собрани суще и вождей кийждо своих имущи, иже не соглашася между собой.

К тому быша тамо два вожда христианских воев, един имянем Гвидон, иже бысть царем иерусалимским, вторый имянем Раймунт, иже назывался повелителем иерусалимским. Сей воста противо Гвидона и проси помощи у султана вавилонскаго или египетскаго Салядина имянем.

От злыя зависти в каково безумие приводит начальников христианских! Требова змииным ядом вред зависти целити, ибо тии нечестивии всеми силами о том тшася, дабы христиане между собою враждующе во изнеможение пришли, а они бы могли тогда всех их истребити, еже и уллучи той нечестивый Салядин.

Ибо собрався со безчисленным воинством турков и срацын прииде к Иерусалиму, яко бы умирити хотя оных начальников. Умирил же их сице. Пришед бо ят онаго Гвидона и прочих начальников, потом ко Иерусалиму приступати повелел. Воинство же бывшее тамо без начальных и видевшее свое изнеможение поддася Салядину с

таковым договором, дабы свободил онаго Гвидона и прочих начальников ятых.

И тако той султан совершенно умири оных враждующих начальников, Гвидона и Раймунда, яко не бяше им чего ради друг на друга зависть имети. Ибо, яко речеся, сам облада градом Иерусалимом и всеми оными грады, их же во Святой земле по кровавых и многотрудных одолениях в содержании своем христиане имели; и все воинство христианское до конца из Святыя земли изгна.

Быша сия лета 6695-го. Бысть же Иерусалим под властью христианскою от взятия осмьдесят семь лет, а от того времени в срацынской державе пребысть до лет 7024-го, в нем же Селим султан турецкий пришед со многим воинством султана египетскаго с воинством победил и град Иерусалим во свою державу взял, о чем ниже описано будет.

Глава 6

О Отомане Первом султане турецком и о прочих наследниках его, и о прешествии турков из Азии в Европу, и о обладании от них многих христианских государств, паче же Константинополя и всего Греческаго царства

Во оных убо странах, идеже, речеся, пребываху турки, семо и овамо преходящи и прославляющися воинским мужеством, аще и имяху властелей некогда, их же между себе избираху, обаче не влечашеся род их толико много и не толико славни быша, яко вождь их названный Отоман. О нем же изъясним нечто.

Бяше сей того же скифийскаго, то есть татарскаго народа, от простых, убогих и незнатных родителей рожден. Бяше же дерз и мужествен, иже некое ради крамолы изгнан бысть от народа своего, не имущи же чим питатися, присовокупи к себе много своевольных мужей и с ними обще граблением и разбоем нуждную пищу себе приобретае. И тако грабящи и побивающи не только христиан, но и своих едиnorodных, облада некими странами во Азии.

Оныя же турки слышавши и видящи благополучие его, присташа к нему неции, ибо и сами между собою имяху многия вражды и несогласия, будучи под различными обладатели. Потом и вси советавше купно со старейшинами своими избраша того Отомана старейшину над собою, султаном его нарекли. Бысть сие от Рождества Христова лет 1300-го [от Сотворения Света 6808-го].

Неции историки пишут, яко той Отоман прият вкупе со срацины закон Махометов, но несть тако, яко явственнее от Барония и Ботера выше сего изъявися. Белской пишет, яко бы от онаго времени егда воеваша Фракию, Греческую область, турками названи суть, но ни то истинна, ибо название турков за много сот лет пред сим явно было, о чем выше писася и ниже еще объявитися имать.

Паче же и сам той историк противится сему, приводящи на свидетельство инаго историка.

Егда же Отоман той бысть уже султаном у турков, простираше попремногу славу свою, творящи дела славныя и частыя победы над прилежащими окрестными народы и над цари их восприимаше. От чего наипаче желание несытное стяжа, дабы возмогл себе и народу своему славу вечную сотворити, обладательство разширити и царство утвердити.

Чего ради множае надзираше над Греческим царством, иже бяше тогда расторжено на многия части. Ибо Франция, Испания, Германия еще в царство Фоки Мучителя отторжеса Греческия власти. Рим со всею Италиєю в царство Константина и Ирины такожде отпаде области греческих монархов, и вси особными учинишася царствы.

Сирия такожде во области агарян бяше. Прочия же многия области и страны имяху своих властителей, яко Болгарское, Сербское и Венгерское царство. И не оставаше греческим царем, точию Константинополь не со многими блискими странами и восточных стран нечто [идеже блиско оный турецкий народ житие имяше].

Но и в том малом обладании своем греческие цари междоусобныя брани строяху, един единого от престола изгоняющи и к конечной погибели скиптр Греческаго царства наклоняющи.

Властели же и сигклит Греческаго царства уклоняшася к хищению, и неправдам, и к несытному желанию сребролюбия, подручныя народы грабяще и разоряюще, яко едва возможно кое тяжчае народом нареци: турецкое ли пленение или своих насилие и грабление? К воинской же крепости и ко осмотрению целости государственной ни малаго прилежания имяху.

Сия же вся видеи и уразуме оный Отоман со всеми подручными своими, совокупив воинство воздвиже брани на Греческое царство и воевати начат восточныя страны, сущия во Азии, идеже множество христиан в снедь оружию предаде и безчисленныя крови пролиа.

Греческое царство содержащим тогда Андронику Палеологу и внуку его, такожде Андронику нарицаему, иже приемше разоренное от латинников Греческое царство бяху в великом оскудении сокровищ, такожде и воискою крепостию немощни суще, ни мало можаху

противитися оной навалности и возразити турком таковое их дерзновенное наступление.

И тако той Отаман султан обладанию своему начало тамо положи, много знаменитых дел сотворив; умре 6836-го лета, пребыв двадцать осмь лет на обладании у турков, оставив наследника сына Архана именем.

Архан, 2 султан турецкий

Архан второй султан турецкий, сын Отаманов, иже дерзновением и мужеством отцу подобный бяше, паки воздвиже зелныя брани на восточныя страны Греческаго царства. И дивным счастием своим облада страны сущия тамо: Ликаонию, Фригию, Киликию, Лидию, Вифинию, Памфилию, и Каппадокию, и всю Малую Асию.

И простре обладательство свое даже до берегов моря Элеспонт названнаго, и прият тамо грады твердыя, от древних веков славныя, их же еще не возможе взяти отец его, яже суть сия: Амасию, Синоп, Никию, прославляемую перваго ради Вселенскаго собора, Халкидон, аще уже и опу стенный, обаче славный четвертым такожде Вселенским собором, Никомидию, славу имущу пребывания ради тамо древних римских царей-мучителей, идеже бяше помучено от них премножество мучеников. Такожде облада в Вифинии град названный Бурсиа, стоящий у горы славныя Олимпийския, идеже возлюбив место, основа тамо престол свой царский.

Такожде в руце его прииде и Троя град преславно знаменитый многих ради браней, их же имеша цари его с греческим народом. Тамо же и Пергам град асийский, и Ефес пресловущий многими соборы, иже совершахуся в нем. Еще град Тарс во стране Киликийской, отечество святаго апостола Павла. И во стране Ликийстей град Патара, идеже родися святой Николай чудотворец, и Миры град, идеже архиепископом бяше.

И тако вся сия и иныя многия преславныя в писании страны и грады взяты быша от нечестивых не во многия лета, и угасе тамо благолепие святых церквей, и отпаде цвет православныя христианския веры.

А утвердися нечестивая махOMETанская прелесть со многою печалию не токмо греков, но и окрестных христианских народов, их же не точию лишитися печаль немала, но и имен их слышание под властию нечестивых слезы от очию источати принуждает.

И тако той Архан, пребыв на царстве двадцать два лета, умре 6858-го лета, оставив сына Амурата именем утвержена на царстве.

Амурат, 3 султан турецкий

По умертвии Арханове сын его Амурат бысть султан турецкий, иже от мужества и обычаев отеческих не бяше отменный. Сей наипаче зело устраши многия окрестныя государства. Во время же обладания его быша два царя в Константинополе, един сущий наследник именем Иоанн Палеолог сын Андроников, другой неистинный Иоанн Кантакузен. Иже мнози между собою брани воздвигши безчисленныя воинства погубили, оным проклятым турком назирающим того, да егда они в конечное оскудение приидут, тогда бы могли подобное время на пленение Греческаго царства имети.

Но без великих трудов сие обретоша, ибо той неистинный царь Иоанн Кантакузен, побежден будучи от царя Иоанна Палеолога, посла к султану Амурату, просящи помощи противо ему, зовущи его в Европу сицевым согласиём: да егда победит противника своего и царство объимет, тогда Амурат да преидет паки из Европы во Асию, во страну свою за покоем, а за труд и тщету имать воздаяние град Каллипóль со всею властью его.

Той же возрадовался о сем, яко обрете время благополучно своему умышлению. Не требоваше бо о том прилежнаго прошения, уже бо от давна пылаше нечестивый огнем желателства, дабы могл всю Грецию пожрети, собрав изряднаго воинства до шестидесят тысяч, прииде с ними ко брегом Елеспонта и даде наем генуенским кораблеником, иже превезоша его с воинством чрез Елеспонт у града Каллиполя двоя кораблями своими, им же бе название: единому Интериána, второму Скварциафíка.

О злобы сребролюбия! Яко сии малому приобретению обрадовашася, велие зло от них и сами пострадаша! Быша сия лет 6871-го.

Пришедши же, не то умышляше, чего ради призван бысть, но еже ему прибыточнее было, сие во уме си смышляше. Видевше бо Греческое царство зело оскудевшо, уклоняшеся сотворения брани и отлагаючи от времени до времени, имеющи надежду продолжением брани, да егда великими враждами възъярени между собою победятся греки, а он тогда утружденных и помощи не имущих свободнее победити имать.

И тако Иоанн Кантакузен победи царя Иоанна Палеолога и бысть царем. Потом в монастыре живот смертию сконча, и царь Иоанн Палеолог пришед сына онаго, Иоанн же именем, ят ослепи и сам скиптр царства прият.

Амурат же своих дел надзираше и сотвори тако, еже умысли лестию поганскою. Распусти бо воинство свое под таковым ухищрением, якобы по каряющи непослушных Греческаго царства. И тако пленити начат Греческия страны. И воздвиже на оскудевшее Греческое царство жестокия брани. И первое облада Каллиполем и прочими грады по обычаю супостатов, а не яко помощником обычай. И уже явно являшеся, хотящи обладати Греческим царством.

И тако множайшую часть Фракии под власть свою покори. Потом шед Мессию крепостию облада, такожде и Болгарии множайшею частию со Адрианополем. Но и Сербския страны не остави в покое, идяше тамо с воинством.

Сие же слышавше Сербския земли деспотове собращася противо ему с немалым воинством, к тому и царь Иоанн Палеолог прислал в помощь им воинство свое; такожде и прочии македонстии и албанстии властели приидоша.

И совокупльшися идоша в Македонию нашествию турков возразити и из Греции изгнати их, не судивше, яко гневу Божию никто может противитися. И шедшися составиша с ними презелную брань. Идеже не из гнаша их, но сами от них конечно побеждени быша, овии во острии меча умроша, овии же пленены быша.

Тамо же и храбрый деспот Углеш именем убиен бысть. И по той победе просипашася исмаилтяне во землях оных яко птицы по воздуху, пленяющи христиан верных, яко всюду смерть безгодная позитизаше их.

Бысть же тогда и глад велик, и толика нужда облия страны Греческаго царства и прочия! Яковыя прежде очи не видеша, ниже ушеса слышаша, яко бяше умилён позор видети таковая. Оста земля всех благих пуста, яко людей и скотов, тако и плодов земных.

Не бе бо князя, ни вожда, ни наставника в людех, ниже спасающаго, ниже избавляющаго. Но вся исполнишася страха агарянскаго и сердца храбрая доблственных мужей в сердца жен слабейших превратишася. И воистинну ублажаху тогда живыя прежде умерших, не видевших таковых зол. Быша же сия лета 6879-го, в царство Греческаго царя Иоанна Палеолога.

И оттоле Амурат султан наипаче множайшими грады облада, овыми совершенно, иных же данниками себе сотвори. И во Фракии или Болгарии во граде Андрианополе престол обладания своего учини. И немал страх наведе и прочим странам христианским.

Чего велми ужаснися папа римский, дабы и Рим со Италиєю не пострадал, таковых же посылаше ко многим окрестным христиан-

ским государем, требующи от них помощи и побуждаючи на брань противу таковыя зелныя бури.

Потом той же Амурат, распалаем завистию властолюбия, ярящи-ся на христиан, хотящи до конца их истребити и веру христианскую искоренити, вооружается на Лазаря деспота сербскаго, иже последи победы вышереченныя обновляше, елико можаше, плененную страну Сербскую.

Сей же не восхоте видети овцы Христова стада пленяемы и за-калаемы, но яко добрый пастырь собрав немало воинства устреми-ся противу оным хищным волком, хотя избавити или пострадати за врученное себе стадо.

И тако снисходяся на месте нарицаемом Кóсово, и бывши меж-ду христианы и турки тяжцей брани чрез немалое время. Еже видев некто от сербских ратник, благородный воин и верный слуга деспота Лазаря, Милош имянем [к тому имый поречение на себе, якобы не-верно служит деспоту], хотящи верность свою показати и брани ко-нец победою соделати, умысли таковая.

Побеже ис полков своих к полком Амуратовым, якобы бегая яв-ляясь от своих ко оным. Еже видевши полки Амуратовы, раступише-ся путь свободный ему оставиша. Той же близ быв гордаго Амурата, воздвигши меч, прободе мучителя в сердце; иныя историки пишут, яко копием прободе его.

Но или тако, или инако, обаче на месте том дивный той слуга и знаменитый победоносец мертва показывает Амурата султана, иде-же и сам убиен бысть знаменитый и вечныя славы достойный благо-родный он воин. И того ради возмогают сущии с Лазарем христиане, воспещают полки волков кровопийственных и гонят довольно.

Потом сын Амуратов Баозит имянем, приспев тамо с помощны-ми полки, возновляет жесточайшую брань и своих бегущих возвра-щает. И тако зело отягчися брань на христианы от турков, яко едва не вси избиени быша и трупием на месте том падоша, паче же егда сам благочестивый мужественный деспот Лазарь убиен бысть. И та-ко прият кончину блаженную страданием мученическим. Бысть сия брань лета 6885-го иуния в 15 день.

Последи Амурата султана оставаша два сына, оба достойни цар-ству, Солиман и Баозит. Солиман начат во Азии пространно облада-ти, а Баозит по смерти отца своего и по оной победе в Европе пове-лительства. Пребысть же султан Амурат двадесять семь лет на об-ладании у турков.

Баозит, 4 султан турецкий

По убиении от сербов султана Амурата и по оной победе Баозит сын ево спешно возвращается на восток, еже бы сести на престоле отца своего, и отовсюду царство утвердити, и покорити Турскую страну [бьяше бо остраго разума и ко всякому делу желательный и дерзновенный]. Но тамо брат его Солиман прежде обладати начат и идяше противу ему бранию. Но обаче Солиман побежден бысть с воинством и сам таможде паде.

И тако Баозит един в Европе и Азии облада и распространяше крепостию и силою пределы обладательства своего, во Фракии около Константинополя воюючи. Потом на Греческия страны воинство обрати и облада Македонию, и Селунскою страню, и Афинами.

Потом посылает в Сербскую страну к деспоту Стефану сыну Лазареву, покорения и дани прося, к тому и сестры его именем Оливеры в жену себе, обещаяся в сына место имети его и области Сербския не воевати, но соблюдать. Мати же деспота Стефана, советовав о том со всеми своими, даде дщерь свою Баозиту, дабы тем могла соблюстися страна их невоеванна.

На царственный же Константинополь отягчаше бранию, и пришед пленяше около града, поля, винограды, вертограды и предградия пожигаючи, яко бысть во граде презелный глад и народ затворенный во граде тако от него погибаху, яко нещии убозии мужие, не стерпевше таковыя бедственныя нужды, нощию из града избегаху и в полки турецкия прихождаху. И тако Баозит осмь лет ратова град, яко мнози уже поддалися хотяху ему.

Царь же Мануил, видев таковое бедство, принудися сам ити из Константинополя во Италию, в Рим к папе, и во Францию, просящи помощи ко избавлению Константинополя. Но ничтоже от них обрете помощи.

Такожде царь Мануил и патриарх послаша в Россию послов к великому князю Василию Димитриевичу, объявляючи таковое свое бедство и просящи помощи. Великий же князь, и митрополит московский Киприан, и мнози князи уделныя, и чин духовный послаша многу казну в Константинополь с монахом Иродионом Ослебятем.

Баозит же ратова Константинополь яко речеся, и конечно бы тогда взял Константинополь, аще бы не имел опасения от немец и Вѣнгерскаго кралевства: оттуду же посылаше воинство в Болгарскую и Боссенскую страны, иже прилежаху к Венгерскому кралевству.

ву. И мстящийся смерти отца своего непрестанно войнами пустошаше их, и князя некоего болгарского убил, и иных под власть свою приведе, и в покое оставляючи дани возложи. Такожде помышляше ити войною на Венгерское королевство.

Еже слышав краль Жигмунт [иже бысть потом цесарь римский], хотящи забежати таковому его начинанию и избавити Болгарию от турков, собрав многое воинство венгров и прочих народов, изыде на султана Баозита.

Баозит же, слышав сия, с яростию устремися на венгров, оставль Константинополь. И сошедшимъся воинством под градом Никополем, бысть между ими презелная брань. И первое убо воспящают венгры турков.

Баозит же обтекаючи вся воя своя, утверждает их молением и прещением. «Аще,— рече,— нас победят, то и чада наша во острии меча будут. Уне есть нам единою zde умрети или победивши великая благая приобрести!»

Они же сими глаголы утвердившись, дерзости исполнишася, паче же попущением Божиим одоление приемлют и все воинство краля Жигимунта зельно побеждают: овии избиени быша, а иные в Дунае истопоша, яко едва сам краль незнатно бегством спасеся к реке Дунаю, идеже седши в малую ладицу побежа Дунаем на Черное море и оттуду в Константинополь прииде; а из Константинополя к острову Родосу, а оттуду в Далматию. И тако скитающийся по многим странам полн страха избегством здравия едва прииде в Венгерскую землю на престол свой.

Бысть сия брань лета 6904-го. Баозит же по толикой христиан победе паки возвратися к Константинополю, и обляже, и с надеждею скорейшаго взятия, и облежаше последи брани оныя чрез два лета. И конечно бы тогда обладал им, аще не бы господь Бог благоволил греком дати еще мало времени ко исправлению. Ибо Темирь-Аксак, царь татарский, присла к Баозиту, дани и покорения прося.

Баозит же уповаючи силе своей на брань противу ему уготовася. И тако оставль Константинополь, всеми силами иде противу его. Некий же избранный советник советова Баозиту, да пошлет дары Темирь-Аксаку, глаголя: «Аще даси ему нечто, то он оставив тя инуде уклонится».

Баозит же ожесточися, яко фараон, не послуша совета онаго, но отвеща советнику тому: «Лучши ми есть победив его вся приобрести, или в мужестве умрети».

Советник же глагола ему: «Егда како господине мой во обоим погресиши?» Баозит же, не послушав его, изыде против Темирь-

Аксака. И сошедшия им на пределех Галатийских и Вифининских. И устроиша воинства, составиша презелную сечу, идеже побеждает Темирь-Аксак турецкое воинство и самого Баозита жива емлет. Воинства же Баозитова до двусот тысяч избиено бысть.

Баозита же повеле Темирь-Аксак оковати златыми веригами, и в железной клетке на знамение победы по всей Азии вожаше с собою, и на конь с клетки оныя саждашеся. Пришед же советник Баозитов, советовавый дары послати, в таком заключении ему сущу, глагола Баозиту: «Се, господине, не збышались глаголы моя?» — И плакася такового непослушания.

И тако во пленении том умре Баозит. Неции историки пишут, яко отпущен бысть и от печали многия безчестно умре. Бысть сия брань лета 6906-го. По умертвии своем Баозит остави царство сыном своим, им же имяна Калапин или Мусолман, Моисей или Месиа и Махомет.

Калапин или Мусолман, 5 султан турецкий

По Баозите султани Калапин, яко пишет Белский, или Мусолман, яко в Хронографе пишется, сын Баозитов облада царством, а братия его облада некими странами во Азии и в Европе.

В та же времена случися греческому царю Мануилу ити от Рима и снисдеся с Мусолманом у града Никополя. Идеже сотвориша дружбу между собою. Тогда же Мусолман и Селунь град возврати греком.

Сему Мусолману вся дела блага бяху, точию вином порабощен бе, им же житие и царство погуби. И тако умре, в мале власти насладився.

По нем сын ево Архан имянем в детских летех престол повелительства некако облада. Ему же дядя его Моисий или Месиа отъял житие с царством купно, сам учинился султаном у турков.

Сей Месиа многи страны Греческия и причия прилеглыя поплени. Потом вооружается на Стефана деспота сербскаго. Стефан же недоволен будучи противитися Мессии, посла к восточному турецкому султану Махомету, брату Месиину, еже бы сотворити с ним мир и помощь имети противу Месии. И тако согласився, общими силами идоша на Месию, Махомет от востока, деспот же от запада.

Месиа же готовашеся на противление им. Повеле пути в горы затвердити, дабы не могли убежати Махометово и деспотово воинства. Потом же и сами снисдошася с воинствы. И брани тяжцей бывши между ними, побежден бысть Месиа с воинством своим и сам утопе в реце. Стефан же деспот многими дарами одарив Махомета, отпусти его во своя ему державы.

И тако сих султанов — Калапина, и сына его Архана, и Моиса — власть во осмь точию лет скончася. И в сих летех бысть мало нечто отради Греческому царьствию и прочим странам, иже быша под властию турков.

Махомет, 6 султан турецкий

По умертвии старейших братий своих Махомет меньший чрез кровопролитие, яко речеся, обладателство притяжа лета 6913-го. Сей зело разумно управляше свое обладателство и непомалу вящши распротраняше царство.

Егда бо уведа, яко краль венгерский Жигмунт, будучи цесарем римским и кралем чешским, неких ради управлений пребываше в чехах, тогда лета 6922-го посла немалое воинство воевати Болгарские земли, иже шедше воеваше тамо.

И страну Боссенскую, юже мало пред сим краль Жигмунт отъят у турков, паки побивши венгров усилиоваша обладати. Но тогда их сын воеводы Петра Македонянина именем Николай, в небытности краля Жигмунта, многожды побеждал и от страны Боссенския изгнал.

Потом Махомет обрати воинство свое во Асию и облада страны и грады, их же у отца ево отъят Темирь-Аксак царь татарский, и престол свой оттуду из града Бурсии во Андрианополь перенесе.

Таже волохов и мултан повоевал, и тяжскую дань на них возложил, и в Боссенской земле краля постави [его же потом гордости его ради грек некто убил]. И пределы царства своего даже до моря Ионийскаго простре, на Константинополь же и на всю Греческую страну оружие уготовляше.

Еже слышав царь греческий Мануил и патриарх константинопольский, паки послаша послов своих ко всем окрестным христианским монархом, просящи помощи и пищи на пропитание во время глада тогда тамо будущаго, но обаче мало что обретоша помощи.

И тако Махомет султан много стран к государству своему приобладавши и тяжския бедства христианом творящи пребыв на обладании у турков седмьнадесять лет. Умре во Андрианополи лет 6930-го. По нем же оставася два сына, Амурат и Мустафа.

Тогда сербскаго деспота Стефана мнози советники его понуждаху, еже бы шествовати бранию на детей Махометовых, и изгнати их от стран греческих, и страны их обладати. Он же отвещеваше им: «Яко клятву дал есмь отцу их, еже не ходити на детей его бранию». И тако остави их в покое.

От чего наипаче содеяся зло велие и паки умножися бедство неподъятное от того деспота, паче же и от прочих властелей христианских. И цари греческие с народом своим, иже прежде мняхуся быти мудрыми и мужественными паче прочих, на остаток безумнейши всех явишася и сердцем ослабеша.

Сие же того ради, ибо егда Темирь-Аксак царь татарский порази Баозита турецкаго султана на пределех Арменских, яко же писася о том, тогда воистинну могл исчезнути весь народ отоманский, аще бы тогда погубили детей Баозитовых, и потом Махометовых малых сущих, и не соблюдали их на последнюю свою погибель.

Но они, яко бы в забвении сущи, соблюдаху их между собою, паче же и пестунами быша им, и помогали им, един тому, а другой иному. Аще же бы изгубили тогда корень оных врагов своих, то бы воистинну могли все страны христианския в целости быти.

Но что глаголю сия? Кто бо разуме ум Господень, или кто советник ему бысть? Ибо тогда многи злыя дела умножахуся во христианах, достойныя еще и вящшему наказанию. И аще бы не сим, то и вящим наказанием изволил наказати их.

Амурат Второй, 7 султан турецкий

Во время то, егда умре Махомет султан турецкий, старейший сын ево Амурат обладаше тогда во Асии, а брат его Мустафа, испросив помощи от греческаго царя Иоанна сына Мануилова [иже начат царствова ти лет 6943-го], облада некими странами в Европе. Амурат же, услышав о смерти отца своего, хотящи вящши обладати, поиде из Асии в Европу.

Царь же греческий возбраняше ему пришествие, хотящи [вместо аспиды — василиска] утвердити на царстве брата Амуратова Мустафу. Егда же прииде Амурат во Фракию, тогда Мустафа изыде противу ему с воинством.

И тако снисдошася на брань. И бывши брани, побежден бывает Мустафа с воинством своим и сам на той брани убиен бысть. Понеже остася сын его, иже убоявся смерти отбежа в венгры и крестився, Давыд имянован бысть, потом и в Полше бысть, просящи помощи противу дяди своего.

И тако Амурат совершенно престолом обладательства утвердися. И от того времени, гневающихся на греков, брань на них уготовляше, а со Стефаном деспотом сербским дружбу многу имяше.

Сей Амурат султан к величайшей крепости сил своих умыслил пеший строй в воинстве своем, иже наречени быша янчары, и быше их тогда токмо тысячи три или мало болши.

Тогда же краль венгерский и цесарь римский Жигмунт, слышав о смерти Махомета султана и о вражде между братьей-сынов его бывшей, возмне благополучно время имети ко возвращению градов, взятых от турков во областех Венгерских.

И тако лета 6936-го, собрав немалое воинство, иде в Болгарию на турки. Еже слышав Амурат султан, посла противо его с воинством. Их же видев Жигмунт, убоявся множества турков, не сотворивши битвы, со срамом з болшою частью воинства побежа к Дунаю, прочих на погибель оставльши.

А Кромер историк пишет, яко цесарь с воинством не преходил Дуная, зане того турки на другом берегу будучи возбраняху, и с новым своим султаном Амуратом, по отце Махомете обладающим, Венгерскую и Седмиградскую земли зельно повоевали.

По сем той же Амурат, помнящи яко царь греческий Иоанн подаваше помощь брату его Мустафе и имел с ним мир, собрався с воинством прииде к Константинополю. Еже видев царь Иоанн убоявся зело, поиде к римскому папе Евгению, сущу ему тогда на соборе Флоренском, хотя соединити церковь и приобрести помощь на турки. Но ничто же благо содела тамо, кроме великия вражды и соблазна верным с римляны.

Амурат же, отшед от Константинополя, пребываше во Андрианополе. Тамо же слышав, яко умре сербский деспот Стефан, а по нем бысть властель братанич его Георгий или Юрик, его же Хронограф называет Гург или Груб, обрати тамо воинство свое, воюючи Сербию и Далматию. Еже слышав деспот, хотящи укротити прещение Амуратово, присвоися к нему, дав ему дочь свою в жену, аще той иных имел немало.

Бяше бо и сам той деспот ни христианских, ни турчин. Егда некто законник наказоваше его, дабы совершенно держал христианскую веру, он же отвеща: «Хощу лучши повешен быти, нежели христианскую веру держати».

Но по вере его и бысть ему тако, ибо не поможе себе нимало оным присвоением к Амурату. Шед бо Амурат с воинством в Сербскую страну и до конца повоева ю. И грады многия облада, их же имяна: Голубец, Срэбрияник, Жарнóв, Круши́вец, Корóвин, Севери́н, Острóвичь, Новобáрд, Шúрин, Кóшник, Ласковец, Зелённый град, Прокóпию, такожде и Смидéров со многим богатством, идеже и сына деспотова пленил.

А Кромер, Стрийковский и Гвагнин пишут, яко дву сынов взял и ослепити повелел, деспот же с женою помощи ради в венгре убежа. Слышавши дщерь деспотова о братиих своих, моляше Амурата, да не повелит их ослепляти: «Ибо,— глаголющи,— уже во твоей власти суть, еже хочеш можеш им учинити».

Сие же все творяше Амурат, слышавши и видевши подлинно о несогласиих венгерских; уже и останки Рацкия и Седмиградския земли воевал. И пришед со многим воинством под Бельград, и всею силою добываше его.

Краль же полский Владислав, иже мало пред сим по изволению венгров прият и Венгерское королевство, посла ко Амурату послов, мира требующи. Он же послов повеле отвести в Смидеров, а сам жесточае добываше Белаграда, уже седмь месяцев под ним стоящи; обаче со тщетою мною отыде, ничтоже успев.

Послом же отвеща, яко не имать смиритися, точию бы отдал ему краль Белград со останком всея Рацкия земли. Ни мало сам опасения имеючи и помышляючи о оном поражении у Белаграда, к тому частыя победы на воинство свое от воеводы венгерскаго Иоанна Гунеада, егда многажды побеждал турков: единою тамо под Белградом, второе в Седмиградской земле, третье под Вашкопом.

Такожде и на границах Седмиградских кровавую брань сведши преславныя победы одержал над турки и пашу именем Мезиша, славнаго и мужественнаго мужа, и с сыном его убил, и другаго пашу именем Скавадина к бегству срамному принудил.

Тогда же бысть в венгрех, яко и во иных христианских государствах, от папы римскаго кардинал именем Иулиан, иже понуждаше венгров на войну противо турков. К тому и деспот оный изгнанный зело прилежно моляше краля и властелей венгерских, дабы он от них могл приобрести оное свое погубленное властельство.

И тако краль Владислав с венграми, таковыми прошения принуждени бывши и оными победами возносящися, советоваху о войне на турков, составльши сейм во граде Будине. На той же сейм и оные послы приидоша от Амурата, сказующи гордое его отвещание. Чем венгры наипаче възъярени будущи, усуетоваша войну на турков, посылаючи о помощи и купном промысле на них.

Но ни откуда ничто же обретоша. И тако краль Владислав лета 6951-го собрався со многим воинством, имеючи токмо помощь от Полскаго королевства, изыде на турков купно с кардиналом Иулианом. И пришедше в землю Рацкую взимаху грады, взятые в той земле от турков. О сем уздав Амурат султан посла противо венгром многое воинство.

И тако турки приидоша на венгров и брань с ними составиша, обаче побеждени быша от венгров, будущих под правлением воеводы Иоанна Гунеада, идеже четыре тысящи пленено бысть турков и осмь хоругвей их. И по сей победе поидоша венгры чрез славенския земли к Македонии.

Амурат же, слышав о победе воинства своего и о шествии венгерскаго воинства, посла в помощь своим зятя своего, асийскаго беклербега и анатольскаго пашу имянем Керембея, заповедав ему, да не творит с венграми брани явныя, но да стрежет и бранит им прешествие пути теснаго между горами великими и славными во оных странах.

И пришедши тамо в тесных местех стреляху на венгров, но обаче видев Керембей воинства своего множае венгров, сведе с ними явную брань. Идеже побежден бысть и турков до тридесяти тысящ убито, а пять тысящ живых взято. Тамо же и сам Керембей пленен бысть, а прочии в горы бежаша.

Краль же хотящи до конца победити турков, много, приступаше к горам оным, идеже и обозы их были, но не возможе взяти их, аще и сам краль несколько стрелных ран прият. И тако тою победою на турков паки Болгария прииде в державу венгров.

Сие же видев Амурат, к тому уведа, яко вси окрестныя государи и властели совещаюся воевати нань, посла первое к Юрью, деспоту Рацкому, и Иоанну Гунеаду, воеводе венгерскому, якобы под окупом зятя своего Керембея, паки хотящи мир с венграми учинити. Ведаше об известно, яко мнози согласишася нань войною. К тому и другая не меньшая война претяше ему во асии от караманскаго некоего князя.

Потом и к самому кралю Владиславу посла послов, смирения желающи. Иже приидоша во град Сегет со многими дары и по многих разговорех на десять лет учиниша мир с венграми на сицевых договорах: еже отдати Амурату венгром все взятыя грады в земле Рацкой и Сербской, Албании часть, юже держал деспот Юрик, к тому отдати два сына деспоты, иже уже ослеплены быша. И тако от обеих стран клятвами оно утвердивши, отъидоша послы. И исполняющи Амурат мирныя договоры, отдаде венгром все грады оныя и сынов деспотовых.

Бысть же тогда при крале Владиславе он вышереченный папин посол кардинал Иулиан, иже нерадостным сердцем слышаше сия [ибо бояшеся папа, егда турки учинят мир с венгры, тогда на Италию войною наступати имут]. Даде вскоре весть в Рим к папе и начат принуждати крала, да отвержет мир и идет войною на турков, и от клятвы оныя имянем папиным разреши его.

И тако краль, собрав воинство, иде на турков. А Амурат по утверждении онаго мира обратил все воинство свое во Асию против князя караманскаго, не имеючи в Европе опасения мира ради. Егда же уведа, яко краль Владислав, отвергши мир, грядет на него с воинством, паки воинства до ста тысяч возврати из Азии и превезеся чрез море пониже Каллиполя в кораблех малых.

Кромер поведает, или яко наят венецианских кораблеников, или неприлежно того стрегли они, дабы не могл преити турок. А Стрийковский пишет, яко подкуплены будуще, умыслено от места того отступили с кораблями своими, дающе турком путь свободный.

Неции же венециане за наем и в кораблех своих перевозили турков, паче же Франъцышек кардинал, гетман венецианскаго воднаго воинства — ему же належало стрещи и бранити прешествие турков — сам их перевозил на своих кораблях, и катаргах, и галерах, вземлющи у турков за провоз по червонному золоту от всякаго воина.

И тако собрався Амурат шествова против венгров, удивляющи таковому их наглому клятвопреступлению, глаголющи: «Возгордели, гаурове [так они ругательно христиан называют] Богом своим; ныне аз в правде своей прииму его в помощь себе!» И тако снидесе со кралем и воинством венгерским в Болгарии у града Варны, иже отдревле назывался Деонисиполь.

И на пространном тамо поле составиша презелную брань. И прежде венгров, над ними же началствова епископ варадинский, множеством своим одолеша, яко побегоша тии, от них едини против Галатии, а инии в горы к Романии.

Такожде и волохи сотрени от них быша, на которых место наступиша Франкобан и Иулиан кардинал, хотящи возобновити брань. Но и тем такожде тяжко бысть от турков. К ним же притече на помощь сам краль, и тако взопроша турков и едва не всех конных прогнаша.

Амурат же, видев своих прогнанных, воздержася при янчарской пехоте, иже окопавшесе рвом и валом, прикрывше ров хвратиєм и землею, дабы незнатно было таковое ковоположение.

Краль же Владислав видев, яко вся крепость и надежда Амуратова в том янчарском воинстве остана, идеже и сам Амурат султан бысть с ними, собрався со избранными воины венгров и поляков, нападе на толщу полки янчарскаго, уже от многих своих оставлен, ибо воевода Иоанн Гунрад и Иулиан кардинал, видевши зло, бегством спасатися начаша.

Тамо же, яко речесе, притече Владислав на толщу янчаров; биючи мужественно турков въпаде во он выкопанный ров, и с конем

купно, и тамо от множества янчаров обскочен и убиен бысть, при нем же и прочих знаменитых воинов немало избиено бысть.

И тако турки, с великою обаче тщетою своих, все воинство краля Владислава до конца победиша и обоз весь разориша; самих обаче турков множайшая часть збита трупием тамо падоша. Бысть сия победа от турков на венгров лета 6952-го месяца ноемвриа в 10 день.

На сию войну противо турком краль Владислав име согласие со князем Албанския страны имянем Шкандабэргом, обаче сей нужных ради преходов гор, во странах тех сущих, недоволен бьяше приити венгром в помощь.

О сем Шкандабэрге много славных мужественных воинских дел повествуется в историях, яко он многочисленныя турецкия воинства малым своим воинством побеждал и тридесять браней победительных над турками имел, а сам единою токмо побежден был. О чем умолчах zde описати, краткости сея истории снисходящи, ибо о таком знаменитом победоносце лучши совершенно молчати, нежели мало писати.

Но ко описанию обладательства Амуратова возвращаюся. По оной убо победе, восприятой над венгры, зело возгорде Амурат. Посла воинство воевати стран Венгерских, противо которому изыде венгерский воевода Иоанн Гунеад, имеючи двадесять и две тысящи воинства с собою, к тому и воеводу мултанскаго в помощь.

И иде в Болгарию к реке Считнице, и бывши брани побеждени бьяша венгры от турков, обаче и самих до тридесяти тысящей, по три дни бою бывшу, убиено бысть.

Потом турецкое воинство идоша на пленение Рацкия и Сербския земли, идеже обладаше Юрик деспот вышереченный. Но тамо нечаянным пришествием на помощь от онаго же Иоанна Гунеада сами бьяша побеждени. Бысть сие лета 6956-го.

Потом Амурат со всеми силами своими поиде во Албанию противо онаго Шкандаберга и обляже столный его град Крой, его же многими вымыслы добываше. Но видев крепкостоятельство оных граждан, и промысл Шкандабергов, и яко не возможе взяти его, аще и всеми силами покушашеся, от великаго гнева и срама в тяжкую болезнь впаде.

И тако изверже душу свою во обозе под градом в наметах. Инии поведают, яко жив отвезен бысть во Андрианополь и тамо умре лет 6958-го, пребыв на обладательстве 28 лет, царство вручив сыну своему Махомету.

По смерти Амуратовой янчары учиниша смятение велие, и тогда жидов, греков, и армян, и христиан грабили и побивали. Ибо таков у них вкоренился обычай по смерти султанов их. Тело его сын его МахOMET, намазав мастями, отвезе к погребению во Асию во страну Вифинийскую, идеже обычай тогда бяше погребатися султаном.

МахOMET Второй, 8 султан турецкий

МахOMET второй сим именем, но в числе осмый повелитель турецкий, отцу своему Амурату во Асии, во области Вифинии, во граде Бурсии достойное погребение соделавши, кроме всякаго препятія облада царством. И первое простре к докончанию войну, юже еще отец его имяше с царем или князем Караманския страны. И изведши нань многое воинство, победи его и данника себе учини.

Потом, не хотящи гнуснети и в худых вещех пребывати, простираше ум свой к делам высочайшим. Желание непрестанно имущи, како бы могл Греческим царством совершьенно обладати и Константинополь во власти своей имети, ничтоже, яко безверник, помнящи на примирение, иже тогда бяше между им и царем греческим Константином Палеологом, сыном Мануиловым, учиненное еще з братом его царем Иоанном.

Подаваху бо ему множайшаго дерзновения междуособныя христианския развраты и нестроения. Яко мощно рещи о властелех христианских: «Видевше не видеша и слышаще не слышаша». И таковому преславному на востоце Греческому царству попустиша пасти, не восхотеша таковому злу прежде забежати и помощи подати.

Всяко же и сами греки вконец объюродеша. Изволиша бо с сокровищми вкупе погибнути, в землю их закоповаючи, нежели истощити их на оборону свою и имети жен, и детей, и прочая стяжания во всякой свободе.

Но что глаголю сия, зане тщетна есть человеческая помощь, изволившу тако Богу, понеже в царех греческих, и князех, и сигклитах наипаче тогда умножися велие нестроение и междуособства, грехи же всенародных человек зело оскорбляху щедроты Божия.

О таковом убо падении Греческаго царствия и взятии преславнаго Константинополя в древних историях сице повествуется.

Егда облада МахOMET султан турецкий всею Фракиєю, тогда все желание свое к тому приложи, еже бы и самим Константинополем обладати. И первое к вящшему утеснению его повеле зеленою скоростью соделати град в Пропондисе на брезе Фракийскаго моря в

ближнем расстоянии от Константинополя. К тому еще постави на море многия галеры, и корабли, и каторги со многим воинством и пушками, не даючи греком свободного шествия по морю.

Егда же царь Константин с сущими во граде ощутиша на себе устроение Махометово, в недоумении бывши, послаша посланники к Махомету уведати истинну и мирный завет подтвердить. Но той кровопийственный зверь посланников безделных отсла, уготавлиающеся ко облежанию града.

Царь же и вси людие велми убояшеся и недовольни будуши своим воинством противитися таковому его устремлению, понеже воинскаго собрания мало бе и братиям царевым не сущим тамо. Аще бо и имяху воинство, но малое, к тому не обыкновенное и в делех воинских неискусное.

Того ради ко областем латинским прибегоша, в Рим к папе и во иныя кралевства послаша, со слезами и рыданием помощи просящи. Такжеде царь Константин посла ко братиям своим во Амморию и к прочим сродником своим помощи ради.

Латини же ни мало сему вняша и ниже краем уха таковаго прошения послушаша. Паче же неции и желяху того, ибо итталиане и французи отдавна уже не единова покушахуся обладати Константинополем.

И того ради не даша помощи, глаголюще в себе: «Егда турки Константинополь возмут, тогда уже мы у турков возмем». Сие же того ради умыслиша, дабы не возмнел кто оных без причины подвижных брань на греков.

Оле студа разоряемой Елладе, сиречь Греческому царству! Не познаша, яко разоритися имут и прочия области их! И тако кроме оных помощи царь Константин со своими затворися во граде в страше мнозе.

Лета же от Сотворения Света 6961-го, а от воплощения Сына Божия 1453-го, месяца декемвриа Махомет султан турецкий, совокупяся со бесчисленным воинством, предивным ополчением и страшным движением посуху и поморю прииде под царствующий град.

И первое повеле по всему воинству проповедати, аще одолеют и возмут град, то вся тамошня сокровища им даны будут. И тако дерзновенных своих учинив, ятся делу.

Повеле делати башни древяныя превыше градских высочайших стрелниц. Такжеде валы, шанцы, и туры, и мосты чрез рвы. Еще же соделати мост от Пёры до Галат?, две тысящи ступеней, дабы не могла морем помощь приити ко граду. Такжеде и тайное подкопание глубочайшее повеле делати.

Царь же Константин со сущими во граде, видев таковая, ни откуду надеющийся помощи, на Бога единого надежду возлагаху и к нему въздыхания испущаху.

Елико можаху противляхуся турком и изшедши из града бяхуся с ними, не даючи им стенобитных хитростей устроить и града обступати. Но не возмогоша удержати того, зане силе турецкой тяжцей сущи, яко рещи: «Един бияшеся с тысящею, а два со тмою противных».

И тако преодолен бысть град и окружен ратными, такожде и самая Галата, яко не возможно быше ни от коея страны приити помощи ко граду.

Сущи же во граде царь, и царица, и патриарх Анастасий со освященным собором и множеством народа, мужей, и жен, и детей, постом и бдением смирившеся, обхождаху святыя церкви, молебная совершаючи.

Потом царь непрестанно ездяше около града, укрепляючи стратигов, и воинов, и прочий народ, да не ослабевают противлением на враги, упование возлагаючи на Бога.

И повеле велможам и начальником разделить воином градския стены, и стрелницы, и врата; и на местех, отнюду же чаяху приступу, поставити пушки, и пищали, и колоколы собрания ради воинов. И заповеда им, да кийждо от них хранит свою отделенную часть стен и биятся с турки, а из града да не исходят.

Стены же убо градския красотою и высотой аще и по вселенней славни бяху, но нерадением греческих начальников промысла и покрова пусты суще, зело обетшаша и ослабеша. Егда же отвсюду турки обседоша град и вся яже на разорение града уготоваша, умыслиша сотворити явный приступ ко граду.

И месяца февруария в 14 день заповедаша нечестивый пост всему воинству, и быша посту их днем точию, а в нощи питахуся, и пиروваху, и друг друга объемлюще целовохуся, яко бы к тому не имуще надежды видетися.

Потом начаша ратовати град ото всех стран и бяхуся со гражданы чрез тринадцать дней непрестанно, не дающе им ни мало починути, и уготовляхуся к приступу. Граждане же крепко бяхуся с турки, кийждо своего отделеннаго места блюдущи.

В четвертый же надесять день после начала брани и по скверном посте их, еже имать быти февруария в 28 день, прежде зари еще, паки сотвориша скверную свою молитву, начаша в различныя ратныя трубы трубити и литавры бити.

И прикативши пушки и пищали многи, начаша бити по граду, такожде стреляти из ручниц и из луков тмочисленных, яко граждане от безчисленнаго их стреляния не можаху на стенах стояти и укрывшися ожидаху оных на стены восхождения; инии же противо стреляху ис пушек и из пищалей и многих турков побиваху.

Егда же нечестивии всех людей сбиша со стен, тогда абие воскричавше, все воинство вкупе ото всех стран нападоша на град кричаще и вопиюще, овии с лестницами и турами, инии же со огни различными и прочими стенобитными многими устройени и хитростьми с великим дерзновением приидоша, мянщи внезапно похитити град. Градстии же воины воставше текоша на стены, кийждо на свое место, вопиючи и кричащи на турков, биющихся с ними крепко.

Царь же объезжаше по всему граду, понуждаше и увещеваше воинов и народ и обещавая им помощь Божию; и повеле в колокола звонити на собрание людем по всему граду. Турки же, яко услышаша велий звон, подобящися тому, возглашаху во многия трубы и прочая тмочисленная бранная орудия. И бысть тогда велия и преужасная брань, яко от пушечнаго стреляния, и пищалных гласов, и звуку звоннаго, и от трескоты всякаго оружия от обоих стран бе слышати паче громов многих.

Тakoжде от гласов, и вопля человеческого, и слезнаго рыдания жен и детей градских мнетися и земли колебаться тогда, и не бе слышати, еже друг ко другу глаголаше. От множества же огней и стреляния пушек и пищалей от обоих стран дымное курение сгустившися покры град и все воинство, яко не мощно бе видети, кто с ким брань имяше; и от дыму того мнози задыхавшися напрасно падающе умираху. И сечахуся на всех странах града, за руки емлющися.

И пребысть таковая премрачная сеча чрез весь день, донеле же ночная тма раздели воинства и прекрати сечу. И тако турки отыдоша от града во станы своя, оставльши мертвых своих. Градстии же людие от великаго утомления падоша яко мертвы на землю, егда токмо едины стражи останаху на стенах.

Наутрие же повеле царь собрати мертвых своих и погребсти их. Бяше же число избивенных — единых греков славных и знаменитых 1740 мужей, а немец и армен да седмисот мужей.

Потом царь з боляры поиде по стенам града, хотя видети ратных своих, и хождаше смотряючи их, от них же ни гласа, ни послушания — вси бо от великаго труда яко мертвы спаша.

Позревши же на страну противных за град, видеша полны рвы трупов турецких, такожде в потоках и на берегах морских велия громады лежаху трупия поганых; и посметиша убиенных турков до 18 000.

И повеле царь своим тихо сошедши со стен вся стенобитная устройства, иже оставаша от турков под стенами града, огню предати. А сам с патриархом, и со всем собором, и з боляры поиде в великую церковь, благодарящи Бога: мняху бо Махомету, видевшу толикое падение своих, во ужасе быти и отступити от града.

Но той зверообразен сый не тако смышляше. И во второй день посла видети убиенных своих, и возвещено ему бысть о множестве их. Он же посла полки многия взяти трупия, а царь заповеда своим во граде, да не претят того турком никоим оружием, да очистятся рвы и потоки. И тако нечестивии взяша трупия мертвых и пожгоша их.

Но аще и видев нечестивый Махомет, яко ничтоже успе граду, но тщету в людех велику прият, не ослабе обаче в деле своем. Но призвав воинских начальников своих, вскоре повеле им, уготовя многи пушки и пищали, привалити ко граду; и всему воинству ити и такожде неослабно прилежати брани, не даючи гражданам ни малыя ослабы.

Царь же Константин с сущими во граде, видев таковое Махометово непреклонное намерение, послалаше поморю и посуху во Амморию, и Венетию, и в прочия страны и острова помощи ради, такожде и к братии своей. Но ни откуду возможе обрести того, зане братия его сами брань с прилежащими си народы имяху; прочии же такожде, яко и прежде в мысли своей содержащи, безделных посланных отпускаху.

Яко оттуду ни малыя прииде помощи, един токмо зиновианин князь именем Зустуней прииде к Константинополю на помощь на двух караблех и на двух катаргах, имея с собою вооруженных шестисот мужей храбрых, и проиде сквозе все водное воинство турецкое, и прииде благополучно под стены Константинопольския.

[Сей князь коея бе страны или области, о том не могло обрестися в подтверждение от иных историй иностранных, токмо в российских обретается написано тако. Страны же, или области, или града Зиновии не могох у описателей и историков обрести, но ниже имени таковаго когда во оных странах обношашеся. Но обаче оный князь многославен бе и мужествен, яко сия история ниже о нем объявити имать. Аще имя его в российских историях невежеством или неискусными писатели изменися, обаче «Достоин делатель мзды своея» — сице и той мужественной муж вечныя славы].

Уведав же царь Константин пришествие его, и видев его зело возрадовался и воздаде ему честь велию, и прочим пришедшим с ним, ведаше бо его искусна ратника. Той же Зустуней испроси у царя под

хранение свое хуждшия места града; придаде же ему царь и своих воинов во исполнение дву тысящ числа.

Он же восприим блюдение града, зело мужественно подвизашеся и дерзновенно и храбро бияшесе с турки, яко не могущим им противитися мужеству его, отстоваху от мест тех, идеже он на стражи быше, и к тому не приближахуся тамо.

Той же не точию свое отделенное место снабдеваше, но и всюду по стенам обхождаше, наставляя и укрепляя воинство, да не отпадают надежды, но на Бога упование да возлагают и не ослабевают в делех своих; и господь Бог, глаголаше, поможет нам. Бе бо муж той, яко писася, искусен ратник — и возлюбиша его вси людие, и прилежно послушаху его.

Турки же по всем местам приступающе стужаху гражданам, не дающе покоя день и ночь, зане, яко речесе, множеству сущу велию турков. В тридесятый же день по первом приступе, еже имать быти марта в 30 день, паки турки прикативше вся пушки, и пищали, и прочая стенокрушительная устроения, начаша бити ото всех стран по граду.

Во оных же пушках две пушки зело велики, яко ядро единый быше в пояс стояща мужа, другая же в колено. И сию великую пушку поставиша противу стены, юже Зустуней храняше — быше же стена та низка и ветха.

И яко удариша по стене той, тогда начат колебаться от зелных силы. И паки второе стрелено бысть: тогда сокрушися и спаде стены тоя сверху саженой на пять. В третье же не успеха стрелити, зане ночь постиже их.

Зустуней же то место нощию зделати повеле; и внутрь града противу того места другую древяну стену учинити и землею насыпати; и тако соделано бысть.

Наутрие же турки паки начаша стреляти по тому же месту из многих пушек. И яко надкрушиша стену, тогда наведше болшую пушку стрелиша, чающе до основания опроверщи ю. Но ядро оно полетело мало выше стены градных, токмо седмь зубцов захватило, и ударися в церковную стену, и распадеся на части.

В полу дня паки начаша туюжде пушку уготовляти к стрелянию. Зустуней же наведе свою пушку противу тоя и стреляти повелев. И улочиша ядром во устие тоя великия пушки, и разбиша ю.

Видев же сие, нечестивый Махомет възьрися зело и с яростию многою начат вопити ко всем своим на разоярение града. Воинство же все воскресавше, всеми силами по земли и по морю со всякими хитростями приступиша на взятие града.

Граждане же востекши на стены противляхуся им, биющися крепко. И ис пушек и пищалей стреляюще многих турков побиваху. Ибо вси людие текоша битися, точию священный чин с патриархом останахся во храмах Божиих молитвы совершающе.

Царь же с велможамы объезжаше у стен града, укрепляше воинство. И повеле звонити по всему граду. Такожде и Зустуней обтекаше стены градныя, утверждаше и понуждаше воинство.

И яко услышаша людие звон у святых церквей, абие охрабришася вси и бяхуся с турки крепко зело. И яко же предписахом, кий язык изрещи может обоих дерзновения?

Сам же Махомет зело прилежаще брани, овех воздаями и честию, иных же страхом понуждающе. И сице укрепляеми, турки неослабно прилежаху брани, стреляху из тмочисленных пушек и пищалей, и приближившися ко граду на стены восхождаху, и врата градныя плещи своими усиловаша сокрушити.

Греки же мужественно отпор творяху турком. И бяше от обоих стран различными образы и многообразными смертми множество побиенных. Падаху убо турки — такожде и со стен греки — яко снопие мнози, и кровь течаше аки река многа, и наполнишася рвы трупия человеческого, яко по ним ходити и яко по степенем воступати и битися турком. Бяху бо им мертвии мост и лествицы ко граду.

Такожде и потоки и бреги окрест града наполнишася трупов человеческих. Такожде и затоке Галатстей с кровию смешатися, тако престрашна бяше брань. И аще не бы ночь постигла и окончала брань ту, то бы конечная была пагуба граду, понеже граждане вси зело утрудилася и изнемогши яко мертвы падаху.

И тако ночи наставшей отступиша турки во станы своя. Граждане же возлегоша комуждо идеже прилучися. И тоя ночи ничтоже бяше слышати, точию вопль и стенание людей избиенных, иже еще живи быша.

Наутрие же повеле царь избиенных своих собрати и погребсти, раненых же врачом отдати. И собрано бысть мертвых греков, и немец, и армен, и прочих пришелцов 5700 мужей. Зустуней же с прочими велможы поидоша по стенам града, смотряюще трупия неверных, и сметивше сказаша царю и патриарху, яко 35 000 тогда турков убито.

Обаче царь зело рыданми плакаше, видящи падение своих, а помощи ниоткуда надеяшеся, к тому неотступное видево дело нечестивых. Но обаче патриарх и велможы утешаху царя. И вси шедше в великую церковь со всеми благородными всю ночь пояху, молящеся Богу.

Безбожный же Махомет не восхоте взимати трупия избиенных своих, но из пушек хотяше их во град метати, да тамо согниют и усмрадят жителей градских. Но возвещено ему бысть пространство града, и яко таковая не сотворят жителем зла, абие посла многие полки, иже собраша и пожгоша мертвых.

По том в девятый день, иже имать быти апреля в 8 день, паки скверный Махомет повеле всему воинству приступати ко граду и брань творити по вся дни; и пушку великую крепчае пределати повеле.

Сия же видев Зустуней, собрався с патриархом и велможи, приидоша к царю и начаша увещевати его глаголюще: «Видим, господине царю, яко безверный Махомет не ослабевает в деле своем, но паче готовится ко множайшим бранем. Мы же что сотворим, ниоткуда помощи имуще или чающе? Сего ради подобает тебе изыти из града на подобное место. И егда сия услышат братия твоя и окрестнии народи, то приидут к тебе на помощь. Еже услышав нечестивый сей, устрашився отступит от града». К тому ж и ина многа изрекоша к нему, и карабли и катарги Зустунеевы даяху ему.

Царь же весь слезами разливашеся на мног час умолча, потом рече: «Благодарю совет ваш, понеже на ползу мне сия и могут тако быти. Но како аз сия сотворити имам и оставити священство церкви Божиих, и царством, и народ весь в толицей беде сущих? Что же мне и вселенная речет? Ни, господие мои, не сотворю сего, но умру zde с вами!»

Патриарх же и велможи прекратиша беседу и плач, да в народе не уведано будет. И тако послаша помощи ради во Амморию и в прочии острова.

Брань же зело належаше на град, противно же и граждане творяху, день и ночь биющися. Инии же в ноцех излазяху во рвы, и прокапываху стены рвов от поля, и подкопы устрояху во многих местех, поставляюще в них многи сосуды с порохом. На стенах же уготоваша сосуды с серою, и смолою, и поскони с порохом. И тако двадцать пять дней бишася непрестанно.

По прошествии же толиких дней, иже имать быти маиа в 3 день, паки повеле безбожный привлещи оную великую пушку, иже бяше утвержена многими обручми железными. И яко стрелиша из нее, абие разсѣдеша на многия части. Он же безверник зело възьярися, мнящися поруган быти.

И воскричав вскоре повеле всеми силами от всех стран туры покатити, бяху бо велики соделаны. Такжеде и дресеса многия понесоша. И сташа по всему рву градному, хотящи турами, и дресесы, и

землею наполнити рвы, и привлеши и приближити множайшия пушки ко граду, и стены во многих местех подкапывати и на землю низвергнути; и яко тако приидоша множество турков рва засыпати.

Тогда граждане тайно шедше зажгоша порохи в сокровенных местех. И внезапно возгреме аки гром зелный, и подъяся земля на высоту с турами, и древесы, и с народом яко буря сильная, даже до облак, и бе страшно слышати трескоту, и сражение турков, и вопль и стонание их, яко обоим бежати от мест тех: граждане убо со стен, а турки от града далече. И падаху с высоты людие и древесеса, овии во град, овии во станы турков и во рвы, иже наполнишася трупия их.

И яко възидоша граждане на стены, видеша множество турков во рвах лежащих, абие зажигаху устроенныя козни со смолою, и порохом, и серою и метажу на них. И тако мнози сожжени быша, и таким промыслом в той день избавися град.

Нечестивый же Махомет со множеством избранных своих издадече стояв, смотряше таковая человеческия поги бели, и во страсе и недоумении быв, недоумеваше что творити. Такожде и в воинстве его мног страх бысть. И тако отступиша оставльшии от града.

Греки же изшедши из града побиваху турков, еликих живых во рвах обретаху, и собрав велия громады пожгоша с оставшими трупы. Царь же Константин, и патриарх, и велможи, и весь народ возрадовашася сицевому, ходящи по церквам молебная благодарения приношаху.

Злочестивый же Махомет многи дни советовав, умысли отступить от града, зане и морской путь уже приспеваше и чаяше отвсюду помощи граду. Царь же с патриархом и сигклитом усуетоваша, но не благ совет.

Надеяхуся бо, яко того ради на многи дни без брани стоят противнии, да множае уготовятся ко взятию града, и тако послаша к нечестивому послов о мире глаголати.

Он же хитр сый, слышав таковая возрадовася, ибо разуме, яко граждане нуждею привидени суть к таковому прошению. Воздержав отшествие, нача с посланными о мире совещати и отвеща им: «Аз никако инако сотворю мир, токмо сице.

— Да изыдет царь во Амморию, такожде патриарх и людие вси, амо же хотят, безвредно, град точию пуст мне оставльши, и сице вечный мир сотворю с ними. И не буду вступатися во Амморию и во острова его вечно. А иже не похотят изыти из града, да останутся жити ту под державою моею со всеми стяжании своими без вреда и печали».

И пришедше посланнии возвестиша царю и патриарху, иже слышавше со всенародством, абие возстенавше от среды сердец и руце на небо возведши от Бога милости прошаху. И паки уготовляхуся на брань, печалующеся и сетующе о послании к нечестивому, яко таким воздержажу его под градом.

Днем же трием минувшим по послании том возвещено бысть нечестивому, яко оная великая пушка соделася добре. Он же совещава искусити ю. Паки повеле всему воинству ко граду ити и брань творити.

Бысть же убо сие попущение Божие за грехи народа того, и яко да збудутся вся преждереченная о граде том при Константине Великом царе, и от Лва царя Премудраго, и от Мефодиа епископа патр-скаго.

Месяца же мая в 6 день, паки нечестивый приступив ко граду, повеле в то же место, идеже первое, бити изо многих пушек. И бияху тамо три дни. И яко надтрудиша стену, тогда удариша из великия пушки и спаде стены тоя много. Егда же во вторые стрелиша, паде стены великое место, идеже вбегоша множество турков. Граждане же противишася им крепко и бысть зелная брань, яко страшно бе видети обоих дерзновения и мужества.

И по том вечер приспе, тогда начаша турки стреляти в то же место изо многих пушек чрез всю ночь непрестанно, не даючи гражданам заделывати разбитаго места. Но обаче греки тоя ноци противо всего того полага места башню велию зделали. Во утрии же день паки турки из тоя же великия удариша пушки пониже перваго места и паде стены много, такожде во вторые и в третие.

И яко уже учиниша великое полое место, тагда абие воск<р>ичавши премножество турков, друг друга поощряюще, вскочиша в то место, идеже греки изыдоша противо им, и сечахуся зле, яко дивии звери рыкающе, и бе страшно зрети тоя человеческия погибели.

Тогда же Зустуней, собрав многи воины, воскричав мужественно нападе на турки, и согна их со стены, и рвы наполни мертвыми турки. Амурат же некто янчарский начальник, крепок съй телом, смешався бияшеся со греки, и доиде до Зустунея, и начат битися с ним, и одолеваше ѿ.

Сия же видева некто благородный воин грек, скочив со стены отсече Амурату ногу секирою и тако избави Зустуней от смерти. Таже флабуарь Мустафа, воевода восточный, и амарбей с полки своими нападоша на греков и одолеваху их.

И бысть сеча многа, даже приспев на помощь гражданам Рагкавей стратиг, и той возгна турков даже до самага амарбея, иже видева

Рагкавея люте побивающа турков, обнажив мечь, нападе нань. И сечахуся зельно, даже Рагкавей обема рукама воздвиг мечь порази амарбея по раме и разсече его надвое, ибо велию имяше силу.

Турки же много зело окружиша Рагкавея и разсекоша на части, ибо множеству великому недоволен бе един противитися. И тако прогнани быша греки во град. И бысть во граде плач о Рагкавеи, зане зело бе мужествен и царю любезен. И тако ноши наступившей преста брань и разыдошася обои, обаче же стреляти на полое место не престаша.

Граждане же начаша противо того полага места башню простирати и делати крепко; и наведоша в ню тайно многия пушки. Во утрие же, яко видеша турки стену незаделанну, воскричавше наскочиша тамо и бишася со греки, греки же изнемогаху от них.

Турки же дерзновеннее нападающе гоняху их, чающе, яко уже одолеша град. Сгустившимся же многим турком, граждане же умышленно разбегошася, и тогда изо многих пушек удариша на турков и многих их побиша. Из града же нападе на них Палеолог стратиг со многими воины и крепко побеждаше их.

И тамо противо ему приспе восточный воевода флабурарь Мустафа со многими турки и прогна во град греков. И тако сильны быша турки греком, яко мало стены не отьяша у них. Но тогда Феодор тысячник совокупився з Зустунеем поскориша на помощь своим, и бысть сеча премрачна, и одолеваху турки греков и во град впадаху.

Царь же бяше тогда в притворе великия церкви со всеми боляры и стратиги, советуя о устремлении безбожных, сице глаголющи: «Се уже нам по многи дни непрестанно секущимся с турки, колико множество народа нашего погиге! Аще же впредь такожде будет, то всех нас изгубят и град возмут — но собравшеся со избранными изыдем мнози из града в место удобное и оттуду ношию, Богу помогающу нам, нападём создади на них и тако или помрем за церкви Божия, или избавление получим».

Сему же совету мнози скланяхуся, ведуще храбрость и силу цареву. Архидукс же, и Николай епарх, и инии помолчавше надолзе рекоша: «Се пять месяцев преиде, отнеле же зачахом братися с турки, просящи же Божия помощи, и аще будет воля его к тому, можем еще и другия пять месяцо братися с ними. Аще же не будет Божия помощи, то мы что сотворим? Ибо можем единым часом вси погигнути и град погубити».

Великий же domestик, и с ним логофет, и инии мнози советоваху, да изыдет царь из града, взем с собою избранных елико давле-

ет. И тако да свобождает град, не даючи турком толико дерзновенно приступати ко граду. И отшед издалече потребная да промышляет, еже слышавше христиане соберутся к нему мнози.

И тако советующим им, возвестиша царю, яко уже турки взыдоша на стену и одолевают граждан. Царь же скоро вскочив, побеже тамо со всеми велможи и избранными своими, но обаче сии упредиша царя и поскоривше приспеша своим в помощь. И встретоша мног народ бегающъ, и возвращаху биюще их. Зустуней же со иными велможи и стратиги во граде бяхуся с турки, овогда бегаючи пред ними, овогда же укрепляющися возвращахуся и турков гоняху.

Мнози же инии турки, чрез рвы мосты соделав, на конех во град въезжаху. И тако всем велможам и стратигом соединившимся з Зустунеем, и мужественно на турков нападшим, и возвратиша их до стены. Но убо турком, конником и пешцем многим вшедшим во град, паки возвратиша стратигов, биюще их, и одолеваеми бываху греки. И аще бы не ускорил царь на помощь им, то конечная была бы погибель граду.

Достиг же царь со избранными своими, нападе на турков, мечь един в руках токмо имущи и сечаше их многих. И бяше престрашно зрети самага благочестиваго царя подвизающася, и мужественно нападающа, и секуща нечестивых, их же бо достигаше и ударяше — таковых пресекаше надвое. А иных со главы до конскаго хребта разсекаше, и тако многих смерти предаваше.

Турки же единодушно собравшеся устремляхуся противу крепости его, и всяким оружием суляху его, и стрелбы многочисленныя пуцаху нань. Но, яко же глаголется, бранныя победы и царьския падения кроме Божия промысла не бывают — вся бо их оружия и стрелы тщи падаху и мимо летающе миноваху царя.

И тако турки, не возмогши яростных поражений мужественнаго царя и прочих велмож терпети, бежаша от них к разрушенному месту. Идеже затеснившихся их множае побиша греки, прочих же за рвы прогнаша. И тако вечеру приспевшу отступиша от града.

Наутрие же градский епарх Николай повеле гражданам побиенных турков вон из града пометати на показание и страх нечестивым. И обретеса убиенных их 1600 муж, их же турки взявше пожгоша. Епарх же паки повеле разрушенное место все стеною древяною заделати и башню поставити, чающе уже отступления поганых. Безбожный же Махомет не тако совеща. Но по три дни собирающе пашей своих, и беклербегов, и сенжаков, и прочих советников, советующи с ними тако глаголаше: «Видим гауров сих охрабрившихся

на нас, и тако нам бравшимся с ними не можем одолети их, понеже о едином токмо разрушенном месте многими людьми битися невместно, а малыми — то они нас одолевают.

— Но да сотворим яко и прежде великий приступ, подвигнувши туры и лествицы ко стенам града во многия места. И егда разделятся граждане по всем местам на противление нам, тогда абие мы крепко приступим к разрушенному месту».

И тако утвердив совет той повеле исполняти его. И грех ради всенародства, яко совеща, тако и содела проклятий. Уготовлены убо быша туры, и лествицы, и прочия многия приступныя хитрости. А воины беспрестанно бияхуся со гражданы, не даючи им покоя. И бываше тако по повелению его чрез многие дни.

В 21 день маиа бысть знамение страшно над градом сичево. В нощи той внезапно осветися весь град светом великим, еже видевши стражие, текоша видети бывшего, чаяху бо, яко турки зажгоша град. И того ради воскричавше бегоша, и собрашася тамо мнози людие, и зряху бывшего.

И видевше у великия церкви святыя Софии из верхних окон пламень огненный великий изшед, иже окружи всю церковную шею. И на долг час бысть тако, и потом собрався вкупе и пременися огонь. И бысть свет неизреченный, и абие взятыя к высоте. Онем же зрящим сия и чудящимся.

И восплакавше начаша горько вопити: «Господи помилуй нас!» Свету же тому достигшу до набеси, и абие разверзошася небеса и прияша свет той. И тако скончася видение.

Во утрии же день пришедше стражие возвестиша патриарху. Патриарх же собрав бояр и советников поиде ко царю и нача увещевати его, да изыдет и с царицею из града. И яко не послуша их царь, рече ему патриарх: «Вем, яко веси, царю, вся предреченная о граде сем — се ныне иное страшное знамение бысть.

— Свет убо, паче же благодать пресвятаго Духа, действующая во святой великой церкви с прежними светилники — вселенскими архиереи и цари благочестивыми, такожде и ангел от Бога посланный на хранение великия церкви и граду сему при Иустиниане царе великом, в сию нощь отъидоша на небо!

— И сие есть знамение, яко милость Божия и щедроты его отъидоша от нас и хошет господь Бог грех ради наших предати град сей и нас врагом нашим». И с сим гласом представи ему мужей, видевших таковая, иже вся подробно сказаша царице. Царь же, слышав таковая, паде на землю, яко мертв, и бысть безгласен на мног час, яко едва ароматными водами отлияша его.

Воставшу же ему, патриарх и сигклитове паки увещеваху его, да изыдет из града с еликими волит и ищет помощи граду. Царь же не послушаше такового совета их, но отвеща им: «Аще господь Бог изволил тако, то камо избегнем гнева его?»

— Колико царей прежде меня бысть великих и славных, иже пострада за любимое отечество; аз ли последний не сотворю сего?! Всеконечно уже умыслих аз вкупе с вами зде умрети!»

Во второй день по оном видении, яко уведаша людие градстии о оном, зело убояшася. И вниде в кости их страх и трепет мног, и ослабеша, и растаяша яко воск. Патриарх же многими словесы утешаше народ, обещава помощь Божию.

Сам же со архиереи и со освященным собором взявше святыя иконы и животворящее древо обхождаше по стенам града, многи молитвы со слезами простирающе, просящи милости Божия о избавлении своем. Такожде и вси людие притекаху ко святым церквам, требующе милости от Бога.

Турки же, яко же предрекохом, по вся дни брань творяху, не дающе покоя греком. Султан же Махомет, собрав всех своих военачальников, раздели им места града ко приступу.

Карачибею повеле быти противо царских полат; калихарию противо деревяных врат; беклербегу восточному Мустафе флабурарю противо Пигии и Златаго места; западному беклербегу противо Херсона; сам же избра себе место посреди их, противо врат святаго Романа и разрушеннаго места.

Морския же воеводам Болтаули паше и Гаган паше поручи обе страны града от моря, яко да купно окружают град и во единое время отовсюду — поморю и посуху — ударят тяжкою бранию.

И бысть мая в 26 день, проповедником их нечестивым совершившим скверную молитву, тогда абие воскричав, все воинство сурово прискакаху ко граду, такожде и пешцы многочисленни потекоша и привлекоша пушки, и пищали, и туры, и лествицы, и прочая стенокрушательная устройства. В той же час и по морю подвигнуша карабли и котарги многи.

И тако от всюду начаша бити по граду. И яко збиша граждан со стен, тогда вскоре мост чрез ров учиниша, и придвигнуша деревяныя городки и башни, и нуждахуся силою взыти на стены града. Но греки мужественно противляющиеся не даша им того творити.

Сам же Махомет султан повеле во вся ратныя орудия бити и играти и подвижесе сам со всеми чины своими, аки сильная буря возшумев. И пришедше, ста противо разрушеннаго места, мнящи таким суровством напрасно восхитити град.

Градским же стратигом многим з Зустунеем приспевшим ту со многими благородными воины и бияхуся зело с турки. И аще бысть велие падение греком, но яко часу погибе льному еще на них не приспевшу, премогахуся с турки. И бысть брань велия крепчае первых, яко страшно бе и ужасно зрети обоих дерзости и мужества.

Патриарх же со священным собором во святей велицей церкви с плачем и рыданием неотступно моляше Бога и пресвятую его Матерь о поможении на враги и о укреплении христианскаго воинства.

Тамо же к разрушенному месту и сам царь приспе со избранными своими и видев брань тяжку с плачем воинству своему возопи: «О братия и друзи! Ныне прииде время обрести нам вечную славу, паче же венцы мученическия, пострадав за православную веру!»

И ударив конь под собою, хотя прескочити разрушенное место и достигнути самага Махомета ко отмщению христианския крове. Но едва нуждею удержаша его стратиги, зане невозможно бяше быти такому, ибо Махometу в силе тяжцей стоящу.

Царь же обратился на турков и пресекаше их мечем на́полы, яко и прежде; турки же бежаша из града и за рвы. Безбожный же Махomet сам зело прилежаше брани, по всем местам скачуци и вопиючи, по-нуждая ко брани, чающе уже пожрети град.

Со обеих же стран градных метяху на турков посконь со смолоу и сероу зажигаючи. И тако на стенах будущи греки и прочие люди, оградившеся дерзостию, вопияху друг ко другу: «Поскорим, братие, к разрушенному месту и помрем за церкви Божия!»

И тако крепко даже до полунощи сечахуся с турки, и збиша их со стен града на землю, и преста сеча. Но обаче не отступиша турки от града, и возжегши огни многи стояху, такожде и сам Махomet не отъиде от града, но стояще стрегуще стенобитных хитростей и не даючи их разрушити греком.

В 27 день маиа паки повеле безбожный бити по граду подле разрушеннаго места изо многих пушек и пищалей. О девятой же године, наведше великую пушку, стрелиша трижды и разбиша башню; и тако преиде той день. Ноци же наставшей, Зустуней со дружиною своею и фряги паки начаша делати башню. И внезапно прилете ядро каменное ис пушки на излете, и удари Зустуней по персем, и паде на землю, яко едва отлияша его, и отнесен бысть в дом.

Сущи же с ним все ослабеша, не ведаючи, что творити; той бо великим смыслом и мужеством храняше разрушенное место. Царь же слышав сия зело опечалися и скоро прииде к нему с велможи, утешаючи его.

Врачи же чрез всю ночь труждавшися над ним, едва мало нечто ползоваша ѱ, и пищу и пития вкусив, почти мало. И потом повеле нести себя к башне оной и повеле при себе делати с великим усердием.

В 28 день маиа, видевше турки греков башню делающих, вскоре побегоша множеством великим к разрушенному месту. Флабурарь же восточный беклербег со множеством турков, в них же бяше пять мужей страшных взором и великих возрастом, притек нападе на греков и зело побиваше их.

Противо же их изыде из града протостратор и сын ево Андрей со многими воины и нападоша на турков; и бысть престрашная сеча. Видевши же со стен неции благородныи воины три братия оных пяти мужей турков, нещадно побивающих граждан, скочиша со стены, и нападоша на них, и люте сечахуся с ними, яко дивитися турком зело и помышляющим всем им избиенным быти. Но обаче тии убивше двух оных турков сами ото многих без вреда отъидоша.

О разрушенном же месте брань наипаче умножашеся и турки великою силою одолеваху граждан. Но обаче стратиги и велможи с Зустунеем мужествоваша крепко. И падоша от обеих стран мнози.

Из пушек же непрестанно стреляху во град. И тогда пушечным ядром отшибена бысть часть немалая древа и тою збито бысть у Зустунея десное рамо. И тако паде яко мертв, над ним же мнози велможи и людие падше с плачем вопияху; и нако отънесен бысть.

Турки же, услыша стенание и вопля народа, абие воскричавше всеми полки наступиша, и потопташа граждан, и секуще и биюще во град погнаша. Видевши же стратиги и причии мужественнии таковое зловерных устремление и не возмогши воздержати их, бегати начаша.

И конечная бы тогда уже была погибель града, аще не бы царь поскорил со избранными своими. И тако бегущу царю, стрете Зустунея несоме еще жива суща, и восплакася о нем горко, и по сем со избранными своими нападе на турков, нещадно их побиваше, меч токмо един, яко и прежде, в руках имеючи; и их же достизаше, пресекаше надвое всадники и с конми купно, не удержеваше бо силы его ни едина бронь, ниже конская крепость.

Турки же непостоянно бежаша от него к разрушенному месту. И сосутившимся тамо множеству народа, побиша зело много турков и за град прогнаша их, а иже быша во странах по улицам, тии тамо побити суть. И таковым тогда промыслом избавися град. И отъидоша турки, а граждане падше отдыхаху; и тоя нощи не бысть ничтоже.

Царь же, и патриарх, и весь сигклит, мнящи уже конец бранем, поидоша в великую церковь и благодариша господеву Богу, такожде и царя похвалами мужества его ради возвышаху. Глаголют же, яко и сам царь вознесся нечто, мнящи, яко его храбростию бысть тако. И того ради чаяху отшествия поганых, не ведущи воли Божия, хотящия быти.

МахOMET же султан, видев своих безчисленное падение и слышав цареву храбрость, не спа тоя нощи, но вниде в совет со всеми чиновачники своими. И усуетоваша тоя нощи отступити, занеже и морской путь уже конечно приспе и надеяхуся отовсюду помощи граду. Но да сбудется воля Божия, совет той не совершися.

Бысть убо в нощи той знамение над градом сицево. В час седмый нощи тоя начат являтися над градом тма многая и густая, яко воздуху сгустившуся на высоте и являющися яко плачевным образом, и начат на град низпущати капли подобны слезам каплющим, величеством же яко воловое око, цветом же червлены; и терпяху на земли на долг час лежаще.

Сего же все людие наипаче ужасшася, бяху бо в тузе и страхе многом. Патриарх же и сигклитове, видевше таковой страх Божий являемый, паки совокупльшеся приидоша молити царя, глаголюще: «Сам веси, о светлейший царю, вся преждереченная о граде сем от премудрых мужей, яже волею Божию наших ради грехов ныне збываются нам. Прежде бо сего видел еси отшествие на небо всякия святыни отсюду, ныне же и тварь является плачущи, яже не ино что, точию погибель граду возвещает. Того ради молимся ти изыти из града, да не вси купно погибнем!».

Царь же не внимаше таковому их молению, но рече: «Воля Господня да будет! Обещах бо ся вам не единою уже вкупе с вами пострадати желаемого ради отечества, паче же веры ради христианския и христиан правоверных!»

МахOMET же султан, яко видев тму бывшую над градом, созва книжников своих и вопросы их о сем. Иже рекоша к нему, яко тма сия не ино что являет, точию погибель граду. Той же нечестивый возрадовася о сем, паки воздержа отшествие и брань вящшую нача уготовляти.

Маиа в 29 день повелено бысть ити наперед тмочисленным оружником пешим, с ними же пушки и пищали многи зело. Иже пришедше со множайшим дерзновением стаща против всего разбитаго места и пустиша премрачную стрелбу во град. И таковым усиленным стрелянием, егда отбиени быша граждане от места того, тогда пешие

очистиша путь конным ратным и рвы заравняша, во иных же местех мост чрез рвы соделаша.

И егда бысть уже способный путь конником, тогда тии возопивше, в презельной крепости всеми полки потекоша во град и потопташа обретшихся тамо граждан. Стратигом же и магистром со многими конными приспевшим тамо, иже подкрепивши народ и сведоша страшную брань с турки, иже уже немало рыскаху по стогнам града.

По сем и сам царь со всеми велможами и избранными воины приспе тамо. И смесишася вси греки и турки во граде, и бяше преужасная тогда брань. Обаче турки, воспящени будуще от греков, бежаша к разрушенному месту.

Тогда восточный беклербег флабурарь Мустафа, велик суши тело и дерзновенен ратник, воскричав, со всею силою восточною притекши тамо нападе на греков. И разгна полки их, и дерзость их воздержа, и взял копие устремися противо самага благомужественнаго царя. Царь же щитом отведе копие, и порази его мечем во главу, и разсече надвое до седла.

И абие возопиша турки беклербега ради многими гласы. И взявше его отвезоша к султану. И потом и прочии турки прогнани быша за град. Но обаче турков множеству сущу, прменяющесе творяху брань; граждане же, всегда едини суще, от многаго труда изнемогаху и падаху.

МахOMET же султан, яко услыша о убиении беклербега, восплакася о нем зело, ибо премного любляше его храбрости его ради и разума. И разъярився поиде сам своими враты со многими силами, а на царя повеле навести пушки и пищали, боящися его.

И пришед ста противо разрушеннаго места, прилежа зельно брани, и повеле бити из многих пушек и пищалей, и таковым стрелянием паки отбиша градских воинов оттуду.

Егда же тамо очистиша путь конником и прочим ратным, тогда посла МахOMET пашу Балтаули имянем со многими полки. А противо царя особно посла три тысящи воинов, заповедав им, да улечат и имут царя или убьют его, аще и сами вси избиени будут.

Велможи же, и стратиги, и магистры, видевше в тяжцей силе дерзновенное безбожнаго устремление, отведоша царя, да не всуе умрет. Он же восплакася горко, рече им: «Не дейте мене, да умру купно с вами веры ради христианския, яко же обещахся». Но тии сами обещающесе умерети за него, отведоша и от народа. И паки увещеваху его, да изыдет из града, но той не соизволи на то.

И тако простившеся с ним и последнее целование отдавши, вси потекоша к разрушенному месту, идеже сретоша Балтаулиа пашу со многими полки дерзновенно грядуща. И тамо составиша с ними пре-мрачную битву, яко бысть крепчае всех первых.

И тако падоша велиции велможи, и стратеги, и магистры, и прочии чиноначальники мнози, такожде и общенародных воинов безчисленное множество, яко не возмогоша воздержати полков оных. Елицы же останахся, побегоша и возвестиша царю таковая.

Обаче и самих турков неизчетное множество убиено бысть. Третьсящники же рискаху по всем стогнам града, ищуще царя. К тому и прочее воинство Махомет посла во град на взыскание царя. Сам же точию с янчары останахся, окопався во обозе и пушками и пищалями утвердившися.

Благочестивый же царь Константин, яко слыша погибель града, поиде в великую церковь и паде на землю, кагощися и милости и оставления грехов просящи. Простившеся с патриархом и прочими, такожде отдаде последнее целование супруге своей, благочестивой царице, и двум дщерем своим, девам сущим, и поклонився на все страны до земли, причастився святых таинств.

И бе тогда видети преужаса многа исполнено время. Возопиша бо безчисленными гласы патриарх и весь клирос, такожде царица со дщерми и прочия жены всего сигклита, к тому дети и прочее всенародство, им же не бе числа. От рыдания же и стенания мнетися яко и церкви оной великой поколебатися, и гласи их к небеси восхождаху.

И тако поиде царь из церкви, сие едино прирек: «Иже хочет пострадади за Божия церкви и за православную христианскую веру — той да идет со мною!» И всед наконь поиде ко Златым вратом, чающе тамо срести самага Махомета. Воинства же всего собрася с ним до триех тысящ токмо.

И обрете у врат многих турков стрегущих его, и бився с ними, многих их предающе смерти. И поиде нуждашеся проити врата градныя и достигнути самага нечестиваго Махомета, хотящи отмстити избивенных христиан. Но не возможе проити тамо от многоа трупия мертвых. И паки ту сретоша его множество турков, с ними же благочестивый царь мужественно даже до полунощи бияшеся.

Но не возможе множества их одолети, зане и дело неудобно, аще бы лва или тигра неустрашенаго имел крепость, паче же Богу благоволившу тако; идеже убиен бысть. И тако тамо пострада благочестивый царь Константин и прият преславную мученическую кончину за церкви Божия и за православную христианскую веру месяца мая в

29 день, убив своєю рукою безбожных турков боле шестисот мужей, яко о сем оставшии возвестиша.

Потом уже и град одолеваем бываше, точию народу в стрелницах крепких и во дворех не покаяющуся турком, но бияхуся с ними. И того дня много паде народа, и жен, и детей, зане неослабно бишася с турки сущими вне града и с сущими во граде.

И в день одолеваема бываху, бегаху и крыяхуся в подземных и сокровенных местех, а в ноцех исхождаху побиваху турков, инии же метаху на них с верху полат керемиды, и плиты, и кровли палатныя деревянные зажигающе метаху на них, и иныя множайшия пакошти творяху.

Пашин же и сенжаки ужасохуся сего, послаша к султану, глаголюще: «Аще сам не внидеши, то не можем одолети града». Султан же взыскание сотвори о царе, бояше бо ся внити. И бывше в размышлении великом, повеле призвати пред себе велможей, и стратигов, и магистров, иже яти быша на бранех, и посла их с пашми и сенжаки своими во град глаголати гражданам противящимся, да прекратят брань, обещаючи им верным султанским словом соблюстися невредным, без всякаго убивства и пленения.

Аще же не сотворят тако, то всех их и прочих, и жен, и детей мечь смертный пояст. И сему бывшу престаша брань, и вси воины предашася в волю велможам и стратигом греческим и пашам турецким. Егда же услышав султан, яко совершенно граждане покоришася, возрадовася зело и повеле во граде улицы, и площади, и домы чистити.

Во единонадесятый же день по взятии, иже имать быти иуния в 8 день, собрася нечестивый Махомет со всеми чиновачлики своими и со всем воинством, поиде во град во врата святого Романа к великой церкви, в ню же собращася патриарх с причетники своими и безчисленный народ мужей, и жен, и детей.

И пришед султан на площадь пред великую церковь, сниде с коня, и паде ниц на землю, и взял персть посыпа на главу свою. И почудився таковому великому прекрасному зданию града, рече тако: «Воистинну людие сии быша, и не туне тако на бранех подвижашася и смерти с радостию восприимаху! Но обаче уже преидоша, а инии по сим подобни не будут».

И поиде в церковь, и тако вниде мерзость запустения во святилище Божие, и ста на месте святем. Патриарх же и весь народ возопивше со слезами падоша вси на землю. Султан же помовав рукою да престанут и умолкнут. И молчанию бывшу рече к ним: «Тебе гла-

голю, Анастасие, и всей дружине твоей, и народу сему. От дне сего к тому не бойтесь гнева моего, ни убивства, ни пленения».

И обращя к военачалником своим повеле, да запретят воинству, дабы ни коего зла творили народу. Аще же кто дерзнет повеленное преступити, смертию да умрет таковой. И повеле всем изыти из церкви, хотящи видети урядство и сокровища церковная.

Народу же надолзе идушу; их же изшествия не возможе дождати султан изыде из церкви и видев изшедша народа полную площадь, иных же идущих по улицам, удивися толику множеству народа, от единых храмины изшедшу.

И поиде отуду ко двору царскому. И ту стрете султана некто сербин, нося главу благочестиваго царя Константина. Он же возрадовася зело и призвав велмож и стратигов греческих вопросы их: «Аще то есть глава царева?» Они же страхом объяти суще поведаша, яко та есть воистинну глава царева. Он же поцеловав ю рече: «Явна тя Бог миру представи, паче же и царя содела, почто тако всеу погибл еси?!»

И посла ю к патриарху, да сохранит, яко сам весть. Патриарх же, вложив ю в ковчег сребрян, сокры в великой церкви под престолом. О теле же его повествуется, яко взято бысть некими от места, идеже убиен, и сохранено в полате негде тайно.

Царица же, во он же час прият прощение от царя, взяша ю оставльшии стратизи и прочия велможи, с нею же и многих жен и девиц благородных, и отпустиша в кораблех Зустунеевых во острова Амморейския к сродником их.

Иностраннии историки глаголют, яко остася во граде, юже повеле нечестивый к себе привести. И тако приведени быша царица со двема дочерми девами, их же нечестивый обруга срамно.

А в российских писменных повестях обносится, яко совершенно царица со дочерми и прочими благородными девами и женами велможскими отпущени быша в кораблех во Амморию. О них же султан последи сотвори взыскание, и возвестиша ему, яко царицу со всеми благородными отпустиша великий дукс и великий domestik Анастас, и протостраторов сын Андрей, и братанич его Асанфом Палеолог, и епарх градский Николай. Их же той кровопийственный зверь истязав повеле смерти предати.

И тако нечестивый Махомет султан с народом своим турецким, доказав попущением Божиим народу своему вечныя славы, облада преславным на востоце градом, паче же и всем царством, иже достоин бе назван Царем градом.

И тогда событься волею Божиею реченное премудрыми мужи, яко Константином первый скиптр самодержавия в нем обновися, та-

кожде Константином и конец прият. Зане согрешением, превзошедшим главы оных, о злодеяние яко Писание глаголет, превращает престолы сильных.

О толиком убо падении преславныя оныя монархии с плачем вопити должно: «О, колика сила греховнаго жала, о, колико зла творит преступление! О горе тебе, Седмохолмный, яко погании тобою обладают!»

Но паки ко истории возвращаюся. Кроме́р и Стрийковский историки пишут, яко тамо же турком до взятия Константинополя некто нарочитый грек, имянем или званием Гертук, иже убежав из града, поведал турком способность приступов и указал слабейшия места стен градских.

Но егда уведал МахOMET, яко той Гертук многая имяше к себе благодеяния от царя Константина, возгнушася забытием от него онаго благодеяния и изменою, повелел его четвертовать. И тако прият нечестивый достойное возмездие измены своей.

Пишут еще, егда взял МахOMET султан град той, повеле жителем градским вся своя сокровища снести на едино место. Егда же снесени быша, зело множеству таковому удивися МахOMET, яко чрез чаяние его бысть таковое множество, и удивися рече: «О народе безумный! Где ваш прежде бывший разум? Ибо сим сокровищем не точию мне, но и не вем кому могли бы есте не токмо отпор учинити, но и одолети! Того ради не достоин вам множае на свете жити, губителем сущим своего Отечества». И того ради давши знак, всех мужей благородных и нарочитых побити повеле, остави же точию народ простой, и жен, и детей.

По взятии же таковаго преславнаго царственнаго града и прочая прилежащяя грады свободнее под власть свою приведе. И от того времени султаны турецкия престол повелительства своего от Андрианополя в Константинополь пренесоша и житие свое в нем утвердиша.

И седе МахOMET на оном престоле царском, благороднейшем паче всех под солнцем, и одоле одолевших гордаго Артаксеркса, невместима бывша пучинами морскими. И потреби потребивших Трою предивную, седмиюдесять и четырьми цари обранияемую, и победи победивших со царем си Александром Великим едва не всю Вселенную.

Но убо да ра зумеете нечестивии безверницы [турки глаголю], аще вся преждереченная Львом царем Премудрым и Мефодием епископом патрьским исполнишася над градом оным, такожде и знамения бываемая о нем совершишася, то и последняя не имут минути тщетна.

Пишет бо ся от оных премудрых мужей, яко российский народ со преждездателми его измаилтян имут победити, и Седмохолмный со преждезаконными его восприимут паки, и в нем воцарятся!

Пишется же, яко пребысть в сея власти самодержания в Константинополе от перваго царя Константина до взятия его и убиения последняго царя Константина тысяща сто седьмнадцать лет.

Утвердивши же ся Махомет султан, яко речеся, на оном превысочайшем престоле, не до сего точию ста, но неленосно и бодро начат наипаче обладательство свое разширяти.

Ибо последи онаго своего благополучия, егда облада Константинополем, тако возгорде нечестивый, яко возмне всю Европу единым годом обладати. Но сие его надмение инако Господь превратити изволил, яко ниже явитися имать.

Христианских же народов обладатели, цесарь римский, и папа, и прочие князи и курфистрове, слышавше таковое благополучие турков, убояшася зело и начаша советовати о собрании общаго воинства противо им.

И того ради и ко кралю полскому присылал цесарь послов своих, призываючи его в соединение. Но ничтоже бысть от них помощи Греческому царству, едва с нуждою и сами обраняхуся.

Махомет же султан, ведущий о несогласии воинств христианских, не оставляше промысла своего, ибо в третие лето по взятии преславнаго Константинополя, еже имать быти 6963, посла в Волосскую землю многое свое воинство и Петра воеводу волоссаго и молдавсаго со всею областию его данником себе учинил, иже откупующи свободу свою и власть обеща давати султану по две тысящи червонных златых на всякое лето.

По том во второе лето сам Махомет султан изыде ис Константинополя имущи с собою сто двадесять тысящ воинства и триста пушек великих, их же содела ис колоколов Константинополских. Морем же шестьдесят галер исполненных воины посла в нижнюю Волосскую землю, яже Безсарабия называется.

И обляже Белград сербский, но тамо не толиким счастием, яко у Константинополя поведесе ему, ибо приспе нань под Бельград с воинством венгров воевода Иоанн реченный Гунеад, с ним же мних учитель имянем Иоанн Капистран названный со многим воинством простаго народа, яже наказанием того учителя подвигошася на войну ону, хотящи за веру христианскую кровь свою излияти.

И Божиею помощию зело победиша Махомета с воинством его, идеже и сам султан в бок приим язву, и воинства его до двадесяти че-

тырех тысящ убieno бысть тамо, и бежаша девять дней, никому же их гонящу, и тако со многою тшетою и срамом отъиде.

Бысть сия победа на турков лет 6964 месяца иуния в двадесять второй день. Но ни тако султан усмирися и в покое быти, послав многое воинство на море Егенское и облада остров славный стоящий на море том, названный Лезий или Мителин.

Потом сам изыде с величайшими воинствы во время бывшаго премирения, царство Боссенское, многими градами и богатствы исполненное, и краля того государства Стефана имянем взят. И пришед с ним под град названный Яице, повеле его на предградии у столпа привязав из луков устреляти, ругающесе ему и глаголющи, яко он со златом и серебром своим, их же множество в сокровищах его взято, восхотел погибнути, нежели того самому себе и государству своему на оборону употребити. И потом снемши с него кожу из оных его сокровищ червонных златых наполни повеле кровопийственный мучитель. Быша сия лет 6968-го.

От сего времени той Махомет султан христианских народов мужей в воинстве своем янчарском употреблять начат, егда от сего Боссенскаго кралевства тридесят тысящ мужественных юношей избра и к янчарскому воинству присовокупи.

И тогда едва не все Боссенское государство себе покори. Аще по том на второе лето венгерский краль Матфий мало нечто сопротивися крепости турецкой, послав бо тамо воинство и облада чрез подданство град Яице и прочих двадесять осмь градов, ими же турки владели.

По том лет 6972-го папа римский Пиус Второй, иже прежде зван бысть Еней Сильвий, зжалившись бедственных христиан от турков избиенных, на прочих же оружие уготовляющих, начат подвизати на войну противо их многих христианских государей, иже и обещашеся тамо быти особами своими: Матфий краль венгерский, Филипп князь бургундский, Христофор Мариус князь венетинский, Шкандербег Турецкий Бич князь албанский. Сам же папа обещася на войне той предводителем быти и над всем воинством оным наивящим воеводу.

Слышавше убо турки о таком на себе христианских воинств соединении, быша в великом страсе. И мнози помышляху оставити жительство в Европе и паки во Асию в прежняя жилища отбежати.

Но Махомет султан хитр сый и зверообразен на христиан, виде страх на турках, собрав многих их нарочитых к себе, увещеваше их пребывати во всякой крепости и готовым быти противо наступ-

ления такового. И восхваляше пред ков их, такожде и самых их многая множества.

Христианское же воинство во ничто полагаючи глаголи к ним: «Сами весте нравы того народа, яко суть унылы, слабы, боязливы, ленивы, небодры, необыкновенны. Прохладству и покою привычны, без подушек спать не умеют, без утехи веселы быти не могут. Такожде кроме пьяного пития и не упившися советовати не мыслят, словеса токмо воюют, а не делом.

— Воинскаго поведения не знают, коней токмо ко псовой охоте имеют, аще бо кто от них восхощет ко брани коня имети, принуждается от нас добывати. Нетерпеливы гладу, мразу, зною, трудам и поречению. З женами на войнах бывают, высоко садятся и ложатся, горяче ядят, но студено воюют.

— Чего всего у вас, воины мои, не обретається. Живота не щадите, ран не боитесь, мало спите, ибо без подушек. В малом доволство имеете, несчастье подьмете, земля вам стол, и ложе, и лавка, ничто же у вас противнаго, труднаго и тяжкаго, еже бы вам за легкое и приятное не мнелось быти. И тако от таковых потребных обыкновений не точию кого бы имели бояться, но воистинну и не можете».

Таковыми словесы наострив и дерзновенных своих сотворив, начат уготовлятися противу христианских воинств. Но по истинне ничто возмогаша тогда сотворити христиане, ибо в самом начале предприятия войны тоя наивящий предводитель воинств христианских папа римский Пиус Второй умре моровым поветрием в пристанищном граде Анконе имянуемом, отнюду же и воинства вся разбегошася, кийждо во страны своя.

МахOMET же яко единовластель своим делам внимаше. Лет 6975-го посла немало воинства в Боссенское государство, хотящи им обладати. Иже пришедше под град Яице осадилша его и жестоко добывали. Но тамо приспе на них воинство Матфеа краля венгерскаго, иже отгнаша турок.

Тии же отшедше оттуду обратиша шествие свое за море во Асию, ибо не удоволися нечестивый многими кровми христианскими, но паче желанием пространнаго обладательства воспаленный, кроме всякия причины воздвиже зелную войну на царство Трапезонское, идеже мало еще воздержашеся греческаго скиптра властелство.

И пришед тамо прият ѝ, и царя трапезонскаго именем Давида со женою и седмию сынами, поддавшася на договорех, взят. Ему же повелением султанским дан бысть в той же стране град реченный Серес.

Но и в том не содержа верности нечестивый Махомет, ибо желая до конца всех оных потребити, повеле лживныя грамоты сотворити, яко бы к тому царю Давыду писали из Рима, в них же противу турком бунты некоторыя являлись.

Того ради вскоре повеле его во Андрианополь привести к себе с женою и с детми его. И объявив ему о сем, повеле сказати, яко инако не возможно живу быти ему, аще не примет махометанския их прелести. И аще бы учинил тако, обещаваше ему многую милость и доволство дати.

Но егда той царь Давыд со всеми своими не восхотеша таковаго безумия сотворити, но изволиша веры ради христианския умерти паче, тогда всех их, отца и с ним седми сынов, во Андрианополь повеле мучитель смерти предати, едва точию меншаго сына оставлено.

Потом сей же султан облада островом в Эгейском море, иже называется Еввейский, ныне же Нигропонт. И того ради множае победами гордяся, Мултанския, Карватския и Далматския области даже до Заграбии, три кратно посылаючи воинство, презелно повоевал.

Даже по том, ослабы ради малыя христианом, воздвиже на него Бог силнаго противника, персаго Усанкаса царя, иже множество воинства уготовав воздвиже нань жестокою брань и взят от власти его Трапезонт и Синаполь города, и всю Малую Асию мечем и огнем попустошил. Бысть сие лет 6980-го.

По том на другое лето турецкое воинство при султани своем Махомете имели с воинством персидским три великия битвы. И тако турки памяти достойною победою побеждени быша, яко до пятидесяти шести тысящей воинства, а чиновачалников сто пядесят мужей на тех битвах паде, даже ночь темная битву ону укротила, ея же мраком сам турецкий султан Махомет покровен будучи бегством спасеся. Всяко же и персидскаго царя сын на тех-то битвах убит бысть.

О сицевых победах радуящися персидский царь, посла во многия страны послов своих, возвещаючи о том и понуждаючи на войну противу турком. Но обаче султан, яко неукротимый тигр нимало хотяще покоя, паки иде с воинством в Босенскую страну, и обляже град Яице, и приступаше к нему; но егда услыша о блиском к себе пришествии Матфея краля венгерскаго со многим воинством, потопив многия пушки в реках, со срамом возвратися.

Обаче непрестанно мысляше о пагубе христианской, воеводу мултанскаго именем Радолу во оборону свою приемши, на Стефана волоскаго воеводу побуждаше его. И лет 6983-го посла тамо во-

инства своего, турков и татар, сто двадцать тысяч, хотящи и Стефана покорити. Но той Стефан бяше воин мужественный и крепкий ратник, имеючи с собою едва чотыредесять тысячь воинства, но и тех множайшии от поселян быша, обаче при искусном предводителе и тии многое мужество показаша.

И оное многочисленное турецкое воинство до конца победили у реки Барлоды, множайшии же от них в Дунае и во езерах истопоша, яко мало нечто избавися их от погибели тоя; живых же взятых на тех битвах всех Стефан воевода, кроме неких знатных мужей, посети повеле.

На тех-то битвах чотыре паши турецких убито и хоругвей множае ста взято. И по той победе Стефан воевода посла со многими дары к султану Махometу, жалобу приносящи ему якобы на своевольников оных турков, им же он едва возмог противитися, и просил султана о том, дабы убежавшие из тоя битвы выданы ему были.

Того же лета той же султан Махomet поиде Понтийским, то есть Чорным морем, имы с собою на сьдемидесяти галерах множество воинства, в Таврику Херсонскую. Иже пришедше облегоша в Таврике град славный пристанищем морским и купечеством названный Кафа, иже отдревле назывался Феодосия, бывший тогда в державе италиан генуенских.

И в шестый день по приходе своем обладаша им турки, ибо чего не могоша бранию сотворити, совершиша то златом. Ибо уже нарочитии жителие града того накуплены быша златом и от пяти лет совещаша о предании града.

Браняшеся сей град турком двадесять чотыре лета по взятии Константинополском. По обладании же того града родовитые люди с женами и с детми повелением султанским в Константинополь заведены быша. Изменники же оныя, иже Кафу предаша, тамо же взяти и в темницах посаждени помроша; народ же простой в жилищах своих оставлен бысть, токмо пол имения коегождо взят себе нечестивый; но мало после и тии инуде преведени суть.

Тамо же и царь таврицкий или перекопский Менди-Гирей содвома братама своими от турков взяти быша — иже аще по прилучаю некоему бяше тамо, или умыслено прииде ис поль соблюстися хотящи, яко в крепчайшем месте. Потом и прочими таврицкими градами обладаша турки.

И тако Махomet обладав Таврикою, поиде с воинством по морю в галерах под Бельград волосский, иже и Монкаструм называется, стоящий на устиях Днестровых, идеже той в Чорное море впадает.

И обступаша жестоко приступиша к нему, его же Стефан воевода волосский охраняше, от мест тесных турков губящи, ибо немного имущи воинство, не дерзаше явныя брани составити. Обаче взяша турки град той такожде чрез подание. Но вскоре по отшествии турков Стефан воевода паки восприят его, оставленных в нем турков избивши.

По том того же лета воевали турки остатную Венгерскую землю. И на своем бреге реки Савы соделаша град, и пятию тысящми воинских мужей утвердиша, и оттуда небоязненно воевали Венгерскую землю.

Противо тому воинству венгерский краль Матфий изыде с десятию тысящ воинства. И обступив град той, побив турков, облада им. Болши же не дерзну за турки гнати, боящися лести некия, но возвратися в далныя страны земли Венгерския.

По том вскоре паки пришедше турки воевали Венгерскую державу, мечем же и огнем пространно даже до Варадина града пустошили, и Варадин осадивши предградие попалили, и оттуда много корыстей и плену отвезоша.

Но и еще нечестивый Махомет, яко несытый ад, не возможе удоволити пространством обладания ненасыщенныя утробы желания своего, восхоте Стефана воеводу волоссаго со областию его данника себе имети, 6984-го году собрав велие воинство изыде на него.

Тогда прииде к султану посол от Казимера краля полскаго, просящи, дабы оставил в покое Стефана воеводу. Султан же на прошение посла того отвеща, яко он простер войну ту на Стефана по прошению молдаван и татар, подданных своих, иже утеснение приемлют от Стефана. «Всяко же не отрицаются покоя с ним имети, аще повсялетную дань давати мне будет и пленников турков и татар свободит всех, к тому град Килию, иже стоит на устиях реки Дуная, иде же той в Черное море впадает, бессарабским жителем возвратит».

Сих договоров егда не восхоте Стефан прияти, тогда султан со безчисленным воинством иде на Волосскую землю, на Дунае же повеле прочивнаго ради счастья пять мостов соделати.

С другую же страну татаром повеле волохов пленити, противо которым изыде Стефан с воинством и до конца победы их. А турки в то время кроме всякия противности чрез Дунай прешедше Волосскую землю пленяху.

Воевода же не имущи толико воинства, с ним же бы явную брань свел с турки, у краля полскаго чрез посланники помощи просяше, но ничтоже обрете. Со своим только воинством, их же возможе собра-

ти, на преходах рек, и топких местех, и в горах немалу тщету творяше в турецком воинстве. Такожде и места оныя, ими же ити турком, вся попалити повеле, дабы не имели потребных себе.

И таковым его промыслом до тридесяти тысящей турков погибе. Но обаче от сего мала тщета являшеся во многочисленном турецком воинстве. Яко последи побеждено бысть воинство его от турков, сам же бегством здравие обрете.

А турки по той победе дерзновеннее поступоваху, всюду волохов пленяху. И города Сочáву, Хотím обогнаша. И оттуду в Подолие, державу кралевства Полскаго вшедши, неколико сел попленили.

Еже услышавши краль полский Казимер, повеле воинству ити тамо, но ничтоже тии успеха, ибо сами турки, довольно пленивши и корыстей набравши, отъидоша паки в Волосскую землю. Но егда услышаша, яко галеры их со многими запасы и с пушками в Понтийском море истопоша, отъидоша из волохов.

По том в есени уже турецкия воинския люди, пребывающия в Босенской земле, собрався изыдоша войною и области Италийския: Карниолу, Коринфию и Стирии часть зельно повоевали и корысти и плен мног вземшие отъидоша.

По сем поидоша на Дунай и взяша пять градов, их же мало пред сим временем поставил Матфей, краль венгерский, обороны ради государства своего, пять тысящ воинов посадив в них. От них же турки четыре приступами взяли, а пятый чрез подданство. Ибо сам МахOMET султан со множайшим воинством стояше блиско, назираючи повождения военного оному своему воинству.

Лета 6986-го паки турки многим воинством тую же Коринфскую область зельно воевали и всюду самым италианом и венецианом тесно от них бяше. К тому и междуособныя свары много им тщеты творяху, турком же нечестивым дрезновения примножаху.

И до такового безумия от гнева венециане приидоша, яко постопиша турецкому султану во Албанской стране град Скутáрь того ради, дабы в покое их оставил и не чинил им препятія междуособства не глаголю усмирятя, но множае устроятя.

Той же МахOMET султан в есени лета 6987-го посла сто пятьдесят тысящ турков, к тому мултян, помощников своих, в землю Седмиградскую, область государства Венгерскаго. Иже пришедше положишася обозом под градом Собíновым.

О чем уведавши, венгерстии властели собращася с воинством и на три полки воеводами разделившись, изыдоша обраняти Отечества своего от турков.

И по случаю некоему безвестно нападоша турки на един от полков тех, над ним же бе воевода Стефан названный Батфорый [иже последи бысть кралем у поляков]. Рассмотрев убо той, яко в тесных оных местех невозможно было ему от битвы уклониться или с прочими двоя полками скорого ради случая совокупиться, всякой же даде ведомость им, сам потом воинству своему, словесы и клятвами утвержденному и умрети обещавшемуся, на брань повеле исход ити.

И тако возгореся презельная брань и пребысть чрез три часа. Потом турки множеством одолевати начаша венгерское воинство, их же воздержаваше Стефан воевода, предлагаючи им недавное обещание и оных своих дву полков скорое прибытие извещая.

И наведе потом воинства часть збоку турком, от чего турки в боязнь впадши уступати начаша и потом вдашася невозвратному бегству. И тако венгры победу восприяша и пятьдесят мужей турков плениша. Обаче не без тщеты своя победу стяжаша, ибо мнози знаменитые от венгров падоша; тогда и сам Стефан воевода уязвлен бысть.

Всяко же, аще и многия знаменитыя победы сотворяху христиани над турки, обаче множественнее сами побеждаемы бываху. И не точию села и грады, но и самыя страны и целыя области приходяду под державу им, паче же при сем нечестивом Махомете султани, иже зело желаше пролития крове и смерти верных Божиих. Совещавшися бо и клятвами утвердившися с пашами своими до конца имя христианское истребити, един сам хотящи всего света обладателем быти, не хотящи никого слышати обладателя или равнаго себе.

С московским же великим государем князем Иоанном Васильевичем дружбу хотящи имети, слышаша о великой славе его, и мужестве, и победах над окрестными супостаты, лет 6990-го посла к нему послов своих о мире и любви с подарки немалыми.

Иных же не престаяше воевати. Ибо того же лет 6990-го посла пашу своего Ахмета именем во область Италийскую Апуллию названную, иже пришед тамо прият град названный Гидрунт и воинством своим укрепил его, дабы могл оттуду исходити войною на самыя Римския пределы.

Другаго же пашу именем Амэзу, грека прежде бывша, ко острову Родискому посла, хотя обладати им. Иже пришед под начальный град острова того крепко добываше его, но ничтоже успев с великою тщетою и постыдением возвратися к султану.

Иже сам тогда же с третьим величайшим воинством изыде на солтана египетскаго, хотящи его покорити. Но не сконча тщетнаго по-

мысла своего, ибо идуши на Египет во граде Никополе душу свою изверже.

Бяше сей наисчастливейший всех прежде себе бывших султанов; а то грех ради общенародства и несогласия христианских обладателей убо сей мучитель дванадесять царств или государств приоблада к государству, его же прият от предков своих.

Не всюду же убо бранию одолеваше, но множае клятвопреступлением во время обещанного покоя. И прият до двоусот прекрепких твердынь, их же недобытными и неприступными мнеша быти христиане; но сего суровейшаго онагра никоя крепость возможе удержати и от всеядных челюстей его избыти.

Пребысть же убо сей на обладании у турков до взятия и по взятии Константинопольском лет тридесят два. Последи себе оставил двух сынов, Баозита и Селима, его же неции Зизимом называли.

Баозит Второй, 9 султан турецкий

По смерти онаго несытаго анагра, Махомета султана глаголю, мало нечто прилежащая к турком христианския страны покоя приобретоша, а то сицевым образом.

По смерти бо онаго два сына его, Баозит и Зизим или Селим, хотяши кийждо от них един государством обладати, войну между собою простроша. Такожде и воинство турецкое надвое разделишася: едини хотяху Баозита султана имети, другия меншаго брата его Селима.

И в таковом несогласии битву злу между собою соделаша, идеже Селим с воинством своим побежден бысть от Баозита, убежа к египетскому султану и от него помощь и надежду приемши, совокупив воинства, паки з братом си Баозитом брань состави, но и паки побежден бысть и едва смерти гонзнув на остров Родисский ко христианом, аще и противным си, убежа.

И оттуда от начальника воев родисских послан бысть в Рим, его же на пути прият краль французский, и в пути том смертию от отравы скончася, повелением, яко пишет Кромер историк, Инокентия Осмаго папы римскаго.

Белский пишет, яко и к папе доведен бысть и тамо отравую умерен. Но яковым убо образом ни скончася, брату же старейшему Баозиту кроме всякия препоны обладательства уступил.

Егда же таковым образом обрете Баозит покой во обладании своем, тогда лета 6992-го собрався с великим воинством поиде землею и морем на Волоскую землю и на Бессарабию, хотяши мститися сра-

моты отца своего, юже подъят от Стефана воеводы волосскаго и под Белым градом от христианскаго же воинства.

Стефан же воевода, слышав таковая, во ужас впаде, и того ради, дабы приобрел помощь некую, поддадеся под державу краля полскаго Казімера и обещание в том верное ему учини. От него же примим в помощь три тысящи поляков, отъиде в Волосскую землю и тамо елико можаше пропивляшеся турком, в тесных местех губящи их, ибо явною бранию не дерзаше с ними множества их ради и неравности снитися.

Всяко же Баозит султан не вотще толикия воинства производил тамо, ибо пришед в Волосскую землю облада град Килию [иже от древних греков Лифостротон назван мнят неции быти], такожде Монкаструм [иже и Бельград Волосский называется, стоящий на устьях Днестра реки], аще и со тщетою воинства своего. Стран же тамошныя презелно повоевал, и едва совершенно не покори, изыде от земли Волосския.

И поиде с воинством на султана египетскаго, хотящи мститися над ним, яко давал помощь на него брату его Селиму. Но тамо не наследова счастья отцова, ибо бывши у него брани с султаном египетским, престрашно побежден бысть, идеже вся его янчарская пехота на побоищи оном избиена осталась, яко последи того никогда нигде не бяше таковыя победы на турков.

Имяше бо тогда султан египетский в воинстве своем мамалюхов [суть то народ му́ринский], иже бяху новообрезанныи по закону махOMETскому и зело мужественно бишася с турки.

Последи тоя победы Баозит султан яко хитрый лис боятися начат христианских обладателей. И того ради лета 7001-го прислал знатных послов с немальми подарки ко кралю полскому Иоанну Албрихту, поздравляющи его на кралевстве и желающи с поляки примирение учинити.

Таже потом и от венециан приидоша послы, побуждающи поляков на турков. Того ради краль едва не целый год задерживал турских послов. Потом примирился с ними на три лета и уверя отпустил их.

Егда же тако улучил Баозит свободу от христианских воинств, тогда зельную войну простре на Венетийское властелство. И посла тамо многое воинство, иже плениша Албанскую страну и град стоящий над морем Дирхах взяша; и оттуду многия пакости прочим Венетийским пределом творили.

По том под правлением паши Кадума именем множество турков в землю Карватскую впадоша и даже до области Заграбии забе-

гаху. Идеже венгров, и славян, и корватов противо себе идущих много воинство победили.

Потом лет 7006-го месяца ноемврия турецкаго воинства до седмидесяти тысящ чрез Волосскую землю в страну русскую на Подолие пленящи приидоша. Идеже вся селения около Днестра, и Галича, и инде презелно повоеваша.

И множае еще могли бы воевати [ибо никто с воинством поляков противо им изыде], аще бы не сам Бог изволил обратити страны те, ибо быша тогда мразы неудобостерпимыя и снеги толми велики спадоша, яко теми отовсюду окружени быша турки, никогда можаху поступити.

И таковым случаем самих турков до четыредесяти тысящей изомроша, такожде коней и скотов зельное множество. Остатний же резаху коней своих и чрева разрезьюще влазяху тамо, кровию конскою согретися помышляюще, но ничтоже пользовашесе. Прочие же, елицы возмогоша остатися от мразов оных, поидоша чрез Волосскую землю.

Но и тамо остатних многих Стефан воевода сицевым вымыслом погубил. Ибо своих волохов во одежды полския убрав, на турков повеле нападати, яко бы то поляки гонили их и побивали. И толико тогда паде турков, яко от толикаго числа едва с десять тысящей с великою нуждею во своя приидоша.

Потом лет 7007-го слышав Баозит султан, яко мнози окрестныя христианския обладатели совокупляются нань, забегаючи тому, яко искусный военник, дабы во едином времени со многими не имел брани, посылаше к ним послов и миром елико можаше укротеваше их.

Егда же улучи от некоторых примирения, воздвиже тогда жестокую брань на Венетийское властелство землею, паче же морем. И исполни галерами Эгейския и Ионския пучины. И пошед Амморию зело повоевал и тамо град славный названный Модон взял 7008-го лет.

Егда же добываше его, тогда имяше в воинстве своем до пятисот пушек, в них же двадесят две зело велики бяху. Из них же по вся дни непрестанно стреляху, стены сокрушающе. Но обаче людие сушиие во граде мужественно противляхуса турком.

На останок же, видящи изнеможение свое, предавшися в волю Божию, изволиша умрети паче, нежели мучителю в руце впасти. Собравшися убо в дома некоторые, запалиша их и сгореша с ними купно. А жены мнози з детми в море потопишася, дабы такожде не впасти им в руце нечестивых.

Сиче Белский пишет. Инде же изъясняется, яко до двадесяти тысящей народа в тяжкую неволю отведоша тогда турки. Епископу же

Модонскому повелением султанским пред лицом его глава отсечена бысть.

Венетийское же воинство не изыдоша противо турком. Еже видевши они, яко венетиане не исходят на брань, облегоша грады Метону, Юнк, Корону и силными приступами взяша их.

И оттуду султан посла сушею до осмидесяти тысящ воинства, иже пленяху надморския страны: ой; стрию, Фбрум Юлий, и даже до самой Венетии поезжали и пределы оные до конца опустошили.

И пленников не токмо общенародных, но и от честных родов многих поплениша, ибо пред сим изшедше живяху на селах, собирающе плоды земныя и винограды. К тому странников немец, венгров, чехов и поляков мужеска полу и женска, идущих в Рим со обещанми молитвенными, многих поплениша и в вечную неволю отведоша, сами ни малыя тщеты подъемши.

Такожде тогда облада султан многими островами на морях вышереченных: Эгейском, и Ионийском, и Елеспонтском, иже бяху в державе венетиан. Таковыми убо бедствовании принуждени бывше венетиане, миру у султана просиша, и едва многими дары и тяжкими договорами возмогоша желаемый покой получитьи.

И тако Баозит султан учинил мир с венетианы, не хотящи в лености гнуснети, со иными окрестными войну начат. Лета убо 7009-го посла многое воинство воевати стран Боссенских, иже шедше воеваша тамо, и облегоша град Яице названный, и приступали к нему.

Краль же венгерский Владислав, собрав воинство, посла противо турком. С ними же турки битву сведоша немало. И пребывала та в равном счастьяи чрез немало время, наконец воспящени быша турки от венгров и потом разгромлени, побежаша невозвратно; но обаче и венгры не кроме тщеты своих приобретаюша победу.

По том вскоре злополучие прииде на Баозита султана, ибо болезни кожною содержим будущи, во Андрианополи и в Константинополи пребываше.

При обладательстве сего Баозита султана лета 7017 бысть велие и страшное трясение земли во Фракии, и во Греции, в Боссенском и Далматском государствах. Паче же в Константинополи толикое бысть трясение, яко вся каменная здания зело колебахуся. От чего устрашивъшися Баозит султан, убося жити в полатах, но изшед из града в поле в наметах обиташе и немало время проживе тамо.

Сим тогда трясением падоша в Константинополе предивная древняя здания, в них же неколико столпов, иже во время древних царей греческих на древнем подромии стояли, и три башни; також-

де и полаты царя Константина Великаго, и древняго великаго храма, иже бысть Софии-Премудрости Божия, половина паде.

Сие же проявляло падение преславных областей христианских от турков и самому Баозиту изчесновение. Ибо вскоре по сем, то есть лета 7019-го, начася в турках велие междоусобие. Ибо Селимбек, или Селим сын Баозита султана, взяв себе в жену дочь некоего татарскаго царя, настояше на погибель отцеву, хотящи от него обладательство отъяти.

Собрася со многими воинствы, и от тестя своего татар в помощь приемши, Кафу град, стоящий в Таврике Херсонской, облада; такожде Килию и Бельград, пристанищныя грады в Волосской земле, зело доставал, и взял, и своими янчары те пристанища Чорнаго моря укрепил.

И вкупе с крымским ханом на отца войною подвизаше, который тогда в старости уже сый во Андрианополе пребывал, и кроме того довольно печали имущи от царя персидскаго, иже послано от него в Персиду с пашами воинство все избиено бысть от персов.

Еже уведав Селим, яко отец его во Андрианополе пребывает, усмотрев время себе, ведущи, яко Андрианополь не толико крепок есть, яко Константинополь, собрав воинство от татар крымских, такожде от сербов, и болгар, и подручных себе и желателных турков, иде на отца своего ко Андрианополю.

Еже слышав бедственный отец, изыде противо злому сыну си с воинством и сведши с ним великую брань толико победил его, яко едва сам с сыном перекопскаго царя бегством спасеся. Бысть сия брань в поле от Андрианополя день ходу.

Но вскоре по том на другое лето паки Селим собравшись с воинством на отца изыде. Баозит же виде, яко уже вси янчары присташа к Селиму, посла к нему, вопрошаючи: «Чего бы требовал от него?» И посла к нему от сокровищ своих множество сребра и ризы многи, советующи, дабы престал от умышлений своих и сребро и одежды воинству роздал и отпустил.

Селим же не внимаше тому приближашеся ко Андрианополю. Еже слышавше янчары мнози приидоша к Баозиту и молиша его, дабы отдал власть сыну своему Селиму. «Ибо, — рекоша, — сам уже стар сый, не можеша государства управляти».

Той же егда не восхоте уступить, оружием претяну ему. Баозит же виде, яко таковая недоумевашеся, что творити, но позна себе от всех оставлена, отдале власть злому сыну.

Себе же испроси на пропитание Амасию, град сущий во стране Сирийской, идеже султаны турецкия первородных сынов своих на

соблюдение обыкоша посылати. И приехав тамо два дни точию прежив умре. Сице Стрийковский.

Белской же прилагает, якобы по отдании власти хотяше ити в Амасию к старейшему сыну своему Ахмату. О чем уведав Селим, лстивными словесы увещаваше его, обещающися в послушании быти у него. И повеле во время ядения со отравою соделанныя яди принести и пред отца поставити; и егда вкусив, позна отраву. И тако изыде из града с печалию всех жителей градских. И не прешедши половины пути живот смертию сконча лета 7020-го.

Селим, 10 султан турецкий

И тако Селим султан, докончав злокозненный свой и противо отца вражий умысл, облада государством Турецким того же 7020-го лета.

Но еще имяше двух братьов, с которыми такожде поступал. Ибо един предреченный Ахмат по смерти отца своего изыде с воинством на Селима, имущи себе в помощь воинство от перскаго царя. И хотящи счастья о обладательстве искусити, сошедшися сведоша битву, в ней же Ахмат побежден бысть с персы и сам ят. И к Селиму приведен, ему же вскоре повеле главу секирою отсеци.

Сын обаче Ахматов к перскому царю отбежа, ему же царь перский дочь свою в жену отдаде. Той же потом доступающи отечества и мстящися смерти отцевы многожды Селима побеждал и тщеты турком войнами немалыя чинил.

Другий же брат, такожде обладаючи некими странами и имущи трех сынов, посла их всех ко брату Селиму молити, дабы его в покое оставил. Мучитель же той, гневом распаленный, пред лицом своим всех смерти предаде.

Отец же их, слышав таковая, оставльши области своя, кряшесе в горах. Но обретен бысть и убиен повелением Селимовым.

И сице Селим султан отца, и братию, и племянников яко супостатов неких от света разлучивши, без препятя бысть обладателем у турков. И не имущи уже домовыя войны, простре ю на окрестныя страны.

Лет убо 7024-го, собрав до триех сот тысящей воинства, изыде во страны Африканския воевати султана египетскаго. Иже слышав о сем, не дождався его в Каире, изыде противу ему с немалым воинством.

И снидошася оба за Дамаском блиско града Алеппа на пространых полях. И сведоша zelную брань во исходе месяца августа. Но

побеждено бывает египетскаго султана воинство и сам убиен бысть тамо.

И по той победе Селим султан чрез Антиохию и Трипóль в Дамаск прииде. И пребыв тамо нечто, воздвигшеся поиде ко граду Иерусалиму и прият его, никому возбраняюще ему, но еще срацани и с радостию прияша его, яко единыя прелести наследницы.

Во утрие же поиде ко граду Каиру, противу новоизбраннаго султана египетскаго, еже такожде воинство победив, самого смертию сконча. И вшедши в Каир, богатых и честных мужей смерти предати повеле, и прият тамо многочисленная сокровища, ими же до девяности кораблей исполни и в Константинополь посла.

А сам оттуду ко граду Алкайру, стоящему на великой реке Нíлу, его же и Домиáта называют, прииде, мост чрез Нил реку на лодиях соделав, и тамо противных себе погубил, прочих же в державу приведе.

Еже видевшe народи муринстии, живущия у моря Аравийскаго, страхом объяти бывше, поддашася Селиму султану. И тако тамо Селим благополучно войну докончав, в Константинополь лета 7025-го прииде.

Идеже болезнь постиже его, канцер названная. От нея же умре в Константинополе лета 7028-го, веку своего четьредесят шесть лет проживши, пребыв осмь лет на обладании у турков, последи себе единого сына именем Солимана оставльши.

Солиман, 11 султан турецкий

По смерти Селима султана сын его Солиман советом всех начальников турецких и прочаго всенародства на обладательство избран бысть лета 7028-го. Сей, множайшим желанием властелства возбужденный, не возможе в покое пребывати, многи тщеты творяще пограничным соседом.

Первое во Азии во области Сирии начальника повеле смерти предати, аще и ни в чем пред ним винна суща. Потом мало успокоившись, аки бы во второе лето посла воинство многое на остров Родиский, и взят его у христиан, и облада им лета 7031-го.

А сей остров бяше забрало и надежда всех островов, сущих в морех тамошних, от их турецких наступлений, не точию же остров, но и самого Венетийскаго властелства.

Ибо бяху тамо знаменитыя воины, нарицающияся воины гроба Господня или иерусалимския, иже изгнани будучи из Иерусалима

от срацын, утвердишася тамо. Оттуду же изгнани утвердишася на острове названном Мелите, сущем на море Ливийском; немцы и турки называют его Малта. Отнюду же воины тии великия тщеты творят турком, водная их воинства побеждаючи.

С королевством же Венгерским, идеже тогда бяше краль Людвик имянем, хотяще Солиман мир имети, посла к нему послов о том. Но властели венгерстии, ослепльши на погибель свою, не соизволиша мир имети с таковым сильным соседом и не точию отрекоша мир, но и послов его чрез законы гражданския и обычаи всенародныя обругаша, носы и уши обрезав, отпустили. Султан же, сим разгневан сущи, с прочими окрестными государи премирие утвердив, воздвижеся на венгры всеми силами, сушею и водою.

Началники же Венгерскаго государства в пограничии сущия, слышавши таковое султаново наступление, писанием возвестиша кралеву, в Вышеграде тогда ему сущу. Краль же вскоре сотворив совет с началники венгерскими, усуетоваша всем быти готовым на войну во граде Толмин названном и оттуду ити противу турком. И тако по совершении совета начат краль воинства уготовляти. Помощи же ради посла к папе и цесарю, такожде и ко кралю французскому.

Но султан добре разумеючи о продолженных зборах воинств христианских и о их неготовости, спешно со многим воинством идяше. И прешед к реке немалой, названной Сава, превоздашеся с воинствы. Идеже аще и повелено бысть неким началником бранити турком прехода реки тоя, обаче никто восхоте итти тамо, своевольни сущи на свою погибель.

И тако краль помощью иных государей оставленный и подданных непослушанием озлобленный, велми печаловашеся и скорбляше. Егда же таковая нестроения бываху в венгрех, султан дерзновеньнее идяше, пленящи землю Венгерскую, селения пожигаючи и грады малыя емлющи.

И пришед под град знаменитый и крепкий Венгерскаго государства названный Варадин, осадив и, по малом времени взят его, и дале идяше пустошаци.

Краль же, слышав таковая, собрав елико можаше воинства, иде противу султана. О собрании же прочаго воинства всюду посылаше. Но народ своевольный не слушаху кралева веления, но жадаху, дабы сам краль прежде всех был во очах у турков.

И того ради медленно идяше краль, ожидаючи помощи, обаче ко граду Мокачю прииде с воинством. И тамо не в далном расстоянии слышав о турецком воинстве, не зело желаше брани имети ма-

лаго ради воинства своего, ибо едва тогда дванадесять тысящ имяше воинства.

О турецком же воинстве поведяху убежавшия оттуду, яко до триех сот тысящей бяше их. И того ради советовав с начальники и с воинством, хотящи назад уступить и ждати благополучна времени. Но тии отрекоша того и желажу брань имети с турки. И начаша вси ко брани устроятися.

В то же время прииде еще ко кралю в помощь воинство от папы и от иных государей, обаче малое, яко и с ними едва двадесят четьре тысящи всего воинства краль имяше. А султан того времени со всем оным многочисленным воинством прииде близ венгерскаго воинства и ополчашася, изшедши от обозов.

Видевше же венгры, яко уже невозможно бяше им продолжити брани, такожде устроишася к битве. Место же оно, идеже полки устроишася, аще и пространно суши, но обаче имяше много мест тиноватых и грязных потоков, их же наполняше река Дунай во время наводнения своего, ибо точию версты яко три оттуду течение свое простираше.

И егда тако устроишася, тогда воевода величайший Седмиградския земли Стефан Батфорый, поим краля Людвика, выехал с ним пред воинство объявляючи краля, глаголя, яко сам краль веры ради Христовы и королевства врученнаго себе готов есть до смерти пострадати [ибо мнози мнеша, яко тайно изыде краль из воинства]. А затем начаша являтися турецкая воинства и от обоих стран герцовники изшедши битву починали, дню уже к вечеру преклоняющуся.

И тако турков часть немалая объявися. Еже видевши начальники венгерскаго воинства, мнеша, яко тая часть воинства того ради изыде, дабы с тылу могли обойти их, советоваша с теми битися, глаголюще: «Лучше днесь с частию турков битися, нежели утрие со всеми». И тако дан бысть знак ко брани и гласи воинстии умножатися начаша.

И се явися величайшее турков воинство, идеже сам султан бяше. Иже приближившия удариша на венгров, но венгры то их первое наступление крепко воздержаша и мужественно с ними бишася, яко бысть от обою страну зелная брань. Турки множеством премогаху, а венгры мужеством превышаху. И в первом том соступлении многу стрельбу пищальную испустиша, обаче с малою тщетою противных.

И пребывала тако презелная брань чрез немало время, и падаше с обою страну множество людей, но обаче множае турков, яко уже побитых их, и раненых, и умирающих всюду много лежаше.

Потом турки помалу уступати начаша, или одолени от венгров, или на пушки хотящи привести их. Тогда мнози от венгров возрадывашася, якобы уже одолеша турков, глаголаша: «Наша есть победа, гонит бы убо турков!» И тако несчастнии идоша, поспевающе за турки, мнящи погнати их.

И се внезапно изо всех пушек ударено бысть по венгром, яко зело часто ядра летали и около самага краля бывали, от чего побочныя полки венгров к бегству помышляху, к тому же уже и самага краля на месте его не видеша, и того ради бысть велие смятение в воинстве венгров, яко и остатнии полки к бегству устремляхуся. Обаче дотле еще бишася, донеле же великою стрелбою и боязнию уже окружени суше, тогда убогоша вси, кийждо камо можаше.

Им же немала помощь бяше ночное время и дождь тогда случившийся. О крале самом поведают неции, яко бежащи из брани недалеко от града Мокача во рве некоем тиноватом конем потоптанный погибе.

Прочим же военачалником и всему воинству премногое бысть тогда падение, яко поведают истории, яко тогда вьконец побеждена бысть крепость государства Венгерскаго, и во оскудение прииде. Множество же знаменитых и в плен взято, которых немалую часть посети повеле султан.

По победе же оной повсюду разбегошася турки в земли оной и во градках и селех тяжкое мучение чинили, яко мнози матери живых детей в землю погребали, дабы злейшаго мучительства не терпели. И таково тогда зло постиже Венгерскую землю, яко не точию исписати, но и изрещи едва кто может.

Оттуду же султан дале в землю Венгерскую идяше, пленюущи и посекаюущи безчисленное множество народа. И даже до великаго града Будина прииде, его же пуст и кроме всякия обороны обрете и облада им.

Останок же венгров, елицы смерти гонзнуша, обсекошася на крепком месте, но не могоша целы соблюстися, ибо до того крепляхуся, донеле же с пушками не приспеша. Егда же пушки привезоша турки, тогда взяти быша, и вси, и з женами, и з детьми.

Потом султан повеле чрез Дунай ко граду Пешту мосты делати. И соделав преиде Дунай с величайшим страхом всех жителей Венгерскаго государства. И конечно бы тогда обладал всем государством, аще бы Господь не благоволил еще дати мало свободы венгром. Ибо тогда приидоша к султану вестницы, возвещаюущи о смятений и неустроений, сущих во Анатолии, их же ради возвратися во страны своя.

Бысть сия брань, паче рещи победа на венгров лета 7034-го августа в 29 день. И тако сим своим приходом в Венгерскую землю Солиман султан прият во власть свою славныя венгерския грады, стоящия по Дунаю: Будин, Варадин, Мокач, Вильик; а потом и все королевство в подданство ему прииде сицевым образом.

Егда по смерти краля Людвига избран бысть на королевство Венгерское кралем Иоанн реченный Ванда, воевода седмиградский, тогда краль римский и чешский Фердинанд, хотящи обладати королевством Венгерским, подвиге войну на краля Иоанна, и посла воинство нань, и побежден бысть Иоанн от воинства Фердинандова, иже не хотящи покориться Фердинанду, посла послов к Солиману турецкому султану и поддадеса ему во оборону.

И оттоле Венгерское королевство прежде бысть в подданстве у турков, потом и в совершенную власть их прииде. И тако краль Иоанн под обороною Солимана султана утвердися в Будине пребывати.

По том Солиман, яко бысть мстящися победы краля Иоанна, еже от Фердинанда краля римскаго, но паче хотящи в таком благополучном себе случаи, егда их же бы имел трудными войнами добывати, самоизвольно предаяхуся, Венгерским королевством обладати, посла многочисленное воинство на пленение Ракусския земли, иже бяше Фердинандово державство.

И тии шедше много жителей земли оныя плениша. И пришедше под знаменитый град Вену, облегоша его и многими приступами зело приступоваху добывающе. На них же до осмидесяти тысяч турков избиено бысть, отнюду же с великим срамом во своя отыдоша. Бысть сие лета 7037.

Последи того аки бы в третье лето, то есть 7039-е, той же султан Солиман посла воинство во Амморию, идеже многу тщету христианом сотвориша и грады многия взяша со мною печалию христианскаго народа.

Тамо же мстящися победы воинства своего, еже у града Вены, собра воинства до двусот тысяч, поиде с ним в Ракускую землю на пленение и тамо много земли тоя поплени.

Потом прииде ко граду названному Гуншему и облаже его, добываючи двадесять дней, в них же тринадцать приступов учинив, не возможе взяти его, соблюдаше бо град мужеством своим венгрин Николай Юрисхит названный.

Даже потом, не имущи надежды избыти от турков, самовольно поддадеса Солиману и тако здравие получи и жителей града того от смерти избави. Бысть сие лет 7041-го месяца иуня.

В тех же тогда летех, то есть по победе венгерскаго краля Людвика, от лета 7034-го до лета 7045-го, не едины сия войны, о них же писася, имяше Солиман султан с окрестными народы. Но посылаше множицею великая воинства воевати Венетийских державств, иже суть во странах Славенских блиско Адриатскаго моря.

Идеже поразиша Вентуриа воеводу венетийскаго с воинством, иже охраняше стран тех надморских. И взяша тогда турки у венетиян град Клиз, недалеко Селуня знаменитаго града, и воеводу онаго Петра именем убиша.

Такожде и другой градок названный Надим взяша. Венетийстии же властели сопротиво им изведоша воинство свое, поставльши над ним воеводу Камилия Урсына названнаго, иже противо творяше тщеты турком. И Обруцьян, и Островец города турецкия попали, обаче не учинил возмездия противо турецкаго пленения.

Турки бо тогда много градов в Далматских и Иллирицких странах приобладаша, и прочия грады усвоили себе во области названной Позога, иже прилежало к Венгерскому кралевству, дабы чрез ту область учинили безстрашное прошествие войскам своим в Венгерское кралевство.

В тех летех в Белеграде Сербском бяше сенжак именем Махомет Яхаоглис, иже крепко стрежаше градов не точию врученных себе, но и ины многи облада в Босенской земле деспотовы державы, такожде и Венгерских, иже не быша послушни кралю Иоанну, суцу под обороною Солимановою от краля Фердинанда.

И взял той сенжак город Эцех, иже належал к Венгерскому кралевству, близ его же бе монастырь мнишеский. Его же разорил той сенжак, и воинством своим укрепил его, и оттуду многу тщету творяше кралю Фердинанду.

Еже видеv краль Фердинанд, аще и премирныя лета быша ему тогда с турком, отвергши их, посла веле свое воинство на турков с таковым умыслом, дабы изгнавши их из области вышереченныя, Позоги названной, имел свободный путь ко граду Будину, добывати кралья Иоанна. Ибо тогда султан Солиман со множайшим воинством изыде на персидскаго царя.

И тако, яко выше речеса, краль Фердинанд собрав веле воинство немец, славян, италиан, венгров, чехов, и учинив над ними начальника от народу карватов Кациандра нарицаема.

Еже слышав белгородский сенжак Махомет, посла весть к прочим градоначалником турецким, иже собравшиися обступиша немецкое воинство, во обозе им тогда блиско града Эцеха бывшим. И ве-

лию тесноту им соделаша, яко ниоткуда нужных потреб и помощи приобрести можаху.

Еже видев немецкаго воинства начальник оный Кациандер, убо явля, избежа тайно из обоза, оставив воинство. А турки таковым случаем кроме брани победиша фердинандово воинство, велию корысть в обозех их взяша и пленников премного, им же многим ругающися носы и уши обрезав в Константинополь отослаша.

По сем умре король венгерский Иоанн лета 7048-го, оставльши по себе единого сына Иоанна, его же венгерстии начальники по отце короноваша на королевство Венгерское, в пеленах суща. Поручен же бяше и той от отца в сохранение Солиману султану, яко и сам бяше под его обороною, пославши к нему послов с молением и дары. Его же обороны такожде ятятся Солиман и во граде Будине с материю повеле ему жити, приставив к нему неколико приставников, властелей венгерских.

Король же римский Фердинанд уздав о смерти короля Иоанна, восхоте обладати государством Венгерским, брань нача уготовляти. Королева же венгерская с сыном своим, слышав о сем, послаша послов к Солиману, просящи обороны от немец и помощи противо им. Солиман же, обещав помощь учинити, отпусти послов и дары посла с ними младенцу оному королю Иоанну.

И вскоре повеле Махometу паше белгородскому и Устрепу сенжаку славенскому, смертною казнию запретив им, итти с воинством бранити короля с материю, не отрицающися тогда сущим зимным временем; ибо бяше то в марте месяце.

Тии же учиниша повеленное султаном, обаче с великою тщетою своих. Зане прилучися им плыти чрез реку, в пределах тех сущую, имянуемую Драва. Егда же назад возвращахуся и прехождаху чрез реку Дунай, и тамо приспе на них множество венгров, от них же поражени быша турки у града Пешта.

О чем егда уздав римский король Фердинанд, яко турки со тщетою своею отыдоша из земли Венгерския прилежно тщашеся, яко бы могл Будин взяти. Собрав множество воинства от различных стран, над ними же постави начальника Вилгелма Рахкендорфа нарицаема, иже и пред сим десять лет Будина добывал.

Той же пришед с воинством облеже град Будин, в нем же затворишася королева с сыном си. Рахкендорф же жестоко добываше Будина, паче же непрерывным из пушек стрелянием, яко ядра пушечныя до полат и покоев королевских доходили. И потом посла ко королевой, глаголя, дабы поддалася в волю Фердинандову.

Приставники же королевья безделных посланных отпускаху и еще ругающеся немецкому началнику рекоша: «Единаго дела наипаче мы боимся от вас, имеем убо свинию чреватую и того ради боимся, дабы не изметала поросят, ужасшися вашего стреляния ис пушек». И иныя хулныя с поношением словеса отрицаху немцом; тии же наипаче прилежаху ко взятию града.

Солиман же егда услышав, яко Фердинандово немецкое воинство достают Будина, такожде и ведомости прихождаху к нему, яко цесарь римский з братом си кралем римским Фердинандом особами своими хотяху к Будину быти, того ради посла во Асию множайшаго ради собрания воинств и умысли такожде особою своею со всеми силами ити противо им.

Но обаче прежде своего шествия повеле пашам и сенжаком стран Словенских прежде себе ити в помощь кралеве венгерской и Будин от облежания свободжати. А сам премедли мало нечто, ибо имяше такожде зелныя брани с персидским царем Тамасаном. И тогда противо его посла к Вавилону евнуха [то есть скопца] Акарнау-са именем с немалым воинством, дабы хранил пребытия реки Тигра перскому царю.

Но тогда персове победиша турков сицевым вымыслом. Егда убо прииде время к составлению брани при реце Тигре, тогда персове поставиша на единой стране полк женеск, убравши их во одежды мужеския и повелеша им первое битися с турки [ибо тии умеют творити брань, яко и мужие].

Егда же турки скочиша на них, тогда персянки подъемши ризы своя обнажиша турком природу свою, яко жены суть, с ними же они брань имут творити. Чего турки зело постыдишася, паче евнух оный, начальник турков, и того ради отвращахуся от них и с поля уступяху [ибо турки за срам почитают мужу воину на женский пол оружия употребляти]. И егда тако смятошася и без стройства быша, в то время персове созади нападоша на них и победив даже до Вавилона гнаша, на путех губящи их.

Обаче во Индии благополучно султану поведесе, ибо взят тогда во Индии пристанищем карабелным знаменитый град Аден, идеже и царь града того убиен бысть.

Тогда же еще посла султан знаменитаго пашу своего Барбаросса именем ко Епиру стране реченной, бранити тамошних стран от воеводы Андреа, дабы не учинил таковыя же тщеты, яко учинил некоторым срацыном и турком во Африке, идеже приведе под власть краля гишпанскаго Мулеаса кралика тунисскаго.

Сиде же пишуци, мню, яко отлучихся нечто от описания дел турецких бывших тогда в венгрех, к ним же паки приступаю.

Егда убо услышаша немцы, яко турки собрався к Будину идут, окопашася под Будиним над рекою Дунаем противо города и мост через его соделав, поставиша пушки на нем. По сем и турки ко Будину приидоша, им же изыде в стретение начальник венгерский имянем Түрен Бálент. Такожде и турки послаша ко кралевой и кралю с поздравлением и потребных просящи, аще и достаток всего имяху.

И пришедше творяху брани с немцы чрез долгое время, даже по многих битвах ранен бысть начальник немецкаго воинства Рахкендорф частию древа, отшибленнаго ядром ис пушки. От чего вскоре умре, а воинство его конное со срамом многим и величайшею тщею разбегошася. Токмо пешее воинство, яко убежати не ускориша, воздержася нечто и сотворши знаме нитый отпор турком, до конца побеждени быша. Взясша тамо турки купно со одолением и корысть неизреченную.

Солиман же султан мнящи, яко конечно имут быти у Будина царь римский и краль Фердинанд, воздвижеся и поиде из Фракии к Будину сам. И не ведуци о победе немец зело спешно идяше, яко прежде никогда хождаше тако. Но егда услыша о благополучии своих, медленнее идяше.

И пришед к Будину, положися обозом блиско его. Идеже приведени быша пред султана до осмисот пленников немец, взятых на оной победе, их же всех предати повеле отрочатом малым на погубление различными смертьми. Их же тии погубиша стреляюще из луков, и из пищалей, и сабелками секуще.

Бяше же между теми пленники муж ракушинин, паче обычая велик возрастом, иже предан бысть на смерть карлику единому, его же любляху сынове Солимановы Баозит и Селим. Той же карлик толико сечаще мужа того по коленам [ибо и до того едва можаше достати], донеле же паде на землю, и тамо от прочих убиен бысть, оным зрящим на сие со многим утешением. По сем Солиман султан посла послов з дары в Будин ко краleve и кралю, просящи, паче же повелевающи быти к себе в обоз оному отрочати кралю с приставники своими. Кралева же зело опечалися о сем и сердце ея бяше болезнию и печалию, паче же страхом объято недомышляшеся, что творити.

Приставники же кралевы моляху краleve, дабы отпустила сына в обоз к султану. Она же отпусти его с ними, и поидоша. Егда же приидоша в обоз, встретоша его вси начальники султанския. И тако принесен бысть под намет к султану, иже глагола ему словеса лас-

кателныя, детем належашия, такожде и сынов своих возвав, завещавующе им всегда в любви имети онаго.

Но не может кроткое овча между свирепыми волки; питатися, сице и отроча то от онаго волка утешитися. Приставников же королевых повеле султан на обед звати, идеже вопрошаеми бяху о неких делех, зело ужасахуся. А султан в то время повеле турком малыми щупами входити во град и паки иным исходити, иным же во граде оставатися, донеле же много тамо собрася турков. И тогда заступиша врата и оружия вся в крепость свою взявши, обладаша градом.

О чем кралева уедавши, в велицей боязни быше мнящи ся уже в последней погибели быти. Солиман же егда уеда, яко обладаша турки град, отпусти краля во град к матери, вечеру уже сущу, с зятем си, ему же имя Констан; приставников же в обозе у себя остави.

О них же кралева чрез того Констана, дав ему многи дары, зело молящи султана, едва возможе избавити неких. Прочих же, от них же опасение имяше, султан остави во обозе своем.

По том султан нача советовати с советники своими о краleve, и о краle, и о граде. И тако неции советоваху краleve в Польшу к отцу ея кралю Жигмунту послати, а кралевича в Константинополь взяти, приста вников же всех и прочих начальников смерти предати, а град своими осадити. Ибо, глаголаху, не могут сами обратитися немцем.

Но против тако советующим ста зять Солиманов, оный Костан глаголю, яко слово верное кому бы не дано было, подобает его крепко держатися. Но в конец тако усуетоваша, яко да даст султан краleve и сыну ея в державу Седмиградское воеводство и послет оных тамо и с приста вники их. И бысть тако, и послаша краleve с сыном и приста вники во град Седмиградскаго воеводства названный Липп.

А султан по том вниде в Будин и совершенно облада им. И вшед во храм пресвятыя Богородицы, и изметав отуду всякия святыни, по своей махOMETской прелести молбы приношаше. Бысть сие лета 7049-го месяца септемриа, его же почитают себе турки благополучнее иных месяцев.

Укрепив же Солиман град Будин многими воины, постави тамо сенжака именем Солимана, отступника христианства, еще прежде венгрин бяше. Фердинанд же слышав, яко побеждено бысть воинство его, убоися зело, посла к Солиману послов со многими дары, просящи его, дабы дал ему в державу Венгерское королевство, обещающися ему толико же дани давати, елико краль Иоанн даваше. Но обыче послов сих безделных отпусти Солиман.

И тако Солиман султан со многою победою возвратися в Константинополь, тщету и печаль велию христианом соделав. По сем воздержася мало от брани, дающи покой воинству своему. Ибо сицев обычай имут турки, егда лучится им имети где война долгая и трудная, обыкоша последи того год един в покое пребывати.

В то же тогда время, то есть лет 7050-го, оставльшии властели венгерския со слезами многими молиша краля Фердинанда, дабы помогл им на турков. Фердинанд же на сейме некоем в Немецкой земле во граде Норимбергу будуще, испроси помощи у князей, и графов, и у прочих властелей, и у волных градов немецких, такожде и у папы римскаго, их же собрав до семьдидесяти тысяч и вящши, посла к Будину добывати его.

Тии же идоша с великим опасением, мнящи, яко сам султан имать приити свободжати града. Но не бысть тако, ибо тогда Солиман даде покой воем своим, яко выше речеса. Немецкое же воинство сущи различных стран и многих начальников имущи, ничтоже благо творяху. Яко в таком их нестроении едва не целое лето преиде.

Потом оставльши Будин, прехождаху на другую страну Дуная ко граду Пешту, иже стоит на другом берегу Дуная мало пониже Будина, и облегоша его. Турки же противляхуся им крепце и отвсюду из пушек стреляюще на них.

В Будине же бысть тогда во смерти Солимана венгриня сенжак имянем Балйн эфирот, к нему же прииде в помощь сенжак Уляман имянем со трема тысящи турков. И бяше всех турков в Будине и в Пеште едва з десять тысяч, им же повеле султан, дабы паче иных градов соблюдали Будин и Пешт, объявивши воздаящ смело и дерзновенно поступающим, а казнь ленивым немужественным.

И тако турки, совершающе повеление султаново, мужественно охраняху градов оных, и на приступех многих немец побиваху, исходящи многи битвы различными поведении творяху с ними, овогда немец побиваху, овогда сами побеждаеми бываху. На останок обаче немцы, не могоша дале продолжати войны, советоваша отступить от Пешта, изобретши ко извинению приближающееся зимнее время.

И тако поидоша вси, ничтоже сотворши, ниже строения какова имущи в воинстве. Турки же егда узреша побежавших немец, избегоша во след им, укаряюще и ругающеса им, яко с толиким воинством от малых бегу яшася, и на брань их вызываху.

И тако едва неции сразишася с турки, задерживающи их собою, дабы прочии свободнее могли Дунай преходити. Обаче турки побиваху многих последних, такожде раненых и болящих.

Венгры же тогда наипаче вопияху, со слезами порицающе кралю Фердинанду и немецкому воинству, яко подъяшася бранити их от турка, не сотвориша ничтоже помощи, точию наипаче гнев султанов на них умножиша. И того ради, глаголюще, не мощно нам инако быти, точию поддатися турком.

Ибо крали и властели христианские изволяху между собою жестокия брани простирати, нежели противо поганым, общим и сильным супостатом своим. И тако оное немецкое воинство разьидеся, ничтоже кроме укоризны и тщеты приобретши.

На другое по том лето, то есть 7051-е, Солиман султан, мстящийся войны тоя над венгры, посла сенжаков пограничных, Ахомáта, Улямáна и Амурáта, с воинствы добывати градов венгерских. Сам же с величайшим воинством вслед их идяше.

И приидоша сенжаки первое под град Вáлп, стоящий на берегу Дуная близко града Эцеха, и осадилша его. Венгры же мужественно первое браняхуся, потом поддашася з договорами и тако в целости соблюдошася.

Потом турки приидоша ко граду Сóклюсу, идеже такожде вьначале крепко браняхуся, потом просиша сенжаков, дабы такожде свободни были, яко же и на Валпе граде. Сенжак рече им, да творят еже хошут. И тако венгры предаша град турком, их же всех посекоша турки. И даде Солиман грады сия во область Амурату сенжаку.

Потом султан совокупися со всеми силами и из Будина взят воинство и пушек, поиде под град Острóм или Стригóм реченный. Стоит сей град на горе высокой над Дунаем рекою. И пришед под град той осадил его. В нем же затворишася мнози и от Пешта избежавшия немцы.

Солиман же султан первое посла во град триех мужей — италианина, гишпана и немца — дабы кийждо от них своему народу советовал о поддании града. Аще же не сотворят тако, повеле сказати им страшныя мучительныя смерти. Но гражданае небрегоша о таковых прещениях, мужественно противляхуся турком.

Тии же подкопы начаша делати, обаче с великою трудностию, зане град крепок бе положением и промыслом воинов градских; даже потом убежа из града к турком пушкарь некий и возвести им слабейшия стены града, потом указал осаждати башню, стоящую над самою рекою, отнюду же воду кóлом на град имали, от нея же и надсадом турецким тщета велия бяше.

И тако Уляман сенжак ко оным слабейшим стенам привлек пушки и сокрушил их. Подкопы же многия строяху под град, яко гражда-

не и обретши их ничтоже можаху соделати, не обрятаху бо земли, ею же бы могли ямы оныя засыпати, зане всюду каменная гора бяше.

И тако граждане не ведаху, с коими и от коея страны битися, во изумлении бывши, начаша договоры чинити с турки и поддашася им, точию прирекши себе свободное изшествие с тем, еже что кто при себе понести может.

И тако отдавши град турком исходити начаша, отлагающе оружие и пороховницы. Но на их несчастный последний случай забыл некто погасити фетиль, сущий у пояса блиско пороху, огнюду же взорвало порохов много. О чем ужаснися турки, мнящи яковое коветворение от немец, възъярившися начаша сеци и мучити их, донеле же паши прибегши, едва отъяша граждан.

И тако взят бысть град Остром от Солимана. И вшед в него, поиде во храм соборный. И тако, яко и в Будине, изметав святыни, по своему обыкновению молбы совершаше. Оттуду потом поиде Солиман ко граду названному Та́та, иже предан бысть в руке его, и повеле ѿ до основания разорити, не оставляше бо целых, токмо знаменитых и целых градов.

Оттуду поиде султан к Белуграду, началному всего Венгерскаго королевства, идеже погребяхуся вси умершия цари их. Бяше же сей Бельград в нарочитом месте и крепкой обороне, его же от единыя страны озеро великое обливало и ров великий, такожде три вала соделанны толсты и высоки; с другую же страну бяше Дунай река.

Егда же прииде султан к Белуграду, запрошася в нем граждане с помощию воинства, присланнаго от Фердинанда, в них же и гусаров пятьсот бяше с начальными своими, иже советоваша по жеци предградие и башни сломати, но возбраниша им граждане.

И пришедше турки, облегоша град от страны, идеже не надеяхуся граждане, и того ради боязнь немала объят их; но обаче исходящи из града чрез три дни бяхуся с турки.

Потом, егда прииде сам султан и ста, окруживши град, тогда граждане наипаче убояшася, паче же егда оныя гусары нощию избегоша из града. И тако Солиман начат промысл чинити, валы оныя раскопавоуши и рвы хвратием и землю засыпающе, аще и зело браняху того граждане.

Также и подкопы творяху турки во многих местех. И граждане противо их подкопов свои подкопы соделаша, но на несчастье свое, поставльши тамо порох, некрепко последи устие подкопа утвердиша, и егда взорвало, изверже землю и порох не на турков, но во град, от чего многи тщеты бысть во граде.

Ея же ради не возмогши граждане воздержати крепости турецкия, бежаша в верхний каменный град. Их же тогда многих турки посекоша, такожде и чрез воду, яже во рву, плавающих яко уток на воде стреляху. И бысть им велие падение. Оставльшии же вшедши во град и много советовавше, видев свое изнеможение, поддашася Солиману, молящи его, дабы точию здраво отпущени были; и тако предаша град.

Солиман же, вшед в него, повеле пришедшим воином особно стати, такожде и ту сущим гражданином особно. И тако пришедшии италиане и немцы отпущени быша, их же султан татар ради и проводити до королевских держав повеле Ахмату сенжаку, ему же немцы даша за то пицаль с кремнем, иже тогда у турков новая вещь бяше.

Жителей же белоградских повеле иных отвести во ины грады, иных же смерти предати, того ради, яко они чрез клятву свою предашася от него ко кралю Фердинанду.

По сем, яко уже время зимнее приближася, того ради потщася султан к Константинополю шествие имети. И тако отъиде, оставльши в Белеграде начальника Болвенса именем, заповедав ему град укрепити и жителей собирати.

И тако Солиман султан сим своим пришествием множайшую часть Венгерскаго королевства облада совершенно. Оставльшую же часть кралева венгерская с сыном своим предаде вечно кралю Фердинанду, взяв у него за то в Шленской земле отделенныя области. Соделася сие лета 7068-го.

По сем Солиман султан, видев себе к совершенной старости приходяща, успокоися мало, в покое хотя конец житию получитьи, паче ж того ради, дабы обладателство без всякия противности, не имущи ниоткуда супостата, сыну своему оставил. И того ради умиряшеся всяко со окрестными государи.

Лета 7070-го посла к цесарю римскому Фердинанду посла своего именем Ибраима названием Страшен со иными многими [поляк бяше сей, но отвержеся Христа, прият махометанскую прелесть], иже творяше посолство пред цесарем во граде Франкфурте; и приведе ему в дарех от султана иноходца турецкаго и четырех верблудов.

Потом и с персидским царем, с ним же великия войны провождаше, мир устрои лет 7071-го. А то таковыя ради причины, егда отдале Солиману сына его, иже убежа к нему, просяше помощи противу брату своему Селиму, его же отец Солиман избра на обладание турков. Егда же Солиман взят сына своего от перскаго царя, тогда посла к нему в дарех трех тысящи червонных златых.

Сына же онаго с женою его и с детми всех повеле смерти предати. Последи же на другое лето и сам кровопийственный той мучитель живот смертию сконча, последи себе оставльши сына Селима именем на обладании у турков.

Селим Второй, 12 султан турецкий

По умертвии Солимана, обладателя турецкаго, сын его Селим волею отца своего [егда брата ево всенародно погуби, дабы един он возмогл обладати Турецким государством] прият скипетр обладательства лета 7072-го или 7073-го — зане о том ведомости истинныя не могло обрестися.

Сего новоприимша власть видево, Максимилиан арцкнязь ракусский, у него же в подданстве оставльшая часть Венгерскаго кралевства бяше, воздвиже брань на Селима, и бяху у турков с воинством его различными поведениими мнози брани.

Обаче немцы малу тщету учиниша турком, едва бо возмогоша возвратити нечто Венгерских градов от турков, яже суть сия: Такой, Тотис, Весперин. Селим обаче ни во что сию тщету полагаючи, посла множайшая воинства, иже множайшее пленение Венгерским странам творяху.

От чего Селим в гордость вознесшися, премногая наступления на христиан творяше, и во многих странах области христианския пустошаше, и под власть свою привождаше.

Яко лета 7076-го посла многое воинство на остров Кипрский и по многих битвах с венецианцами облада оным островом и государством зело богатым и многолюдным, идеже грады славныя Фамагост и Никосия, которых зело жестоко добывали турецкая воинства, паче же Фамагоста, зело стреляюще ис пушек, идеже выстреляли железных ядер сто осмьнадесять тысяч.

Потом злочестивый завистию пространнаго обладания воспаленный, паче же хотящи мститися над московским великим государем царем и великим князем Иоанном Васильевичем всея России самодержцем победы и пленения от прежних великих государей московских на едиnorodных своих Великия татарския Орды жителей и взятии Казанскаго царства от него великаго государя; но обаче тайно лестно умысли поступати в том и злокозненный свой умысл совершити.

Лета 7077-го посла к Жигимонту кралю полскому посла своего Ибраима Страша, поляка, приимша махOMETскую прелесть, о нем же

прежде рекох пишуца, просящи краля о сем, дабы поволит воинству его чрез своя области преити и воевати области Московскаго государства, называючи себе головным супостатом государя нашего. Но краль полский отрече ему таковое его прошение и не токмо ему таковое желание исполнити, но всеми силами обещася бранити такового дела.

О чем и своего посла к султану послал, иже быв у него, зело дерзновенно возбраняше ему о таком начинании и всячески тщася возвратити уже посланное тамо воинство. Султан же, видев непреклонное в том кралево намерение, возврати от того пути воинство свое.

Но обаче неукротимо ярящися о взятии Казанскаго и Астараханскаго царств от царя Иоанна Васильевича, ин путь оному своему воинству изобрете, послав их чрез пустыни Асийския под град Астарахань, хотящи обладати им.

Бяше же посланнаго онаго воинства велие множество, которое зело жестоко побеждено бысть от московских войск, со срамом, и велиею тщетою бежащи, возвратишася немнози, ни единыя тщеты граду Астарахани и воинству московскому соделавши. Яко о том изъясися выше во истории сей в части 3 во главе 6.

Во время обладания сего Селима султана бяше в волохах подданный ему воевода Богдан имянем, иже помогаючи полскому кралю, многи тщеты творяше турком. Чего ради разгневався султан, воздвиже гнев свой нань. Богдан же посла помощи ради ко кралю полскому. А краль по прошению его лета 7080-го паки послал посла своего к султану, иже прият бысть с честью от него, и по прошению его восхоте вины Богдана воеводы отпустить.

Но той сам в то время, паки собрав неколико воинства, пленяше волохов, подданных султанских. И того ради разгневався султан, посла в волохи воеводу имянем Ивóню со многими турки, иже изгнаша Богдана, обаче сами многи тщетны волохом творяху, жен и детей насилующи и отъемлющи. Посол же полский отпущен бысть к дому.

Потом немалое воинство турков идоша с волоским воеводою Ивонею противо бывшаго воеводы Богдана, иже помощь имеючи от полских неких сенаторов умыслил было достигати Волосскаго воеводства. И тогда турки многи битвы сведоша с Богдановым воинством разными счастьяи, овогда Богданово воинство побеждающе, овогда сами побеждаеми бываху, даже Богдан с воинством принудися изыти из волохов, не возмогши утвердиться на воеводстве.

И остана власть воеводства Волосского при оном Ивоне. Но и той непостоянных ради турецких нравов не возможе в покое быти, имяше многия противности от брата воеводы мултанского именем Петрила, иже подкупающися у Селима султана, многи тщеты с турки и прочими помощники своими творяше Ивоне.

Обещеваше бо той Петрило множае дани давати султану, нежели Ивоня даваше. И того ради посла султан посла своего к воеводе Ивоне, вопрошаючи его, аще будет толико дани давати, елико Петрило обещает? Ивоня же советовав со властели волосскими умысли не давати толикыя дани, зане и так великими данми отягашени бяху. Но войну усоветоваша противо Петрила имети, и с тем посла турецкаго отпустиша.

Егда же Селим султан уведав о сем, възъярися гневом зелным, вскоре 30 000 турков и 2000 венгров посла на помощь воеводе мултанскому, брату Петрилову, дабы сам с ними на волохи шел и воеводу Ивоню поимал, а брата своего Петрила воеводою учинил и волохов во власть ему вручил.

Воевода ж мултанский со оным воинством, такожде и со своими мултаны, их же до четыредесяти тысящ имяше, чрез реку Молдаву во области Волосския прииде. О чем егда уведа воевода Ивоня, собрався с волохи, к тому от Полских стран неколико казаков имеючи, изыде противо воеводе мултанскому и турком.

И сведши турки три брани с волохи, на них же всюду поражаеми бяху. На тех битвах много турков побито и поимано, между ними же взяша начальника их толико богатаго, яко обещася казаком отвесити себе дважды златом, а серебром трижды. Егда же тии пленники приведени быша к Ивоне, повеле волохом своим всех их на части косами посещи. И тако воинству тому, посланному от султана, отовсюду зло бысть.

Егда же сия ведомость доидоша до султана, начат быти в великом размышлении, дабы таковым начинанием не отщатился Волосского государства и всего, еже на сей стране Дуная во власти своей имяше. Еже въправду и блиско того было, аще бы гетман воеводы Ивони именем Иеремий, его же Ивоня оставил бяше с воинством бранити турком преходу реки Дуная, не изменил ему.

Ибо Петрило даде тому Иеремию тридесят тысящей червонных златых, и того ради он отступил от брега Дуная, путь даючи турком; сам же прибегши возвести Ивоне воеводе, яко не возможе противо турком стояти, о воинстве же турецком поведаше, яко несть их болши пятнадцати тысящей.

Ивоня же, советовав о том с начальники своими, паче же с воинством казацким полским, паки нача ко брани уготовлятися и собрав елико можаше воинства [ибо по прежних победах мало опочити их отпустил бяше], иде про тиво турком. Егда же снидошася, тогда сам Ивоня изыде видети турецкаго воинства. И тогда открыся измена воеводы того Иеремии, ибо турков более пятидесяти тысящей бяше.

Тогда Ивоня, призвав Иеремию, гневашеся нань и порицаше ему о несодержании истинныя верности. Той же извиняше себе глагола, якобы не возможе подлинныя ведомости взяти о воинстве турецком, а во знамение изреченныя от него истинны обещася прежде всех с турки битву имети.

И егда тако устроишася к брани, тогда Иеремий повеле воинству, под правлением своим существу, знамена на землю свесити, и копии опустити, и самим шапки сняти, и поддаться турком. Еже видеша турки, воздержавшись мало, прияша волохов между себе в воинство, и паки обратиша их, и яко скотов погнаша противо воинства Ивонина.

Ивоня же, изменою их възьярен будучи, из всея стрелбы повеле на них стреляти, и тако от тоя стрелбы и созади от турков вси избиени быша и прияша мзду измены своей. И по том умножися презелная битва.

На первом убо соступлении волохи и казаки воспятиша нечто турком, потом турки поправишася и из всея стрелбы стреляху на волохов, к тому и сами всеми силами наступиша, яко жестокое зло приходяще на воинство Ивонино.

И паки составися жесточайшая брань; падаху убо людие яко снопии, и руце волохов от сечи изнемогаху, и оружия в руках не достоваше, к тому мгла велия востала, яко един другаго не видеша, паче же и пушкари не ведуши, камо стреляху.

Потом дождь велий спаде, еже ко тщете и паче бысть волохом, ибо пушки их замekli, которыя к великой помощи им были. И тако нача вручь сецися с турки. Ослабевши же в силе, уступати начаша, к тому татар свежее воинство приспеша на волохов. И тако побегоша невозвратно, их же турки в погони многое множество побиша.

Воевода же Ивоня остася с пешими и с казаками поляки и умыслиша до смерти битися; но и тамо не возможе спастися и по многих договорах поддадася турком, просящи, дабы поляки свободны отпущени были. И потом простився с казаками изыде из обозу со единым воином, яко пленник некий.

Егда же приведен бысть в обоз турков к началнику воинства их, иже разглаголаше с ним немало время, и тамо разгневав пашу словесы своими, иже приим саблю, прободе его во чрево, таже по главе посече. Последи янчары главу отсекоша ему и на копие вонзоша. Труп же ко двум верблудам привезавше пустиша, иже бегаящи расторгоша и надвое, потом турки на части разсекоша его и кровию мазаху сабли своя.

И тако турки утвердивши Петрила на воеводстве в Волосской земле, во своя возвратишася. Быша сия лет 7082-го.

По том того же лета посла Селим султан многое свое воинство во Африку, добывати градов Туниса и Голетты, яже быша в державе краля испанскаго, их же разными воинскими промыслы силно добывали, толико стреляюще из многих великих пушек, яко у Голетты в тридесять девять дней все стены и башни крепкия з землею сравняли, иже деланы быша от христиан 40 лет. И по толико силных приступех взяша их того же лета.

Егда же Селим уздав о взятии оных градов, возрадовался зело, будучи тогда в Константинополе, и со многим веселием торжество устрои. Но торжество то печалию скончася, ибо сам нечестивый по дву неделях живот смертию премени. Его же смерти паши долго таили, бунтов боящися. Последи себе остави шесть сынов, Амурата и прочих пять.

Амурат Третий, 13 султан турецкий

По умертвии султана Селима паши и началники турецкая избраша на обладателство сына его старейшаго Амурата именем. Ему же не сущу тогда в Константинополе, но бяше за морем во Асирии во граде Амасии, идеже и прочия султанския дети блюдоми бы вают и стража их ради крепкая.

Ему же егда возвещено бысть о смерти отцовой и о избрании на обладателство, тогда вскоре тайно побежа в Константинополь. Чего ради янчарове бунт воздвигоша, яко кроме соизволения их паши едины избраша его. Обаче Амурат хитр сый, дав много злата янчаром умирил их и в послушание себе приведе.

И тако егда утвердися на обладателстве, тогда вскоре пять братьев своих родных подавити повеле. И положени быша все един подле другаго в высоких златыми материи покрытых гробех блиско mosque, яже была церковь Софии-Премудрости Божия Слова, при ногах гроба отца их.

И егда уже безо всякаго опасения утвердися на престоле, тогда начат умышляти и строити войну на перскаго царя, обаче не дерзаше без причины и замешания в них междоусобнаго. Но егда прииде к нему весть от паши ево Устуфа из града Ван названнаго и отинуде, яко перскаго царя дети Исмаил и Айнер воздвигоша брани между собою, хотящи кийждо от них на царстве быти, тогда Амурат султан дерзновение восприим, собрав до двусот тысящей воинства изыде с ними в страны перския.

И пришед под град богатый названный Морабель, осадив его, крепко добываше. Но граждане зело противишася турком и на приступех множае двадесяти тысящ избиша их, но обаче помощи не имеючи и потребными оскудевши, аще и зело крепко даже и до смерти бишася, не возмогоша избыти от них.

Взяша бо турки град, и быша победительми над персы, и еликих живых обретоша — над теми всякое лютое поругательство и мучение чинили: ножами и бритвами телеса их резали и кипящим маслом поливали, руки и ноги отсекали и в полыживых по улицам топтали, отрочат от десяти лет сущих за волосы вешали и по них ис пищалей и из луков стреляли. Женам сосцы отрезывали и самих на деревьях втыкали, из чреватых детей вырезывали и о стены разбивали. И прочее неизреченное мучительное ругательство творили, не тамо точию, но и во иных местех.

Такожде тогда Амурат султан поплени и под власть свою приведе страны, обретающияся между Дербентом и Теврисом градами, идеже обретається Георгиана область особая, яже тогда бяше в союзе с персы.

Такожде облада страну Серван названую з богатыми и крепкими градами, к тому Тевлис, и Шамаху, и Ерес — города великия и славныя. И на преходах гор окружающих Персию взят города Карс, Томан, Лови. И оттуду уготова путь воинству своему даже до реки Оронты, до нея же три дни ходу от Тевриса.

Такожде облада Медию и Армению Великую. И егда по той войне опочинути даде воинству, тогда перский царь, идущий за ними вслед с воинством, его же до осмидесяти тысящ имяше, безопасных турков нашедши, нападе на них; и таковым нечаянным случаем на главу порази их и корысти многия взят, к тому и сами турки мнози изомроша от нужд военных.

Обладавши же Амурат султан Теврисом, соделати повеле тамо великую крепость и обещася никогда оставити ю — яко прежде сего

чинили пред ним бывшия султаны Селим и Солиман — но всегда имети ту крепость в великой обороне.

И в той войне, яже началась прежде сего султана при отце его Селиме лета 7075-го, и при своей власти до лет 7099-го, изменил той султан прежде бывший турецкий военный обычай. Ибо турки даже до сего времени надежду имеючи в конном своем воинстве и мужестве их, такожде в пехоте, и в доволстве пушек, и прочаго оружия, презираху грады и крепости, яже во область их прихождаху, паче же и разоряху оныя; аще же сия и содержаху, то ни во что их полагаху. Глаголаху бо, яко той не может быти крепким воином в поле, иже обратит силы своя ко граду крепким и на них надежду имети будет.

Но сей султан, яко писася, измени таковой обычай, нуждею приведен к тому будущи. Начат поступати укрепляющися, от града до града; созидаючи грады на местех пристойных и исполняше их воинскими людьми, и оружием, и запасы потребными. И того ради сия война прилучися Амурату со безчисленным последним истощанием сокровища его.

Всяко обаче Амурат толико земли Перския и союзников его взял, елико выше изъявися, к тому и столный его град Теврис или Таурис. Идеже во областях градов тех учинил четыредесять тысяч тимарров [суть то тимарры в селех и деревнях невеликих живущия воины, им же села те и деревни даются во владение до смерти коегождо, и служат без жалованья], и доход примножил к сокровищу своему миллион един.

Сей Амурат султан турецкий уведав, яко благочестивый государь царь и великий князь Иоанн Васильевич смертию живот свой сконча и по нем наследник бысть скиптродержавствия Московскаго сын его царь и великий князь Феодор Иванович, возбуждаем завистию властолюбия, лукавно, якобы мир с государем составляя, присла послов своих к Москве лета 7092-го, хотящи уведати силу воинственную Московскаго государства и наведатися о крепостях града Астарахани, яко мало последи леть его познася.

Ибо вскоре, лета 7096-го, присла той нечестивый султан многих пашей с немалым воинством ко граду Астарахани. Обаче пришедши ничтоже сотвориша тщеты граду, токмо сами в далечайших нуждных путешествиих мнози нужно живота гонзуша.

И видев султан, яко неблагополучно там воинству его поведесе, покрываючи леть свою и погибель воинства своего, лета 7097-го паки присла к Москве, аки бы торговых промыслов желаючи, посла

и гостя именем Цылибеа, иже пребыв время немало на Москве, отпущен бысть во своя честно.

По сем же, лет 7093-го, паша Амурата султана Ибраим именем попленил во Азии народ друссов блиско Каппадокии и волность у них отъят, под власть Амуратову приведе. И тако возмездися Амурату война перская, в ню же, яко речеся, едва не вся сокровища своя истоцил, ибо множество воинства и с великими пушками посылаше тамо: на остатней войне до лета 7099-го бяше тамо при воинстве его со Асман пашею пятьсот пушек.

По скончании же перския войны, со христианскими окрестными государствами — с цесарем римским в венгрех и с Венетийским княжеством в погранении — многи имяше брани различными поведением. Аще убо где и побеждено бываше воинство его, обаче той, скрываючи тщету своих, в величайшую гордыню возносяшесе, повелеваше воинству своему зелныя наезды чинити на Венгерскую землю.

И тако по повелению его лета 7101-го изшедше турки из града Берзна, взяша и разориша грады Триполь и Бёцк, и волости тамошние попленивши, великое мучителство над народом чинили и пленников в неволю отводили.

Цесарь же римский Рудолф сын Максимилианов слышав таковою, сжалися подданных своих, созва на совет начальников Венгерския земли и советова с ними, како бы оным супостатом при по мощи Божии отпор учинити.

Турки же в то время не праздны были, совокупляшесе бо их воедино что дале, то множае, и собравшиися селения и грады бранию и вымыслами елико могли поседали. Потом Амурат уготова велие воинство на Венгерския страны и поиде тамо с ними.

О чем уведав цесарь Рудолф собра противо им от всех государств своих многое воинство и мужественно противо им ста. И приближися к ним, яко уже и стража со стражею стиратися начася.

От чего дадеся весть турком, яко уже недалеко от них христианское воинство. Они же вскоре конное воинство чрез реку Кулпу по мосту препроводив, надвое разделиша, и едину часть в тайном месте сокрыша, а другую на чело изведоша. И тако надеяхуся отвсюду окружати христианское воинство.

Обаче тии подстрегошася о том. Все с великою охотою мужественно удариша на турков и стрелбою своею толико их помешали, яко прежде всех сам паша в бег дадеся к мосту, турки же за ним тамо же поспешали. Христианское же воинство, во искусном управ-

лении будуще, прежде их к мосту ускорили и обладали им, а турков бежащих губили.

Тии же видевшие от всех стран, смело христиан наступающих, начаша в реки Одру и Кулпу метатися, идеже крутых ради берегов множество их потонуло. И тако тогда зело много турков побито бысть, ибо начальницы всех повелеша смерти предавати.

Оставшии же турки, идеже в обозе быша, видевши погибель своих, весь обоз и порохи огнем запалили, а сами невозвратно побежали. Но христианское воинство, скоро во обоз прибегши, огонь угасиша и обоз обладаша, идеже зело многи корысти взяша.

На той брани убиени быша паша Боссенския страны и иных начальников немало. Тогда же Асман-пашу, идеже злейший паче иных на христиан, о нем же выше речеся, у мосту в воде мертва обретоша во одеждах изрядных, драгими камении украшенных, и блиско его Ахмет-висиря, сына паши знаменитаго. Такожде и во иных местех обретаху начальников воинства ту рецкаго и <z>биенных лежащих.

И такова повесть тогда обношашеся, яко никто можаше помнити, когда бы христиане толикую победу над турки имели и толикую тщету им учинили, яко в то время.

Потом турки, мстящися оныя своея победы, паки со многими воинствы приидоша в венгры, и грады Весперин, Тóтис, Палат, Вессану обладаша, и на различных местех брани со христианы имели.

Но христиане воздаша за то турком, ибо под Бельмградом десять тысящ их побиша и пашу их Синай именем и десять бегов убиша, идеже тогда многими корыстми исполнишася.

И таковое тогда злаполучие попусти Бог на турков, яко единым годом пятьдесят знаменитых градов без кровопролития христиане у них взяша и обладаша с ними велми пространную страну.

От чего страх велик на поганых бысть тогда. Того ради от всех прилежащих градов богатя сокровища многая во град Будин свезоша, и бяху тамо тогда безчисленныя богатства снесены.

И аще бы в то время окрестныя христианские государи в соединении были и во едино время совокупилися, то быша конечно Бельград, и Будин, и прочия крепкия грады могли у турков взяти, но яко они не прилежали о том.

Тогда Амурат султан наипаче дерзновения исполняшеся, и победами над христианы возвышаем, лета 7102-го месяца октоврия собра противо христиан многое воинство и изыде из Константинополя в поле смотрети его.

Тогда толико велия буря востала, яко в обозех их шатры, возы и мужей с конми поваляла. В то же тогда время кресты являлися на одеждах у турков, какового чуда велми ужасшиися Амурат, все воинство в Константинополь возврати и сам от страха онаго в болезнь впаде.

И возлегши успе, и виде сон сицевый. Яко бы муж велий стоял единою ногою на башне Константинопольской, а другую на море; и воздвигши руце свои, единою держаше солнце, а другую месяц. И егда оному яко бы удивляшеся Амурат, тогда муж той башню разрушил ногою, которая падши сокруши мосхею и престол султанский.

И потом убудився Амурат, и во страсе будучи повеле призвати гадателей многих, и сон свой объяви им, желаючи, дабы разсудили ему таковой сон. Тии же вскоре согласно [яко прелестницы злые] отвещаша ему: «Яко ты всею силою своею не имаши христиан победити, ибо Махмет гнев на тя имеет. А еже кресты явишася на турках, то тии турки, на них же кресты явишася, имут христиан мужественно побивати, зане тии кресты почитают.

— Аще же сего не учинят, тогда Махомет башню, и мосхею, и престол царский иматъ сокрушити и безвести сотворити». Амурат же султан по таковому оных сна изложению клятвами утвердися вся силы своя на христиан обратити и воевати непрестанно, донеле же вся страны, идеже суть христиане, попленил и обладает.

В оно же время и беклербег греческий, или гадание творящи, или хотящи детей в дерзновение обучити, собра их осмь сот и надвое раздели, единую часть нарече гауры [так оны ругателно христиан называют], а другую бусурманы, и оным даде ясак Иисус, а другим — Гали, Гали.

Их же приведши в сарай султанский, повеле битву между собою творити, обещав одолевшым воздаяния много. И тако бившиися восприяша победы, которые ясак Иисус имели. Толико же бишася крепко, яко неких едва живых из сарая изнесоша. И таковым гаданием великий страх нападе на поганых, и на победу свою то разумевали.

По том христиане взяша у турков Новый град, беглербег же Новоградский в Будин убежа, его же паша будинский посади в темницу того ради, яко он толико крепкую твердыню погубил.

Того же лета Амурат султан турецкий не токмо землю, но и морем на погубление христианом великия воинства готовал, и умысли пол их послати в Далматскую страну, а другую в венгры под град Сегну.

И тако поидоша в венгры, им же противо изыде военачальник имянем Тиофемъбах со двоманадесять тысящи воинства венгерскаго и обяже град Гатван, его же турки у венгров пред сим взяли.

Турки же, видевши нужду свою, к будинскому паше помощи ради послаша, он же вскоре посла тамо воинство в помощь, с ним же христианское воинство брань сведши, победи их.

Прочии же, видевше многих своих избиенных лежащих, в бегство обратишася, по ним же во след военачальник оный с воинством своим даже до Будина гнал, биющесе и секущи их, где многу корысть взял, и пушек, и знамен турецких, и пленников многих.

По том же вскоре и град Гатван взят, и прочих немало, яко Весперин, Агр, Токай и Острогóm или Острóm, от него же турки избежаша, а христиане обладаша. И всюду тогда турки от христиан побеждаеми бываху.

Такое свое несчастье со христианы на различных местех видевши, Амурат зело яряшесе на них, и того ради вся силы своя на них обратити совеща и всех изгубити умысли. И собираше воинства от всех областей своих, и от хана крымскаго помощь прият, их же избраннаго воинства до осмидесяти тысящей в землю Венгерскую впадши, великую тщету и пленение учинили.

Турецкое же воинство, их же сто пятьдесят тысящей баше, над ними же началствова Синай-паша, к тому татар множество, пришедше сташа между Будина и Белаграда. Венгерское же воинство, с ними же арцыкнязь ракусский Матфей, брат цесаря Рудолфа, шедше противо им и сташа обозом на другой стране Дуная под градом Комáрою или Комáрном и обладаша град Тотис.

Потом под град великий названный Рáб приидоша, обаче не имяху дерзновения на турков, иже тогда града того добывали с Синай-пашею, обаче ничтоже тогда соделаша, даже последи янчарове, улучивши время, егда паде дождь велий, с великим воплем из обозу потекше, заднюю башню взяли; но граждане поправившися и дерзость восприимши изгнаша янчаров оттуду.

Потом видевше турки, яко христиане часто на них наступают, собращася их до десяти тысяч преидоша Дунай на галерах, инии же на плотях, и нощию на спящих венгров нападаша, и побивше первую стражу их на обоз удариша.

И таковым нечаянным случаем до конца венгров победиша и обоз совсем взяша, идеже взяша безчисленное множество пушек, пороху и сокровищ, паче же злата и сребра много зело, иже привезено бысть на отдание воином за службы их. Венгров же самих мно-

жество избиено бысть, прочие же от такого убийства едва бегством спасошася. Бысть тогда христианом тщеты множае пятисот тысящей талларов.

Восприимши же нечестивии таковую победу над христианы, наипаче возгордеша, и велие пленение в венграх в долготу и широту соделаша, и грады некоторые блиско Вены града пожгоша, и народа безчисленное множество в плен взяша. Такожде и татарове, прешедши Дунай, всюду тако поплениша и плену много изведоша.

Егда же быша тамо, тогда месяца септевриа в 23 день Синайпаша под Рабом будущи, турков своих обещанми в надежду приведши и похваленми ублаживши, ко взятию града крепко подведе и брань состави.

И бяше от обою страну зелная брань от утра даже до вечера, идеже турки тщету приемши отступиша мало. Наутрие же, и в третий день паки приступы чинили, идеже граждане до двунадесять тысяч войска их убиша.

Обаче турки башню подкопом и подложением порохов обвалиша, и оною ров градный засыпаша, и землю сравняша. Потом паки рано от трех мест приступ ко граду учиниша. Граждане же, великою силою браняще приступ турком, множество их побиша.

Но обаче турки не отступиша от града, и целые пять дней подкопывающесея, и ядрами огненными во град стреляюще, пагубу гражданом творили. И тако две башни градныя взяша, отнюду уже свободнее приступ ко граду имяху.

Еже видев воевода со граждане, не имущи надежды свободитися, в великую боязнь впадоша. И советовавши, послаша к Синайпаше договариватися, дабы прежде взятия града предавши его могли потребныя договоры имети.

И тако предаша град с таковыми договорами, яко свободно им всем з женами, и з детми, и со имением, и всяким оружием, воздвигши знамена своя, изыти во иной блиско город.

Соизволиша убо турки на сицевые договоры, обаче не все исполнили, ибо точию начальника градскаго свободно отпустиша, а прочих воинов италиан многих побили и имения пограбили. И тако той воевода погубил твердыню велми славную на границе Венгерской, которая почитана была за недобытную и оборону всему христианству.

Восприяша тамо погании многую корысть, единого вина до трех тысяч великих бочек, и муки, и прочих доволств, ими же бы могли чрез два лета препитатися. Тамо же и пушек сто двадесать взяша, и

порохов множество, и всякаго оружия паче меры исполнено было, еже все в руце поганым прииде.

Синай же паша, таковому счастью радующийся, вскоре посла возвестити султану о таковой победе. О чем уведав султан, многими похвалами благодаряше ему. По взятии же повеле паша град очистити и сокрушенныя стены и башни подкрепить. И оставив тамо четыре тысящи янчаров и две тысящи конных, сам с воинством обратися под славный и богатый град Камáру, от Рабу двадесят верст отстояния имущий.

И тамо положишася обозом над Дунаем рекою и повеле воинству от единыя страны приступы чинити, а от другия из великих пушек стены ломати. Но граждане дерзновенный отпор творяху турком, и тако прочь отъидоша, егда уже и на помощь гражданам воинство не малое шло.

Потом турки, все пушки взявши, чрез Дунай по мосту преидоша и мост зажгоша. Идущи же Синай-паша к Константинополю, взяше с собою великая сокровища, его же в венгрех взял. О чем волохи и седмиграждане весть имущи, подседоша на пути в тайных местех и тамо дождався его многих турков побиша и сокровища вся взяша, едва сам паша не с великими людми бегством спасеся.

Тогда же, в декабре месяце, в Константинополи на дворе султанском велий бунт воста от янчаров, в нем же паша един и семь агов убито, а сын султанский смертно ранен. О сем Амурат султан зело разгневался, от чего злое поветрие поразило его, и в лютую болезнь впаде, и в той болезни три дни и три нощи лежаше, за мертваго почитан; чесо ради о избрании новаго султана паки бунт зачаса и бяше велик страх во граде.

И тако тогда Амурат султан от печали великия душу изверже, оставив по себе сына Махомета имянем и прочих немало.

МахOMET Третий, 14 султан турецкий

По смерти Амурата султана того же 7102-го лета сын ево МахOMET, победив братию си, седе на обладании у турков. О его же избрании янчары с прочими воины уведав, бунт велий в Константинополе воздвигоша. Во всех убо улицах в трубу и бубны удариша и тако весь град возмятоша, паче же егда уведаша о злобе его, яко братию свою изгубил бяше. Такожде и на жителей градских ринушася и многи дома разграбиша. И тако таковаго мучительства над султаном МахOMETом помстишася.

Таковым прилучаем утешивъшися, молдаване и седмиграждане воздвигошася на турков и четьре града у них взяша. И по том далече в землю Греческую вшедши, пленяху турков. И даже за сто двадцать верст от Константинополя быша, и всюду тамо опустошиша, и на пути двадцать тысяч татар победиша.

И бяху турки всюду частыми победами от христиан одолеваемы. И толико множество бяше их побито, яко христиане во знамение побед, над турками бывших, пятьдесят возов глав турецких во обоз свой привезоша. Такжеже турки и от венгров на многих местех побеждаемы бываху.

Потом лета 7103-го видев Махомет султан, яко в разных местех умалюся воинство его, посла чауша в Будин, дабы вси на войну готовилися и егда возвещено им будет, тогда бы немедленно все в обоз съезжались, аще ли же кто непослушен явится, таковой имать на кол посажен быти, а жены и дети потоплени.

И за таковым его повелением множество воинства снидесе ко граду Темешварту, хотящи все ити войною в Седмиградскую землю; тамо же и паша будинский прииде. И тако поидоша на седмиградскаго князя.

Воевода же его, весть тайную имеющи о турках, собрався с воинством, изыде противо им. И дождався их на месте пристойном, и сведши с ними брань до конца победы их, яко едва неции спастися возмогоша.

Идеже темешварский бег смертно ранен, яко едва з бою отвезен бысть, обаче на пути от ран умре. Воевода же оный с тоя победы посла ко князю своему со извещением о той брани, и два знамя турецких, и иныя воинския знаки.

Таковыми убо победами Махомет султан от христианских воинств всюду побеждаем будуще, оставльши обыкновенную свою гордыню, мира отовсюду требоваше. Яко к великому государю царю и великому князю Феодору Ивановичу присла послов своих с любительными грамотами, дружбу и любовь утверждающи, иже быша у государя на Москве 7102-го лета июля в 16 день. С теми же турецкими послы возвратишася к Москве и великаго государя посланники Леонтей Исленьев и прочие, иже быша посланы от государя ко отцу Махометову, Амурату султану.

И сице о турках, и султанах их, и о бранех их со окрестными государи, елико возмогох во историях обрести, написах на уведение люботрудному желателному читателю, дабы той желанием множай-

шим возбужден будучи, множае потщался написать и историю рас-пространити, ибо по соделанной лестнице на высоту возшедши, множае мощно в далечайшия места зрети и о оных ведение сотворити.

Глава 7

О пространстве обладательства турецкаго, и о богатствах и доходах государственных, и о суде, и о воинской можности государства того

Обладатели турецкия обявша властию своею множайшия части трех частей сего света, то есть Европы, Асии и Африки.

В Европе убо имеют весь брег морской наченши от пределов Ракусских даже до устия реки Тада названнаы, и от Будина города Венгерскаго даже до Константинополя, и от праваго берега вниз идущи реки Днестра даже до реки Савы.

Сие все или совершенно под их обладательством, или под воеводами, подданными их: под мултанским, волосским или молдавским, под седмиградским [в котором месте лучшая часть Венгерския земли]. Тамо босны, сербы, болгары, Македония, Фракия, Эпирус, Ахания, Аммория и море, еже блиско Константинополя, названное Архипелях, со всеми многими острова.

Во Асии содержат Анатолию, Сирию, Палестину или Святую землю, даже до реки Нила и до Александрии Египетской, и прочия области, обретающияся блиско Понтийскаго моря, и в средину земли даже до Персиды.

Во Африке имеют Египетской страны в долготу пятьсот верст, такожде берега моря Междуземнаго на осмь тысящ верст, и в средину земли до Нумидии и Ефиопии и даже до моря Чермнаго.

Величество же обладательства их может познатися от пространства частей государства их. Море Меотское, его же вкруг тысяща верст, такожде море Понтийское, его же две тысящи седмьсот верст, все в их области. От града Тевриса или Тауриса, иже в Персидской стране, до Будина града венгерскаго ехать их государством... болши чаю 3000 верст; такожде от Дербента Персидскаго града до государства Аден названнаго, иже блиско Персидскаго Чермнаго моря, столко же верст; от Белзеры до града Трамиссен мало менши четырёх тысящ верст.

На мори же Междоземном имеют знаменитыя острова: Кипр, Родис, Нигропонт, Сámos, Схио, Мителин, Сталимен, Кандию или Критской остров и прочих множество.

Яко пределы всего того Турецкаго государства граничатся от востоку с Персидою в долготу чертою, юже достоит мыслию содержать: от Таурис города нововзятаго у персов даже до Баррэры, и с португалницами отногою или заливою морскою Персидскою. От полудня с теми же португалцами Черным морем, и с Попойном, то есть Абиссинским царством. От запада з государством Фесским, его же ныне Серифом называют, и с королевством Неаполитанским, иже под державою испанскаго краля. От полунощи с поляки, чрез волохи и мултаны, и с княжением Ракусским, иже есть область дому цесарей христианских.

В сих же помянутых пределех обретаются страны, премного исполнены людми и всякими потребными, ибо которая страна обрестися может доволнее во пшеницу над Египет, Африку, Сирию и Асию, или которая область богаче во всякая сокровища паче Греческия, Венгерския и Фракийския области?!

Во всем Турецком государстве суть четыре града, неисчетных богатств исполнены. Яко Константинополь — многолюдственный город во всей Европе, мнят бо в нем народа миллионов седмь и вящши. И аще то тако есть, то может учинити яко два Парижа, иже во Францыи.

Алепп — есть величайший град от всеа Сирии и воистинну средина, в него же привозятся вся купецкия вещи из всеа Асии.

Каир — первое место имеет между всеми прочими городами Африцкими, яко тамо несть инаго, иже бы могл прировняться с ним [аще неции и равняют ему въправду великий город, названный Како], ибо Каир есть пристанищем не токмо богатств египетских и немалыя части африцких, но и индейских многих, отнюду же богатства, привезенныя Черным морем, развожены бывають на верблюдах во страны, стоящия на море Междуземном.

Таурис — величайший град в государстве Персидском, его же взят Амурат султан лета 7095-го, и имеет в себе до двадцати тысяч народа и богатства безчисленныя.

Сие государство Турецкое, от малых начатков поскочивши, тако высоко возрасте, яко зело браней ради страшно бысть христианом. Ему же благополучны войны бывають за причинами, данными от несогласий государей христианских, которыя причины умели они ко прибытку своему употреблять.

Вымыслы воинския, обыкновенныя турком, сия суть. Быти всегда готовым на войну. Упредити супостата. Употребляти прудкости дивной в наступлении, имети яко бы в руках силы готовыя. Не покушати во едино время о войнах разных, не простирати войны нигде на долгое время. Не истощевати время и сокровищ на войны мало-потребныя. Не обладати ничим прескачющи, но порядком: от места до места, от града до града.

Еще же и сие много помогало им, яко сами султаны их на многих войнах особами своими бывали. Такожде и иных вымыслов имеют немало, ими же род их отоманский облада государства премногая, и от лета седьмтысячнаго даже донныне толико примножали, елико до того лета содержали.

Управление и суд султана турецкаго совершенно есть владычественный. Ибо султан тако владеет всем, иже обретается в пределех его государства, яко жителие та мошнии не токмо подданными, но неволниками его называются.

И несть тамо ни единого господина не токмо над домом своим, в нем же житие имеет, ни над землею, юже пашет, кроме некоторых родов, тем почтенных и пожалованных от султана Махомета Второго в Константинополи.

Содержится султан при таком самовластном господствовании двоя способами. Первым, еже отъемлет оружие от всех своих подданных. Вторым, яко вручает вся властелства в руки отступников христианския веры, их же он в дани место вземлет от подданных еще в малых летех.

И таким вымыслом обретает к тому две потребныя вещи. Первая, яко отъемлет из стран тех цвет и крепость, юже бы от людей оны могли имети, ибо избирает отрочат твердых в теле и к воинскому делу способных. Вторая, яко теми же хранит и небоязненна чинит самага себе, ибо янчары, взятыя в детских летех, и яко бы еще от персей матерних, и данныя в научение сему и овому, бывают не-пострегшиися, паче же неволею махометены, и уже не знают ни отца, ни матери, но во всем утвержени суть от султанов, они же их питают, и одежды дают, и от них всех благих ожидают и прияти надеются вся своя доволства.

Крепость военная турков содержится в воинстве конном, в пехоте и в воинстве водном, в стрелбе раз личной и в денгах. Еже от страны казны денежныя, о том есть общее мнение, яко султан турецкий имеет общаго доходу осмь миллионов шкутов на год. И аще

мнится, яко с такового великаго государства могл бы доходов и множае имети, обаче не имеет.

Ибо турки не мыслят и не тщатся ни о чем ином, точию о броне и оружии военном. А воины средствами своими множае пустошат и погубляют, нежели населяют и богатыя страны подданных, ибо многия воины, собравшись во единое место докончания ради дел воинских, тако ко убожеству приводят всенародство, яко едва оставляют им, чим бы могли глад точию утолити.

И тако подвластныя избывши надежды, яко не имут употребити не токмо богатств, их же бы могли приобрести трудами и промыслами своими, но ниже покоя малаго, не прилежат земледельству, ниже купечеству, разве токмо елико нужда их привлечет, паче елико неволя притиснет. Ибо, глаголют, чего ради имам то сеять, яже ин збирати будет? Или что собирать и готовить, еже ин ясти имать?

И того ради во областех султана турецкаго зело много пустынь безмерных и опустошенных стран несчетно, мало градов людных, но множае пустых стран. Во странах немецких бывает все великоценно от многолюдства, а у турков бывает от малолюдства, зане жителей тамошних помирает много вотще на путех [иже совершати по-нуждаются, везущи пищу и иныя потребности на пути те, ими же воинство идет], на арматах, то есть с воинством сущим на море в галерах или катаргах, ибо от десяти тысящей оных, иже из домов вземлены тамо бы вают, не возвращается их в дома и четвертыя части; погибает же их толико от нужд, и от изменения воздуха, и от трудов великих, паче же того ради, егда турки расходятся на зиму с галер своих, а иныя оставльшиися тамо и нимало обыкши морю и прочим нуждам тако погибают.

Еще и того ради доходы султанския не велми богаты: основание бо доходов государственных — земледельство и труды около его, то бо подает основание художествам, а художества купечеству; егда же земледельцов мало, тогда всего бывает недостаток.

Еще и сего ради, яко купечество и плавание с торгами вся суть в руках у жидов и у христиан европейских: у гиспанцов, венециан, у французов и у агличан. И яко в таком великом крае, еже обладает султан в Европе, несть иных знаменитых градов, идеже бы ярманки знаменитыя были, токмо в Константинополе, в Кафе и в Селуне; во Азии — во Алеппе, в Дамаску, в Триполии и в Адене; во Африке же — в Каире, во Александрии и Алгире.

Всяко же, аще доходы султанския общия и не суть множае того, еже поведях, обаче доходы султанския особныя достойны к разсуж-

деню, паче же от грабления и подарков. Ибо паши и иныя султанския началники яко пиявицы высасывают кровь ис подданных своих и собирают безчисленная богатства, которых величайшая часть в руки султанския идет.

Поведают бо, яко Ибраим-паша вывез из Каира множае шести миллионов сокровища. Махомет визирь кроме иных многих богатств имел пять тысяч пленников. Султана Селима Второго сестра имянем Султана имела доходов на всякой день две тысячи пятьсот цекинов.

К тому нетрудно султану турецкому обрести случай, им же бы хотел у кого и вся имения отъяти. Еще подарки султанские творят многое число богатства: ни един убо посол может ему предстать без подарков и ничем никто может обрести властельства или чести какия, токмо денгами. Никто возвращается с тощами руками к султану от властельства, идеже кто был, или от войны благополучно совершенной.

А таковому убо великому монарху не имут подноситься малоченныя вещи! Еще воеводы мултанской, волосской и седмиградской содержатся крепко в государствах своих такожде многими подарками. И непрестанно прменяются мултанской и волосской, ибо тому дают власть, который болши даст. И тако те, дабы могли укрепиться в оном, еже им дано бывает, обидят народ и пустошат области.

Но аще и толико много собирает султан сокровищ, обаче война, юже имел с персы, велми пусты учинила сокровища его и богатства его изнурила, яко того ради в Константинополе и во всем государстве его не вельми давних лет зело возрасла цена злата, ибо червонной золотой вдвое тогда был ценою, нежели прежде, и серебро и злато тако было испорчено, яко подаде причину янчаром Константинополь огнем запал ити, и згорела его немалая часть; от чего и сам султан страхом преисполнен бысть, не токмо иныя; тогда же заняли на султана во Алеппе шестьдесят тысяч шкутов.

Но аще доходы султана турецкаго не суть толико многи и богаты, яко бы могло издавати величество государства его и множество стран содержимых им, имеет обаче султан от стран своих наибольшей прибыток, нежели доходы серебра. Сей же есть от тимарров [суть то тимарры — села и деревни не велми великия, даныя турком от султанов во обладание до смерти коегождо воина].

Ибо султаны турецкие егда которою страную обладают войною, то от того времени вся страна та в их власти и изволении бывает, ея же оставльши тутошным жителем часть некую, елико изволят, аще и зело малу, остаток разделяют на оныя тимарры и дают их воином

знаменитым до их смерти с повелением, дабы во время повеленное производили на войну толико воинов конных.

Сие же умыслиша турки усмотряючи целости государственной. Аще бы не было того и люди бы воинския не имели прилежания на оныя своя села пожитков ради, их же от них вземлют, то бы все тамо пусто было. Ибо и сами турки обыкоша глаголати, яко же идеже конь великаго султана заступит ногою, тамо уже не зарастает травою.

На оных тимаррах имеет султан турецкий до полутора ста тысяч воинскаго люду. И повелети может им ити на войну и малым знаком, аще и единаго сребренника на таковое великое воинство не издав. А таковаго воинства наймом не могло бы содержать на год и четьренадесять миллионов шкутов.

И того ради аз удивляюся неким, иже равняют доходы султанов турецких з доходами государей христианских, не воспоминаючи о таковом султанском многом доходе.

Поведают бо, яко на войне, юже султан Амурат Третий имел с персяны, учинил четьредесять тысяч тех-то тимарров. И основал новую зборную полату, от нея же вземлет множае милиона шкутов на год.

Сие постановление тимарров и избирание алзамолианов [так зовут отрочат, их же емлют в янчары, дондеже не приемлют чину янчарскаго] — суть два наикрепчайшия основания государства Турецкаго.

И сия чинят два великия прибылныя дела в государстве том. Первое, яко толико содержат в крепости подданных султанских, яко и двигнутися не могут тако скоро, донеле же бы не приспели на них те воинства яко соколы некия, того бо ради разделены суть по всему государству. Второе, яко едина часть оных [ибо иныя остаются в домех управления ради подданных своих] всегда суть готовы на войну, идеже бы прилучилась. И тако то надлежит и к целости государственной, дабы не зачиналися бунты, и к воинскому делу суть многою помощию.

Но еще и кроме того помянутого zde воинства имеет при себе султан турецкий немалое число конных жалованных воинов, яже суть спагí, улюфагí, карипíки. Иже суть яко бы училище лучших чиновачалников Турецкаго государства, ибо всегда от них выбирают пашы, беклербеги, сенжаки. И кроме сих суть еще алкайзяр? и прочия помощники: татарове, волохи и мултани.

Вторая часть сил турецких — пехота. Та содержится во янчарех, в них же две вещи зрятся. Первая — род их, вторая — особная способность к делом воинским.

Еже от страны рода их, никогда приемлют в янчары народов асийских, но токмо европейских. Ибо суть тии множае, яко и всегда были, слабы и склонны к бегству паче, нежели ко брани. Противным же образом народы европейския всегда почитаны были крепкими и мужественными. И того ради на Востоце называют воинов турецких асийских природным их именем турками, а европейских румы, то есть римляны.

А еже от страны способности их к делом воинским, емлют отрочат, яко речеса, от десяти лет до семнадцати, в которых познавают знаки силы, дерзости и смельства. Ибо сия три вещи доброму воину потребны.

Посылаются того ради зборщики во все области турецкия, сущия в Европе, чрез три лета в четвертое, аще скорее не привлечет нужда, яко прилучилося на войне персидской, ея же ради не токмо таковые поборы были чаще, но и природных турков принимали в янчары, его же не бяше прежде.

Егда же от оных зборщиков отрочата будут собрани и в Константинополь приведены, тогда приходит к ним ага и приписует имена их, и отечество, и страны. И потом часть их посылают за море во Анатолию и во иныя области, идеже учатся языка и закона турецкаго и навькают обычая их и всяких злостей, с ними же живущи бывают не пострегшиися махометяны. А часть их же роздают по дворам крепким того ради зделанным, сущим в Константинополи и в Галате, а благообразных и природных емлют в сарай султанский.

Во оно же время, егда зовут их азамоглианами, не имеют над собою начальника, ниже чесому особному учатся, но едини призирают садов и огородов, иныя строения всякаго, иныя послужения домовнаго и прочих подобных тому дел.

По доволном же времени збирают их в дома азамоглианския и поставляют над ними особных начальников. Тии уже учат их работам ручным и тяжким. Кормля же тогда и одежда худа им бывает, спят во странных храминах, идеже непрестанно огонь горит и стража блюдет их, без тоя изволения и двигнутися не могут.

Потом учатся стрелять из луков и ис пищалей. И егда уже в том нечто обыкнут, тогда бывают янчарами или спагами. Янчаром не дается корму менши пяти, а болши осми аспр [аспра — три денги наших], а спагом по десяти аспр. И тако уже будущи янчарами ходят на войну, или на стражу градов, или бывают у пристанищ.

А спаги имеют к пребыванию своему три дома, яко бы монастыри великия. Тамо живут на полки разделены, под начальники своими.

Молодые старым служат: варят, пекут, и работают, и в прочем повинении с великим послушанием и тихим молчанием. И которые суть единыя роты, те ядят за одним столом купно, спят такожде во единой храмине. Аще же который без повеления изыдет на ночь, таковой в другой вечер палицами наказан бывает и по наказании том велят ему есть яко обезьяне и начальнику целовать руку.

Все те имеют великия свободныя грамоты. Почитают их и боятся, ибо своевольни суть, в путех идущи домы христианския грабят, а они не смеют ни единого слова рещи противо им; егда же что купят, тако платят, елико им годно. Никто не может их судити, токмо ага. Не казнят их смертию, боящися бунтов — и того ради редко сие бывает или велми тайно.

От сих посылают на стражу послом, и иным в путь идущим знаменитым людем, и иным подобным особом, иже хотят безстрашны быти в государстве Турецком. И того ради многи корысти приемлют.

В их воле обирать султана: донеле же бо они не подтвердят и не огласят, не может назватися султаном. Кийждо султан вступаючи на царство дает им знаменитыя подарки и прибавляет корму. Егда великую войну имеет султан, тогда исходит часть янчаров под правлением аги или поручника его, и напоследи на бранех бьются.

Несть у турков завистнейшаго чина, яко ага. И того ради един той, и беклербег греческий, не может сам себе избрати поручника или наместника, но сам султан в той чин избирает. Число янчаров бывает дванадесять, а множае четьренадесять тысящь.

Сие воинство, то есть янчары, лет тому яко сто или мало болши велми отменилося от оных первых. Уже бо ныне допускают в янчары и турков, паче же из Азии, а пред тем не принимали в чин той, точию христиан, и то европейских токмо. К тому уже и женятся противо старого обыкновения, и свободно им того соизволяют. Такожде непрерывным житием в Константинополи [его же несть нигде прохладнейшаго] изленилися и стали своевольными и злодеями.

Общее есть мнение, якобы крепость сил турецких содержалася в том янчарском воинстве. Но сие ложь есть, яко о том хотящий может дочестися во историях.

Кроме янчаров есть у турков пешее воинство названное ассапи, иже болше умеют бегать, нежели битца, и болши помагают до утомления сопостата множеством, нежели до победы воинским мужеством. Обыкоша тии наполняти рвы трупами своими, учиняти янчаром пришествие под стены градов супостатных.

Но уже время, да бых поведал нечто и о воинстве морском турецкаго султана, которое аз, последуя иностранным, арматою буду писати. Первое, несть такова государя, иже бы имел болши его способов к собранию арматы. Ибо леса Албанския и Караманския, паче же Никомидийския и Трапезонские тако суть велики, и часты, и исполнены древес выборных к деланию судов на плавание, яко и исписати о том трудно: паче же видится, яко бы галеры уже готовыя падали турком из лесов оных на заливу Никомидийскую и на Чорное море.

Не бывает же султану скудости и в художниках, иже бы делали те галеры, ибо сребролюбие приводит до арсеналов его много и христианских художников. Яко последи победы арматы своя, еже у Курсоляров уготовал во второе лето не менши тоя, толико крепкую, яко не убоялася стати явно противу венецийския.

Всегда той может имети много мужей искусных в морском плавании от галер, иже суть на стражи у Митилины, у Родиса, у Кипра — островов, сущих на мори Междуземном, и у Александрии — пристанищнаго града на том же море, и от приемлемых морских разбойников, их же он приемлет в города Тунет, Бону, Бусию и в Алгир — суть то города во Африке на море Междуземном; отнюду же во время потребное имеет старейших и лучших морскаго воинства начальников, иже управляют армату его.

При том же имеет султан великое доволство всяких потреб военных. Имеет пушек безчисленное множество, ибо взял из Венгерской земли пяти тысящ пушек, в Кипре достал болши пятисот, мало менши у Галетты, города пристанищнаго на море Междуземном, бывшаго в державе испанскаго крала. Имеют турки пушки толико великия, яко не точию ядра, но звук их един сокрушает стены.

Порохов и ядер толикое имеют множество, яко у Малты или Мелита острова, егда приступали к нему, хотящи им обладати, выстреляли шестьдесят тысящ железных ядер, обаче не могоша взяти острова того. Егда взяша город Фамагост на острове Кипрском, сочтено тогда осмьнадесят тысящ ядер. У Голетты вышеимянованнаго града в тридесять девять дней из великих пушек непрестанно стреляюще, сравняли з землю стены и башни, чрез четьредесять лет от венециан деланныя. На последней войне персидской, которой уже лет сто и болши мало, Асман паша турецкой имел с собою пятьсот пушек немалых.

Ис такова убо множества пушек стреляют, и так много, непрестанно, и с таковым усильством, яко всякия стены з землю равняют. Аще же тем не могут что учинити, употребляют ломов и оскор-

дов железных, ими же стены ломают. Аще же и то не имать места, тогда засыпают рвы землю, и хврастием, и трупами воинов, названных вантүхи, яко Ботер называет, или вонихліры, яко Гвагнин. Аще ли же и тако не одолеют, то трупами своими.

Суть три вещи у турков страшны христианом: множество люду безчисленное, страх в воинстве неотменный и грозный, оружие и брони неизреченны. Убо множество воинства аще средствии своими и обыче чинити нестроение и того ради всегда болшия воинства уступали меньшим, но турецкое великое воинство в таком ходит управлении и строитве, яко в том превосходят и малыя [аще средствии своими могли бы быти стройнее] неприятельския. И тако восприемлют победы и мужеством, и разумом.

Искуство же им в воинских делех тако изрядно устроено, яко превосходит в том и древних римлян, не токмо иных коих, и содержится во многих вещех. Первое, в воздержании, ибо доволствуются малою частию хлеба печенаго под углием и кашею с толченым мясом, сушеным на солнце; вина не пьют никогда.

Во обозе будуще, всякий десяток турков имеет начальника, его же должни суть слушать без всякаго противления. Не обретается с ними в воинстве женска полу. Молчание обретается предивное, и толикое множество воинства помованием руки или лица управляется.

В нощи же, дабы не сотворили мятежа, попускают иногда и пленником уходить. Паче же всего казнят за грабление и кражу. В шествии ни мало смеют отлучитися в карчмы или на сеяння, в полях будуще. Смерти ни мало боятся и ни во что ставят, разумеючи, яко прилучается коемуждо попусцием Божиим и несть мощно укрытися от нея.

Мужественно подвизавшыяся надеждны воздаяния, а ленивыя и непотребныя ожидают наказания. Никогда ставятся полками во граде, ниже попускают кому ночевать в город входить. И дабы непрестанно искушалося воинство в делех воинских, обыкоша султаны турецкия идеже ни есть непрестанныя войны имети.

Но обаче немного поможет ни страх без обороны, ни множество людей без оружия. Ибо и гигант без обороны и оружия, аще бы и лютейший и сильный был, побежден бывает от отрока, оружие имущаго. И тако султаны турецкия исходят на войну с такимым убранием, с такимым довольством пушек, и с такими строитвы воинскими, и со всем тем, еже потребно к стрелбе и воинскому промыслу, яко и списати о том трудно.

И яко тии ни о чем ином не мыслят, всяк то познати может, егда узрит падшия сокрушенныя от них стены, идеже аще и обратят своя силы. Такожде и от обладания стран и государств пространных, островов великих и градов предивно крепких, их же тии несытыя онагры, султаны турецкия, воиньскими промыслы и непрестанным к тому прилежанием под власть свою приведоша [несогласия ради, и прохладнаго пребывания, и лености начальников областей христианских], их же исчисляючи и описующи едва возмогл бы кто, множества ради, подлинно исписати.

Уже бо в трех частях света, то есть во Азии, Европе и Африке, яко речеся, едва не лучшими и богатыми обладаша странами. Имеют убо во обладании своем Анатолію, то есть Меншую Асию, Элеспонт, Фригію, Киликію, Финикию, Галлатию и Памфилию, Понт, Армению Малую и Великую и Трапезонт, Лидию и Ликию, Вифинию и Каппадокию, Кадію, и Ефолію, и Персиды немалую часть.

В Европе Романию, Фракию, Болгарию, Аханю, Македонію, Епирус, Албанию, Акарнанию, Расцию, Босны, Дацию, Сербы, Карваты, Волóхи, Молдавию и часть великую Венгерскаго королевства, и острова Пелепонес или Аморию, Кандию или Крит, Кипр и Нигропонт, Родис и прочих неисчетно; к тому Таврику Херсонскую, идеже Крым.

Во Африке Египет, и Ассирию, и Сирию, и Палестину, и Вавилонскую страну, и Аравии немало. И аще бо который государь и градов имел толико, могл бы возможным имяноватися государем, а сия объявленныя области каяждо имеет в себе много градов крепких и богатых, и пространства немало, и имела пред сим едва не каяждо особнаго владетеля.

Вся убо сия, несогласия ради христианскаго, ныне суть во власти нечестиваго паганина подъемяют тяжкия нужды и неизреченныя бедства, о них же некто древний пиита сице пишет.

«Сие несогласие христиан принесе,
Яко поганых на главы своя вознесе.
Государства бо, стоящия немалый век
Взяша, и днесь у них в неволи всяк человек.
Полнится там плач Иереми пророка
Егда текут слезы от христианска ока.
Увы! Воплят сербы и болгары в неволе.
Босны и далматы, яко жиды в Вавилоне.

Воздыхают с плачем христианския народы,
Братиа наша в плене, лишася свободы,
От Бога убо за грехи порабощени
Турку и тяжкими нужды отягошени.
Плачут египтяне, грéки же и армяне,
И с ними вéнгрове, карвáты и мултяне.
Острова морския с плачем вод примножают:
Кипр, Крит, Родос, Патм, их же турки окружают.
Епирус, Аммо́риа, Алба́ния с ними,
Алкаир, Византи'я с царствы честными.
Трапезо́нт, Ба́ктриа, Не́ксос и Галлатиа,
Аравиа, Понт, купно и Каппадокиа.
Еще Таврицка царства, где из христианства
Исполнися всюду злолютаго поганства.
Вси сии плачут зело, потеряв свободу,
Ибо в своих отечествах купят и воду.
В домех си не имут где главы приклонити,
Ни един час тогда могут без плача быти!
Всех бо сих поганый яко псов удручает,
За малу вину казнит и зле умучает.
К тому от коегождо главы по златому
И днесь рожден должен дати султану злому.
И на куюждо пять лет детей избирают
От всякаго дому, которых потурчают.
Тии уже отца и мать забывают
И в поганском законе крепко пребывают.
В них лучшую оборону султан имеет,
Против христиан бы в стену ставить смеет.
Они его избирают и пред ним ходят,
Грады емлют, страны под власть его приводят.
Из христиан тамо муж ко всему потребный,
Пашá, сенжа́к, чауш и иной чин хвалебный»

И паки во ином месте той же еще о том же:

«Что прежде христиане имели в свободе,
То ныне дорого купят в поганском народе,
Иже во отечествах их разпространися,
Воистину яко песок морской явися!
Византиа — Греческа царства престол давный;
Днесь тамо содержится турков скипетр славный.

Госпожа стран — бысть днесь плачевною вдовою
И подножком поган, сущи света главою.
Иерусалим, Вифлием — места святя;
Ими днесь владеют турки проклятыя.
Где Христос родися и со ученики ходил,
Страдал, и воскрес, и нас от ада свободил —
От гроба его ныне турок дань збирает,
И без тоя никто тамо внити дерзает.
Да зрим убо: где днесь Ассирийское царство?
Где сильное Вавилонское государство?
Где Сирия, Понт и Антиохиа?
Где Ливиа, Херсон и обоя Индиа?
Где Венгерско царство? Оно облако злато,
Прежде цветущее, ныне попрано в благо!
Где безчисленны христианские народы?
Вси пожерть от поган за свои незгоды!
Смирився бо поганцы — брани воздвижаху
И тако беззвездно христиан побеждаху.
Той бо злый народ хитростию вознесся,
И во время премирных лет власть их простресея.
Тако прежде во Асии власть расширили,
С единым смиряся, иных покорили.
И сим вымыслом едва не три части света
Обладаша поганцы не во многия лета.
Горе и увы христиан тамо постиже,
И сицевый плач на коегождо достиже:
Пришелцы Отечеством нашим обладаша,
Лютых врагов руце у сирот хлеб отгьяша.
Воду свою у поган серебром откупаем
И дрова в неволи такожде обретаем.
Над главами у нас стоят мучители злыя,
Утружденным не дают покоя проклятыя.
Раби наши худыя нами обладают
И во отечествах наших нам разсуждают!».

Сицевыя тамо песни, христианского народа то мусикия, то веселие, то браки, то торжества, то утешение в нуждах и печалех! Достойно убо нам о всем господа Бога сокрушенным сердцем прилежно молити, дабы благоволил на сие призрети. И показав своя щедроты убогим оным христианоу, под тяжким яремом поганским вопиющым,

вся христианския силы на освобождение их от оныя нестерпимыя нужды обратити изволил, яже превосходит Египетскую неволю и Вавилонское изгнание, Ассирийское пленение и Иерусалимское разорение! И аще бы оныя народы предведали о толиких тяжких скорбех, еже ныне на них приидоша, то бы изволили тысящу смертей прияти, нежели в толикой неволе быти.

Но доколе той бич ассиров над верными и избранными Божиими высети имать? Доколе бусурмане над стадом Христовым начаствовати будут? Доколе виноград Господень насажденный искореняти имут? Доколе Исмаил во отечествии Исакове распространяться будет? Без сумнения достоин о сем верити, яко приближается время, в не же то нечестивое отаманское обладательство [волею Божиею] упасти имать!

Имеют убо о том и сами турки древнее провещание и исполнения его ожидают от часа до часа и от времени до времени. Да иже, многомилостивый Боже, дабы время то приити могло во время благополучнаго царствования пресветлейших и державнейших благочестивых наших государей, содержателей непорочныя христианския веры!

И тогда бы возбуждени будуще от Всясвятаго Духа, приняв в руце свои непобедимое оружие, крест Господень, воздвигли своя крестоносныя хоругви и уготовали многообразное тмочисленное оружие, собрав многочисленныя полки христианскаго воинства и имеюще согласие со окрестными христианскими государствами, изыти подщилися на оных несытых псов бусурманских, своим их провещанием осужденных.

Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостию и с надеждою ожидают, готови суще на своих и наших супостатов помощь подати. Иже аще мнози страха ради не дерзают явно христианския веры тамо имети, обаче тайныя молитвы к ведущему тайная сердец и испытующему сердца и утробы радостно непрестанно со слезами возсылают, в покаянии и плачи смиривши души своя, надеждею веселящися, помощи и свободы ожидают, яко же оныя евреи, иже за грехи своя в плен будуще отведени, потом вразумившися покаянием и плачем, за оныя Бога милостива сотворили.

Тогда всемилостивый господь Бог посла оным избавление и паки во свободу возвращение. Тако оным христианом, под тяжким ярмом поганским вопиющим, и нам вскоре имать с высоты помощь послати, точию мы да прибегнем к нему с твердым упованием и несумнительною верою.

Еже даждь Христе Боже во дни наша!

Глава 8

Описание Константинополя и в нем обретающихся зданий, и о житии в нем, и о всяком поведении султанов турецких, яже называется Двор турецкий. Преложена от полскаго языка в российский

Ксионз Иаков Устенския, святаго писания и уставов обоих учитель, разсмотритель книг в типографию относимых, присмотрив книжку под именем Двор цесаря турецкаго, от велебнаго ксионза Симона Старовоскаго, кантора тарковскаго, собранную от повестей и книг италийских, яко согласна есть со знаменитыми повестями и историами свидетелствованными, юже [многих ради мужей ученых на уничтожение безумия поганскаго] соизволяю, дабы была напечатана.

Печатана в Кракове, в типографии Францышка Цесара, лета 1649-го.

О положении селения Константинограда и зданиях его начальнойших

Да бых достаточнее описал двор султана турецкаго, с ним же мы, россияне и поляки, ближнее соседство имеем, хошу прежде описать селение Константинограда, в нем же султан всегда пребывает и от времени онаго, егда Грецию обладал, престол свой тамо утверди, веселием места, высочайшими зданием, потребностию моря и славою великоможною царей греческих возбужденный.

Стоит той град яко бы на едином клине земли, морем от дву стран облянным, имеющи с едину страну проливу Элеспонт названную, ею же вода от Чорнаго моря в Белое море, Пропондис реченное, быстрою великою идет, рыб множество неизреченное в себе имеющи. З другую страну того клина есть залива морская, иже в землю входящи отлучает селение Галату от Константинограда, разливающися на неколико стадий немалых, наподобие рукавицы не персчатой. На конец острова того в тое заливу впадает река немалая, от Фракии приходящи, названная Феофана, идеже древних веков была бумажная мельница славная, от великаго царя Константина учиненая.

Град той долговат, не велми широк, основан на седми холмах, яко древний Рим во Италии. Сии холмы последуют един второму, яко бы кто вел коня за конем издалека в долготу чрез весь град. Пер-

вый холм не велми высок, стоящий на конце онаго клина, со обоих стран имеющи около себе море, идеже сотворени суть полаты султанския, в них же всегда пребывает, по турецки сарай [то есть дом] названный.

Потом прочия холмы обретаются среди града, имеющи на себе различная высокая здания. Последний холм есть яко бы в конце града, от полунощныя страны, с приезде от Андрианополя. Между тем холмом и другим за ним в долине видеть акведуктум [то есть привод воды подземными трубами] на велми высоких и крепких столпех каменных, деланых еще от великаго царя Константина иждивением безчисленным и художеством воистину чудным, подобящимся мужественным Товотум древних римлян, художественнее паче, нежели суть прочия приводы водныя, протяженныя на 40 миль италийских, тож и верст российских, даже до самых полат, или сарая султанскаго.

Сии подземныя трубы, на неких местех попорченныя, построил великим именем Солиман султан, и распространил их, дабы множае воды шло ими, не точию в сарай, но и в прочия нарочитыя места града. И от онаго привоуду воднаго исполнени суть во граде 640 фонтанов водою, кроме общих бань, в них же непрестанно купаются людие разных народов, дающи от главы по пяти аспр турецких [аспра — 3 денги российских]. Аспры суть денги серебряныя, подобны денгам Московским. Сицевых бань обретается во граде 240, кроме прочих мест, яже за градом, к купанию належащих, от тоя же единыя воды, юже Солиман разпро страни на исходящих.

На последнем холме к концу града на полунощь, обаче приближающися к заливе морской или паче к проливе текущей, стоящ обретается градец каменной, по древнему обычаю учинен о седми башнях, названный Гадыкуля, в нем же непрестанно живет кормовых женатых воинов 250, кийждо имущь особное свое жилище з женою и з детьми. Над ними же начальник града того власть, имеющи при себе четырех мужей порутчиков, такожде с женами живущих. Сам властель тако достоин стрещи градка того, яко и за врата никогда изыти может без имяннаго повеления везирскаго, кроме дважды в год в два уреченныя их праздники, в них же кийждо махометанин повинен быти в мосхеи, или в соборище своем на молитве, паче же во святой Софии.

Сии седм башен в древняя лета бывали исполнены разных драгих вещей, ибо в них вся казна султанская соблюдашеса сице. В первой башне денги златыя и пруты из злата литыя. Во второй денги серебряныя древния и болшия. В третей вещи и наряды драгия кон-

ския, такожде разное оружие воинское, златом и серебром оправленное. В четвертом различныя драгия сосуды древних веков: златые, серебряные, кришталные, ентарные, королковые и от камней разных соделанныя. В пятой орудия разныя ко взятию крепостей и градов. В шестой различныя древности, и вещи самородныя морския, и деланныя ис костей слоновых — сия вещи привезе Селим султан, егда Таурис град взял у персов. В седмой, ея же близ Галерия великая, соблюдахуся писания разныя и орудия мафиматитския.

Ныне всего того мало обретается, ибо Селим Второй, егда Кипр-скаго острова доставал у венецыан, множество оттуду сокровищ воинству роздал и погубил немалыя вещи в побежденной брани на море со христианы во время Карла V, кесаря римскаго. И того ради сокровища избранныя принесе в сарай свой, идеже живяше.

Сын же его Амурат ничтоже истинно тамо прибавил, но паче яко бы и остаток оных честных вещей и дражайших тамо же принесе. И того ради ныне той градец превращен есть яко бы на соблюдение мужей честнейших, идеже пашу яковаго чесо ради сажают, или егда от христиан и пограничных соседев на брани великаго какого мужа возмут.

Тамо посаженным юзником волно ходити по граду, точию не имети ножа или какова оружия. Яко и недавных времен седяху тамо Эменей король алгерский [имеючи четырех слуг с собою] и два сына короля тунетанскаго, имеючи кийждо особныя своя храмины.

Вси сии Гедыкулския башни суть четвероугольныи и толсты, в верх вместо кровли совершены островато, наподобие пирамидов, и покрыты оловом. Врат градка сего не отворяют, точию в час по восходе солнца, такожде за час прежде захождения затворяют. В пяток же за три часа затворяют, а не отворяют даже до часа по полудню. Градок той всеми потребности всегда есть добре исполнен, такожде порохами, и ручною стрельбою, и иными оружию, имеючи тридесят пушек паче обычая великих, и несколько пушек малых, и органов верховых.

Посреди его есть баня, и оград султанский, и огородцы малые воинов, живущих ту, на них же овощи сеют. Тут же есть мосхей с наданием от султана, со отпустами в пятки, каковаго почтения прочия их мосхей не имеют. Есть тамо и источник из земли истекающий з довольною водою, такожде хлеб мелющая меленка об едином колесе непрестанно. Есть еще и иная вода, трубами еще в старыя лета тако разумно приведена, яко никто может познати, откуда истекает.

О божницах или mosqueах турецких

В Константинограде множае дву тысяч божниц турецких, между кими пять, иже пожалованы и посвящены от самага султана со отпущением [яко безумнии погани верят] совершеннейшим всяких грехов, иже бы в них во дни назначенныя молился. И осмь есть честнейших и зданием древновечным изряднейших.

Первая и началнейшая mosqueа Айя София, древний храм христианский, от Константина Великаго сокровищем неизчетным соделанный, блиско сарая султанскаго, идеже погребены сыны Атомановы.

2-я божница Султан Баозит реченная, которую иждивением воистинну царским того имяни султан учинил.

3-я — Султан Махемет, юже основал и учинил сын Солиманов Махемет названный.

4-я — Солиман, изряднейшая сверху паче храма святыя Софии, юже созда Солиман султан, полтретья милиона червонных золотых на ню издавши. Ибо имеет в себе столпы предивнаго мрамора разнаго цвету и работы знаменитыя. Близ ея же гошпиталь, и монастырь Назакоп, и баня, и иныя здания окрест на служителей тоя mosqueи.

5-я — Султан Селим, юже строил султан Селим, жалеючи за грех свой, яко убил отца своего, дабы возмогл скорее сам на царство вступити. Сей седмь лет воевал Египет, Сирию, Святую землю и часть царства Персидскаго и примножил толико доходов, елико предки его имели.

Шестая mosqueа от честнейших — Султан Махемет, юже сотворил Махемет Второй, иже взял Константинограда, на оном месте, идеже был престолный храм патриарха константиноградскаго.

8-я — Султан Амурат, юже второй тем имянем султан зделал, подобну художеством и величеством храму Солиманову; такожде окрест себе имать многая здания, но несть тако изрядна, яко Солиманова, ибо той возил на свою мрамор из Александрии, и из Сирии, и Месопотамии.

Обаче храм святыя Софии, юже турки в свою божницу обратиша, вся иныя художества выотою своею и драгоценным художеством множае превосходит. Соделана есть на шесть границ, четыре фатыны или стены имеючи величае, две же менши, из различных мраморов изрядно делано, имеючи дверцы вкруг от таких же мраморов, в коеждо по осмеры двери. Обаче в самый храм четверы точию ве-

ликия двери [в ни же входят от четырех стран], накрест противо себе учинены.

Посреди же храма копуля на шестинадесяти столпех мрамурных возставлена [множае, и болши, и выше, нежели святого Петра в Риме], сверху покрыта вся оловом. Столпы же оныя, на них же та копуля, одинаки суть и круглы [выше и толще оных столпов, учиненных от камня теснаго на стене святого Петра в Риме окрест великих врат костелных]. От них же суть четыре от мрамура кипрскаго, диаспро названаго; четыре от порфира червленаго; четыре сементарии, витыя змеевато, но толще суть прочих; четыре мрамура белаго, имеющи по себе капли чорныя наподобие пестроты, толики же толсты, яко оныя витыя муруговатаго мрамуру, верхи имеющи изряднаго древняго художества, идеже между резми стояли иконы различных святых Божиих, наподобие вырезаных сотворенных. Но сия повеле турчин поотгымати.

На фрамугах тех столпов повыше есть иных столпов вокруг дванадесять четыре малых, иже имеют на себе другую фрамугу, едими четверугольную, другия круглую разноцветную. Паки на тех фрамугах третий ряд столпов мрамурных, таких же, но менши сих вторых, на них же ту тая копуля.

А около тех средних столпов есть иные двадесят четыре столпа на круг тех же первых последующих, иже фрамугу на себе держит, такожде широту оныя фрамуги движущих. И тамо от той фрамуги свод идет к стенам костелным, стены же самыя розными мраморы вси украшены суть и разныя тонкия резания на себе имеют.

Тakoже и дверцы все вокруг древним художеством таким же, точию мозаики таковыя на себе не имеют, яковая есть в самом костеле, во изрядныя цветы сажена. Но всаждение так в костеле, яко и в дверцах одинако суть, удивительным художеством всаживано, аще и множайшую часть оныя Махомет Второй [иже взял Константиноград] повеле вынимати ис костела и повеле в того место все помазати толченым белым алебастром.

Обаче есть среди костела под самую копулею соблюдаем образ пресвятыя деvy Богородицы мозаикою, цветами около греческим художеством высажен. Его же турки соблюдают не вем каковыя ради причины в великой почести, и вокруг завесою на столпах деревяных завешена есть, но егда кто взыдет на перила в копулю, тогда сверху добре видеть его мощно и знать, яко есть некий почтенный образ, лице изряднейшее и чести достойное имеющий.

Под костелом в земли есть погребов множество, идеже христианине пределцы со алтарями святых Божии имели и погребалися тамо. Еже все есть цело и нимало вреждают их турки, глаголюще, яко тамо много есть телес святых, им же не достоин прикасаться никому.

И того ради, дабы кто не ходил тамо, повеле султан все двери заградити, взяв оттуду осмь или десять сосудов некакова старого масла, кийждо тех сосудов железными кровлями крепко был утвержен и запечатан.

На едином сосуде было написано, яко от царя Константина Великаго поставлен. Другой сосуд, по писму иже на нем поведают яко от дву тысящ лет стоял, и все масло было наподобие млека, а густо наподобие масла древянаго. Того масла взяв султан во иныя сосуды, паки повеле их в едином предельце сохранить, в него же суть двери железны, дабы возможно тамо по изволению внити.

Суть еще ис тех подземных пределцов пещеры далеко под град идущия, а в коеждо предельце около пещерки яко бы лучи от солнца, а на самом входе всякия пещеры лежит по единому телу во гробе из мрамора учиненном. Есть еще особныя две пещеры супротив себе, едина — иже идет под сарай султанский к морю, другая — иже идет серединою града к стенам градским, есть в нее врата из града, идеже всегда пребывают художники, иже шелковые вещи делают, летом тамо снующе своя вещи, ибо место то широко есть и светло, и дают от того места на кийждо год по 300 шкутов, еже имать быти около двусот червонных златых.

Здания, яже были окрест того храма священников ради, повеле поганец сламати до основания, кроме правилни старой, в ней же ныне живут их махометьския законники и иже служат в божнице. А еже тамо была крестилница, на шесть граней художественне делана, имеющая в себе три нутра, тую турчин превратил себе на армию и изнесе ю в сарай свой.

Такожде мосхеа Солиманова велми изряднейшим художеством соделана, имеющи в себе многое число прекрасных мрамурных столпов, иже привезени от далека немалым иждивением. И в ней есть копуля такожде велика. Около ея же два всхода пространные, иже такожде имеют на себе малых копуль тридесят две. И на коемждо углу мосхеи зделаны по четыре башенки из белаго мрамора, с них же служители тоя мосхеи по обычаю своему великим гласом кричат, народ общий во время назначенное на молитву созывающи. Ибо по закону Махометову колоколов не достоин им имети. Егда бывают праздники их великия, тогда от тех башен, от единыя до другия протягши уже,

вешают на них солнце, месяц, звезды и иные образцоватые вещи, яже нощию светящихся велми чудное видение издают, и тако пребывает чрез целую неделю торжества их.

О церквах христианских

Есть в Константинограде много и христианских церквей, аще и ненавидят их турки. Вначале греки в самом граде церковей своих числом до 40 имеют, армяне 4, латинники два костела — един с богаделнею древнею, от давних времен домиником врученный, другой пресвятыя Богородицы, в нем же живут законники по изволению наместника патриарха латинского костела, иже имеет свое жилище в Галате на предградии Константиноградском, за заливою морскою, юже обще Пёра называют.

Сия два костела блиско суть между собою и на единой улице. Турки называют их Кафа Магалиа. В сем костеле пресвятыя Богородицы есть образ ея с превечным младенцем, написан на дще деревяной наподобие онаго образа, иже в Риме Делколфалионе, художеством древновечным, велми умилителный и подвизающ человека к сокращению. Идеже велия чудеса творятся, славныя по всему свету. Сей образ италиане называют Мадонна да Константинополи.

На предградии же Пера, юже турки Галатою называют, есть осем костелов латинских, яже суть сии: святого Францишка, его же держат доминикани; пресвятыя Богородицы, тамо имеют свое пребывание езуити; святого Иоанна Крестителя, идеже от милости набожных католиков ныне соделана богаделна на болящих поветрием; святого Савастияна костел под ведомством такожде францышканов; потом святого Георгия и святого Антония, в них же живут разныя законники изволением наместника латинского патриарха, такожде, яко в костеле святого Иоанна Крестителя, о нем же выше помянухом, обаче в костеле святого Антония непрестанно бывает множество болящих турков, греков, латиников и армен, ибо тамо часто исцеление получают чрез молитвы того святого.

В том предградии Пера нареченном множайшая часть живет купцов христианских, паче же венецыян. Обаче посол венецыйский, его же они байло называют, стоит между винницами того предградия, яко и французской посол, и иных государей христианских послы, ради здравейшаго поветрия, кроме послов кесаря христианского, иже не медлит у пристанища, яко прочии, но егда приедет, тогда в самом граде пребывает.

Имеют еще и жиди божницы своя в Константинограде, яко мнится, на десяти местех, поставлены особно. Греки по всему граду церкви своя высыпаны имеют, а особно посреди самага града, ибо к каменным стенам разныя народы своя улицы населены имеют, яко и цыгани угол един особный едини заселили, и есть их з женами и з детми число немало.

О стенах, вратех, площадях и лавках купецких

Константиньград имеет окрест себе стены древния, еще во время основания от Константина Великаго поставленныя, подобны стенам римским, такожде с башнями четвероугольными. Тех стен кроме сарая великаго вокруг есть четырнадцать миль италийских [также и верст российских]. Потом стена каменная около сарая султанскаго от моря с дву стран яко клин протяженный, имеет в себе полчетверты мили италийских. С третьею страну — от града — две мили таких же. Около всех стен каменных и с сараем есть двадцать миль италийских.

Врат, ими же в град въезжают, имеет девятнадцать. От поля 4, то есть с приезде от Полши, но двои суть от них первыя: едини, ими же приезжают от Андрианополя, другие из градка Бургии, идеже поведают быти тело и кости святого Иова. Те врата деланы суть наподобие римских, паче же оных, ими же входят в костел святого Севастиана. Но о сем ведати достоит, яко от поля две стены каменные от моря до моря учинены, едина вышняя, другая нижняя. От моря же со обоих стран точию едина стена протяженна.

Кроме врат названных Айкапезы, то есть врат святых. Ибо во время властельства царей христианских бяше тамо церковь, множество мощей святых в себе имущая, идеже народ общий громадами молитвы ради хождаху. Ныне турки из тоя церкви свою мосхею учинили того ради, яко турки теми враты во град внидоша. Ибо те первое взяли приступом, сокрушивши старыя стены ис пушек. Христиане же, иже во граде браняхуся, учинили тамо стену единою нощию долгою в версту. Обаче турки внидоша во град иными месты. Тии же, иже той стены стражаху, убоявшись отбегоша ея, ибо видеша супостата создади себе во граде. Того ради та стена и донныне стоит пред враты теми.

С другия страны града, от проливы великия, противу Анатолии или Меншей Азии, врата шестеры, их же пятеры во град, а шестыя в конюшни султанския, иже суть в сарае. С третию страну града, от

Галаты, яже стоит за заливою морскою, есть семеры врата старых, да двои новых.

Есть и площадей в Константинограде немало, а особливо при mosqueах начальнойших. Обаче лучших площадей четыре. Первая, юже от древних веков называют Подромия, идеже стоит един пирамис четверогранный, от единого камня учинен, болше паче нежели оныя в Риме пред костелом святого Петра. Две же пирамиды меншии первыя, аще и толико же высоки, но каменем снизу подделаны, сами же мрамурни. На тех во время царя Константина в торжественныя праздники на самых верхах поставлялися хоругви.

На той же площади стоят три змия извитых, главы имеющие со отверстиями челюстями, литыя из меди, образцом художественным велми старои. Но единому от тех змиев отсече сам Махомет султан половину челюстей, егда взят Константиноград, мянши, яко бы соделана та вещь чарования ради, еже бы турков очаровати. Сия змеинья столпы толико велики, яко до половины пирамидов оных досязают, и мянтся яко в тридесять лактей в высоту суть от земли.

Сия площадь велми велика, а около ея палаты помянутых султанов турецких. И егда сам султан восхощет ристанми утешатися, то на той площади творит их с рыцери своими. И того ради на ту площадь не ходит никто, и врата в нее от всех стран замкнуты.

Вторая площадь пред mosqueею султан Баозита, на ней же плясатели, обманщики, смехотворцы вещи своя отправляют, кто чему умеет. Третья площадь от нарочитых — пред mosqueею султан Солиман. Четвертая — на великой долине между седми холмов градских, на ней же коней учат к езжению и уристание творят.

Вседневныя торги бывають на малых площадях, в пяток же на оных трех начальнойших, ибо четвертая всегда замкнута особных ради таинств поганских. Болшия торги в три дни бывають: в среду, в четверток, в пяток — их же называют схи-базар, еже разумеется торг или вещей старых, которя поношены, или на кийждо день вещей старых продавание, ал-инканто, яко италиане называют, возглашающе, кто даст множае.

И есть тамо с различными старыми богатыми вещми болши дву тысящ лавок, а от коеяждо вещи, юже продаст, продающий даст пошлину на султана, ея же собирается более седми тысящ червонных златых на год. Лавок же купецких и художничных есть множае чetyредесяти осми тысящ. И коеждо художество своя особныя храмины имеет, и всякое на разных местех, кроме золотарей и алмазников, иже

продают дорогие за́паны, и кроме купцов с материами шелковыми и сукнами добрыми: сии токмо на едином месте лавки своя имеют.

Есть еще тамо два места, Баистан реченная, обведены стеною каменною толстою в две сажени и сверху учинены своды. По четырем воротам ко входу в них есть от них едино ме сто большое, его же свод учинен на двадесяти четырех столпех, соделанных от тесаного камня, четвероградных, велми толстых, с каптельми изрядными.

Другое место меньшее, имущее свод свой токмо на 16 столпех, при стене храминки Олмáрии около себе имеющия. Такожде и около оных столпов, идеже выкладывают вещи своя алмазники и прочия купцы шолковыя материи, а вне около тех столпов суть великия храмины, в них же сребряники продают своя сребряныя вещи. От тех храмин, иже внутри, с коейждо платят пошлины со всякаго по пяти-сот червонных на год; с тех же, яже отвне úду — по сту червонных.

Сие же разумей о болшом Баистане, ибо в меншем Баистане, еже имеет свод на 16 столпех, продают токмо полотна и материи бумажныя и мешанья с шолком. Имеет же в себе четверы ворота двойные; а около его отвне продают пленников различных народов, от них же едины суть уже ученыя в различных работах и стоят особно, иныя, иже недавно в неволю взяты, такожде особно, и паки особно, иже продают мамок, и иных жен такожде особно. Пошлина от тех пленников чинит шестнадцать червонных золотых откупу на год.

О пошлинах и доходах градских

Понеже убо помянухом с прилучня в прежней главе пошлину от пленников и от продажи старых товаров, такожде доход от лавок в Баистанех учиненных, дело достойное возмнелось мне и прочия доходы или пошлины от художников припомнити.

Елико ведать мощно от откупщиков, иже те доходы откуплют в казне погодно, прежде подобает положити корчемницы или дома корчемныя, в них же продают вино христиан ради [и для турков сокровенно, ибо им по закону Махометову заказано вина пити, и егда на кого то объявится, того жестоко жезлением наказуют], а есть тех корчемниц по спискам полтыри тысящи. С них же доходит пошлин на всякой год тритцать шесть кáриков. Кийждо карик учиняет червонных златых 1633.

Потом продают рыбу в девяти местех, паче же на брегу заливы морской противу Галаты, и дают от них годовыя пошлины 18 ка-

риков. Есть еще место, идеже продают овес, ячмень, отруби коней ради, такожде муку на хлебы и овощи различныя. От того дают пошлыны 14 кариков на год.

Потом от различнаго коренья и товаров, их же во град привозят из пригородков морских, почести от Галиполя даже до Чорнаго моря, идеже бывают складываны с судов морских и еже на ослах и верблюдах привожены бывают, а по том по воли во времена своя во град положены бывают, учинит пошлыны 180 кариков на год.

Еще места за градом, названныя Ятки, идеже различной скот быют, устроенной во граде на розныя места привозят. Числом тех мест десять, а поставлены кроме трехсот жидов, которые суть в службе султанской и имеют особную волность. Кроме той поголовьщины дают жидове коньстантиноградския на всякой год по 3000 червонных от божниц своих, дабы насилowani не были. И на всякой год при отдании тех червонных емлют подтверждение своему учителю, иже есть начальный над всеми божницами, яко бы патриарх над всеми жиды, иже в Греции пребывают.

Такожде от места, идеже погребаются, дабы им волно было в покое на едином месте за градом погребатися, дают 1200 червонных золотых на год. К тому греки дома те замыкают и ключи до перваго капитана относят, а егда отмыкати, тогда той пошлет порутчика своего врат оных отмыкать, ибо всякой от тех капитанов имеет четырех порутчиков под собою, их же называют баляхи басси.

О судех и праве турецком

Мнится мне, яко не тако есть во всех областях турецких, яко в Константинограде суды совершаются и права их, аще которыя грады малыя или великия, нежели Константиньград. Обаче поведение и чин всюду един есть, яко и сами поведают.

В Константинеграде четыре судии суть, в четырех странах града пребывающия скорейших ради управлений дел, творящихся между общим народом, их же они своим языком называют кади.

Посреди же града пребывает начальный судиа, его же называют кади-бонвил, еже есть великой судиа. Обаче такая же есть судии во Алеппе, в Каире, в Дамаску, во Александрии и во иных градах начальных. Того ради онаго константиноградскаго судию, различия ради от оных судей, называют стамбул-кади, то есть константиноградской судия, еже главныя и прилучающияся дела разсуждает.

И оныя четыре судии не дерзают никого на смерть осуждати без того ведома и подтверждения своего изречения. Такожде и во иных градских делех от них апелляция к тому же великому судии.

Есть еще другой великий судиа, названной сѣи-бассий, еже на всякой день объезжает юзников градских, и сам суды своя управа поведает о них везиру на кийждо вечер, и дает ведомость о всяком юзнике, за что кто содержим есть. Сей имеет у себе четырех поручиков, от них же всякой имеет по 40 воинов с собою, с ними же обходит свою часть града, оглядаючи, аще не обретаются гуляки какия и не бывает ли по ночам разбоев.

То узилище крепко стенами каменными ограждено и разделено надвое, имеючи два подворья, и посреди две великия фонтаны, и храмины — в них же юзники или дел ради градских, или в долгах, или на смерть осужденные, со сводами суть толстыми. Которыя к смерти осуждени, сидят во особом юзилищи ниже, а еже долгов ради, те выше, особно христиане, особно жида, особо турки. И обретаются там юзников до дву тысяч.

Милостыни дают тамо турки неисповедимое множество, паче же пищи к ядению вседневному толико, яко и стража, иже стрежет их, кормятся от них довольно, ибо сами юзники не возмогают всего того поядати. Множицею же и сам султан посылает проведывати тамо, много ли тут содержится юзников от должников. И аще который обрящется содержим долгом менши ста ефимков, то всякаго своим сокровищем откупает. Аще же который обрящется в них нарочитой человек, паче же воинской, тогда и неколико тысяч ефимков повелит за него дати, дело милосердия над ним являючи.

Судии их егда судят, тогда никакого прокуратора на суд приемлют, но всяк правду свою сам скажет. И не пишут никаких доводов или постановлений, ниже дают писанного на суд позвания, но слугами точию позываются. И судят при многих людех по своему разсуждению, яко наилучши мнятся им быти. И аще кто обрящется достойным наказания, тогда вскоре при судии наказан бывает жезлием, елико повелит судиа той.

О палатах или сараях султана турецкаго

В Константинограде трои полаты или три сарая имеет султан турецкий. Первой Большой, в нем же всегда пребывает, названной Бойк-серай. Второй Есхи-серай, то есть Старой сарай. Третьей сарай Малой в Петроне реченный, идеже не обыче бывати султан, точию в знаменитыя праздники на обновление идущи.

Идеже непрестанно живет четыреста юношей его, названных аз-замолиані, со учителями своими, их же зовут козоа, иже учат их читати, мужествовать, на конех ездить, ис пищалей стрелять, дзідоу в цель метать и лук натягать. Такожде учат их опоясыватися, и бегати пеших до места назначеннаго, и поединки со оружием чинить, такожде по водам плавати.

Которые егда дорастают и изучатся, отходят на высокую султанскую службу, кто к чему приличен явится, паче же от тех чинят спагов, то есть воинов, или яко ныне называем их султанския ковалеры, иже имеют данья веси до смерти своей, иныя болши, иныя менши, елико кто у султана выслужат или которой султану угоден явится. Сей сарай учинил Ибраим-паша некий, зять султана Солимана.

Сарай же Большой, реченный Есхе-сарай, создан есть от султана Махомета Второго по взятии Константинограда. Стоит же яко бы среди града, четверостенно зделан, имеющи около три мили италийских. Тут живет весь женской пол султанской, иже первое быша в Великом сарае и уже не восхоте их болше у себе держати, такожде и те, их же испытал султан и познал надостойны быти ложа своего, и иже состарелися, а прежде были в любви султанской. Тамо же соблюдаются кормилицы, иже персами своими кормили детей султанских и братью их или были на каковом послужении султанском.

И оттуду уже не выходят до смерти [все же свое доволство имеют], точию аще которая замуж поидет за пашу некоего или за инаго какова честнаго человека. Еже по воли султанской часто случается, еже и турки признавают себе к чести, егда кому достанется таковая жена, иже прежде была на ложи султанском, или паче хотящи себе такового ради супружества скорого обогащения, ибо на таковых своих зятей всегда имеют признание султаны и дают им великия вены и началства честные.

Всяко же и те, иже и замуж не идут и живут в том сарае затворени до смерти, имеют всякое себе доволство и признание. Времяем же и сам султан приходящи к ним живет тамо у них по воли своей неделю, и две, и три не исходящи, никого от дворян своих пушающи тамо, ниже юношей с собою. В то убо время много у него упрашивают жены те, которой что потребно, дабы или доход некий имела, или пленника какова свободила, или ино что тому подобное.

О Великом же сарае, в нем же всегда султан пребывает, уже выше поведахом, яко есть около его четыре мили, имущ три стены от града, едина единой выше, ими же от моря до моря прегражден есть, и две стены с обеих стран моря, наченши от мосхеи Софии,

идеже есть врата в сарай из града. В тех вратах всегда стоят на страже 40 воинов, которых называют капиги́.

От тех врат между двояма стенами даже до конца сарая в одну сторону есть дворáльня, идеже у дров две тысячи мужей непрестанно работают: режут, секут, носят и в поварню, пекарню, аптеку и во алхимию. Дрова же привозят с Чорнаго моря, имеючи к тому людей или стругов великих и малых две тысячи, их же зовут карамузáлы, которых ни на что иное не емлют, точию на вожение дров на султанскую потребу.

Мужей же тех, иже у дров работают и в печи разносят, называют белтаги́, иже имеют свою поварню, где есть себе готовят. Среди двора их стоит крестилница, от церкви святыя Софии принесенная, о ней же выше писахом, и ни един паша может на коне ехать в дом султанской, точию под тот двор, идеже стоит крестилница. Всяк бо доехав тамо повин с коня сести и пеш ити в палаты.

Входят еще и во иныя ворота, иже две стены около себе имеют и многую сторожу оных же капигов. Тамо уже никто дале без повеления ити не может, точию в той день, в он же дыван [то есть общее слушание] отправляется, четырежды в неделю, то есть в субботу, в неделю, в понедельник, во вторник.

Ибо в те дни сходятся все правители султанския на дыван. Прежде визирь великой; потом паша анатолский, его же зовут белиербес; потом капитан янчарский, гениазáр реченный; и два председатели от Сенату, их же калишхёр называют, то есть судьи войсковые; и паки три начальника войсковых, их же называют деситердах. Сии все, сядши велми рано, на дыване даже до полудня сидят и всякие дела исправляют.

А где тот дыван отправляют, тамо жилище все каменное со сводами протяжением долгим, отворено в те дни, егда сидят тамо. Пред ними же есть вход, идеже стоят общия народы и стража немала, иже не попускает доходить к судиам, точию аще кому повелено будет; и тако одинаго по единому разсуждают.

Егда же отсудят, тогда востав вси к султану отходят и подают ему писание всем оным делам, иже сотвориша на дыване, выписав кратко, а потом словесно ему про все объявляют. И егда о коем деле умолчит, признавают, яко утверждает то. Аще же ему которое дело не годно явится, то махнет рукою, дающи знать, яко то инако достоин вершити.

Сие обаче ведати достоин, яко первое, нежели все на диване сидевшие внидут к султану, великой визирь входит и о сем ему пове-

дает, прочия же ожидают пред полатою тою, ибо султан ни с единым от тех глаголет, токмо с везирем единым, яко с лицом честнейшим советующи. Такожде егда посол чужеземский бывает на приезде или отпуске, ничтоже сам глаголет, но визирь точию, иже первое к султану вшедши наказуется от него, яко подобает ему послу оному отвещати.

Та полата, в ней же дыван отправляется, стоит по левой стороне в сарай входящи. По правой же поварня султанская и общая оптека, идеже всех ради судей, иже имут сидети в дыване, подается раннее пищи употребление: общия птицы вареные и жареные.

А между дываном и поварнею султанскою посреди — казенная полата султанская, где пред дверми ея всегда по земли лежат великия мехи з денгами [дабы народ общий, приходящий на дыван для своих дел, видели яко есть велико сокровище султанское, яко денги даже по земли валяются, не могуши в полатах вместитися или многого ради медления казначейскаго, иже не может времени употребити считати денег тех и писари своими].

А те денги суть от разных областей и градов подписания на себе имущая. Из них же потом раздают в полате, кому что повелено будет. Аще же обратится что между тех денег вещей златых нарочитых, паче же португалов различных королей, те особ статьею кладут для султана, иже их в свое особое сокровище полагает.

Входят же и в третье врата в сарай тот, идеже сам султан живет. Который прегражден есть стеною каменною не велми высокою, но толстою, имеющи врата меньше первых, где уже стражу блюдут рёзанцы султанския. Вшедши внутрь, есть в нем площадь немалая, имеющая по левой стране жилища, в них же живут евнухи и юноши султанския, а по правой стороне суть аптека султанская, и погребка с корением пахнучим, и отрочата новые, иже еще во учении суть, дабы возрастши могли быти спагами на службу султанскую — их же всегда бывает до шести сот.

О покоях султанских и евнухах его

От двора онаго, где евнухи живут, прилучится ити уским крыльцом в един двор, среди коего есть огород изрядный, исполнен различных трав. А по правой стране того огорода суть жилища султанския, в них же з женами своими пребывает, к ним же входит он крыльцом волоским, ключи от коихъждо дверей у себе имущи или у

началнаго, которой над резанцами его. Ибо той непрестанной есть страж дверей тех, ими же султан к женам входит, и с прочими евнухами своими, которыя все суть арапы безобразны, ибо такие избираются в чин той, дабы не любили их жены те.

Те же юноши, ижу служат самому султану, суть благообразны на тот чин выбраны и не един от них злообразен есть. И есть их ко всякой службе по тридесяти человек, наподобие: 30 тех, иже подают ему исподнюю ризу, 30 иже подают шолковую ризу, 30 иже кафтан, 30 иже ферезею, 30 иже теплую ризу, когда какую носит, 30 иже подают завой головной, 30 его опоясуют, всякой в свой день, 30 иже нижняя вещи подают и надевают, 30 иже его обувают, 30 иже чулки надевают на ноги, 30 иже постелю стелют, 30 иже в храминах чистоты дозирают, 30 иже храмины пометаю.

На другой стороне огорода имеет султан своя жилища, в них же служат ему мужеской пол токмо, а жены не входят. Есть тамо особое жилище, в котором глухие живут, их же такожде 30. К ним же часто султан приходит и утешается ими, паче по обеде, помиганием с ними глаголющи. Времяем же, взяв их с собою, идет с ними чрез большой огород к женам и тамо велит единому взять себе такожде жену глухую, и при себе велит им говорить меж собою и свататься миганием.

Мало подале от глухих тех есть еще особно карлов жительство и близ их такожде жилище резанцов, еще ненаученных на службу султанскую. Мало еще подале оттуду есть жилище тех жен, которых зовут султанями, коеждо особое пребывание, такожде фонтаны, и бани, и огороды. А те их все жилища окружает едина площадка изрядная, ею же султан к ним приходит, особыя имеющи дверцы к кийждой, тако, яко иная не может ведати, когда к которой входит.

А в конце жилища тех султан есть паки палаты особныя, идеже блюдут детей султанских, еже есть единых сынов токмо, ибо дщери — всякая живет с матерью си. Сыном же, егда преминет шесть лет, тогда уже емлют его от матери и в тех-то особных полатах питают, дающи им учителей, иже учат их.

Те же двои полаты султанския, с тое и оные страны огорода зделанныя, имеют в себе по 40 храмин, кроме переходов и камор, в них же сам султан живет. Во единых полатах служат ему женск пол, в других же мужеской, а позади обоих тех полат зделаны бани, фонтаны, и огороды, и древца, идеже различныя певчия птицы. Все то делано от различных мрамуров, дивныя резания имеющи на стенах

своих, около окошек, и около дверей, и по восходах. Обаче несть никакова лица человеческого вырезано, точию цветы различныя.

В полатах же на стенах обитие велми дорогое златоглавное и алтабасное [иным бо прочим турком не подобает употреблять на стенах обития, точию разве мало около постели], на земли же ковры дорогие, з золотом тканые, и миндэри толстыя седения ради драгия златоглавныя.

Ложи деланы широкие, обаче niskии суть, на половину локтя от земли точию, все от костей слоновых учинены, иныя же нарезываны древом алоевым и сандалом с великими королковыми местами. Есть едино Амуратово ложе, еже дароваша ему ис Каира, оценено в девяносто тысяч червонных золотых.

В тех полатах, идеже мужеской пол служат, суть в земли погребы многи, в них же султан сокровища своя сохраняет — под самыми теми полатами, идеже сам всегда спит, и из них исход имеет тайный в ту страну, еже от жен — их же трижды сверху дверми железными закрывают, тако изрядно, яко нимало мощно ис палат его того познати, дабы какие двери или ход ими в землю мнелся быти. Единожды годом те двери султан отваряет, егда ему доходы ис Каира приходят, которым доходом все росходы двора своего исполнив, шестьсот тысяч червонных золотых в ту казну полагает, соблюдаящи то на остатнее требование государству си.

Сие подполатное вхождение в сокровище с тоя страны от женскаго пола учинил Селим султан, который имяше во обычаи си весь тот доход или толикое множество, еже имеше на кийждо год, сохранятьи и сливаше в великую штуку златую, юже потом тою дирую, наподобие кладязя учиненною от меди даже до погребов подземных, повелеваше влагати глухим оным мужем, приказав им с прещением, еже бы никому того не поведали.

Но Амурат султан зделал такую же диру в те же погребы от другия страны палат, идеже мужеск пол живет, и тамо сохранял казны собрание в штуках златых, тако своих печатей, яко и иных королей. И хождаше тамо четырежды годом, и поведают, яко полагал тамо на всякой год по три милиона червонных золотых.

Отсюду познати мощно, яко чрез толикыя лета есть тамо неисповедимое сокровище злата. Ибо тамо, яко начаша полагати, еще не взимаху оттуду ни единою ни на какую нужду денежную, изволяючи заимывати у купцов и пашей разных, той же соблюдают конечныя ради нужды.

О вертоградех и библиотеке султанской

Кроме онаго вертаграда, еже есть среди двора жилищъ султанских, суть иныя вертограды велми утешны, яко бы позади тех жилищ, идеже мужие, и оных идеже жены пребывают, даже до самых стен на обе страны к морю. А на обоих стъронах к морю посреди тех вертоградов в коемждо зделаты покойцы малые велми обрасцоваты.

Паче же един на шесть граней, на столпех мрамурных верх свой поставлен имеющий; между теми же столпами дщицы кришталные сверху резаны, тако составлены с собою, яко бы все стены были зделаны из единой доски кристалной. На них же свод есть дивнаго художества, сверху покрыто оловом. На том своде поставлена латерна и покрыта такожде оловом. Внутрь же все сребрено и позлащено, с чеканными цветами. Латерны же сея столбики зделаны из резнаго кришталя, королками нарезаны, яко и лиштвы в самых полатах или камзѧнс наверху резных столбов.

Сия станца толико есть пресветла, ибо егда солнце сквозь ее проникает, тогда зрение человеку погубляет лучами своими, яко последи на много время ничтоже не видит. И тако, яко та станца или зрелница высочае иных зданий, и того ради зрение из ея на все вертограды около сквозь оный кришталъ зело утешное. Яко дивно исповедати тому, кто перспективы уподобити может.

Недалеко от тех жилищ, по правой стороне от жилищ женских есть сокровище драгих вещей султанских, в дивных воистинну соблюдениих расположены. Особно же паче вещи изрядныя видети есть наряды на кони и прочия устройства от велми драгих бисеров и камней честных соделанныя.

Другия такія же полаты, блиско жилищ юношеских соделанныя, идеже такожде вещи драгия соблюдают, которыя уже ко украшению самому султану, яко перстени, зѧпаны, сабли и различныя ношения.

На левую же сторону, идеже мужеский пол султану служат, есть великия две библиотеки, еже есть едина обща позади жилищ юношей его и покоевых, иже и ходят в нее; вторая тайная, яко бы позади тоя общия, блиско жилищ самага султана поставленная, в ней же шафы при обеих стенах от края до края протяжены [ибо долговаты суть], имеющия дверцы кришталныя резныя дорого оправлены. А во всяком шафе дватцать четыре книги, одинако оправлены, одинако и краи подписано имеют, дивным воистинну художеством, в них же точно чет сам султан.

А яко оныя шафы niskии суть, того ради султан, по своему турецкому обычаю сидящи на земли на возгавии, сквозе кришталь оный купно все книги видит и не востаючи от земли возьмет куюждо ко прочитанию. А над теми шафами в которых книги лежат — другия вышняя шафы, иным художеством соделаны и оттворени, ибо не имеют никаких дверей. В те шафы во всякой вторник полагают по три мешечка денег: во едином червонныя золотыя, а в двух денги новыя и недавно кованыя в его миниции. Ис тех мешков раздает султан тем, кто ему угоден явится: часть смехотворцем своим, часть глухим оным, такожде и карлом, часть же в разныя милостыни.

В первой книгохранительнице общей, в ню же входят читати ближние ево юноши, есть книги различных языков, все писаные, а наибольша по гречески. Междо ими же есть сто двадесять книг долготою по два локти, а на пол локтя точию широких, еще царя Константина Великаго, изрядно украшенных и зело на тонком паргамине писаны, яко видети мнится тафта тонкая.

В них же писан старый и новый закон, и жития святых, и различных истории, а все златыми буквами. Во оправе суть все серебряной и позлащенной, бисером и камением драгим украшенной. И того ради не дают их никому чести, паче же и посмотриети, разве сами ближныя оныя отверзают я, егда кому показывают их великаго ради прошения.

О аптеке султана турецкаго

Аптека султана турецкаго вещь есть достойная удивлению. Не того ради точию, яко велика и долга есть, но того ради, яко различные и драгия вещи в себе имеет и многобогатна. Ибо тамо коеждо масла по тридесяти зельно великих и изрядно устроенных сосудов стоит. Такоде коежде сыропу, коеждо водки, и всякой предражайшей материи, и балсамов по тридесяти сосудов всегда полных стоят. А егда которой материи которой сосуд испразнится, то вскоре свежей на то место положат, дабы никако праздный сосуд обретался.

Сие же не токмо о ликтворах или елексирах разумеется, но и о мастех, и составах различных, и драгостех всяких, и запахах, их же такожде по тридесяти сосудов стоит. Все бо сии сосуды дорого и изрядно велми под един цвет зделаны, яко есть чему подивитися, во всякую полату пришедши.

В той аптеке всегда работают триста аптекарей, осьмнадцать алхимистов и четыре суть начальные над ними, иже благочиния дози-

рают, их же называют приорами. В той же аптеке строят различныя сорбеты в питье султану и пашам его, а болшую часть делают его из соку лимоннаго и из лучших сахаров.

На сие паче изо всех сахаров сок вытиснут есть, ибо его свежей еще на тростях от всея Кандии на султана закупают, и все лимоны из Кании — сей град обретается тамо же в Кандии, к западу на конец острова стоящий, ибо той град взял турок лета от Рождества Христова 1645-го, по том и всю Кандию обладает усилует приав от венециан; но убо и облада ею вскоре повелевши церковником христианским и епископом выехать оттуду и взяти с собою образы святых и вся одежды церковныя, ибо церкви вскоре в мосхеи преврати; и пашу своего тамо новаго с титлом всеа Кандии постави; и поведают, яко несть во всем государстве турецком лучши канейских лимонов.

Соделавши убо из них онаго сорбету, блюдут от году в великих сосудех порцелляновых, на то учиненных, к потребе самому султану. Сего сорбету взяв едину ложку и положи в чарку растворяют водою: учиняет вкус и запах неисповедимой изрядный. Ибо сам тот сок мало густоват, наподобие алкермэсу, а егда его распустят водою бывает питье тако цветно, аки вино стоялое. Чарки ж, в них же тот сок про султана распускают, едини кришталные, иные ентарные, иные стекла кришталнаго и инья золотые, но все драгими каменьями украшены.

Исходит того сорбету на всякой день многое число, ибо дают его не точию пашам елико им годно, но иным чиновником великим, иже в сарае султанском пребывают. Убогим же и работником дают худейшей сорбет, укусом его распустивши.

По правой стороне той аптеки суть великия четыре полаты, в них же преисполнено вещей заморских, до аптеки належащих, иже дрогериами называют. А по левой стороне той же аптеки такожде четыре полаты великия, в них же сидят различныя водки.

Там же в сарае, где живет сам султан, суть две божницы или мосхеи, одна блиско тех жилищах, где мужеской пол живет, другая при оных, идеже женский. Но яко по обычаю си не имеют никаких колоколов, того ради и у часов нет их; и на тех божницах двух имеют различныя часы, иже поданы во дни и в нощи указуют. Аще же повреятся, то их евнухи султанския починивают, ибо тому изучени суть.

В жилищах же самага султана есть часы пересыпные изрядно украшены, малыя и великия, едини от времени до времени идут, и в нощи познавают их, которой час идет. При их же четверти, и потом полчаса пересыпныя, и на целый час, иже не треба обращати, ибо сами вращаются, зане художеством тако учинены суть.

О трапезе и поварне султанской

Стол, на нем же ест султан турецкий, зделан серебряной кругло, имеющи около себе кра́нец, на два перста толстый. Его же поставляют на ногах niskих четверугольных, такожде серебряных, яко бы сядши на подушке толстой могл с него ясти [аще и всегда на трех подушках обыче сидети, тут же аще и на единой, обаче толстой].

Тот стол около по краям покрывают скатерми изрядными, а средину непокровену оставляют, ничтоже полагающи. И дабы далече руки не протягал ядей ради, которая ему употребится, того ради стол обращается, егда его двигнет. Ибо никому же достоин приступати, ниже прикасатися, егда он вкушает, до стола его, дондеже насытится.

В праздники же нарочитыя, иже дважды годом бывають, ест на столе золотом, честными камении украшенном, таковым же художеством, яко и серебряной оный, точию ноги его наподобие винограднаго древа суть учинены. И той превращается такожде на среднем шрúбе.

Ествы на стол подают на блюдах глиняных, из изрядной глины деланых. Еств всех вкупе тридесять поставляют яко на обед, так и на вечерю. Которыя блюда с езвами все презрев, султан изберет себе одну точию еству, а двадесять и девять повелит отнести к султаню своим, с которыми живет и общается. Иногда же велит ествы те раздать смехотворцом, иногда глухим, иногда карлом своим и лекарю любимому своему.

Хлеб для него единого делают из муки дважды сеяные из пшеницы, на едином точию раждающейсe месте, иже есть во Анатолии близ града Бурсии, идеже пшеница родится великая, бело имущая зерно. От сея убо муки елико может быти лучши сеяной пекут его ради на всякой день по двадесяти хлебцов, четыре фунта весу в кождо.

А месят хлеб той на молоке козьем. И козы того ради блюдут особныя в леску едином тамо же меж стен в сарае и кормят их довольно. И сего хлеба не дают никому, точию тем, иже любими суть султаном, то есть везирию великому, лекарю и ближним его вернейшим, их же называют агалляры.

Поварен девять обретаются в сарае султанском. В них же шесть есть общих, в которых про мужей двора его есть варят, три тайных, в них же про самого султана, и жен его, и ближних любимых. В поварнях самого султана повинни суть имети варения и мяса всегда готовыя, такожде и жареное с разными вкушении, дабы того же часа

даваны были, ничим же отлагаючи, во дни и в нощи, егда у жен будущи вопросит есть, дабы давано ему было, воежебы жены своя удоволити возмог.

Тако же и всякая султня имеет свою особную поварню, идеже себе ради и детей, их же имеет с султаном, велит рабыням своим готовить по своей воли и укусу. Для сих султан ведено шафаром давать на их расходы на всякой день сто баранов, осмьсот куров, двести птиц разных во времени года, ибо сим султаном не дают никогда есть говяжья мяса.

Сих, иже ествы носят в жилища султанския, есть 150, которых называют саян-гилер. В дверех же последнего жилища емлют те яствы евнухи ево и ставят на стол султанский прежде, нежели за стол сядет.

Всех оных мужей, которые ядят хлеб султанской, есть обще в сарае тринадесять тысяч четыреста человек. Жен же и со служебницами несть болши осмисот, евнухов толико же. Есть еще тамо множае тысящи человек, иже готовят единых каплунов и кур в поварню султанскую: от них едини иже их скупают, иныя иже их кормят и стрегут, иныя иже их готовят и режут, прочия иже из деревень носят их на себе или на ослицах.

О конюшни и вертоградех, которые за градом

По правой стороне сарая за стеною на берегу морском обретаются конюшни султанския, яко бы на полтрети версты длиною, в них же едины блиско учинены от стены сарайския, другия от воды противу тех, посреди же их площадь долговатая. В первых стоят аргамаки лучшия к езжению; въезде те обои конюшни от полунощи изрядныя врата имеющи. Посреди конюшен есть проезд в сараи султанския замкнут, откуда коня султану выводят, егда камо ехать иматъ утешения ради.

При конце тех конюшен со стены самага сарая выявляются въверх покойце, в которых ближния люди султанския живут, имеющая видение на море. Между которыми есть четыре покоя султанския изрядныя, из них же смотрит на море. Сии покои называют хиотры, то есть теремки, их же во время султана Амурата зделал Синан-паша; ибо аще и инде где с великим иждивением, обаче и там есть един теремок, иже ценится сто пятьдесят тысяч цекинов веницыйских.

Иныя конюшни, в них же коней на войну блюдут, суть за градом на берегу морском. Числом их двенадесять, а во всякой обретаются множае дву тысяч коней. Стоят те конюшни от Константинаграда

осмьнадесять миль италийских, тож и верст наших российских. Конюхов, иже в тех конюшнях работают, есть три тысящи, называют их адзынгулир. К тому есть еще тамо кавалкаторы, иже коней оных учат; такожде и конюшие, от них же каждой своей конюшни дозирует.

От сих конюшен при мори ко граду идущи обретаются вертограды султанския, такожде и з другую сторону града, велми утешныя. Их же числом обретається осмьнадесять, кроме тех вертоградов, иже суть в сарае. Стенами каменными кийждо от них изрядно огражден. И каждый имат в себе полатки, и алтану, и инья утешителныя различныя вещи. Сих же, иже вертограды надзирают и работают в них непрестанно, обретається три тысящи человек, их же своим языком называют бустангилер.

О цейкаузе и припасах воинских водных

Между иными вещми, видения достойными, в Константинограде есть цекауз или арсенал султанский [то есть двор различных припасов], в нем же яко на море, так и на землю воинский вещи готовят. Паче же то вещь изряднейшая видети — есть бо сто осмьнадесять палат, яко врата великия высоко зело зделаны над берегом морским, под которыя своды галеры с моря в цекауз входят. Те полаты таковы широки и высоки, яко в коейждо могут три галеры вкупе стати.

Что же еще, то место, под которым покровом вси суды морския обычно сохраняют, посреди самога цейгауза. Идеже вкупе есть и баня на пленников, дабы в ней после работы нощию измывалися. Никогда тамо не бывает менши трех тысящей пленников, иже художником работати и тяжкия вещи подымати помогают. Сии и в сарай работать ходят тайными проходы между стенами.

Точию сии вси на галерах не работают, ибо тамо инья суть пленники, яко близ града в пристанищи, тако и на море, их же толикое бывает множество, яко преходят временем число тридесят тысящ, яко бяше их во время Амурата султана сполна тридесят две тысящи на галерах точию, кроме цекауза.

В цекаузах художников и капитанов или приставников над ними, такоже и иженеров, и учителей художеств различных, клюшников в разныя храмины, и воинов стрегущих есть числом тридесят шесть тысящ, которыя за плату себе на всякой месяц из казны емлют всякой по своему чину, ов болши, ов менши. Вси же суть мало не вси или множайша их часть христиане потурчени или дети их.

Особно есть четырнатцать тысящ художников, иже ручное оружие делают в сарае непрестанно, и повинни суть чистить то в пала-тах во всякую неделю, дабы ничтоже ржавого обреталоя, егда сам султан смотреть имать. Сих художников называют гобей, иже и в войну с султаном ходят вместо пехоты. Иныя же суть туффеки, то есть стрелцы с пищалми, иже на войну ходят и пищали делают не-престанно, ибо на то емлют деньги; есть тех семь тысящ.

По них суть топей или пушкари, их же числом осмь тысящ, из них же болшая часть художников, иже и льют пушки болшия, и вер-ховыя, и полковныя, на оной стране где Галата во едином дворе ка-менном великом названном Тофама, идеже есть пушек множество неисчетное, болши же христианских, яже иманы в розных государ-ствах христианских, яко мощно познати из гербов и подписаний.

Такожде и янчары, их же есть непрестанно тридесять шесть ты-сящ, в дву дворех, яко выше описахом, учатся оружия различнаго де-лать, дабы не празновали и не купили себе в лавках оружия потреб-ных, но сами бы себе во время покою готовили непрестанно.

Есть еще в сарае придверников до дву тысящ, иже та кожде на войну с султаном ходят. Сих уряд есть казнити злодеев, егда везирь повелит им, ибо тамо несть особнаго спекулятора. Обаче же, яко чис-лятся они междо юношами султанскими, яко и прочия служивыя его, того ради имеют на то мужей худейших, дабы сами таковым понос-ным делом не осквернялися.

И оныя мужи в их место сотворяют то, разве аще прилучится казнити какова честнаго мужа или пашу яковаго, то уже сами повин-ни исходити, зане началныя спекулятори суть. И такожде егда нача-лика некоего, или пашу, или яковаго инаго знаменитаго чиновника яковы ради вины измещут из чину его, тогда они же ходят оному воз-вещати немилость султанскую.

Паче же егда имать султан везиря изметати из началства, тогда призывают его в полату к султану и един от тех, приступив к нему, отъемлет печать султанскую с руки его, и закрывает ему пол лица бумагою хлопчатою, и махнет нань рукою [ибо не достоин им гово-рители при султане], дабы шел за двери ис полат султанских; и от того времени бывает своего токмо дому владетель.

Есть еще комнатных султанских две тысящи, их же солях назы-вают. Те ходят около султана, носяще лук его и стрелы. Сами же и луки делают и во время войны в саадаках на коней садятся.

Чаушей в Константинограде непрестанно четьре тысящи обре-таются. Их же чин посылаемых быти в посланниках во окрестные го-

сударства, такожде и ко владетелем в государстве турецком, иже началствуют над городами и областями. Всякий от сих чаушѣй яковый ни есть художник, особно же паче они наметы на войну делают.

Сии ставятся по чину своему у врат третиея стены сарая, ожидаючи, камо кто послан будет. Сей их чин прибыточен им, имеют бо от тех, к ним же посыланы бывають, немалой прибыток. Еще же и ис казны корм им дается, егда куды посылають.

Они же вся чины и уряды, егда кого чем султан пожаловать изволит, оным объявляют, аще той в Константинограде или где во иной стране обретается. Ибо егда султан раздает великия властельства, иже имеют своя великия доходы, тогда грамоту, написанную на властельство назначенному, дает в руки каморнаго своего, дабы той послал ее. Тут же есть и указ написан, елико тому властелю велено дати каморному оному.

Камерный же посылает грамоту с чаушем, ибо сами каморныя из сарая не выходят. Той же властель сверх того, еже посылает каморному по указу, дает еще и чаушу дары, даст же ему и каморный, егда принесет указные дары за грамоту. И таким образом обогащает султан каморных своих, дабы могли по достоинству убраться, егда самому коему на каком властельстве повелит быти.

К тому есть еще четьреста мужей султанских, их же турки называют пейх. От сих чина всегда ходят при коне султанском по четьре человека, егда куды ехать изволит. Имеют шапки на главах своих зделаны ис чистаго злата, наподобие епископской шапки, точию не раздвоени [яко у римских бископ]. Сии имеют повеление приимати челобитные у общаго народа и отдают их султану. Мало же не вси умеют художество златницкое.

Есть обаче и особных златарей и алмазников числом до пятисот, их же зовут гнусхї, то есть златари, и дзиордар — тии иже запаны делают и камня познавають. Все сии во едином доме пребывают и непрестанно делают в сараи различныя вещи, яко жен ради его, тако и для всего двора его, елицы с ним в самом замкнении пребывают. Всем сим ис казны платят за работу. И есть един начальной над ними, но подобает тому дом свой богатой имети во граде.

Оных же работников, иже дрeвеса привозят из лесу в цекауз и в сараи на различныя потребы, такожде и тех иже доски пилами режут, с ними же считаются древодели, плотники, столяры, бочкари, иже в поварни и в конюшни различныя сосуды делают же, и во граде пашам и чиновником градским, паче же везирю — есть же таких до осми тысяч человек, их же называют белтагї.

Художников иже на весь двор султанской и на янчаров шьют платье есть числом две тысячи пятьсот, называют их фестилцр. Те все живут во едином доме, в нем же при греческом владении жили причетники святых Софии, близ церкви тоя.

В конце же сарая султанскаго, идеже кончается, клином входящи в море, и надвое разделяет течение воды, из Чорнаго моря текущая немалую быстротою, ея же едина часть называется проливою великою и течет в Белое море, вторая часть идет в проливу, яже есть между Константиноградом и Галатою и называется уским протоком.

Егда же приходят тамо суды морския: карабли, или галеры, или иныя какия купецкия струги с товары, того ради тамо приставлен есть бустанги-паша, иже начальник над огородниками, дабы он с людьми на то учиненными стрегл непрестанно, и уже толстыми судно увязав, препровождал мимо то опасное место, дабы не разбилось о клин или рог полат тех, оттягиваючи судно елико мощно, паче же егда ветер на море, ибо тамо вода женёт судно велми быстро.

Судна же того начальник, его же по-турецку зовут райс, повинен за то уставленную цену оному бустанги-паше дать, елико от какова судна достоин.

От того клина сарайскаго в неколикодесять статаих есть на мори един холм каменной из моря являющийся [а в том месте наиглубочайше есть место моря], на нем же зделана башня круглая, юже называют Хискуляти, то есть башня девичья. Ибо поведают, яко ту башню дщи некоего царя греческаго повелела зделать и сама в ней пребывала, житие девственное до смерти провождаючи. И есть в ней внизу три жилищечка изрядные, зрение веселое на вся страны имеючи. Ныне тут непрестанно четыре воина пребывают на страже и имеют три пушки с собою.

Из среди тоя башни из онаго холма, на нем же та башня зделана, источник здравыя воды истекает. Яже вода летом велми бывает студена, яко пити ю невоз- можно, донеле же пригреется от солнца. Подле того источника есть масличное древо, безпрестанно зеленеющеся и плод на коеждое лето издающее. Егда султан повелит кого утопити, тогда того тамо приводят и связав руки и ноги сверху тоя башни мешут в море.

А на толико великий двор султанский и на воинов его, дабы всегда была осторожность готова приключения яковаго ради, есть в самом Константинограде [особно же во едином углу Галаты] несколько сот хлебных житниц полных с различным хлебом на разных местех,

все же крыты свинцом досчатым и у всех врата железныя. Те житницы по-турецку называют амбар.

Те все запасы во всякую три лета переменяют. Толико же их доволство имеют, яко на многа лет могут войска султанския препитати.

Оныя же амбары, яже на Галате, ничего инаго в себе не имеют, точию яглы. И во время Амурата султана продаваны быша оныя яглы, им же поведают соблюдаться осмьнадесять лет, обаче тако быша свежи, яко бы единаго лета, ни единыя худости в себе имевшыя. Аше то соблюдение воздухом тамошних стран учиняется или каковою тайною вещию, того не вемы.

Елико же о порохех, без которых то водное собрание воинское ничто есть, тех не держат в цекаузе, ниже где блиско моря. Но есть зело крепкия башни за Галатою над морем, тамо все порохи кладут и соблюдают, егда привозят их ис Каира — ибо тамо лучшие порохи делают и селитры доволство имеют.

О денежном дворе и рудах султанских

Султан турецкий един точию денежной двор во всем государстве своем имеет, который есть в Константинограде среди града поставлен. Идеже куют денги златыя и сребряныя, болшия и мелкия противо требования общаго народа.

Денежной мастер не может быти иного народа, точию грек. Ибо на сие жалованные грамоты греки имеют, от многих султанов подтверженныя. Сие же того ради, ибо султан не имеет нигде в Европе руд, точию в государстве Греческом, около их же греки работают. Турки бо под землю опускаются не хотят и труждаться такими труды не обыкли.

Двора того держатель дает откупу с него на кийждо год седмьнадесять карик; кийждо карик, яко выше описахом, 1633 червонных содержит. И уже в казне ни о чем не пекутся, ни о работниках, ни о рудах. Работников тамо бывает четьреста человек.

Держатель дому того повинен стрещи, дабы в денгах мера была добрая по уставу султанскому. Аще же той держатель присвидетельствует на кого, иже бы деньги полживил или обрезаал, таковой всяк смертию казнен бывает, имения же его возмутся половина на султана, а другая держателю двора денежнаго.

Повинен преждереченный держатель в кийждо день первый месяца принести своей работы цекинов [или червонных золотых] к началнику сарая султанскаго [или по нашему к казначею двора его] и

две тысячи денег серебряных. Ибо всегда в сараи дворовым султанским дают новыми денгами, иже ново ис-под молота выдут.

Той же держатель, дабы мог удовольствовати денгами на расходы двору султанскому, и имеет власть дати повеление: аще бы кто имел каковыя чуждоземския денги — дабы приносил их к нему и пременял на султанския.

Сие же точию о серебряных денгах, ибо червонные золотыя всякие тамо емлют, медных же и мешаных с серебром, паче же добрых, никто не привозит тамо [под казнию отъятия всего имения, еже имать, аще бы в три дни от общаго его волнаго писания з денгами во дворе денежном не явился].

Той же денежнаго двора властель серебряники чуждоземския прекует в султанския денги. Такожде и денги обрезанные, их же в вес примет и аспры турецкия отдает вместо их. К нему ж отдают все злато и серебро из гор султанских в вес же, а он кует то в денги и отдает в казну, вычитаючи себе за работу.

Но сие точию от тех гор, которыя в Греции, ибо во иных государствах, где злато и серебро копают, тамо тогда и в денги переделают. Сие же и в Греческих странах волно султану делать, аще изволит, ибо сего в данной грамоте держателю двора денежнаго не пишется, дабы все злато и серебро к нему отдавано было, но токмо султан доволства ради великаго не велит в Греции иных денежных дворов делать, понеже един той константиноградский доволство ему учиняет и все серебро, еже от гор привозят, без мешкоты раздаянию дворовому во время потребства выковать может.

Горы же златыя в государстве Греческом имеет султан в Македонии, в горе Святой названной, близ града реченнаго Цыдрокапс, другия в венгрех у предел Болгарских. Серебряные же горы имать в самой Греции в трех местех велми доволныя, и художников немало, иже около их работают, яко же назнаменах выше, вси же суть грекове.

О утешениях и проездех султана турецкого

Султан турецкий, егда несть его в войне, непрестанно живет в великом сарае в Константинограде, о нем же писахом, иногда проездами утешающися, иногда в дому своем з женами общающися, иногда же делами государственными промышляючи и с везирем о них советуючи.

Еже речется о проездех, ими же часто обыче люду общему являтися, дабы ведали о государе си и не умышляли бунтов в граде, и

того ради или на коне проезжается, или в стругу по морю. Единою тихо с малым воинством, дабы дворян своих и воинство туне зря не трудил, овогда же с возможностью великою, дабы подданным и чужеземцам великомощство свое показал, и видел бы готовность воинства своего, и не дал им в праздности лежати.

Егда убо попросту идет утехи ради и не хочет имети около себе многих воинов, то сице познавается. Исходит бо из покоя своего в завое малом, в нем же вседневно ходит, такожде и в ризах, их же в дому употребляет. И тогда точию одне ближния его каморники с ним выходят, евнухи с капитанами двороваго воинства.

И пеши пред ним ходят юноши, каморники и лакеи. Прежде идет капитан судный, его же называют сеит-паша, с пятьюдесят воинов своих, иже с ним идущи устрояют путь султану, и повелевают скоро пометати улицы, и воздерживают возы и лошади, дабы никто не встречался с султаном и дабы все кланялися к земле главою и стояли на коленях, егда султан поедет.

Ибо в таковой честности поганья султана своего имеют: егда бо где минует, тогда след коня его целуют и имеют то себе вместо великой побожности. Иныя же повелевают себе тогда жилы у рук просекати, и тако возносящи руце пред ним показывают, крови не уемлющи, донеле же минует, на свидетелство любви своей к нему и даючи знати, яко готови суть за честь его и здравие кровь свою излияти, идеже повелено им будет.

Иныя же, опустивши с себе одежду до пояса, штуками железными разжеными жгутся по бокам и по персям, ставши где на высоком месте, дабы видимы были. Им же султан посылает каковое даяние, наподобие милостыни. Творят же сие люди чинов убогих, господие же и купцы богатые не вдаются в таковое изумленное неистовство.

Пред конем его идут: конюшей, капитан над чаушами, капитан над евнухами, капитан над капигами, капитан над каморниками, четыре капитана над янчарами, их же называют дзейи-паша. От великих же пашей, иже суть яко бы бояре, ни один идет.

Около коня пеши идут четыредесят мужей пейхов, капигов и солихов, обаче отдалека. Пред самим же конем идут четверо капигов, четверо пейхов. И по сторонам при коне же осмь соляхов, мужей толико высоких, яко едва не равняются с раменами султанскими, на коне сидящаго. И на сие особно во всем государстве Турецком мужей высоких ищут.

Те же идущи при коне султанском емлют у общаго народа челобитные, егда кто подает их. Два же таких соляхов носят во златых

сосудех, драгими камении украшенных, водки благовонныя султана ради, ими же покропляется, егда откуда смрад яковый услышан будет. Сии сосуды носят в мешечках, шитых золотом и низаных драгим жемчугом.

Прочия же все, иже суть около султана, яко соляхи, тако и пей-хи, идут в шапках золотых, имеющи в руках своих лук и стрелы. А за ними после идут карлы, блазни, евнухи, юноши меньшие. Всех тех мужей при султани, егда ходит попросту, на проезде бывает до трехсот человек.

Егда же исходит на море, идеже имеет струг свой, учинен наподобие корабля [яко есть у венециан Буцентаурис, в нем же князь их и с сенаторы в день Вознесения Господня выезжает на море], весь позлащен и вещми разными деревянными украшен. Шестнадцать лавок есть на единой стране, на них же сидящи пленники гребут веслами, у всякаго весла по три человека; толико же лавок и на другой стране. Все имеют на себе шапки суконныя красныя, такожде и одежды, плюдерки же или штаны белыя.

Сими обладает огородником старейший, названной бустанги-паша. И сам он в то время кормчим бывает, егда султан ездит по морю, стоящи за плечами его, ибо сидит на престоле своем в кораблеце том, к тому нарочно мало повыше на седалище учиненном. И в то время глаголющи с султаном много дел упрашивает у него себе и людем, ибо точию двое их в корме кораблеца онаго.

Идеже яко бы жилище яковое соделано и обито велми богато коврами шолковыми з золотом ткаными. И тушяки на niskих лавках при самом мосту алтабасные дорогие положени суть, на них же султан по воли своей сидит или лежит. И того ради той бустанги-паша в великой чести у турков, яко чрез его много могут себе у султана сделать, кто что требует.

На другом же конце того струга стоят любимыя ево покоевые, иже обыкоша с ним на проезд исходити, когда на коне ездит. Пред тем же стругом султанским на стреление из мушкета идут четыре лотки великия, иже повелевают всем иным стругам великим и малым на сторону отъезжати, дабы не встречалися с султаном.

Егда же исходит султан с гордостию на проезд свой, дабы видели ево чуждоземцы и подданные знали, яко государя, тогда велит построитися всему двору своему яко наилучши, и сам такожде облачится в дражайшия ризы, и едет из сарая чрез весь град даже по врат Андрианополских, сквозь юже выезжает в поле версты яко три и

приезжает к единым полатам своим, в огороде зделанным, идеже имеет вся своя утешения.

И тамо временем день и ночь пребудет, иногда же того же дня возвращается в сарай. Пред ним же временем идет 15 000 воинов с различным оружием велми стройно, иногда же бывает самых конных 150 000, тако уже полками великими имут стати в поле за градом пред оными полаты, в них же на проезд исходит. А он в то время в сарае на конь свой садится.

Еще же и янчаров и иной различной пехоты воистинну неисчетное множество, им же всем с вечера велят, дабы прежде дня съезжались пред сарай султанский. Особно же Амурат султан тако устраялся, егда готовился на войну перскую, еже видел славной памяти Требинский, бискуп премыский и подканцлер коронной, егда будучи еще подкоморием лвовским был послом тамо.

Сей проезд свой для того учинял турок, яко в то время был у него в Константинограде посол персидский, и того ради могуществом своим устраяшеса, дабы устрашил персян. Повелевающи приставу своему поведати послом, яко то воинство, еже тамо собрано видели при султানে, суть то яко в яйце куры, ибо непрестанно при султানে в Константинограде пребывает.

Егда же аще узрит юношей, им же повелит султан от всего государства своего съехатися, тогда узрит могущество султана Константиноградскаго, который много таких королевств имеет под собою, каково есть Персидское царство. И толико в то время тяжек бяше турок персом, яко 11 областей у них взя и облада.

О утехах султанских в сарае

Егда по нощи востает султан турецкий, востает же всегда на восходе солнца, ибо той час назначен есть им от Махомета на молитву, в ней же пребывает полчасу времени, а потом полчасу пишет, а в то время приносят ему есть конфёкты, каврижки и пронь, учиненныя с составами крепительными, и марцыпаны с различными вкусы соделанныя.

Потом час един четет в книгохранителнице. Егда же оттуду изыдет, слушает тех, иже на дыване судят, яко же выше описал есмь. Аще же дыван не отправляется, тогда точию единому везиру дает слушание, ибо тем вси свои государственныя дела отправляет.

По слушании их прохаживает по вертоградех между фонтанами, тешащися с шутами и карлами своими. И походящи, паки отходит

читати, даже время обеда настанет, аще ему толико времени по слушании прилучится.

Егда же велит есть носить себе [все же творит помованием, не глаголющи много], умывается из сосуда все златаго, каменми драгими украшеннаго, иже всегда с лаханью стоит в едином угле жилища его, исполнен воды благовонныя. Ибо множицею и днем измывается, яко есть обычай турком.

За стол же един точию садится и сedit болши получаса. Ествы же толико развариваны, яко бы каждая часть могла сама отрываться, нимало ножем резанная. Не пьет же часто, токмо единою наядшися, но обаче немалую чашу сорбету преждедеченнаго, яко бы мало не кварту мерою.

По ядении же отходит исправляти молитв своих [ибо турки не точию рано и вечер молятся, но и в полудне]. Пребыв же на молитвах своих полчаса времени, по том отходит в жилища жен своих или в вертограды их проходятися.

Егда же имать входити к женам своим, то посылает резанца арапа к жене начальной над женами теми, юже называют хиахадон, поведаящи, яко султан приити имать. Арапы же оныя всегда стоят на стороже пред жилищем, идеже жены живут. Та же начальная дает весть всем женам тем, поведаящи, яко султан имать к ним быти, дабы каяждо украсилася елико лучши разумеет быти, еже возлюблены были султаном.

Егда же все украсятся, сходятся в едину долговатую палату, чрез которую султан ити имать, и тамо едини шьют в пялцах, инья рукавицы шелковыя делают, овья цветы ис камок или шелков строят, другия в различныя мусикийския вещи играют или поют. Которая чему умеет, то и делает, донеле же султан не приидет.

Егда же увидят яко идет, тогда вся свои дела оставляют и станут в два ряда чрез свою полату ону. Егда же внидет, тогда все поклонятся ему ниско, а начальная над ними повинна выйти и встретить султана за дверми полаты оныя. И встретя сотворяет ему ниския поклоны и провождает в ту полату, где собрани суть жены оныя. Которыя все купно поклонившися султану, потом по две кланяются ему, ибо единая от другия стоит на лакоть.

Он же посреди их идет поглядаючи на них, начальная же за ними. И тако множицею проходит между ими разсматриваящи, кая годна ему явится. И тогда которую излюбит, на ту метет платком, который того ради в руках носит. Она же взявши плат той с поклоном и поцело-

вав повешает на шее своей. И се есть знамя, яко ту тоя ноши имать на ложе свое взяти.

И потом султан отходит в жилища своя. Его же начальная провождает с великою честью до дверей, где стоит арапов стража. Султан же потом идет читати что в книгохранительнице своей, или прохаживает по вертоградех своих, или с шутами и карлами время провождает, донеле же приидет время вечерняя молитвы и потом время вечерняго ядения, за которым болши сидит, нежели за обедом, ибо целые два часа за ним пребывает. И потом прочетши молитвы своя, их же никогда оставляет, отходит почивати в покои своя.

О султанах и прочих женах султанских

Султаны турецкия не смотрят того, дабы поимовали себе жен от роду честных кралей, яко творят прочии монархи, но избирают их себе ис пленниц, которую полюбят, ибо не едину, но множество жен имеют. Второе — не усмотряют, яковаго есть народу или языка и каковыя веры или закона, но точию дабы была благообразна и его очесем любезна.

Ибо в наиболшее благополучие рачение телесное полагают, юже им скверный их пророк Махомет во Алкоране своем предложив, вельми приклонным сущим от естества ко всякой нечистоте. Ибо покупают или на ратех емлют тех, такожде и у подданных своих насилем возьмут девиц красных султана ради [яко недавно, егда Канею град в Кандии острове турки обладаша, тогда паша, избрав сто прекраснейших девиц, послал их в дарех султану].

От них же худейшия имут быти служебными у султан султанских, инии же, иже полюбятся начальной над ними, и ея мнением будут видетися достойни султанскаго ложа, те будут блюдомы в сарае султанском. Обаче султан сам всех оных осмотрит прежде нежели их начальная над ними пересмотрит.

Егда же, яко выше поведахом, избрет себе султан которую деву шедши в жилища женская и плат на ню вергши, исходит ис палаты оныя во своя покои, тогда все прочия девы идут объемят и лобзают ону деву, юже султан себе избрал есть, паче же клевети ея, с ними же дружбу имела, приветствующи ей таковаго счастья, яко она удостоилася ложа султанскаго, и просят ее, дабы их яковым прилучаем пред султаном не забыла и султаню учинившия была к ним любезна.

Потом начальная над ними проводя султана возвращается к девице оной, которую султан избрал, и с великою честью провождает ю в баню, идеже воды с различными благоуханиями устроены, дабы купались в них. Егда же из бани выдет, дает ей платы и ризы, такожде дивными благоуханиями исполненные, и научит ее, что имать творити, егда к султану приидет, поведаяущи ей, яко в великой чести и достоинстве имать быти, аще возлюбленна от султана будет.

Потом дает ей вечеряти яди преизбранныя, не такие, елики прежде имела, донеле же была блудома, но с великим чином, якобы яковой кралеве. Егда же султан имать итти спати, отводит ю со свещами в ево покои, то есть во она жилища, идеже жены живут за стражею арапов, ибо тамо имеет сорок своих покоев, яко же поведаном выше, и уже тамо ни един мужеска полу входит, дабы послужил султану, но везде жены служат ему.

Приведши же туда ону девицу, сама начальная одежду с нее снемлет. Егда же ляжет на ложи султанском, дают ему о том знати, ибо той такожде совлачится одежды во ином покое. Егда же приидет, старая поклонившись отходит, оставляючи с ним на стражи три жены старыя, от них же едина стоит чрез всю ночь за завесою во дверех, не движущися нимало [в чертоге же в коемждо углу на великих серебряных свещниках горят четыре свечи литыя чрез всю ночь]. Вторая стоит за дверми у сеней, третья у дверей, яко бы у третьего покоя из сеней исходящи.

Сии три жены на оной стражи стоят три часа стрегущи, аще султан воззовет чего ради, а егда преидут часы те, отходят сии велми тихо, иныя же три приходят, потом иныя три такожде. Даже султан встанет и поидет облачатися в свои покои, оная же лежит, донеле же к ней старейшая приидет со служебными.

И отводят ю во иныя жилища, не тамо, идеже прежде пребывала. И уже называют ю султана и вскоре вписавают в книги казенныя, дабы имела доходу своего даже до смерти два карика на год, еже есть 3266 золотых червонных, четыре служебницы, две жены, которыя про нее есть готовить имут, и единаго скопца арапа на послужение.

От султана же ис покоя того же часа, егда облачится, приносят ей в златоглавном мешечке 3000 червонных золотых. Аще же возлюбит ю султан и возмет паки на ночь, тогда запишут ю в те же книги и примножат ей паки два карика, и служебных, и арапа скопца; а в мешечке, яко и прежде, приносят 3000 червонных; и уже зовут ю кралевую. Аще же в третье имать спати с султаном, тогда султан посылает ей корону драгими каменими украшену, и уже имать имети

шестнадцать служебных, и покои ко пребыванию многи, и доходу ей запишут 16 кариков, и с перинами четырьми, и балдакин в покое ея поставят, дабы под ним сидела яко царица, и уже есть жена царева.

Сия его жены множество дают женам чаровницам или мужем чародеем [их же есть в турках немало], дабы научили их, яко очаровати султана, дабы любил ю и давал сокровища множае. Дабы вскоре, егда богата будет, могла ити замуж за пашу яковаго. Ибо о тую у султана наипаче же пекутся.

От таких ево жен [их же имеет множество], егда кая уродит ему сына, тогда посылает ей султан пять тысяч цекинов в мешечке шитом золотом, и доходов примножает по своему изволению, и мамка дана ему бывает. Аще же дочь родит, ничтоже примножает ей доходу, точию мамку и 3000 червонных в мешечке.

Обаче сии радостнее суть, егда родят и дочерей, нежели оныя, иже родят сыны, того ради, ибо егда султан умрет, старейший его сын наступит на царство, прочих всех братьов своих велит подавити. Дочерей же выдаст замуж за пашей своих, такожде и матерей их: все сии в великом почтении у турок, точию из сарая изошли бы.

И дочери убо, яко поведях, блюдами бывают у матерей си. Сыном же егда исполнится лет шесть, тогда их от матерей емлют и блюдами бывают особно приставниками своими. И матери их не видають, точию во дни указныя четьрежды годом.

Дочерей выдает замуж во осминадесяти летех и вена за коеюждо дает пятьсот кариков, еже множае осмисот тысящей червонных золотых. Особно же кождой егда выдет замуж дается даже до смерти 30 кариков доходу на год. А егда прилучится им благополучно время, приезжают отца посещати. Аще же отец умрет, а брат вступит, приезжают и к брату, и всегда им тогда по изволению своему дает дары.

О милостынях и добродетелех его поганских

На кийждо день султан турецкий, егда востав ходит на молитву, мещет денги во оных жилищах, чрез их же идет в божницу, дабы кому обрести прилучилося и имел то от него в милостыню место, яковая ему прилучится, или серебряная, или золотая.

Особно же во вся пятки посылает знаменитую милостиню из сарая убогим, такожде и законником своим, и его же любит из своих ближних, или от дворян дает что кому на нужду. Иногда и оных истемниц выкупает, яко выше сказахом, иже от должников держими,

паче же в два наиболшия праздничныя дни, и в темницы общия вели милостыню посылает.

И муфтёу [иже есть начальный всего Махометскаго закона] знаменитый яковый поминок дарует. Такожде и учителю своему, иже учил его егда млад был, его же называют одзиа. Такожде воеводе эмир-афёнду, о нем же поведают, яко идет от колена Махометова, и того ради завой или чалму зеленую на главе своей носит, такожде и ризы зеленыя, в каких никому у турок ходити не велят.

Обаче в государстве Турецком находится множество таких, еже в зеленом ходят, паче же во Аравии и во Египте, иже поведаются от крове Махометовой быти. Над ними же всеми начальной тот эмир-афёнда, а тамо оных называют сантонáми [лучши рещи сатанáми]. Кийждо от них носит в руках долговатую коронку, якобы молитвы на ней мручащи. Все же боси ходят, жезлец в руках имеючи; их же за святых мужей имеют.

Аще и непостоянни суть злодее, большая часть от них суть слепы, ибо егда ходят в Меху посещати гроб Махометов, и тамо прилагают им на очи железо разженное, дабы Махомета ради слепы были, и не зрели красоты сего света, и не прелщались на утешное житие, но тако все оставя милостынею питались.

Се и диавол имать своя страдальцы и законники, якобы посмеваясь церкви Христове, егда Христа ради все оставляют людие богобоязные! Живут овии сантóни весь век свой милостынею, и верят им турки во всем, яко людем великим и совершенным, аще несть мощно паче их, яко поведях, прибрати горчайших прилагáтев. Паче егда по ком един сантон свидетельствовати пред судиею будет, вернейшее есть то свидетельство, нежели тридесять человек общих мирян.

И того ради по ком имать свидетельствовати сантон, или лучши сатана, уже той оправдан будет, аще бы и все воистинну ведали, яко неправду глаголет. От тоя причины на ипаче употребляют их во свидетельство, ибо противу ему не может судия по завещанию Махометову никакими мерами осуждения прилагати. И егда кий от них умрет, особно его в божнице погребают и за святаго имеют.

Посылает же султан часто дары матери своей, аще жива есть, которая в особой полате пребывает не в сарае. Ибо яко муж ее султан умрет, тотчас из сарая изыти повинна, аще ю сын и в великой чести имеет. Ей же свободно во всякой месяц в сарай единою приходи-ти и посещати сына своего. Аще же султан болезновати имать, пребывает у него дозируючи, дондеже устрáбится от болезни. Аще она

сама болезновати имать, тогда султан ездит в дом ея посещати, и егда умирает, идет к ней взяти матерне благословение.

Онй муфтей, иже есть начальник всего Махометскаго закона, в великом почтении у султана. И имать пятьсот червонных золотых доходу на день, ибо имеет многих сродников в дому своем. Имеет к тому многа даiania от поганных за разрешения яковья, особно же егда разводятся з женами. И каково разсуждение свое скажет — то недостойт никому противу его рещи что, аще бы и велми тяжко мнелося быти.

Относятся к нему и в мирских делах, не точию в константиноградских, но и ото всего Турецкаго государства, то мнение о нем содержащи, яко той свят есть в Махометском законе, тако праведнейшим есть паче всех судей градских [бывает обаче в ката место часто].

Се же о нем ведати достоит, яко султан не имать обычая ни предким вставати, аще бы был пречестнейший человек на свете, точию пред единым муфтеем и пред учителем своим, его же одзия называют, разнo обаче от муфтеа далече, ибо султан муфтею целует руку дважды годом, егда великия их праздники бывают, вземлющи от него благословенство, учителю же своему точию сам подает руку [яко вищаются страннии от нас народи].

Дает же еще в те дни праздника милостыню и скопцем, своєю рукою си раздаючи. Такожде и женам своим всем, их же из божниц своих пришедши в те два праздника посещает и всякой дает дары по воли своей, овей боле, овей менши. Починает же прежде от тоя, которая ему перваго сына породила, юже называют азехих, еже есть султаныя-царица, и того ради своеволна есть и не может ее султан яко прочих неволницею звати.

Ибо аще которыя ему и дарованы бывают, обаче суть неволницами его тако, яко же и прочия, денгами купленья. А се вины ради сицевыя: аще бо кто ее и дарует султана, обаче он тому вместо ея дары дарует, и вместо купленья почитает.

Сия егда перваго сына прежде прочих родит султану, и прежде нежели обрежут его, оную у книг волною учиняет, яко царицу, и запишут то для болшия ея славы и ведомости людския. И в то время преписуют ее вена [аще бы за кого хотела замуж] — три карика до ея смерти.

О болезнях и о смертях султанов турецких

Егда прилучится болезновати султану турецкому, тогда все докторы, елико их имеет на дворе своем, собрався в сарае, идут все вкупе оглядати его. А аще велми болезнует, тогда повеление издают в

жилищах султанских, коемуждо на послужение дву рабов придавши, дабы не расходилися по граду, донеле же султан оздравеет.

Аще же султан в той болезни умрет, уже тогда болши никто оных докторув не узрит, разве аще бы сами домовные султанския не приятны им были. Лекаря тамо из града не емлют никогда. Ибо аще что потребно от лекаря султану, то все умеют ближния его учинити, яко наилучший лекарь. Оне султану кровь пушают и банки ставят, бреют и раны всякия презирают, егда того потребно.

Обаче доктором, аще бы и здоров был султан, достоин всегда трем доктором сидети в аптеке от рана даже до полудне, ожидаючи, аще чего востребует султан. Всех же докторов сараевых точию семь, которыя во граде свои дома имеют. В сарае же не живет ни един.

Аще же бы болезновала которая жена султанова, доктор не дерзает к ней внити; даже повелено ему будет от султана, но и то видети ю не может, ибо закрывают ю и с лицом ея, точию руки сквозь шолковую тафту покажут, дабы осязал пульсы ея. Обаче рещи к ней и вопросити ее чем болезнует никако может. Старыя жены на то суть, их же спрашивают, и лечат сами. Аще что доктор учинит в аптеке, то достоин жене сказати, что в том лекарстве имать чинити, яко она болши может то учинити.

Егда же умрет, не творят над ними ни малаго чину, токмо вечером ближния его относят ю во граб и погребают. Такожде и султана кроме всякаго устройства ближния его относят нощию в божницу и погребают, токмо милостыни за душу его дают много. И вскоре того же дня старейшаго из сынов его вводят в покои султанския и приветствуют ему благополучнаго государствования, наказующи его, дабы бодрым был во управлении государства.

Что султанове помнящи, часто нощию ходят по граду, стражу свою имеючи отдалека пред собою, и за собою, и по сторонам, дабы никто могл познати. И тако сами присмотряют деющаяся во граде и что общий народ о них глаголет — аще бунтов каких не умышляют и аще все тако есть, еже от подданных судии ему возвещают, и аще доброе правление между подданными его — вдавшия с кем в разговоры и совопрошающися.

Ибо древния султаны множицею таковая творяху, ходящи незнаемо по граду. Но наченши от султана Солимана редко уже ныне султанове ходят нощию по граду, неции же мало и днем вопрошают, еже делается между подвласных, паче же они, иже царствовали последи султана Амурата Третиаго. Сему султану ни един подобен в

разуме даже и доньне бяше, ибо той тайно по граду ходящи вопрошающа, каков суд во граде и аще подданныя не имеют каковыя налоги от начальных.

О избрании новаго султана

Аще султан турецкий имать сына, то по уставу Махометскаго закона не обрезают его даже до третиагонадесять лета. Пребывают же оныя их обрезания чрез осмь дней с великим торжеством и радостию, паче же аще есть сын первородный. Потом посылает его на властельство во Анатолию, дабы в каком граде был яковым судиею и рассуждал окрестныя области.

Сие же того ради, яко имать власть инаго сына на государство testamentом поставить, еже у них в великой власти, аще по обычаю их и всегда старейший по отце на государство наступает, прочих же всех погубляет. Аще же бы первородный умрет, то второй, иже после перваго родился, право имеет на царство. Аще же бы старейший сын неискусно управлял оныя вѣрученныя себе власти — тогда отец тоя ради вины писанием отлучает его от царства и иному государствовати приписует.

Аще же разумно рассуждает, то сам наступает первородный, доведавшись о смерти отца своего [о ней же коего часа отец умрет скоро учинят ему ведомость из сарая], потаенно бежит к Константинограду и ночью малыми дверцами чрез вертограды в сарай входит. Советницы же, иже ожидали его, собравшись провождают его в жилища и приветствуют ему государства.

А он в то время посылает, велящи всех братию свою погубити, яко оныхя иже в сарае, такожде и тех, иже на властельствах во градах или областях разных. Аще же дерзнут оборонятися, то в той час воинства на них посылает.

Во время убо Баозита Втораго, иже имел четырех сынов, и все четыре желали государства, и побити себя не даша, и еще при отце своем воинства между собою производящи, но Селим поймав трех меньших братьов погубил их, отцу же даде отраву пити, а сам насилею учинился государем.

Такожде и Солимановы три сына воевалися между собою царства ради еще живу сущу отцу их. Егда един уби двоих, боящися утечек к персидскому шаху; но обаче понужден бе прислати его к отцу, егда пригрозил ему войною, аще бы усиливал не отдати его. Егда же при-

везен бысть, в той час повеле его удавити, дабы царствовал по нем сын меньший. Селим Второй названный.

По нем же султан Амурат наступив, не восхоте пожелати крови братской, их же бяше девять, и усмыслив, воздержашеся осьмнадцать часов, не издаючи на них осуждения, дабы могли тем временем сохранитися, избежавши из сарая.

И того ради не повелел обвещати приезду своего во граде, дабы посоветовал о том с муфтеом и учителем своим, которыя ему возвестили, яко невозможно ему закону Махометова преступити. Он же, плакав зельно, и призвав глухих своих, подаде им девять подушек, указующи старейшине оных глухих отца своего мертва, дабы тож и братьям его учинили, яковым отца его видят.

По том погублении братьев своих великий дыван чинится, уже не тот, которому достоит четырьжды в неделю быти, но особный, нань же сходятся все паши, будущия тогда в Константинограде, и всего двора начальники. Султан же новый в конце тоя полаты, где те сходятся, имать сидети во едином покое, сверху из окна сквозь решотку смотрящи на них и слушаючи, кто что глаголет, его же никто не видит.

Егда же дыван вершится, идут все поклон отдавати султану по четыре купно, никакже приступаючи к нему. И ни един ничтоже глаголет, точию падшии на колена ризу его целуют и в тот час иными дверми исходят.

По таковом чине сядет султан есть един токмо, они же все идут во ону полату, идеже дыван отправлялся, и такожде за стол сядут во ином месте, не тамо, идеже прежде сидели, и пируют с веселием. Обаче не много медлят, ибо султан насытятся сядет наконь, стройно убранный, и тако сквозе град едет, показующися народу, яко уже он есть государь их.

И приехав к божнице, идеже прародители его погребены, слушает учения славнаго некоего учителя, который при скончании словес своих дает ему седмократное благословение, дабы государство вал благополучно. А народ весь за коимждо благословением отвещают: «Аминь, аминь».

По том тогда сходит с места своего муфтей, наибольшей прилагатай махометский, и яко первоначальник отеческий дает ему благословение, единожды токмо здравствующи. Народ же паки воскликнет: «Аминь, Аминь». И потом весь народ воскликнет: «Бог и пророк Махомет да благословит царя нашего, дабы нам государствовал долго и благополучно!»

И по том султан исходит из божницы и седши наконь иною улицею, а не тою, коею приехал, возвращается в сарай свой.

В пятый день по избрании своем садится с великою гордостью во оный преждереченный струг или кораблец свой и едет морем в вертоград блиско цекауза, которой вертоград называют Ассехері, яко вертоград веселый. И тамо седши наконь едет на ловы, дабы мог дня того яковаго зверя уловити и своею рукою убити, дабы от того чарование мог себе взяти, како и каковыя супостаты имать побеждати.

От ловов возвратившись в цекауз идет. И тамо встречает его капитан-паша, то есть морской воевода, иже объявляет ему, что потребно в цекауз той, и в каковом устройении морския воинства, и что с ними повелит чинити. И приводит его к тому, дабы окрестным соседом страшным показался.

Во иныя же пять дней великое число раздает богатства, частию мешущи их между народы, егда сквозь град идет. Также посылает милостыни в жилища убогих, законников своих поганских и к учителем всем. Амурат Четвертый на таком поставлении своем роздал множае, нежели две тысящи кариков, еже умножит чтыреста тысящ золотых червонных.

Во оных же пяти днех починают посещати его жены, сродницы его, им же коеждо дает вещи драгия, и ризы, и сребро, также и мужем их различныя даяния и чины, ибо в то время не достоин ему отрицати о чесом его молят или сами жены, или мужи их.

О вере турецкой и законе Махометцком

Весь закон Махометский, иже описан во единой книге, Алкоран названой, разделяется в четыре части, от чтырех учеников его разделенный, иже поведаются премудрейшими в том его бладословии быти.

Называют то их учение дорт мадгеб, еже есть чтыре состава или части. Первую часть называют шафей, вторую канесі, третию малехі, чтыртую камбалі. От них же первая учит обычаем, вторая чином к молитвам, третья единому точию супружеству, чтыртая праву гражданскому.

В сих уставах не соглашаются между собою махометани и едины других еретиками называют, разумеючи, яко ложно те чтыре устава толкуют, также неправо и верят, и отступают правдиваго толкования Алкорану Махометова.

Паче же персове и срацыни не любят турков того ради, ибо персове держатся учения Галлова, зятя Махометова, иже еще по правоте Махометове толковал Алкоран его и был во управлении судов, и во учениях, и всяких чинах махометовых заместником его.

Турки же, татарове и арапи последуют учению двоих учеников Махометовых, им же он закон умираючи вручил, ибо в то время Галла не бяще с ним. Называют единаго от них Абубахер, втораго Омёр. Иже не последуют разумению Галлову, но свое толкование на закон Махометов написали. Персове еще их укоряют, якобы они умыслили завет Махометов при смерти ево и написалися в нем сами учеными в законе его быти.

Всяко же, аще и не соглашаются между собою и поносит едина страна другую, вси обаче согласно сии десять завещаний Махометовых хранят: 1. о частократном умовении; 2. о количестве моления; 3. о почитании родителей; 4. о соблюдении супружества; 5. о обрезании; 6. о помощи умерших; 7. о войне; 8. о милостины; 9. о почитании божниц; 10. о исповедании единаго Бога.

Еже от страны 1 завещания, повеле в завещании своем Махомет, дабы никто не входил в божницу, ниже в дому молитися без омовения, но первое бы омылся по чину и обычаю, от оных его четырех мудрых учеников уставленных, котория той Алкоран в четыре части разделили и те уставы написали.

Аще кто отходит естественныя ради нужды, потом повинен той прежде руки умыти в воде чистой, омочаючи их трижды даже до запястий и подъемлющи вверх, дабы с них капли отпадали. Потом четверицею ополоснувши их, подъяти вверх, дабы по них вода даже до лактей текла. И потом помочити руками мокрыми самыя локти.

И потом паки в пятые в воде омочити руки и мыти одною другою. И потерти ими очи, уста и нос потянуть. И омочить два великие пальцы, пустити воду в уши и мыти их тако извне, тако и внутрь. Потом паки в шестые омочити руки и доткнутися ими колен и всех ножных палцов, такожде и пят. Напоследок в седмые омочивши руки, отирать их между собою, дабы осохли, и потом утиратися полотенцем.

Сие омывание называют они своим языком авдэс. Аще же бы того умывания не учинил кто в дому своем, когда ходил на нужду свою, тогда входящи в mosqueю имать умыти первое часть стыдную тела и по том входит в двери. И того ради в странах восточных, идеже есть вельми знойно, ходят все махометане в ризах с широкими рукавами и в далёя токмо, дабы могли всегда, егда улучится, купати руце по локти, не слагаючи риз.

Такожде и в сапогах широких ходят, дабы подобравши ризы возможнее могли умывати колена своя, и персты у ног, и пяты, яко выше о том речеся. Обаче турки, которые носят ризы суконныя и застегиваются по достоинству, испросиша себе свободы у муфтея, дабы не слагали риз во умытии пред молитвою, но точию егда умываются тако, яко писано, дотыкаются лактей и колен сквозь ризы рукою мокрою.

Аще же бы кто не учинив такового омовения вшел в мосхею, и явится в том обличен, той бывает веден чрез весь град и биен бичами яко преступник перваго правила закона Махометова. Но ныне и то, разсуждением муфтея их, виною сребра наказуют. Аще же кто паки дерзнет то учинити и не умывся по написанному в мосхею молиться внидет, той бывает послан на галеры и свидетельство его, аще по ком свидетельствовати будет, в судех не приятно.

Аще же в третие в том явится, таковой сожжен бывает яко явный еретик и преступник Махометова закона. Аще же кто, таковое преступление учинив, идет посетити гроб Махометов, жалеючи о том грехе своем, и принесет оттуду свидетельство, яко был тамо, таковому не точию тот грех, но и прочия все имут быти отпущени.

И зане, яко сие их омовение конечно им потребно, того ради нигде божниц своих не созидают, идеже бы воды не могли имети. Ибо всегда пред божницею их достоин фонтане с водою быти и сосуду на то устроенному, дабы кийждо по своему требованию прежде входу в мосхею омыться мог. Паче же егда общение имеет з женою, повинен части тайныя омыти и всего себя почасту, и к таковому требованию имеют общия бани или в домех купаются.

Второе завещание Махометово называют гаемас, то есть обычай молитвы, сиев есть. Егда омоется по достоинству, входит в мосхею, а входящи оставляет папуцы пред дверми и бос входит или в капциях. А пришед, дабы со смирением ниско главою до земли ко алтарю поклонился трижды и преклоненною главою пошел на страну на место, идеже хошет стати. И тако падший на колена, паки трижды главою к земли падши поклонился и поцеловал землю [дабы наши катфолики тако пред алтарем чинили, на нем же страшная жертва совершается и сам Бог во пресвятах тайнах есть обществуемый].

Потом дабы встал и стоя совершал своя молитвы, очи имущи на небо возведены. Аще же хошет на коленах стояти, дабы очи имел в землю обращени и главу наклонену. Достойт же коемуждо молиться тихо, дабы не смущал иного.

Точию сам иман или поп их свободен глаголати гласно, прочии же за ним тихо. Аще же имана не имеют, тогда един старейший гласно глаголет, прочии же за ним яко кто хочет, или гласно, или тихо, обаче при имане ни один гласно глаголати может.

Сия молитвы или кийждо сам глаголет, или слушает, точию всяк повинен, егда иман глаголет, за коеюждо частию седмижды на колена пасти и поклоняся главою до земли целовати ю. По том глаголют на честь Махометову молитвы некия и по том прославляют Алкоран свой.

Чрез все же время оных молитв недостойт никому ни с кем глаголати [учение нам христианом, иже божественныя церкви уже вместо корчемниц у себе имеем и не точию глаголем в них еже хотим, но и залогии чиним, и рукобиение устроаем, и различныя сходьбища и советы земския. И того ради Господь нам не благословляет, яко дому его святого не почитаем, и ничтоже добра усоветоваем; аще же что и усоветуем, но к совершению никого привести не можем], ниже помаванием показовати что себе, ниже отнюдь кашляти; аще плюнути, то в платенце, а не на землю, ибо недостойт.

И случается в Константинограде, яко неколико тысяч вкупе бывають в мосхеи Айя София, а толико тамо тихо бывает, яко бы ни един человек был тамо, точию един иман глаголет и ему людие отвещают. К тому еще ни кое животное, ниже пес впущен имать быти в мосхею: тако во время молитв, яко егда и несть никого же, и всегда суть к тому учинены сторожи, иже стрегут, каким случаем пес от улицы не вбежал тамо.

А с собою ни един турчин вводит их тако, яко наше своеволюство деет, яко нарочно повелеваем звонцы на псов полагати, егда в костел идем; такожде и птицы з звонцами повелеваем за собою носити [сие, читателю, у немец и поляков творится, а не у нас, православных]. Сохрани Боже, дабы нас в сицевом случае во время суда Божия язычници не осудили!

Ибо аще и никаких молитв в мосхеи творится, обаче глаголати между собою не смеют, аще два или три во иное время по молитве тамо внидут. Такожде егда и по совершении молитв исходят, аще и тысящами их будет, ни один кашлянет идуци, ниже плюнет, ниже проглаголет что ко иному, но изшедши за двери, тогда тамо друг друга поздравляють или праздником знаменитым с радостию приветствуют.

Божницы их или мосхеи все суть внутри побелены и ни единого образа в себе имеют. К полудню, идеже иман их ставится и молитвы глаголет, есть свод кругловатый над ним, наподобие пределца в сте-

ну впущенный, во образ того пределца, иже в Мехе, где лежит МахOMET их.

По левой руке того пределца есть место высокое, на него же иман их по степенем всходит, егда им Алкоран четет или молитвы глаголет. Паче же в пяток, его же они вместо недели празднуют. Во углу же самом мосхеи есть место степенью выше зделано, идеже ставятся яко бы певцы их, иже глаголющему иману гласом отвещают и прочитают в пяток по несколку глав Алкорана, дондеже молитвы зачнутся.

Аще же ли кто уснет, слушаючи учения, толика у них то срамота, яко такового уже никогда в мосхею не пустят, даже исполнит шествие ко гробу МахOMETову. Изшедши же из мосхеи достоин дати коемуждо милостыню убогим, у божницы сидящим, прежде даже в дом свой внидет. Имать же дати со смирением, ничтоже глаголющи, чесо ради просит здрав сый или чего ради не работает? [Аще бы тако чинили наши кафолицы, много бы нас было в небе!]. Но точию дадут от самыя любви к ближним, иже помощи требуют. Находятся же между просителми таковы, иже многое серебро от милостыни собирают, а просити не престанут.

Женский пол турецкий никогда же в мосхеях бывает, но в домех молится. Не может же в мосхею их внити ни един христианин, ни жид, ниже человек какова инаго закона, точию едини махOMETани. Аще кто восхоцет посмотриети ити, то аще по совету со иманом учинится, и то не во время молитвы. Аще бы кто вшел самоволно, не взяв повеления, такового зжигати повелевают, аще МахOMETския веры того часу не примет.

Повинен кийждо махOMETанин пятерократно молитвы глаголати на день; аще непраздный, то отнюдь в вечеру и рано; аще же который зело непраздный, то хотя единою повинен в полъдня молиться. Аще же который чрез неделю целую не будет в мосхеи, то велми согрешает и в казнь немалую впадает, кроме аще точию случится в таком месте, идеже нет мосхеи. Такжеже повинен единою в месяц поститься. О чесом имеют жестокое запрещение во Алкоране.

Третье завещание МахOMETово — гвалядин биахи, то есть воздаяние чести родителем, их же суть почитати повинни, и аще убоги суть — довольствовати всякими потребы, или аще потурчится, а родителей имеет христиан, повинен их всеми образы снабдевать и довольствовать.

Четвертое завещание названное елимех — о соблюдении супружества, его же достоин им творити в мосхеи. Идеже бы иман был того приходу, и с ведома каздеа или судии града того, и той в книги

своя вписует их. Потом, аще хотят распуститися, то исписывает, обаче волно им жити с собою, аще жена, отшедши от первого мужа, за иным не бяше.

Аще же за иным была, то уже с первым общатися не может. Такожде аще распустяся с первым, не имущи свидетельства судейнаго, поидет за инаго, тая бывает в женской казни. Обаче вси махOMETани имеют волность имети жен, елико их могут препитати, их же множество бывает купленых пленниц. Егда же скоро с ним чревата будет, тогда бывает волна и наследие ея по достоинству разумеется быти. И тогда бывают вписаны в книги у каздеа, жене же вскоре свобода записана бывает.

Пятое завещание — о обрезании, дабы кийждо мужеской пол обрезовался в триехнадесяти летех на написание Исаака сына Авраамова, иже в те лета бяше обрезан, о нем же утвержают, яко от него изыдоша. Аще бы кто необрезанный имел общение з женою МахOMETскаго закона, имать таковый до смерти на галеры послан быти.

Егда же махOMETане сынов своих обрезавают, имут таковый обычай. За неделю того дня начинают пировати с соседми и сродники своими, даже до дня осмаго, в он же сын его обрезан имать быти. Имеючи себе кума даннаго отроча еще не обрезанное.

Шестое завещание — негихелер кайры, еже есть творити добродетели умершым. И прежде молитися за умирающаго, некоторыя части Алкорана читаючи. Потом, егда умрет, омыти его, и ногди обрезать, и облещи в ризы теплыя новыя, и ушити своими руками, или помогати омывати иному, и кадити около его, ноздри бумагою хлопчатую новою заткнувши, руки связывати, лице бумагою же закрывати, и нести ко гробу или провождати, и землю засыпати.

Во гробех же никого не погребают, но просто в земли, во исполнение Святаго писания, глаголюща: «Яко земля еси и в землю отидеши». Богатии обаче кладутся во гробех мрамурных, насыпают снизу земли и наверх тела, смешав с известью. И есть воистинну вещь достойная учитися нам от них таковых добродетелей над умершим творити!

И тако великими полками в мосхею тело провождают и молятся за него. Егда же приходят к божнице, поставляют тела у дверей и поют едину краткую молитву. Потом относят ко гробу, и тамо стоят около их законники, поют и молятся над ним, донеле же его землю засыпают. Сродницы же, елицы шли за гробом, егда засыплют тело землю, вскоре со други своими в дом отходят и оставльши печаль строят обеды.

Ядят же точию на таковых обедах сочевицу и яйца вареные густо. Сей обычай имут взять от жидов древних, ибо тем хотят изображати, яко есть кругло яйцо и сочевица, тако кругл есть и свет сей, на нем же кругом человек, течение свое совершив, отшел зачинати иное житие, яко кокош от яйца рождается и от умершаго зерна сочевицы многия грезны израстают, которыя последи листов и зерен множество приплождают и в своем плодотворении никогда же преставают. Обыкоша еще и милостынни раздавати в дому умершаго чрез три дни, особно же хлеб един, богатыя же мясо неварёное.

Седмое завещание — хеаси лардагуси, то есть дабы кийждо махOMETанин готов был на рати супротив противников закону МахOMETова, и кто за веру их умрет, той имать быти в мученики причтенный. Аще же кто в веру МахOMETову превратит христианина или жида, тому повинен превративый дать пол имения своего в препитание; еще за благополучие себе вменяют, кто таковому отметнику спободится дати дщерь свою замуж.

Аще же кто не имеет дщери, а богат сый, таковой дает со многим имением пленницу свою, дабы благословение приобрел себе в небе. И есть того множество в Константинограде, яко вдовы богатыя идут замуж за неволников своих, повелевши ему махOMETанскую веру прияти.

И дабы могли множае христиан в скверную свою веру приводити, оставили султаны таково повеление, дабы подданныя их МахOMETкой веры не давали дщерей своих за природных турков, но точию за оных, иже от христиан турецкую веру приемлют; разве аще не случится таковаго, то волно комуждо и за турка выдать; аже же бы инако, таковой жестоко наказан бывает. Сие повеление дабы твердейше было, сам Солиман султан сотворил тако, ибо преврати в свою скверную веру единого католика, втораго лютерана, третиаго жида, четвертаго грека, и четыре своя дщери единого дня за них выдав, дав им вена и даяния многа. Но ныне уже престаша тако творити и давати таковым отметником, ибо познаша, яко и кроме того много злочестивых христиан обращается к ним. Точию ныне дадут ризу каковую или лошадь и несколько денег, и еще к тому обед на него уготовят.

Осьмое завещание, названное хадахá — дабы кийждо тшался благодеяние творити различными подобии, то есть немощных посещати, пленных искупати, бедствуемых избавляти, падшим помогати и вся прочая дела милосердия сотворяти, паче же дабы ни один день не минул, в онь же бы каковая милостыня убогому не далася [святыя

суть и христианския обычаи, о которых ныне мы христиане нимало внемлем], паче же рещи к ядению прилежащая. И егда един убогий встретит инаго и глаголющи с ним уведает, яко того дня не взял есть никакия милостыни, тогда сам убогий дает другому, дабы в том завещание Махометово исполнил.

Девятое завещание, названное мессху-трайты — то есть дабы мосхеи или божницы своя в почтении имели и всех в них служащих [дабы тако у нас христиане изволили творити, дом Божий почитати и служителей церковных!], дабы пути к мосхеам пометали, починяли и устроили, дабы гроб Махометов в чести имели, такожде и тех, иже к нему ходили, и дабы всякий сам потщился посетити гроб его хотя единому в животе своем, аще же бы не мог каковых ради трудностей, дабы своим именем нанял инаго на путь той.

И того ради из Константинограда непрестанно идут караваны, то есть собрания людская, к Мехе граду. Ибо мужа богатые истинно тысящами иных за себе до того Махометова гробу посылают. Сия караваны от всего государства Турецкаго в два места во единыя времена сходятся, в Каир и в Дамаск, дабы все могли во един день у гроба быти. Сии убо, иже ис Каира ходят, в месяц приити тамо могут, овии же иже из Дамаска — в два месяца путь свой совершают и того ради первее, нежели из Египта, в путь отходят.

Ходят же тамо караваны и из Персиды, и от короля Фесскаго и Морокскаго, и от прочих царств махометских, но обаче велие на сие иждивение налагает султан турецкий, издаючи странником на путь той на кийждо год более, нежели миллион червонных золотых. И зане тамо пустынями песчаными ити прилучается, идеже нет ниже источников, ниже рек, ниже кладязей каковых — того ради множайшим иждивением повеле в земли тесаным камнем цыстерны по пути соделати, дабы могла в них соблюдатися вода дождевая, з гор текущая, путешественников ради ходящих тамо.

И сия караваны точию дважды годом ис Константинограда исходят, им же султан хотящи в том помощь дати, и еже почитает себе в милосердное дело, наемлет в кождое шествие десять тысяч верблюдов, дабы на них кошницы своя возили, и иже бы не мог ити, дабы и сам сидел на верху бремени верблюжих; еже в четвертый день имать чинити, ибо ехати им не подобает, токмо ити пешим, аще же кто утрудится, дабы в четвертый день на верблюде сидев мало опочинул.

Десятое завещание, названное ахадут — исповедати Божество со смирением, яко един есть точию Бог, яко седьдесят тысяч пророков было на свете и яко между ими Махомет был величайший, по

нем Моисей, на останок Господь наш Иисус Христос. И верити имут, яко Моисей с Господем глаголал, и яко Господь наш Иисус Христос зачатся во чреве девы Марии от Святаго Духа, и Махомет есть истинным посланником Божиим.

К тому еще имут верити, яко кийждо султан турецкий, идущий от рода Отоманова, истинным есть образом Махометовым и наместником его как в мирских делах, так и в духовных управлениях, и того ради повинни суть все Бога за него молити, дабы ему вся устроилась благополучно. Такожде слушати его во всем. И потом имут верити, яко все умирающие на войнах за его достоинство будут мучениками и прямо пойдут на небо.

О странствии ко гробу Махометову

Поведахом, яко кийждо махометанин повинен хотя единою гроб Махометов посетити, аще ли же сам не может, то инаго за себя своим именем отпустить. И того ради zelное множество того поганства отвсюду тамо влечется. Короли же тамошние мнят себе то в великое благодейство быти, еже бы яковым подобием могли оным странником помогати.

И убо султан турецкий, кроме того, еже тем странником дважды на год по десяти тысящ верблюдов нанимает, но еще и пищу на них промышляет чрез вся оныя пустыя места; не тако, дабы им давано туне, но еже бы на всяком стану имели что купити. И того ради султан наймует торжников из Египта и Дамаска, дабы пищу возили и продавали им куюждо вещь тако, яко продают в домех.

И уже султан оным торжником дает подвод довольно, на них же бы оную пищу возили, и за их труды, яко толико далеко путь от домов своих подъемяют, дает им султан многое даяние. А им же достойт со оными странники ехати в караванах даже до самыя Мехи.

Егда же приидут тамо, то чрез седм дней те же торжники дают им пищу за полцены, как в пути купили [ибо тако с ними соглашается султан]. И коемуждо страннику надлежит им дати по единому барану на жертву, его же той убив роздает в милостини место или иным странником, иже из Дамаска приидоша, те же оным, иже приидоша ис Каира.

Амурат Шестый восхоте ведати число бывающих в год един странников оных, их же отпускает всегда в два каравана, идущих в Меху. Тогда сочтено их более шестисот тысящ — еще же в том году

все дорого бяше, такожде и путь небезстрашный войны ради персидския, на ней же тогда сам Амурат особою своею был.

Обычаи же, их же тамо странъ ники творят, сии суть. Прежде посещают дом той, в нем же стоит гроб Махометов, в нем же точию едино сребро Махометово; поведают убо турки, яко той есть самый дом, в нем же Авраам праотец вознести хотел на жертву Богу сына своего, но обаче не Исаака, яко наша христианская учит Библиа, но глаголют Исмаила, его же роди от рабы своея, названья Агарь.

И тако поведают, егда Махомет родился в том граде Мехе и начал первее закон свой расширяти во отечествии своем, тогда ангели принесоша дом той из Иеросалима и поставиша на оном месте. Странницы же, посещающе дом той, едиными дверцы в него входят, а другими вон исходят, глаголющи едину краткую свою молитву, юже часто употребляют и называют ю фафехá. И тако ходят тамо три дни, по трижды на кийждо день в дом той приходящи.

Глаголют же на кийждо день молитву великую в полудне, юже глаголют на куюждо пятницу в великой мосхеи, которая случается с малою мосхеею, Махомету посвященною. Суть в той мосхеи четыре места, на них же достоин им глаголати молитвы, по оным четверем частям закона Махомета, о нем же в мимошедшей главе писал есмь. Кийждо же тогда вшедши в божицу отходит на то место, которыя части хочет глаголати молитву.

И тако на оных местех исполнив молитвы, помышляют о том, дабы могли сообщатися женам стран оных, разумеючи то себе быти дело святое, дабы тамо после себе могли плод оставити. Такожде кто приехал тамо з женою своею, и случится ей очреватети тамо, то разумеют себе быти за великое благословение.

И тако оныя три дни препроводив, отходят во град реченный Мединеф оЭ; лю Аби, то есть во град Махомета пророка, идеже лежит тело его заделано во едином пределце круглом, в него же нет ни дверей, ни окон, точию едина стена каменная толстая, внутрь досками железными обита, и вкопано, яко поведают, в глубину на сто локтей, дабы его персяне не украли, иже уже неколико крат под стену ону подкопывалися, и того ради ныне имеют тамо турки во дни и в нощи великую стражу.

Тот пределец обшед и молитву изглаголав, идут за град на уреченное поле и тамо заклают оныя бараны, о них же выше писахом, кийждо единаго приносящи на жертву Богу. Мясо же раздают убогим или таковым же странником.

Во утрие же за три часа до света садятся на коней или верблюдов и отъезжают на некоторую гору, дабы доспели на светании тамо. Аще кто коня не имеет, той за бедра иному садится [ибо той, кто возмет кого к себе, то мнит быти себе за великое отпущение, яко дело святое учинил есть и привезл клеветета своего слушать учения, ибо пешим тамо ходити недостойно], дабы обычай тамошний исполнил, яко на коне приехал, а не пеш пришел есть.

На той же убо горе суть четыре пулпиты, подале едина от друга, на коемждо их стоит иман их, который велегласно четет молитвы. Оныя же странники сидящи на конех гласно стихами им по своему обычаю отвещают.

И творится молитва оная часа яко четыре. Глаголют же еще они, яко на той горе первых наших праотцев Адама и Еву изгнав из рая поставил есть Бог, и яко тамо они покаяние за грех свой приносили и отпущение испросили. И того ради веруют, яко такожде и им грехи отпущени имут быти, яко и они молятся на том же месте.

Того ради постятся в день той, ничтоже даже до вечера ядуши. Егда в станы своя возвратятся, ядят мяса, ибо турки рыб не ядят, разве не имать чего инаго, то от нужды имать ясти.

Егда же оныя караваны в путь отходят, тогда посылает султан окрест их немалую сторожу, несколько тысящ, дабы не прилучилося им зло какое от разбойников арапов. Полковник есть над воинством всем, над всем караваном, иже идет из Каира, второй над другими, иже идут из Дамаска.

Идут же сии странники с великим сокрушением, непрестанно глаголющи своя молитвы [мы не тако, егда по обещанию идем молиться], или поют изменяющися, яко есть им обычай. Старейшина жа над караваном блюдет того, дабы странники в пути не заблуждали и шли коея кто страны вкупе. Такожде и того стрегут, дабы наемники их верблюдов своих от них не хоронили и не обидели странников оных. И тако в пути том и на месте отправив молитвы своя, возвращаются восвоися.

О торжествовании нарочитых праздников Махометских

Два праздника нарочитых торжествуют турки, от них же первый называется орвэ-баира́н, то есть велик день с постом, второй — меба́х-баира́н — велик день с жертвами, дабы в то время кийждо убожайший заклал на жертву животное яковое, барана или иное, и роздал мясо иным убогим. Богатии же убивают животных елико изволяют.

Сия оба праздника пребывают чрез три дни кийждо. Первый бывает в августе месяце, в то время, егда жнивы у нас бывают. Второй же по том в семьдесят дней. И потом есть праздник, его же полупраздником называют, или день милостыни за умерших.

Сей праздник болши почитают махометане в Сирии, и Месопотамии, и во Египте, нежели в Константинограде. Ибо во оных странах на той день обыкоша купцы в торговлях считатися, и аще приобретено что в год явится, от того десятую часть дают милостыни за умерших.

И прежде даже не зачнут поститься к орве-баирану, тогда первое поста целую неделю тако чинят: кийждо паша, иже в то время в Константинограде будет, выезжает з двором своим в поле знаменитое, в место зело утешное над рекою Хефтарою, идеже кийждо повелевает шатры своя поставляти. И тамо утешаются уристании конскими, и копиями, и дзидами, такожде и на ловитвы ездят, ибо тамо многое множество зверей различных.

И тако между собою пируют. Такожде обыкоша чинити и в день святого Георгия, его же своим языком называют Хедырелелес. Ибо съезжаются великим собранием на то же поле и вси показываются в делех военных, кто чему научен есть: или из лука, или ис пищали в цель стрелять, или в перстень скачуци стрелять, и джидою в место назначенное убивать. Идеже и паши все выезжают, аще же который приити не возможет, той двора своего слуг, яко наилучших убррав, присылает.

Ибо между тремя святыми, их же истинно святыми исповедают, полагают и святого Георгия. Полагают же первое святого Николая Мирликийскаго, по том преподобнаго Антония, и по том святого Георгия. К ним же трием и молитвы счинены имеют, и праздники строят, честь им приносяще. Аще иных наших святых в разных странах во святых имеют, и почитание творят, и праздники торжествуют. Сам же султан не празднует, точию дву баиранов.

Егда первый баиран празднуют, тогда постятся целый месяц, на кийждо день ни ядуше, ни пиюше, точию в вечер, егда уже звезды на небе узрят. И вставают за три часа до света, и ходят в мосхеи на молитвы, идеже премедлят даже до часа дни. И таки во второе ходят в полудне и молятся два часа. Третицею в вечер, и молятся полчаса точию, и тогда звезду узрев идут мяса ясти. Ибо, яко прежде написал есмь, турки и прочия махометани рыб не ядят.

По ядении же паки во втором часу ходят в мосхеи и молятся час един. И возвратятся в дом ядят паки, и потом спят. И прежде часа или

двух до света востав ядят в третие, елицы хотят, но уже не мяса, но сласти и овощи всякие.

Чрез весь же той месяц все мосхеи свободныя стоят отворены, имеючи внутрь множество лампад возженных, аще и на башнях преисполнено будет лампад возженных, чрез всю ночь горящих, стройно украшенных и удивляющих зрения человеческая.

В остатную же неделю поста того по целой ноши сидят в мосхеах [а мы, христиане, в праздник ко утрени востати не хошем, не точию по вся дни], молящися с сокрушением и великим вниманием закона своего. Паче же в конечныя три ноши, идеже и сам султан незнаемо приходит и обходит многия божницы з живущими окрест его, облекшися, дабы никто мог его познати, и тако слушает учения и дает милостыни за умерших сродников своих.

Егда же приидет день самый великия ноши, тогда достоит всем людем прежде света в мосхеах быти на молитву, кийждо в приходе своем. Началники же убо оных мосхей начнут пети, такожде иногда и народ весь за ними. И потом при скончании имать иман их глаголати едину долгую молитву, а народ тогда весь стоит молчащи, молящися за султана и за всех махометцкую веру держащих.

Народ же весь тогда воскликнет великим гласом: «Аминь, аминь!» И паки имать чести вторую молитву, молящи Бога, дабы погубил всех, иже не хотят веры Махометовы прияты, и паки все отвещают аминь.

Обаче в мосхеи святая Софии, идеже сам султан бывает, множае чинов совершается. Прежде вышеупомянутую молитву имать чести иман старейший тоя мосхеи, последи его имать чести муфтей, иже есть величайшей прилагатай над всеми мнимыми духовными поганскими. И оба имут благославляти султана.

При скончании же по них весь народ великим гласом благословляет султана. Султану же чрез все оное время на коленях стоящу и молящуся, дабы молитвы оных, творящихся за него, прияты были в небе, нарицающе себе недостойным быти того милосердия Божия, яко на такомом высокоом престоле посадити его изволил. Сие же глаголет толико гласно, дабы слышали все, около его стоящия.

Сие паче Солиман и Амурат обыкоша чинити с великими слезами, умиления ради.

Скончавши же то богомолие, отходят в дома своя, приветствующи праздника того всем приятелем своим, един другому с радостию веселящися. Султан же, возвратяся в сарай, садится на престоле своем во единой полате, названной султанской. К нему же вси паши и

начальники двора его приступают по единому старейшему, покланяющихся на колена со смирением и целующи подол ризы его, ничтоже глаголющи.

Он же коемуждо касается верх главы его. И потом подъемлет главу его, но ни ко единому прикасающихся, точию чин совершающих и показующи милость свою. И потом кийждо насторону уступает, дабы второму наступающему дал место. И бывает оных чиновников человек яко сто или множае.

По том востав султан идет в жилища своя, идеже входят к нему прежде муфтей, против его же востает и идет от престола своего локтя три, целуещи руку его. Он же возлагает руки на главу его, глаголющи ему сицевое благословение: «Махомет да благословит тя, возвещаю!» И тогда султан подает ему мешечик с тремя тысящи червонных. Егда изыдет из жилищ его, казначей дает ему две ризы золотые драгоценныя реченныя бурсиа, уже учиненныя по его мере повелением султанским.

Потом входит к султану учитель его, реченный одзиа, против его же султан встанет. Той же якобы хотяще целовати руку его султанову, но отъмлет у него султан, точию дает коснуться ему оныя, и тогда дает ему султан мешечик червонных золотых в полы менши того, иже отдаде муфтею.

И по том султан отходит в полаты женския, приветствующи им знаменитым праздником, точию же тем, иже уже суть султáнями. Сии все собираются во едину палату и ожидают его. Егда же внидет, вси ниско покланяются ему, приветствующи знаменитым праздником. Той же ни единой отвещает, точию им лице весело усмехающихся показывает; и потом, обратяся ко единому арапу, иже несет за ним вещи драгия на мисе серебряной, все одинако устроени, и сам раздает им по единой и по мешечку золотых червонных, дабы потом своим служащим роздали.

Сие же обыче творити в оба праздника баирана.

Сие еще видети мнится нетрудно, яко имут сей их обычай турки в Константинограде: егда прилучится бездождие велико и поля дождя требуют, дабы не было драгости и гладу, исходят вси на едину гору, яже есть в поле за Галатою, идеже един первейший учитель закона Махометова повелением султанским имать чинити учение часа три не престающи, и за коеюждо четвертью чинит учение людем, дабы исправлялися, и грешити престали, и плакали неправд своих, творяще обеты ити на войну против гауров [то есть христиан, их же безверниками зовут].

И тогда у места устроенного, на нем же чет, падет на колени, и народу повелит то ж творити, и молиться с сокрушением, и вопити ко господу Богу велиим гласом, просящи отпущения грехов, дабы умилостивился над ними и послал дождя с неба. Последи же учения стоящи чет великую молитву за султана, дабы благословил его Бог. И последи рекши «аминь», расходятся, посещающе божницы своя.

Такожде обыкоша чинити и во время смертоносныя язвы. Аще во иных местех глупое поганство и сие творят: егда случится поветрие, ищут псов, елико могущи обрести их, и побивают их, такожде кийждо купец [но сего не творят в Константинограде, но во иных градах] и повинен пред лавкою своею пса убитого повесить.

Сие же времяем и богатыя творят и пред дверми своими вешают псов, дабы Бог доволствовался душею пса онаго и на него обратил гнев свой, а их соблюл здраво. Ибо поведают, яко Бог требовал толико много душ, но те дабы не от единых турков были, примешивают, елико могут, и песьих душ, точию дабы число намеренное Богу исполнить.

Сие еще ведати потребно, яко котов не убивают, но и в чести имеют, глаголющи, яко Махомет любил их и блюл, немало утешающихся с ними. Того ради во время поветрия псов побивают, котов же елико доволнее кормят. И в неких градах во Аравии, в Дамаску, в Еросалиме, во Египте [старых еще египтян следов, иже котов за боги хвалили между иных своих богов, яко во историях чтем] великия клетки полны котов блюдут, оставляючи на сие по смерти своей доходу немало, яко на дело милостивое, дабы за них котов кормили, и тех, иже их дозировали.

И во время Селима Второго бьяше велие смятение между общим народом, еже сам султан изволил разсудати, яко они, иже з доходов знаменитых котовню дозировали, не хотели приимати милостыни от общаго народу на то обещанной. И тогда султан учинил такое повеление, дабы в пятки и в два праздника баиранов приимали милостыни от общаго народа на кормление котов. Во иные же дни дабы кормили их от доходов султанских и пашей его учиненных.

В Константинограде несть истинно таких учиненных домов котов ради, обаче ин имеют обычай показовати милосердие свое ко оным животным или паче соблюдати забобоны своя поганския. Сие же есть на многие местех града, паче же на торгу у мосхеи Султан Баозит обретается немало таковых людей, иже пекут на уголье кишки различных животных на древцах, идеже турки, расходящися от молитвы, купят оныя кишки в пол печени я и дают котом на оном же месте, их же тамо великое множество всегда збирается.

Таким же обычаем и псов кормят, егда несть поветриа, мнящи то быти дело милосердия и милостыню великую. Обыкоша еще купити и птицы, их же продают в клетках, и на волю пускают, мнящи яко тем подобятся Махомету, яже связанных на свободу отпускают, иже бы вольно бяху летати по воздуху [дабы тако наших пленников хотели волно пускати, от татар искупующи, их же тамо из Руси тысящами отводят].

Еще и то дело милосердия мнят быти, егда еще видят извощика, тяготяща своему животному бремя и биюща его, тогда такового или в тюрьму сажают, или самому ему оно бремя вести повелевают, дабы по тому могл рассуждати и животному. Аще бы таковой немилосердый человек над животным своим, на нем же работает, пред судиею приведен был, тогда повелевает такового сковати, и кату ноздри ему распороти, и из града привязав за обе ноги к хвосту конскому извлещи, а кат биет его батогом, созади идущи.

Егда же аще прилучится в Константинограде запалению быти, и коего часу дадут о том ведати, янчарад, иже есть первый капитан над янчары, то повинен той со всеми своими того часу бежати угашати пожар той. Но тии вместо гашения вся имения людей убогих пограбят и множайшую тщету, нежели огонь, учиняют.

Во время Амурата Четвертаго прилучилося, яко в три часа едва не весь погоре Константиньград, паче же с величайшими зданием, ибо жестокий ветр востал бяше, и егда бы сам султан не послал угашати дворовых своих [которые с десять тысяч топоров имеют, и обсекоша вся здания около, яко не возможе огонь итти пожаром], то бы досталося и сараю султанскому.

И того ради, жалеючи султан тщеты общаго народа, повеле все врата в сарай свой отворити, дабы свободно было внити всякому хотящему, и тамо давашеся им ядение по три дни, и коемуждо своею рукою давал по червонному золотому.

По трех же днех объезжаючи погорелище, вопрошаше купцов, яко много ли в том тщеты им учинилося? Тии же поведаша ему, яко множае, нежели четыре милиона червонных золотых. И печаловашеся о том зельно, и повеле всем хотящим здания чинити в лесах своих заповедных леса сеши ко строению три лета, кроме всякаго даяния пошшины.

Такожде повеле и купцом плаваная творити без пошлин три лета, и дабы ни единого погорелаго повлачили на суд чрез три лета ни в каких долгах его. К тому еще множество кирпичю роздаде, по неколику тысяч на господина роздаючи. И чрез целый месяц свободно

бьяше, всякому ходити в сарай милостыни ради к султану, ея же без желения на кийждо день неизреченное множество роздаваше.

Такожде повеле, дабы все суды по морю ходящия служили требованию общаго народа, всякия вещи к созданию возящи морем, и людей чрез Галату без найму превозити. И та ковым его искусным и милосердым призрением в три лета весь град построился изряднейши, нежели прежде было.

От сего всего кийждо может познати богатство, можность и силу онаго мучителя, его же себе нелегко ставящи, господа Бога молити достоин, дабы стерши вознесенную его гордыню, благоволил дати свободу народом христианским, под жестоким яремом его озлобляемым.

Славному же нашему славенскому народу, иже близ его обитаем, изволил дати мудрость, мужество и единоволное согласие со всеми христианы, елико изряднейше с ним за славу и честь креста своего святаго поступати и одержати при благословении его благосчастныя победы: еже буди, буди!

Преложено от славенополскаго языка во славенороссийский язык Андреем Лызловым.

Лета Мироздания 7195-го месяца ноемвриа.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1

- Глава 1.* О названии Скифии, и границах ея, и народех скифийских монгаилах или мунгалах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и чесо ради татаре прозвашася, и киих татар суть сии татарове, иже в Европу приидоша 7
- Глава 2.* Коих времен и яковаго ради случая татарове от отеческих своих мест подъемшиися в Европу приидоша, и о брани их с половцы и россианы, и о разорении градов половецких от татар 12
- Глава 3.* Яковья народы во оных странах быша, отнюду же их татарове изгнавши сами теми странами обладаша 16

ЧАСТЬ 2

- Глава 1.* О Батые царе татарском, и о пленении от него на Московское царство и прочих государств, и о исчезновении его, и о начале и умножении Болшия или Золотья орды 20
- Глава 2.* О царех, бывших в Великой орде по Батые, и о Темир-Аксаке . . . 27
- Глава 3.* О царех, бывших по Темир-Аксаке во орде, и о опустошении ея от московских великих государей 35

ЧАСТЬ 3

- Глава 1.* О начале и населении града Казани и потом о разорении его от московских великих государей 45
- Глава 2.* О обновлении Казани от царя Улумахмета, и о прочих царех по нем бывших в Казани, и о многократном покорении и отступлении казанцев от Московскаго государства 47
- Глава 3.* О покорении Казани к Московскому государству, и о двократном послании в Казань царя Шигаляя, и о многих бранех за Казань . . . 54
- Глава 4.* О походе под Казань царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа России самодержца, и о поставлении града Свяжска, и о мученицех и чудесных делех, бывших прежде взятия в Казани 60

- Глава 5.* О походе царя и великаго князя Иоанна Васильевича под Казань, и о совершенном взятии ея, и о покорении всего того царства 67
- Глава 6.* О взятии царства Астараханскаго и о приходе под Астарахань турецкаго воинства 103

ЧАСТЬ 4

- Глава 1.* О Таврике Херсонской, идеже ныне Крымская орда за Перекопом обретается, и о градах обретающихся тамо, и о пришествии тамо татар 109
- Глава 2.* О вере и обычаях татарских во время войны и во время покоя . 112
- Глава 3.* О начале ханов крымских, и како под область турецкаго султана приидоша, и о крепостях, учиненных на реках, текущих в Понтийское море 119
- Глава 4.* О Махомете прелестнике агарянском и о прелести, вымышленной от него 147
- Глава 5.* О начале и селениях турецкаго народа, и о разпространении их, и о султанах их некоторых, бывших до Отомана Перваго султана, прародителя султанов турецких 160
- Глава 6.* О Отомане Первом султани турецком, и о прочих наследниках его, и о пришествии турков из Азии в Европу, и о обладании от них многих христианских государств, паче же Константинополя и всего греческаго царства 167
- Глава 7.* О пространстве обладательства турецкаго, и о богатствах, и о доходах государственных, и о суде, и воинской можности государства того 247
- Глава 8.* Описание Константинополя и в нем обретающихся зданий, и о житии в нем, и о всяком поведении султанов турецких, яже называется Двор турецкий. Преложена от полскаго языка в российский . . . 261

Книги историй, от них же сия История сочинися и написася: Степенная, Хронограф, Синописис, Летописец, История, жития святых. Бороний, Плиниус, Курций Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрийковский, Бельской, Гвагнин, Ботер.